

КИРИЛЛ КАРАТАЕВ

ДОРОГА
К ОЗЕРУ
КОЦИТ

Он последний Хозяин Пути на перекрёстках Ада. Он последний хранитель великого знания, тайного умения управлять нестройными дорогами живых существ.

Он пройдёт одной безумной и жестокой дорогой, рядом со своим заклятым врагом. Пройдёт не ради золота, жизни и бьющегося в судорогах мира. Пройдёт лишь ради мечты. Мечты, которая достойна любых жертв. Мечты, которая должна стать его последней дорогой.

Дорога к озеру Коцит
Кирилл Каратаев

Глава 1. Мастер дорог. Часть 1

— Красивые туфли, — признаться, я, ни огня, не понимал в обуви, но глубокое декольте, полные карминовые губы и лукаво выглядывающие из-под гривы, чёрных как бездна волос изящные рожки позволяли сделать любой комплимент. Княгиня Ашзар, как всегда, была великолепна. И, как всегда, равнодушна к комплиментам.

— Ты опоздал, мастер, — бросила она, даже не повернув головы в мою сторону. — Я не люблю ждать.

— Прости, княгиня. Дороги сегодня были немного капризны, — я позволил себе лёгкую улыбку.

— Ну, о дорогах с тобой не поспоришь, Кэй, — Ашзар отозвалась на шутку. — Как тебе бал?

— Достоин Трёхрогого, — я разрешил себе несколько мгновений искренности.

Дьяволица довольно улыбнулась. Я знал, что именно она являлась главным организатором бала, который ежегодно давал Великий князь Нар-Дагор — Верховный Магистр Ордена Предвечного Пламени, Второй среди равных в Правящем круге Ада, герою четвёртой и пятой Войн Основ. У Великого князя в отличие от подавляющего большинства обитателей моей родины на голове было не два рога, а три (третий рог плавной кривой тянулся от затылка к макушке). В связи с этой анатомической особенностью за спиной князя звали просто Трёхрогий.

Я ни сколько не иронизировал в своей оценке увиденного. Бал был действительно великолепен. Поскольку Нар-Дагор никогда не отличался скупостью, а Ашзар отсутствием вкуса, придаться было решительно не к чему. На антрацитово-алом полу кружил в танце весь цвет Ада. Попасть сюда считалось честью. Бал любили за пышность, изысканный стол, отсутствие глупых правил и, конечно, за дуэли. Дуэли являлись главным украшением приёма. В молодости Великий князь был известным бретёром, дрался всегда и за всё, и теперь открыто поощрял эту забаву. Часто дуэли происходили в самом центре огромного зала с соблюдением минимума условий, нередко с фатальным исходом. Но, из года в год поединков не становилось меньше. Вот и сейчас, недалеко от нас два молодых дьявола яростно фехтовали на элегантных, скорее всего, фамильных шпагах. Им ещё явно не хватало опыта, (от меня не ускользнуло несколько возможностей удачно закончить бой, причём у обеих сторон), но они, не без успеха, старались возместить данный недостаток изрядным количеством энтузиазма, с коим атаковали друг друга. Впрочем, энтузиазм был легко объясним, не столько, наверняка, немалым количеством выпитого вина и якобы оскорблённой честью, сколько тем фактом, что на дуэль не без интереса взирал сам хозяин вечера. Наконец, один из них, с рубиновой серьгой в ухе, в красивом повороте ушёл от направленного в него укола и рубанул сверху вниз по открывшемуся плечу противника. На пол брызнула кровь, знаменуя окончание боя. Дуэли на балах Нар-Дагора длились до первой крови, правда, для некоторых, как я уже отмечал, она становилась и последней. Раненого увели, победитель с улыбкой начал принимать заслуженные поздравления, а я вновь посмотрел на мою недавнюю собеседницу.

— Так чем обязан, Ашзар? — я вопросительно взглянул на княгиню.

Дьяволица невесело усмехнулась. Её взгляд из надменно-уверенного превратился в требовательно-осторожный. Тонкие пальцы чуть нервно отбили короткий ритм.

— Нам нужен Мастер Дорог, — она будто нырнула в бездну.

Я помолчал. Сейчас молчание было для меня ближе даже самых прекрасных слов. Ашзар понадобилось около минуты, чтобы понять это и не требовать от меня немедленного ответа.

— Пойдём, поговорим, Кэй. Здесь слишком шумно для этой беседы, — княгиня бескомпромиссно двинулась к широкой лестнице с позолоченными перилами, не оставляя мне этим решительным жестом какого-либо достойного выбора.

Чуть помедлив и едва не оступившись, я хмуро последовал за манящими очертаниями Ашзар. Но в этот момент мне было, увы, не до них. В голове роковым набатом звучала её тихая фраза — «Нам нужен Мастер Дорог». Долгие годы прошли с той поры, когда я последний раз слышал эти слова. Слова, которые уничтожили Орден Дорог. Слова, которые возможно спасли весь Ад.

Орден Дорог был одним из древнейших в землях Ада. Возможно даже самым древним, хотя с этим, конечно, никогда не согласятся ни Орден Предвечного Пламени, ни Орден Войны, также небезосновательно претендующие на первородство. Наш Орден, в отличие от многих, никогда не стремился ни к власти, ни к богатству, ни к излишней славе, хотя без тени смущения могу сказать, что мы могли бы легко достичь, в том числе и этого. Целью Ордена было познание Пути и обретение власти над ним. Пути, как физического, — мастера Ордена знали, как добраться до любого уголка Ада, так и пути мистического, духовного, пути невидимого для большинства. Лучшие из нас могли создавать, трансформировать, направлять, а бывало, и обрывать невидимые для остальных Пути Ада. Пути дорог, дьяволов, стихии.

Орден старался ни с кем не враждовать, а после того как давным-давно, ещё до второй Войны Основ один молодой, наглый, хотя и весьма влиятельный князь посмел, открыто оскорбить Магистра, назвав его Вождём бродяг, а на следующий день бесследно исчез вместе с сотней своих лучших воинов, с нами тоже никто старался не ссориться.

В связи с относительно бесконфликтной политикой Ордена первые три Войны Основ мы благополучно пропустили. Хотя свою роль, безусловно, сыграл и тот факт, что Ад выступая в качестве агрессора, вёл бои в основном на территории Рая, где наши интересы не были затронуты даже в самой малой мере.

После третьей войны началось довольно продолжительное затишье, длившееся несколько веков, но в одно проклятое утро у границ Ада показались армии небес.

На этот раз Рай ударил первым, и надо отметить, что момент они выбрали идеальный. Два сильнейших Ордена Ада — Орден Войны и Орден Предвечного Пламени были фактически уполовинены из-за недавней междоусобицы. Небо действовало быстро и жёстко. Пока Великие князья Правящего круга в спешке собирали войска, крылатые успели войти вглубь наших территорий едва ли не на четверть. Замки-крепости дворянства и мелких Орден, встречавшиеся на пути, не могли помешать уверенному маршу армии Небесных лордов.

Спустя несколько дней после начала вторжения, тяжёлый стук вывел из задумчивости ворота нашего замка. Правящий круг прислал гонца и не кого-нибудь, а правую руку Верховного Магистра Ордена Войны, князя Азар-Тора.

— Нам нужен Мастер Дорог, — сказал он ритуальную фразу, которая требовалась для заказа услуг Ордена (изредка оказываемые нами в целях пополнения своей казны). — А

лучше весь Орден, — добавил он, глядя в глаза старому Арз-Шагару, Магистру Ордена.

— Цель? — голос Арз-Шагара не дрогнул, хотя он понимал, в чём должна состоять просьба Правящего круга, и ещё лучше понимал, чем это может обернуться для Ордена.

— От имени Правящего круга прошу помощи у Ордена Дорог в войне с армиями Рая, — Азар-Тор по слухам был настоящим патриотом и необходимый для соблюдения этикета неспешный вежливый тон давался ему с видимым трудом. — Их слишком много и они слишком быстро идут. Крылатых надо задержать хотя бы на неделю, тогда мы успеем собрать войска и отстоять свои земли. Вы должны, вы просто обязаны помочь! — князь уже открыто требовал заказа, но его можно было понять.

— Плата? — Арз-Шагар был невозмутим.

— Жизнь Ада, — ответ посланца круга был предельно точен, прост и, вероятно, чуть более резок, чем привык Магистр. — А также любая другая по вашему выбору.

— Жди нашего ответа, просящий, — смутить Арз-Шагара было не проще, чем остановить проклятых ангелов.

С ритуалом было покончено. Князь удалился за ворота ожидать решения, от которого, по его словам (да и вероятно на деле), зависело само существование Ада, а те, кто был в праве участвовать в принятии такого решения, поднялись на одну из стен замка, с которой открывался великолепный вид на Ардарит — Багровое озеро. В нём водилась удивительная плачущая рыба, совершенно отвратительная на вкус, в связи с чем расплодившаяся до огромных количеств. Кроме отвратительного вкуса рыба эта была знаменита ещё тем, что в сезон метания икры, благодаря нескольким отверстиям на спине, могла издавать звуки, точь-в-точь похожие на тихий плач юной и, как всегда хотелось думать, прекрасной дьяволицы. И как раз в тот момент до нас доносилась чуть слышная, печальная, но и в чём-то невыразимо прекрасная аритмичная мелодия.

Старый Магистр долго стоял у самого края стены, в молчании слушая слёзы, приносимые ветром с вод Багрового озера.

Чуть позади него так же молчаливо и задумчиво стояли те, кто заслужил право советовать Верховному Магистру. Те, кто смог достичь высшего титула в иерархии Ордена — титула Хозяина Пути.

Я был среди них, — самый молодой Хозяин Пути за всю историю нашего братства. Нет, я не боялся войны с крылатыми, но грусть врывается в моё сердце с каждой новой руладой этих проклятых рыб. Уже тогда я понимал, что вскоре не увижу многих из тех, кто был мне дорог, а может и мне уже не придётся искать новые пути в этих пламенных землях.

— А что, братья, — голос Арз-Шагара был до краёв наполнен печальной иронией, — мы ведь ещё не разу не бродили дорогами Неба? Как знать, быть может, это будет интересно?

Старый мастер повернулся к нам, на губах его играла легкая, грустная улыбка. Тихо засмеялся рядом со мной Дагар-Дэй — правая рука Арз-Шагара, раскатисто захохотал весельчак Урзан-Гар. Я почувствовал, как и мои губы невольно растягиваются в улыбке. Скоро смеялись все, Магистр всегда умел, верно подобрать тяжёлые слова. Наш смех сливался с плачем рыб, почти заглушая его. И всё же безутешные трели, предрекающе прорывались к нашим сердцам. Смех сквозь слёзы — улыбка сама собой сползала с моего лица.

— Мы принимаем твой заказ, посланник, и говорим тебе, что в течение семи дней

ангелы не пройдут дальше Пурпурных холмов, семь дней Орден не пропустит ни одного крылатого за указанную границу. И гарантией этого я даю тебе слово Хозяина Пути, — голос Арз-Шагара был твёрд и равнодушен.

Ворота закрылись перед суровым лицом Азар-Тора. Выбор был сделан, назад дорог не было, слово Хозяина Пути нерушимо, и это знали все. Орден вступил в войну.

Я стоял и смотрел на неспешно приближающийся отряд разведчиков нашего врага. Три десятка ангелов на ослепительно белых единорогах. Первый раз я видел наших крылатых соседей вживую. Впрочем, хороших живописцев в Аду хватало, поэтому ничего нового для себя я не открыл. Тем более с такого расстояния. А расстояние было ещё вполне достаточным для того, чтобы они не могли заметить Мастера Дорог, который не желает быть замеченным.

Это был уже третий отряд небесного войска, который подходил к охраняемым нами границам. Уже упомянутые Пурпурные холмы занимали обширную территорию и переходили в горный хребет на севере и чехарду болот и мелких озёр на юге. В связи с этим, по здравым размышлениям и, что более важно, по донесениям разведки Великих князей, Рай должен был идти именно здесь.

На войну вышли абсолютно все члены Ордена, даже подмастерья и ученики. К сожалению, нам требовались все возможные силы. Орден Дорог никогда не обладал большой численностью и сейчас, рассевшись по всей длине холмов, стояло около тысячи дьяволов нашего братства. Тысяча против десятков тысяч, идущих на нас. Холмы были условно поделены на девять секторов, и в центре каждого из них находился Хозяин Пути. В центре стоял старый Арз-Шагар, а мне, как самому молодому, досталось место на северном краю, где ожидался наименьший натиск крылатых.

Между тем ангелы приближались всё ближе. Что ж, видит пламя, пришла и моя очередь воевать.

Я сосредоточился, перед глазами оранжево-алыми линиями вспыхнули Пути тысячи дорог, научиться находить и воздействовать на которые и составляло суть учения нашего Братства.

Кто-то считал нас магами, но это было не совсем верно, скорее мы были математиками-телекинетиками. У всех видимых нами Путей были чёткие параметры, которые требовалось определять на ходу, к тому же Пути, как правило, были динамичны, в связи, с чем приходилось оперативно подстраиваться под траекторию их, не всегда предсказуемого движения. Свои первые годы в Ордене молодые ученики усиленно изучали геометрию, тригонометрию и алгебру.

Среди сонма мелькающих линий, резко выделялись тридцать светло-голубых Путей. Путей разведки легионов неба. Я вздохнул — начали.

Толщина или, если хотите, сила линии, олицетворяющей Путь, во многом зависела от воли того, кому она принадлежит. Чем толще Путь, тем сложнее с ним работать, сложнее влиять на его движение. В этом плане было гораздо проще работать с Путями животных, чья воля, слава огню, гораздо слабее воли дьяволов и ангелов. Рядом со светло-голубыми линиями ангелов, тянулись молочно-белые нити Путей единорогов, которые были не в пример тоньше. С ними я и решил поиграть.

Пути единорогов синхронно устремились вниз, одновременно переплетаясь между собой. Мгновение спустя я услышал дикое ржание и проклятья на протяжном языке,

изобилующем гласными. Острые рога и тяжёлые копыта единорогов доставили своим наездникам много неприятностей, в том числе, и фатальных.

Суть успешного воздействия на объекты через их Пути заключалась во многом в том, чтобы результат был мгновенный, так как оппонент вполне осознаёт, что подвергается внешнему воздействию (не часто, правда, понимая, в чем оно заключается) и, как правило, быстро восстанавливает свой Путь в удобном для него виде.

Несколько, увы, не пострадавших в результате падения ангелов, попытались резко взмыть в воздух. Ангелы не умеют летать, но крылья позволяли им совершать прыжки и на краткое время находиться в состоянии парения на не слишком большой высоте. Часто это помогало обитателям Рая, но сегодня это дало мне ещё один не лишний ход. Где-то в середине прыжка они достигали максимального ускорения. В этот момент я резко направил векторы их Путей перпендикулярно земле. Разведчики рухнули вниз, причём один из них упал прямо на свой ухмыльнувшийся меч. В ту же секунду его Путь начал стремительно истончаться, жить ему оставалось чуть больше секунды. А потом я сделал то, что умели только Хозяева Пути и лучшие из мастеров Ордена. В тот самый миг, который отделял Путь невезучего ангела от полного исчезновения, что автоматически влекло за собой смерть его обладателя, в этот прощальный миг я замкнул на гаснущем, как уголёк под дождём Пути, дороги всех оставшихся в живых воинов неба, а заодно и стенающих единорогов. Я напряг все свои силы, держать их так даже доли секунды было крайне тяжело. Однако, мои старания не пропали даром. Умиравший Путь, став центральным, мгновенно распространил свои гибнущие параметры на своих соседей. Вследствие чего, все присоединённые мной Пути прекратили своё существование одновременно с уже обречённым.

Я позволил себе расслабиться, — дело было сделано, разведка неба погибла. Погибла вся, кроме одного ангела. Его я решил не убивать специально. Я не спеша, направился к последнему оставшемуся в живых крылатому. Я очень хотел посмотреть в глаза своего врага.

И надо отметить, глаза эти пылали истребляющим гневом. Они явно жаждали теперь уже моей смерти. Этот ангел почти не пострадал в нашем маленьком сражении. При моём приближении, в руках его блеснул длинный, тонкий меч, крылья резко распахнулись, и тренированное тело устремилось ко мне в длинном стремительном прыжке. Остриё его клинка смотрело мне прямо в сердце и, судя по выражению бледного лица, он уже видел мои судороги. К сожалению, он промахнулся, не сам, конечно, — его атака была великолепна. Подобное мастерство могло бы быть последним увиденным для многих, но этого было явно недостаточно для Хозяина Пути.

Итак, он промахнулся, пролетев буквально в полуметре от меня, ничуть, однако, не смутившись этим, вроде бы удручающим фактом. Скорее всего, разум просто не успевал за ненавистью, которая танцевала в его взгляде. Мгновенно развернувшись ко мне лицом, он попытался в этот раз просто приблизиться, и вновь у него ничего не получилось. Сделав ещё пару неудачных попыток, он, наконец, остановился и выкрикнул что-то должно быть крайне оскорбительное. Я не ответил, внимательно рассматривая того, кто совсем недавно стал моим врагом. В эти краткие минуты, в течение которых он пытался убить меня, я думал о том, как он похож на дьявола. Похож, разумеется, не внешне, да и характер у него вряд ли был сходен с нравом обитателей Ада. Но вот насколько были похожи наши Пути — структура, направленность, яркость — лишь цвет различал их.

Мы шли одними дорогами. Так почему же мы так ненавидим друг друга? В чём причина этой бесконечной войны? Зачем нам реки бессмысленной крови?

— Ты ведь брат мой, — вырвалось у меня, помимо воли, — брат мой.

Ангел, словно разъяренный ветер, вновь ринулся ко мне. Я был полностью погружен в себя, но рефлексy сработали быстрее разума. Он опять промахнулся, на этот раз совсем чуть-чуть. Моя сабля обрекающее полоснула его по горлу. Смерть его оказалась лёгкой.

Под шелест капающей с клинка крови, я смотрел туда, откуда вскоре должны были появиться новые воины неба. Те, кто придет, чтобы убить меня, те, кого я буду должен убить первым.

— Братья мои, — вновь тихо прошептал я.

Глава 1. Мастер дорог. Часть 2

После этого боя разведка врага тревожила мой сектор ещё всего лишь один раз, и была достойно встречена и без моего в этом участия — опытных мастеров в Ордене хватало. Так в скоротечных схватках и чуть более долгих сомнениях прошло три невесёлых дня, а на четвёртый к границам центральных секторов подошёл авангард неба.

За несколько часов до того, как должна была начаться схватка, Магистр созвал к месту предполагаемого сражения большую часть мастеров и почти всех Хозяев Пути, оставив лишь по одному, на изрядно поредевших флангах. Я вошёл в число тех, кому выпала честь принять участие в первом серьёзном сражении с ангелами.

Их было около десяти тысяч. Десять тысяч острых мечей и копий, десять тысяч яростных взоров, десять тысяч быстрых единорогов. Сегодня им всем предстояло умереть, — Орден дал слово.

Впереди в окружении телохранителей, на огромном единороге, в элегантном золочёном шлеме и с исполинским обоюдоострым серебрёным топором за спиной, надменно скакал вероятный предводитель отряда. Его уверенная, величественная фигура, светлым знаменем возвышающаяся над этими заброшенными землями сама по себе призывала рядовых воинов на праведную войну с рогатыми. Он был самым опасным из них. Его единорог упал первым.

В этом бою Орден применял всё те же приёмы, что и в мелких стычках с разведчиками, вот только масштабы были совсем иные. Дикое ржание тысяч падающих единорогов громом понеслось над холмами. Стоны и проклятия солдат Рая до краёв наполнили воздух. Те, кто пытались взлететь, почти тут же падали обратно на нашу малогостеприимную к врагам землю. Многие напарывались на обнажённые клинки, получая в суматохе часто смертельные ранения. Командиры не успевали отдавать приказания, паника не спеша, влетала и в крылатые сердца, хохоча, как безумный поэт.

Уже почти автоматически корректируя Пути воинов противника, я поискал глазами того великолепного всадника, который первый упал под копыта, мчащихся позади единорогов, вероятно одного из лордов небесных чертогов. Как ни странно, через несколько минут мне это удалось. Он лежал придавленный чьим-то скакуном со свалившимся с головы шлемом и проломленным черепом. Он был ещё жив, но Путь его стремительно истончался. И вновь я был поражён тем, насколько его Путь был похож на мой или любого другого дьявола. Он умирал так же, как мог бы умирать я сам. И он также хотел жить.

Случайная мысль рассеянно усмехнулась и тут же пропала, бой продолжался, и он был ещё далеко не закончен. С другой стороны уже было видно, что против четырёх сотен Мастеров Дорог, не считая учеников и подмастерьев, этот отряд крылатых не выстоит. Я позволил себе, вновь отвлечься на несколько грохочущих секунд. На этот раз за тем, чтобы лицезреть искусство, с которым сражался Магистр. Именно искусство, по другому я назвать это не мог, да и вряд ли смог бы кто-либо из тех, кто хоть раз работал с Путями.

Вот, только что устремившийся в небо, ангел, стремительно падает на своего крылатого собрата и в бешеном полёте будто случайно протыкает его серебристым копьем, одновременно с печалью ломая себе шею. И тут же, пока практически мгновенная смерть ещё не взяла их, Магистр замыкает на дорогах этих двоих не меньше сотни Путей, ближайших к ним воинов. И, кажется, сама вышедшая из равнодушной задумчивости смерть, обжигаяще аплодирует ему. Вот один из немногих, не потерявших самообладание офицеров

пытается вывести свой отряд из общей свалки и вдруг в невозможном повороте налетает на меч своего солдата, сея этим нелепым финалом новый приступ обоснованной паники. А ведь я отвлекся всего на несколько секунд.

Примерно три тысячи воинов небесного престола были мертвы, ещё столько же получили ранения различной степени тяжести. Остальные же разделились на две, примерно равные группы. Одна из них, оказавшись на расстоянии прямой видимости от нас и распознав в рогатых фигурах врага (что, в общем-то, было несложно), собрала последние остатки ярости и бросилась в нашу сторону с явным желанием «дьявольской смерти». Другая же, наоборот, потеряла всякое мужество и предпочла спешное отступление, практически бегство, — как раз именно то, что подсказывала логика.

Действия обеих групп удалось довольно легко пресечь. Причём, больше проблем вызвали именно убегающие ангелы. Нескольким сотням, всё-таки удалось прорваться в направлении основной армии, и всё же подавляющее большинство вняло нашим усилиям и осталось на поле сражения. Казалось, действия нападавших, и вовсе были обречены на провал, как вдруг, в руках каждого третьего из них возник лёгкий изящный арбалет. Этого, наш, неискушённый в сражениях Орден, явно не предусмотрел. А, между тем, несколько арбалетных болтов, блистающе устремились в нашу сторону. Они стали вестниками первых потерь братства дорог за долгие годы.

Я увидел, как упал один из моих подмастерьев, пронзённый в грудь карающим железом. Холодная ярость овладела моим разумом. И если раньше я почти жалел тех, кто был так похож на меня и, по воле огня, должен был погибнуть от моей руки, то теперь лишь мечтал об их смерти, как жаждущий мечтает о смеющейся воде. Я стал действовать быстро и беспощадно, не давая ни шанса остаткам небесного авангарда. Пару раз я заметил суровое и жёсткое выражение на лицах у моих братьев. Именно такое, вероятно, было в тот момент и у меня. Больше мы не позволили им выстрелить в нашу сторону, теперь если они и стреляли то только друг в друга.

Спустя примерно полчаса всё закончилось. Из десятитысячного отряда спаслось бегством не более пяти сотен. Остальные были либо мертвы, либо тяжело ранены. И как ни прискорбно, но раненых необходимо было добить, однако никого из нас не прельщала роль палача. В конце концов, Арз-Шагар стал убивать их сам — по одному, замыкая на них ближайших. Его суровому примеру последовали ещё лишь несколько Хозяев Пути. Я же, как и большинство, не смог заставить свой клинок принять участие в этой казни, но вряд ли кто-то осудил бы меня за это. Все понимали, война не дело Ордена Дорог, мы просто не были готовы к такому.

Но главное, Орден понёс первые потери — полтора десятка убитыми и пару десятков ранеными. В основном, это были ученики и подмастерья, но пострадали также и несколько мастеров. Многие не могли сдержать слёз, когда мы в спешке хоронили погибших братьев. В тот день мы осознали со всей очевидностью, насколько тяжёлые это будут дни, тяжёлые и возможно последние.

На следующий день, неся вокруг себя пыль, а над собой штандарты, на горизонте показались колонны основных сил армии Рая. Легионы неба растянулись на огромное расстояние, занимавшее не менее четверти протяженности Пурпурных холмов. Сердце моё судорожно сжалось. По данным Правящего круга на нас надвигалось не менее двух сотен тысяч воинов Рая. Мне казалось, что больше. И только в этот миг я понял, насколько это больше, чем нас.

Но, как ни странно, была и приятная новость. Ночью со своими отрядами к нам подошли два князя, земли которых лежали в непосредственной близости от места сражения. С собой они привели в общей сложности около пятнадцати тысяч мечей, что было совсем нелишним в наших условиях. Магистр и князья после небольшого совещания договорились о том, что войска неожиданных союзников будут до определённого момента располагаться в резерве и ждать команды для начала боя. Этот козырь Орден решил разыграть в последний момент.

Я напряг глаза и испытал лёгкий шок. Теперь стало понятно, почему главная армия Рая шла до нас так долго. Почти все ангелы оставили своих единорогов, а те, кто всё-таки ехал верхом, двигались со скоростью едва ли не меньшей, чем пешие. Это могло изрядно затруднить нашу оборону. Вероятно, воины, сумевшие спастись в предыдущем бою, сделали из него верные выводы и предупредили верховное командование о возможных последствиях.

Орден постарался растянуться на ту же длину, что и войска крылатых, и на этот раз мне досталось место ближе к центру, так как Магистр посчитал нужным укрепить фланги. Ангелы, между тем, не торопились, делая какие-то внутренние перестановки.

Я не сводил глаз с этого светлого моря мечей, копий и крыльев. Мне стало страшно, не в наших силах было удержать эту лавину. Они могли просто задавить нас массой. Я оглянулся вокруг. Все видимые мне братья смотрели сейчас на меня. Я был тем, в кого они верили, на кого они равнялись. Ученики, подмастерья и даже поседевшие мастера Ордена, они все сейчас надеялись именно на меня, на Хозяина Пути. Я снова повернулся к готовящимся к атаке войскам. Страх отступил. Не прошёл бесследно, но отступил так далеко, насколько я мог себе это позволить.

— Вам не пройти, — прошептал я и улыбнулся, глядя на вяло развивающиеся флаги неба. — Слово Хозяина Пути.

Наконец стройные ряды врага пришли в движение. Первая волна, почти полностью состоящая из пехоты, пошла вперёд. Ехать верхом позволяли себе лишь командиры отдельных отрядов. В центре на великолепных единорогах размеренно двигалось высшее командование ангелов. Они не торопились, напряженно всматриваясь вдаль. Вероятно, им в красках описали недавнее падение, предводителя авангарда.

Я попытался расслабиться, так было проще управлять Путиями. Я знал, что первый удар по врагу должен нанести именно я, как старший. Все остальные на моём участке будут бить только после меня. И я не стал задерживать моих братьев, начав с точечного, но эффектного выпада — один из шагающих впереди копейщиков резко откинулся назад, его копьё воткнулось в грудь идущего позади него воина. А спустя несколько кратких мгновений в сражении участвовал уже весь Орден. Со стороны врага слышались стоны и ругань — слишком много оружия было в их руках, слишком часто оно втыкалось в их тела.

Вдруг несколько сотен ангелов резко взмыли в воздух. Их прыжок был намного выше и быстрее, чем все видимые мной до этого. А самым неприятным стало то, что когда мастера Ордена попытались скинуть их на землю, упала лишь малая часть наших разрывающих воздух врагов — в основном, те, к чьему падению приложили руку Хозяева Пути, в том числе и я. Большинство же, стремительно набирая скорость, ринулось по направлению к нам. Я вспомнил то небольшое, что знал об ангелах, и этого всё же хватило, чтобы понять, кто эти проклятые крылатые. Это были Жрецы Храма Ветра, одного из самых закрытых, и в тоже время влиятельных Храмов Рая. Храм развивал природные способности ангелов к парению,

говорили даже, что Высшие Жрецы Ветра могли по настоящему летать. Не знаю, какое положение в Храме занимали те воины, кто устремился сейчас к нам, но надо признать, что летели они красиво. Впрочем, изящество полёта не мешало ни мне, ни моим братьям кидать на грешную землю адептов Ветра.

И всё же мы не успевали, ангелы сверкающим штормом налетали на нас, и вскоре я увидел, как упал стоящий рядом со мной мастер, на которого обрушился безжалостный шквал атак подлетевшего ангела. Мне оставалось лишь отомстить за него, а потом ещё за двух учеников и одного подмастерья. И всё же число воинов ветра таяло на глазах. В центре их уже почти не осталось — Великий Магистр явно нашёл в себе место для гнева. Однако свою задачу они выполнили — практически полностью отвлекли наше внимание от основной массы ангелов. А она подобралась к нам уже почти на расстояние выстрела.

По ранее достигнутой договорённости, весь Орден начал отступать — стоять под арбалетными болтами было бы просто неразумно. А, отступать, слава огню, было куда. Пурпурные холмы довольно далеко уходили вглубь наших земель, предоставляя широкие возможности для затягивания сражения. Тяжёлые болты всё же яростно летели в нашу сторону, но ещё ни один не нашёл свою цель.

В бой вновь вступили Жрецы Храма Ветра, и на этот раз их было как минимум в полтора раза больше. Но эффект внезапности уже угас смущённой зарёй. В связи с чем, битва с ними была выиграна ещё меньшей кровью, чем предыдущая. Мы продолжали медленно отступать, стараясь не снижать давления на разъярённого задержкой врага.

Наконец часа через два со стороны ангельского войска раздались звуки труб, призывающие к остановке наступления. Как видно, Светлые лорды решили, что оно им слишком дорого обходится. Впрочем, эта остановка была нам только в радость, медленно, но слишком верно Орден терял дьяволов. И ведь каждый был нам братом, ведь каждая потеря была роковой. Весь день крылатые стояли на достаточном отдалении от нас. Было безрадостно видеть, как двигаются на пурпурном поле светлые пятна отрядов.

Мы же в эти часы мало общались друг с другом, всё было уже давно сказано, все знали, что делать, все понимали, что край совсем рядом. В эти минуты каждый хотел побыть наедине с самим собой, кто-то точил оружие, кто-то курил трубку, а кто-то просто смотрел в даль, размышляя, где же конец его собственного пути.

Под вечер войско неба снова пришло в движение, заревели трубы, донеслись воинственные крики. Я устало вздохнул, эта глупая война уже вымотала меня до конца, а прошло всего-то несколько отвернувшихся дней. Я оглянулся — остальные выглядели не лучше. Но надо было стоять — Орден дал слово. И всё же, как мне сейчас не доставало стен родного замка и тихого плача с вод Багрового озера.

Я с сожалением заметил, что на этот раз небесное командование придумало что-то новое и явно не слишком доброе. От основной армии отделились около тысячи ангелов на грозно взрывающих пыль единорогах. Чуть выждав, они стремительно поскакали в нашу сторону. Всё бы ничего, но Пути всадников обладали странным голубоватым свечением. И работать с этими Путями оказалось на несколько порядков сложнее, чем с обычными. Причём не только с Путями всадников, но также и их, забытых огнём, единорогов. Даже мне — Хозяину Пути пришлось приложить огромные усилия, чтобы свалить лишь нескольких из них, после чего я с грустью подумал об успехах остальных.

И всё же они падали, но медленно, слишком медленно. Это были Жрецы Храма Неба Лучшие из них перед битвой укрепляли свои волю и разум. Правда, как именно, мне было,

увы, неведомо, но исходя из увиденного, можно было смело констатировать, что как минимум неплохо.

Неотвратимо наступало время для резерва. Стоило мне подумать об этом, как отряд в пять тысяч дерзко блеснувших мечей под предводительством одного из князей вылетел из-за наших спин. Прошло не больше десяти секунд, и крылатые всадники на единорогах столкнулись с обречённо несущимися дьяволами на боевых ящерах. Орден ударил по врагам с удвоенной яростью. Полкиангелов перешли на бег. Сейчас всё могли решить минуты.

Эта была жестокая схватка, в которой погибли почти все дьяволы резерва, в том числе и князь. Но, благодаря им, мы вновь смогли сдержать знамёна неба, непрерывно, правда, при этом отступая. Мы вновь и вновь теряли своих, и с каждым разом всё больше боли врезалось в наши души. Через час пира давно захмелевшей смерти мы, наконец, добились того, что ангелы вновь взяли перерыв. Но и цена этого перерыва была высока. Уже около трети наших братьев ушли в свой последний, скорбно-далёкий путь.

Следующий день мало, чем отличался от предыдущего. Вновь яростные атаки ангелов, вновь отступление, вновь, рвущие раны на душе, потери. От нашего резерва остались неполные и довольно деморализованные три тысячи всадников. Орден же понёс невосполнимые утраты, к концу дня нас оставалось чуть больше двухсот. Погибли слишком многие, в том числе и один Хозяин Пути, который, правда, захватил с собой более чем достойную свиту, но и это всё же казалось каплей в море. И хотя мы уничтожили почти сорок тысяч крылатых воинов, их оставалось ещё слишком много, и у них было в запасе ещё достаточно свежих сил. Следующий день должен был стать последним днём нашей стражи на пути Рая, но мы все понимали, что он также, скорее всего, станет последним днём и для нас.

И вот этот день пришёл, нервно оборачиваясь на ухмыляющуюся ему вслед ночь. Мы уже не имели возможности держать под контролем всю линию обороны, и фланги были порядком оголены. Вполне возможно отдельные отряды крылатых уже проникли за территорию Пурпурных холмов. И всё же основная армия была перед нами. И она явно жаждала нашей крови. Слишком много времени и сил они потратили на нас, казалось бы, жалкую кучку дьяволов. Да, сегодня нас осталось мало, но это была элита Ордена — лишь несколько подмастерьев, остальные опытные Мастера Дорог и восемь Хозяев Пути. Мы были готовы.

Похоже, что Светлым лордам крайне надоело наше присутствие в этих местах. Они бросили в бой все свои резервы, все мечи и крылья. Мы держались, но гибли и гибли. Через три-четыре часа обгаряющей битвы погиб последний из тех, кто пришёл с предложившими нам помощь князьями. От Ордена же оставалось уже не более восьми десятков, и нас уверенно окружали.

Я с ужасающей неотвратимостью понял, что это конец. Орден погибнет, вероятно, ради великой цели, но разве от этого могло быть легче, лично мне нет. Рядом со мной стоял Дагар-Дэй — мой первый учитель, заметивший во мне, простом дьяволёнке из небогатой семьи, того, кто смог стать самым молодым Хозяином Пути за всю историю Ордена. Я любил его как отца, не знаю, любил ли он меня как сына, но я смел надеяться на это. Сейчас на нас двоих бежали, почти летели несколько десятков сверкающих серебряными клинками воинов и воинов явно непростых. Огромные размеры, великолепные доспехи и оружие, тот бешеный темп, с которым они приближались к нам — это были Жрецы-Генералы Храма Светлой Стали, верховное командование Храма, аналога нашего Ордена Войны. Их Пути

были почти непоколебимы, и я как будто молодой подмастерье с испуганным вопросом во взоре обернулся к своему старому учителю. Тот печально посмотрел на меня, неожиданно усмехнулся морщинистыми краями губ и почти весело подмигнул.

— Последний урок.

Внезапно он выхватил из-за пояса свой длинный узорчатый кинжал и резко вонзил себе прямо в сердце. Он упал, и тут же упали бежавшие на нас ангелы, упали уже практически у моих ног. Дагар-Дэй умер, замкнув их Пути на себе. Я не смог сдержать слёз, но для скорби времени, увы, уже не было. Мы умирали, а крылатые всё бежали и бежали на нас. Теперь мы бились просто за то, чтобы выжить. На самом дне ещё искрилась надежда в чудесное спасение, но и она погасла после того, как погиб Магистр Ордена Арз-Шагар. Его смерти оказалось какой-то будничной и с виду совсем не героической, но в последний миг своей долгой и великой дороги он забрал с собой в небытие не меньше полутысячи врагов. Он умер одним из последних.

Я уже смирился со смертью, атаковал и защищался с каким-то автоматизмом, даже равнодушием. В эти минуты я больше размышлял, нежели сражался. Размышлял о своём последнем пути, об этой глупой войне со своими, как выяснилось, братьями, вспоминал лица друзей. Не знаю, сколько времени прошло, всё слилось перед глазами — ненавистные Пути ангелов, печаль воспоминаний, крики друзей и врагов. Неожиданно я понял, что остался один, один в кольце воинов неба. Я перестал бездумно атаковать, и успокоено опустил руки. Оставалось лишь умереть, как учитель. Умереть и забрать с собой в скорбные чертоги как можно больше врагов.

Ряды крылатых раздвинулись, чуть опережая мою запланированную смерть, и в образованный круг медленно вышел высокий воин без шлема, но в роскошном доспехе с гербом Храма Светлой Стали на груди. Сила его Пути внушала неподдельное уважение. Даже не знаю, смог бы я справиться с ним один на один. Скорее всего, это был Верховный Жрец-Маршал Храма. Не подходя близко, он несколько мгновений внимательно смотрел на меня, принимая в ответ мой полный безразличной апатии взгляд.

— Во имя Светлого Неба, кто вы!?! — раздался его низкий голос с ужасным акцентом. — Что за воины так упрямо стояли под ураганом наших клинков!?! Кто вы!?! Отвечай, дьявол! Отвечай и умрёшь быстро, и, может быть, даже достойно.

Я не ответил ему, и на это у меня были более чем серьёзные причины. В этот момент на грани дальней тишины я услышал то, что счёл самым прекрасным звуком в мире. До моих дрогнувших ушей донеслись хриплые крики боевых рогов Армии Ада. Неожиданно мне резко перехотелось красиво умирать, и в доли счастливой секунды я принял прямо противоположное решение. Собрав остатки сил, и призвав на помощь всю свою, так, кстати, проснувшуюся волю и всё доступное умение Мастера Дорог, я стремительно побежал в сторону набирающих мощь рогов. Придав своему Пути максимально возможное ускорение и неумолимо расталкивая тех, кто стоял на моей дороге (расталкивал я естественно их Пути, а не их самих), я упрямо двигался вперёд. Про меня конечно не забыли. Мечи, копья и арбалетные болты стремились ко мне отовсюду, некоторые из них с надеждой оставляли на мне царапины и лёгкие раны. Но мне везло, везло, как будто меня хранило само Великое Пламя. Я прорвался. Я, спотыкаясь, бежал по горячей земле. Вслед мне летели сталь и проклятья, а я бежал и уже видел знамёна Армии Ада.

В тот благословенный момент, когда я уже почти добрался до первых рогатых рядов, из-за спин солдат, на огромном боевом ящере выехал величественный дьявол в чёрно-золотом

доспехе с великолепными длинными рогами. Я узнал его — это был Великий князь Гарот-Азвар — Верховный Магистр Ордена Войны, Первый среди равных Правящего круга. Я остановился перед ним, тяжело дыша и качаясь.

— Орден Дорог выполнил заказ и сдержал данное слово, — неуклюже выдавил я из себя. Перед глазами всё поплыло. Я постарался удержать себя от падения, но тяжесть последних дней полных войны, боли и отчаяния, безумство минут этого дикого бега через крылатую армию Рая не оставили мне и шанса. Я упал, упал в бездну темноты.

Глава 1. Мастер дорог. Часть 3

Не меньше двух суток я валялся в грешном бреде. Не знаю, кто поддерживал мою жизнь, но кто-то это делал точно, так как когда я, наконец, очнулся, то чувствовал себя довольно прилично. По первым и, как оказалось после, верным впечатлениям я находился в армейском лазарете. Несколько минут я рассеянно смотрел в потолок просторной палатки, а потом на меня гремящим пожаром нахлынули тоска и отчаяние.

Орден погиб! Ордена Дорог больше нет! Я последний! Я закричал. Закричал скорее от безнадежности, чем от эмоций. А вместе с финальными аккордами крика полог палатки откинулся, и в лазарет твёрдой несгибаемой походкой вошёл князь Азар-Тор с недавним шрамом на несколько бледном лице. Я молча смотрел на него, из моих глаз текли слёзы, сквозь которые я видел лишь его размытый силуэт.

— Мы победили, — произнёс он, чуть помолчав. — Остатки армии Рая отходят в свои земли. Орден Дорог покрыл себя бессмертной славой, — торжественно продолжил он.

— Ордена Дорог больше нет, — меня трясло, — его больше нет.

— Мы все скорбим вместе с тобой, — Азар-Тор с грустью смотрел на меня. — Ты можешь просить у Круга всё, что пожелаешь, Великие князья уполномочили меня исполнить любую твою просьбу.

Я печально усмехнулся. — Дай мне самого быстрого ящера, князь.

Уже через полчаса я мчался по этой жестокой земле к замку Ордена Дорог. Хотя теперь, наверное, просто — моему замку. Ветер срывал слёзы с моих щёк, пыль летела в рот, давя горестные стоны. У меня не оставалось ни друзей, ни мыслей. Я не знал, куда идти дальше. Через сутки почти непрерывной скачки я, наконец, увидел родные ворота.

Я стоял на стене и слушал плач с вод Багрового озера, сам рыдая ему в такт. Было нестерпимое, пылающее желание броситься вниз и закончить эту глупую жизнь. И в ту минуту меня удержала лишь надежда на то, что мне удастся возродить мой Орден. Удастся найти и обучить молодых дьяволов великому искусству Пути. Надежда бледно мерцала где-то в глубинах сердца, а обречённые слёзы всё лились и лились из поселившейся в глазах ночи.

Едва ли не на следующий день я приступил к делу возрождения Ордена. Я обошёл весь Ад, разыскивая тех, кого бы я смог назвать своим учеником. Лишь единицам были открыты ростки Дара. И ни один из них не понимал, что таят за собой эти ростки. Не понимал и не стремился понять. Они желали богатства, славы, власти. А познание Пути было лишь ключом к этому. Я не стал их учить.

Невозможность возродить Орден повергла меня в другую крайность. У Ордена Дорог осталась большая казна, которая по праву перешла мне. И в один грешный вечер тяжёлые монеты зазвенели у меня в руках. Я пустился в бездумный и жестокий разгул. Я неделями пил, играл в карты, дрался на дуэлях и менял дьяволиц, как ветер меняет направление. Я убивал и не стыдился этого, мне было уже всё равно.

Однажды я проснулся в своём замке с жуткой (и, увы, привычной) головной болью от непонятного, печального звука. Оpozнал я этот звук лишь, когда вышел на озарённую рассветом стену. Это был плач рыб с берегов Ардарит. Они будто оплакивали меня, оплакивали тот путь, на который я вступил. И плач этот решительным потоком вновь

перевернул мою жизнь.

Я порвал все свои старые знакомства, почти бросил пить и перестал играть. Я решил, что раз уж я остался последним из Ордена, то мой долг познать учение Пути настолько, насколько это было вообще возможно. Я начал много путешествовать, параллельно совершенствуя свой уровень мастерства и оттачивая навыки владения сталью. Я стал всё реже появляться в замке, возвращаясь лишь к сезону плача с владений Багрового озера. И в мое последнее возвращение меня, наверное нетерпеливо, ждал гонец с посланием от Ашзар.

Всё это вихрем пронеслось у меня перед глазами, пока я шёл за не теряющей минут княгиней. Мы поднялись на несколько лестничных пролётов, прошли по длинному коридору, пол которого щедро застилал роскошный ковёр, и зашли в небольшую комнату, которая вероятно являлась кабинетом дьяволицы.

Ашзар не торопясь прошла в глубь комнаты, провела изящными пальцами по корешкам книг на вычурных полках и оглядела меня задумчивым взглядом.

— Нам нужно, чтобы ты кое-кого проводил до озера Коцит, мастер, — наконец произнесла она, блеснув огнём глаз.

В ответ я выгнул бровь в оскорблённом удивлении. Дорога к Коциту конечно не влюбленная прогулка и просто так до него не дойдёшь, но нанимать меня — Хозяина Пути ради этого. Да, это вполне можно было расценить как оскорбление.

— Спокойно, мастер, — Ашзар понимающе улыбнулась, — важно не куда, важно — кого.

— Не томи, княгиня, — я уже действительно заинтересовался.

— Главное спокойно, мастер, — она вдруг стала очень серьёзна. — Сестра!

Тихо отворилась одна из дверей в комнате. Из тёмного проёма показался тонкий, изящный силуэт. Свет голодным пожаром набросился на него. В моей голове забили бешеные барабаны, дыхание перехватило, лицо непроизвольно оскалилось.

Бледная кожа, длинные серебристые волосы, отливающие жёлтым золотом глаза, смотрящие немного высокомерно и в то же время чуть испуганно, и пара белоснежных крыльев за спиной. Ангел! Враг мой!

Мечи, казалось, сами прыгнули в мои руки. Я уже видел её смерть. Её Путь был не прост, но я знал, что сделаю с ним всё, что захочу. Она начала выхватывать свой меч, но ведь не успевала, явно не успевала.

— Кэй! — крик Ашзар ударил, словно кнут, клинки едва не выпали у меня из рук, и лишь огромным усилием мне удалось удержать их. Всё-таки чему-то полезному учили и в их снобистском Ордене. — Не смей, — уже тише добавила она.

— Какого огня, Ашзар! — в моём голосе ярости было не меньше. — Объяснись!

Наверное, давно никто не разговаривал с княгиней в подобном тоне, но я был в своём праве. По её сожжённой огнём воле в самом центре Ада стоял проклятый ангел. За такое кощунство от неминуемой кары её не смог бы спасти даже сам Нар-Дагор.

— Ты ведь Мастер Дорог, Кэй, — голос Ашзар был неприлично поспешен, — ты должен видеть. Они ведь такие же, как мы, только без рогов и с крыльями. Я взываю к твоему разуму, мастер, не торопись с проклятьями, послушай меня, — княгиня почти умоляла. — Позволь мне сказать, и ты поймёшь, я уверена, ты поймёшь, иначе бы не позвала тебя на эту встречу.

Я ничего не ответил, но клинки мои вернулись в ножны, а разум немного очистился от

всепожиряющей жажды крылатой крови. Я внимательно смотрел на Ашзар, помимо воли устремляя взор на ангела, чьи пальцы нервно прикасались к изящному кинжалу, прикрепленному к поясу.

— Пойми, Кэй, — голос Ашзар стал пленяюще-прекрасным и в тоже время разумно-убедительным, — если Небо вступило в союз с Огнём, то этого потребовали крайние меры. Нам всем, всем тем, кто вступил в этот союз, пришлось перешагнуть через себя, пришлось учиться терпеть друг друга. И всё это ради великой цели. Всё это ради жизни наших рас. Нашей жизни, Кэй. Ведь мы вырождаемся, мастер, лучшие из нас умирают в этих проклятых войнах, остальные тратят свою жизнь на игру, вино и борьбу за, так часто похожую на рваный туман, власть. Нам нужна новая кровь, нужна новая надежда, и ты можешь оказать нам в этом неоценимую помощь.

— И что же конкретно спасёт наш народ? — я решил придать своему голосу лёгкий сарказм.

— Я пока не могу сказать тебе всего, Кэй, и ты должен это понять. Слишком много поставлено на кон, слишком много сейчас может обрушиться из-за одного неверного слова. Слишком мало тех, кто поддерживает нас, и я заклинаю тебя, мастер, ты должен стать один из них. Клянусь Предвечным Пламенем — это будет верный выбор.

Глаза княгини пылали неистребимым огнём уверенности в истинности своих слов, и я не видел в них бездумного фанатизма, лишь осознание своей правоты, правоты, которая пришла далеко не сразу.

— Итак, ты хочешь, чтобы я отвёл ангела к озеру Коцит и, вероятно, ещё и привёл обратно. А ещё, вероятно, ты желаешь, чтобы об этом никто не узнал, так, княгиня? И ты просишь об этом того, чьих братьев пронзали мечи неба? Или ты забыла, какой ценой Орден Дорог остановил легионы Рая в Пурпурных холмах? — как я ни старался, но ярость бурлящей волной вновь поднималась во мне.

— Усмири свой гнев, мастер, и вспомни, о чём я тебе говорила. Подумай не о себе, а о своём народе. Я скорбела вместе со всеми, когда погиб твой Орден, но неужели твои братья это всё, ради чего стоило жить. А прошу я именно тебя лишь потому, что ты пожалуй единственный, кто сможет сделать то, что необходимо нашему союзу.

— Я всё ещё не понимаю, Ашзар, — я старался быть спокойным, — на что ты хочешь меня подписать. Чем для Ада будет полезно пришествие ангела к Коциту? Ты красиво говоришь, и я даже где-то хочу тебе поверить, но могу ли? Имею ли я право поверить тебе? Я последний раз прошу, объясни мне, зачем я должен принять твоё предложение? Почему, в конце концов, я должен оставить её жить? — При моих последних словах рука ангела довольно уверенно опустилась на рукоятку меча.

Княгиня немного помолчала. Я терпеливо ждал, пока терпеливо.

— Я уже говорила, мастер, мы умираем и они тоже, — она кивнула на обладательницу белоснежных крыльев. — И, видимо, этот процесс необратим, ещё пять-шесть веков и я не уверена, что от нас что-либо останется. Первыми это поняли Орден Предвечного Пламени и Храм Неба. Лучшие из нас вступили в первый союз Ада и Рая. И мы нашли способ. Способ не сохранить наши расы, но дать им новую жизнь. Станет она лучше или хуже нынешней мы не знаем, но это все-таки будет жизнь. Я не буду утомлять тебя подробностями наших изысканий, ты всё равно мало что поймёшь, а времени это займёт изрядно. Скажу лишь, что более полувека мы стремились решить эту задачу. И вот, наконец, совсем недавно нам это удалось. Ангел должен войти в Коцит. И когда она выйдет из него, то у нас появится новая

надежда, — глаза княгини были холодны и на этот раз уже чуть фанатичны.

Я понял, что пришло время принимать решение. Решение, которое вероятно повлияет на всю мою дальнейшую жизнь. Честно говоря, никакого желания вести ангела, моего врага по крови и памяти, в одно из наиболее почитаемых мест Ада у меня не находилось. А если ещё честнее, то я всё ещё хотел её убить. Но в тоже время в словах Ашзар было что-то, чему я странно верил. И то, что Орден Предвечного Пламени, а также, как я понимаю, и Храм Неба решили прибегнуть к помощи постороннего, значило, что им действительно была крайне нужна моя помощь. А ещё то, что они искренне полагали, что я пойму и встану на их сторону, фактически вступлю в союз. К тому же, по несколько опоздавшим рассуждениям, услышанного (а тем более увиденного) вполне хватало для конца моей относительно спокойной жизни. Я мысленно усмехнулся, похоже Ашзар вновь не оставила мне достойного выбора. Я как можно более безразлично посмотрел на княгиню. Её плохо скрываемое напряжение явно достигло пика.

— Плата? — прозвучал мой спокойный голос.

Услышав ритуальную фразу, дьяволица шумно выдохнула, не в силах более сдерживать плотину мечущихся в сомнениях ожиданий. К моей очередной внутренней усмешке, то же самое сделала и посланница неба.

— Столько золота, сколько ты не устанешь носить в свой замок, мастер, — голос Ашзар вновь был равнодушен и холоден, хотя сейчас в нём явственно сквозила нотка благодарности.

На этот раз я позволил себе открытую улыбку. — Мне не нужны деньги, княгиня. Если бы мне было угодно, я построил бы рядом со своим замком ещё один, из чистого золота, — я, конечно, несколько преувеличивал, но право же не слишком сильно.

— Прости, мастер, я немного увлеклась, — дьяволица быстро осознала свою ошибку. — Но у меня, вероятно, есть то, от чего не откажется ни один мужчина и воин, — с этими интригующими словами она подошла к широкому столу в углу комнаты и одним лёгким движением сорвала с него расшитое алым узором покрывало.

Я подошёл ближе, глаза мои загорелись (я успел увидеть довольную улыбку княгини). На столе в опасной задумчивости лежали два кривых меча, моё излюбленное и единственное оружие последних лет. Мечи были поистине прекрасны. Чуть темноватые, тонкие клинки с огненным отливом, изящные длинные рукояти. Я взял их в руки, взмахнул, сделал пару выпадов. Как и ожидалось, баланс был идеален.

Я всегда любил и ценил холодную сталь. И, несмотря на то, что Мастера Дорог больше полагались на свои специфические умения, чем на владение клинком, я никогда не пренебрегал развитием своего мастерства именно в этом направлении. Признаться, несколько раз, ещё в годы ученичества это спасало мою жизнь во время странствия по дорогам Ада.

— Они сделаны во время второй Войны Основ, в собственных оружейных Орденах Войны, специально для Магистра Ордена. У них долгая и интересная история, мастер, они прошли через весь Ад и были на пороге Рая. Это вершина оружейного мастерства, — княгиня не могла остановиться, расхваливая мечи, хотя этого, в общем, и не требовалось, я и так видел всё их совершенство. Да, Ашзар умела выбирать подарки, за такие клинки можно было проводить до Коцита хоть всех Светлых лордов Небесного Престола, угощая их по дороге вином и льстивыми шутками. Всё портил только один нюанс — мои собственные мечи были лучше.

Мои клинки ковал сам Даргаз-Зар — Алый кузнец, Великий мастер ныне почти забытого Ордена Огня и Молота. По счастливой случайности они появились у меня лет десять назад, когда я в очередном из своих странствий спас от смерти одного из далёких потомков Даргаз-Зара, у которого и хранились эти клинки, передаваемые из поколения в поколение, как фамильная реликвия. Вероятно, не осознавая всей ценности этих мечей, он в приступе благодарности попросил меня принять их в дар. Два раза я в тот день просить себя не заставил.

Губы княгини нервно дернулись, болезненно воспринимая мой отказ, но их великолепная хозяйка быстро пришла в себя.

— Так может, ты сам назовёшь свою цену, Кэй? — голос был немного более резок, чем раньше, — Ашзар не терпела отказы, притом повторные. — Чего ты хочешь? — дьяволица выжидательно посмотрела на меня.

Я немного помолчал, собираясь с мыслями. Я с самого начала знал, чего хочу — это было одно из немногих (если не единственное), чего я не мог взять сам. И если уж говорить предельно честно, то на предложенное безумство я согласился лишь в расчёте на уже давно выбранную мной цену.

— Я Мастер Дорог, княгиня и всё что мне надо, так это ещё одна дорога, — я на секунду замолчал. — Мне нужна дорога к Предвечному Пламени, — мои глаза врезались в глаза Ашзар. Никто не опустил взгляд.

— Я не понимаю о чём ты, мастер, — лёд самого Коцита устремился на меня с прекрасных губ княгини.

— Ты всё понимаешь, Ашзар, — спорить я не желал. — И это та плата, которую я возьму за исполнение твоего заказа. Ни больше, ни меньше.

Наверное, мы долго могли пронзать друг друга взглядами и я, увы, был не совсем уверен, что победил бы в этом соревновании, но тут за моей спиной раздался спокойный и властный голос, легко узнаваемый во всех концах Ада.

— Зачем тебе дорога к Предвечному Пламени, мастер? Куда ты по ней пойдёшь? — Нар-Дагор и спрашивал и размышлял одновременно.

Я повернулся и посмотрел в спокойные глаза Трёхрогого.

— Наш Орден давно хотел узнать тайну этой дороги, и я был бы рад исполнить волю своих братьев.

Нар-Дагор беззвучно ухмыльнулся, взгляд его метнулся к Ашзар, явно что-то бессловно сказав. Княгиня оскорбленно вскинула голову, но перечить Верховному Магистру не посмела. Резко развернувшись, она прошествовала в комнату, из которой недавно вышел ангел. Крылатая гостья последовала за ней.

— Тайну этого пути, мастер, знают лишь Верховные Магистры моего Ордена, передавая это знание друг другу перед смертью. И ещё ни разу эта священная традиция не была нарушена, ни разу никто другой не ходил этой дорогой, — Трёхрогий не спеша прошёлся по комнате. — Но ведь даже мы, мастер, даже мы Верховные Магистры подходим лишь к самому краю этой дороги, не осмеливаясь идти дальше, ибо не в наших силах понять бесконечный узор Предвечного Пламени, его голоса, зовущие из бездны времён, его жар, обжигающий не тело, но душу. Нам позволено лишь прикоснуться и тут же одёрнуть дерзкую руку. Я был там, мастер, я знаю, о чём говорю. Да это великое чудо, но и великое бремя. Никогда мне уже не забыть весёлой ярости Великого огня, никогда уже не уйти от осознания своего ничтожества перед ним. А те крупницы власти, что бросаются нам, они неравная плата

за подобное знание. Но, знаю я и другое, — он пристально взглянул на меня. — Поймёшь ты всё это лишь тогда, когда сам увидишь, когда сам почувствуешь ожоги своего глупого сердца. Я дам тебе ту плату, которую ты просишь за заказ, мастер. Когда ты приведёшь ангела назад, после того как она выполнит, что должна, я передам тебе тайну дороги к Предвечному Пламени, а взамен попрошу слово Хозяина Пути, что никогда и никому ты не раскроешь того, что я скажу тебе.

— Ты получишь моё слово, — я был очень серьёзен.

— Значит, договорились, — Нар-Дагор подошёл к двери. — Удачи, мастер, твоя цена высока, но я заплачу. Слово Трёхрогого, — добавил он и вышел в коридор, направившись, вероятно, к нетерпеливо ожидающим его гостям.

Через несколько секунд, будто почувствовав, что я остался один, с противоположной стороны вышла Ашзар. За ней, как тень, выпорхнул ангел, всё ещё настороженно глядя на меня.

— Мы договорились об оплате, княгиня, и теперь я думаю можно обговорить детали, — я старался держаться дружелюбно.

— Изволь, Кэй, — дьяволица не приняла мой тон, видимо, всё ещё чувствуя себя оскорблённой. — Для начала я возьму на себя обязанность представить твою будущую спутницу. Итак, знакомься, мастер — перед тобой, леди Элати — Старшая Жрица Храма Светлой Стали, участник Союза огня и неба и моя названная сестра, — глаза княгини опасно блеснули, как бы предостерегая меня. — А это, — она небрежно кивнула на меня, — твой проводник по землям Ада, сестра, — Кэй-Сагор, Хозяин Пути, последний из Мастеров Ордена Дорог.

Мы сдержанно кивнули друг другу.

— Выходите завтра, — продолжила Ашзар, — время мало, мастер, так что, если сможешь, то спеш. В первых мгновениях дня мы будем ждать тебя на первом перекрёстке к северу от замка. Всё необходимое в дорогу будет собрано. Да и ещё, Кэй, — княгиня немного замялась, — о вашей дороге не должен знать никто. Никто не должен видеть Элати. Если же это, не дай пламя, произойдёт, вы должны будете сделать так чтобы тот, кому стало что-либо известно, уже никому не рассказал об этом. Пойми, Кэй, это необходимо, — добавила она почти извиняющимся голосом.

Я невесело кивнул. Её слова значили, что придётся убивать, убивать дьяволов. Убивать дьяволов ради ангела. Это будет очень тяжело и, скорее всего, крайне больно. Но отказаться сейчас, в шаге от тайны всей моей, весело изрезанной жизни я уже не мог. Просто не мог.

Я в последний раз за вечер взглянул в глаза княгини. — Я принимаю твой заказ, Ашзар, и говорю тебе, что доведу ангела до озера Коцит, а после провожу обратно до этих дверей.

4

Я со всей возможной скоростью шёл к выходу из замка. Мысли мои металась в безумном вихре сомнений. Был ли я прав, приняв предложение Ашзар, а вернее было бы сказать предложение Нар-Дагора? Был ли прав, согласившись убивать при случае своих соплеменников? Вряд ли. Но, эта заветная дорога, дорога к Предвечному Пламени уже маячила у меня перед глазами, уже манила и звала к себе, к своим тайнам и откровениям. И плевать на то, что говорил Трёхрогий. Я — Хозяин Пути и не было ещё в Аду дороги, которая оказалась бы мне не по масти.

В своих стремительных думах я мало обращал внимания на то куда шёл. Выработанное с годами чувство направления несуетливо вело меня по наиболее выгодному маршруту, к

выходу из замка. Внезапно я понял, что в своей задумчивости зашёл почти в самый центр танцевального зала, того который я увидел, когда только вошёл в замок. Не желая мешать танцующим, я ускорил и без того торопливые шаги и продолжил пробираться к выходу. В спешке я случайно задел кого-то плечом, машинально извинился и направился было дальше, но вдруг за моей спиной раздался громкий, самоуверенный голос.

— А ну остановись и извинись передо мной, раз не умеешь ходить, как принято в приличном обществе, — речь эта, по всей видимости, предназначалась мне и, в связи с этим, я всё так же машинально повернулся к неожиданному оратору. Прямо на меня с наглой улыбкой на красивом лице шагал рослый дьявол, довольно грозно при этом взирая.

Даже мне, далекому от светской жизни дьяволу было очевидно, что мои извинения ему не нужны, а даже если я их и принесу, вряд ли он их примет. Он хотел дуэли со мной и открыто заявлял об этом своей широкой улыбкой и громкими шагами. Вероятно, он был уверен в своей победе, и, судя по тем восхищённым взглядам, которые бросали на него многие молодые и не очень дьяволицы, уверенность эта на чём-то основывалась.

Я не хотел драться, я давно уже был далёк от подобных забав, к тому же у меня было о чём поразмыслить, но внезапно я разглядел, в сгустившейся толпе знакомые лица. Чуть в отдалении стоял сам Великий князь, как всегда спокойно, но в то же время немного оценивающее глядя на меня. Рядом с ним стояла Ашзар, и её интерес был, пожалуй, даже вызывающим.

Холодный гнев начал подниматься из глубин разума. Решили проверить меня в деле? Решили поиграть с Хозяином Пути? Я быстро посмотрел на Путь дьявола и чуть не рассмеялся, настолько он оказался заурядным, может чуть крепче стандартного, но с таким бы справился и подмастерье. Я спокойно шагнул ему навстречу. Мой соперник сделал резкий, несколько рассчитанный на эффект выпад своей сверкающей саблей, и конечно промахнулся. Тут же мой собственный клинок рванулся к его груди. Он уже не успевал ни защититься, ни уклониться — мой меч, смеясь, пронзил его. Не знаю смертельная ли была рана, честно говоря, мне было на это абсолютно наплевать. Выдернув клинок и бросив холодный взгляд в сторону своих нанимателей, я быстрым, широким шагом удалился из замка Нар-Дагора.

Я ехал на своём ящере по тёмной, вздыхающей дороге (светлеть начнёт ещё не скоро, гости Трёхрогого успеют ещё вдоволь погулять, прежде чем Великие вулканы начнут извергать столпы огня, освещая эту землю). Я знал наизусть каждый поворот, и мысли мои убегали далеко от ленивой дороги. Убегали к Коциту и огню, к ангелам и пожарам. Я уже знал, что это будет странная и часто страшная дорога. Но ещё я знал, что награда будет достойна Хозяина Пути.

Приехав к замку, я привычно взошёл на стену. Для меня одного это место было слишком велико и вначале, а иногда и теперь я чувствовал себя здесь крайне одиноко. Но в этот момент мне показалось здесь очень уютно. Совсем не хотелось завтра пускаться в эту странную авантюру. Хотелось стоять тихой ночью на надёжной стене и слушать всё тот же несмолкающий плач с вод Багрового озера. Я беззвучно рассмеялся, закурил трубку и ещё долго стоял, прислонившись к пережившим тысячелетия камням. Слушая, вспоминая, мечтая.

Глава 2. Дороги жестоки. Часть 1

Крайне хотелось спать. Вчера я, пожалуй, чуть дольше, чем нужно засиделся за своими мыслями и теперь в первых вздохах вулканов откровенно зевал. А если прибавить к этому пару бутылок вина, которые несколько скрасили мои вчерашние раздумья, то утро становилось откровенно хмурым. И что окончательно добивало мой раненый оптимизм, так это то, что мои наниматели бесстыдно опаздывали.

— Какого огня! — в который раз сорвалось с моих губ. Ещё немного и я готов был отправиться обратно в свой замок, но на горизонте показались две тёмные фигуры на высоких, явно породистых ящерах. А через несколько растянувшихся минут я уже имел долгожданную возможность поздороваться с княгиней и её светлолицой спутницей.

Поздороваться я решил взглядом не менее хмурым, чем это утро. Правда, надо признать, что и Ашзар не блистала в эти минуты своей обычной красотой. На состояние же ангела мне было ровным счётом плевать. Обе они были в длинных широких плащах серого цвета, полностью скрывающих фигуры (а у ангела ещё и крылья, что было совсем немаловажно). У Элати на голову был накинута свободный капюшон.

— Извини за опоздание, Кэй, — увы, по выражению лица княгини было видно, что она не слишком сильно жалеет о содеянном. — Я немного провожу вас, если ты, конечно, не против.

Я проворчал что-то о том, как буду счастлив этой компании. А потом, не теряя больше времени, направил своего ящера вперёд, начиная тем самым долгую и непростую дорогу к цели нашего путешествия. Я ехал чуть впереди моих о чём-то оживлённо разговаривающих спутниц, обозревая открывающийся мне с каждым шагом пейзаж.

Просыпающиеся вулканы всегда очень красивы, но для того чтобы лицезреть их, надо довольно рано вставать, чего я не слишком любил и в связи с этим редко мог позволить себе подобное зрелище. Так что сейчас я поневоле наслаждался им. Высокие столпы оранжево-багрового огня наполняли мою душу какой-то спокойной уверенностью и даже некоторым умиротворением.

Понемногу светало. По бокам дороги тянулись редкие кучки невысоких деревьев и занесённые пылью валуны. Между ними мелькали мелкие ящерицы и грызуны. Ад просыпался, даря своим жителям свет и тепло.

Проехав около получаса, Ашзар остановилась.

— Здесь я расстанусь с вами. Надеюсь, путь ваш будет лёгок и спокоен, — она подъехала к ангелу. — Прощай, сестра, — тихо сказала она и обняла жрицу.

— Прощай, сестра, — эхом отозвалась Элати.

— Прощай, мастер. Удачной дороги.

Я поднял руку в прощании.

— Да, кстати, — Ашзар на секунду остановилась, — он умер.

— Кто умер? — показательно-равнодушно ответил я, давая понять княгине, как мало меня волнует судьба моего вчерашнего противника.

Ашзар задумчиво кивнула и поскакала в обратную сторону. Мы же остались вдвоём. Дьявол и ангел посреди Ада, мирно едут к озеру Коцит, для того чтобы подарить своим народам надежду на будущее. Бред.

Дальнейший путь довольно долго проходил в молчании. Оно не то чтобы было очень напряжённым, но наивно было бы предполагать, что древние враги сразу же найдут общий язык. И всё же для нормального путешествия был необходим хотя бы формальный диалог. Я, наверное, ещё долго бы мог размышлять на эти темы, не предпринимая ничего для их воплощения в жизнь, но посланница неба сама решила начать этот первый и от того совсем непростой разговор.

— В Аду, гораздо темнее, чем у нас, — она, как оказалось, довольно неплохо говорила на языке дьяволов, акцент был различим, но слух не резал. — У нас даже ночью можно видеть метров на десять. Так непривычно.

Я пожал плечами. Надо было, наверное, что-то сказать, но на ум приходили только не слишком вежливые реплики по поводу относительности освещения на наших землях.

— Но рассвет у вас всё же очень красивый, — продолжила леди, не смутившись моим не в меру лаконичным ответом. — Нам долго ехать вдвоём, дьявол, — резко перешла она на другую тему, — и я думаю, стоит установить если не дружеские, то хотя бы нейтральные отношения. Ненависть может повредить нашему общему делу, — она вопросительно посмотрела на меня.

Как ни прискорбно было признавать, но она выразила мои собственные мысли и выразила их, вероятно, более верно, чем мог бы позволить себе я.

— Ты права, крылатая, — наконец соизволил я открыть рот, — но и это будет непросто. Слишком долго мы ненавидели. Слишком долго мы были врагами.

— Но, я уже оказалась от своей ненависти, — леди с вызовом посмотрела на меня. — Я осознала всю её бессмысленность и тот тупик, в который она ведёт. Именно поэтому я сейчас иду с тобой, иду, возможно, на смерть, но я верю, что цель оправдывает всё. Поверь в это и ты, мастер, откажись от своей глупой и разрушающей вражды.

— Ты хорошо говоришь, крылатая, но тебя не было на Пурпурных холмах, когда легионы Неба уничтожили мой Орден, моих братьев, мою семью. Ты не слышала их крики и проклятия, ты не видела, как падали они, пронзённые вашими длинными клинками. Такое не забыть ни за год, ни за саму вечность, — я был совершенно искренен, это действительно было невозможно забыть.

— Да, меня не было там, дьявол, но я принимала участие в пятой Войне Основ и тоже теряла тех, кого любила, и мне тоже было больно, и я также ненавидела вас, как ты сейчас. Так что не говори мне о боли, её я испытала достаточно. Но сейчас пришло время забыть о прошлых обидах и двигаться вперёд. И ты понимаешь это, раз согласился идти со мной до самого Коцита. Так что я предлагаю тебе свою если не дружбу, то уважение, дьявол. Прими же его, у нас впереди тяжёлый путь, так пусть же эта тяжесть будет исходить не от нас самих.

— Прими и ты моё, леди, — сказать такое было непросто, но серебряная была бескомпромиссно права.

Она протянула мне руку. Коснуться её было не проще, чем отражать атаки небес много лет назад, но я переборол себя и крепко сжал её тонкую, сухую ладонь в своей. Как ни странно стало немного легче. Я обернулся и уже пристальнее посмотрел на свою спутницу. Сейчас она откинула свой капюшон, и серебряные волосы разметались по спине, лёгкий ветер порывами взметал их вверх. Она посмотрела на меня и еле заметно улыбнулась. Я едва сдержал, рвущуюся в ответ ухмылку. Как-то слишком быстро она добилась от меня если не

дружбы, то относительного уважения.

— Ты знаешь, что тебя ждёт у озера, крылатая? — я немного напрягся, от своего скорее всего дружелюбного тона.

— Только приблизительно, но я знаю, что именно там решится участь наших народов. Именно там древние силы или помогут нам спастись, или оставят нас навсегда, — её взор устремился далеко, к самому Коциту, который она никогда не видела, к тому чуду, которое она ждала.

Мы надолго замолчали. Элати была полностью погружена в свои мысли, а мне, несмотря на недавнее перемирие, всё ещё трудно было наладить диалог с ангелом. Между тем, флегматичные ящеры уверенно везли нас в глубь земли огня. В начале путешествия, вдоль дороги попадались небольшие замки местных аристократов, но чем дальше мы продвигались, тем меньше становилось этих образчиков заурядной архитектуры, а скоро они, вероятно, совсем перестанут отвлекать наш взор. Дорога к Коциту большей своей частью проходила по диким местам, где редко можно было увидеть дьяволов.

Я ходил к Коциту лишь однажды, ещё до того как стал Хозяином Пути. Орден взял заказ у группы молодых князей, которые хотели поохотиться на местную фауну, и назначил меня в качестве провожатого. У меня с того похода осталось довольно много воспоминаний, как приятных, так и не очень. Но со своей задачей в тот раз я справился — довёл этих искателей приключений до места и вывел обратно живыми, хотя и не совсем целыми. Некоторые из них серьёзно и не очень пострадали во время охоты. Как оказалось, экосистема озера была довольно агрессивна к посторонним.

Так мы и ехали, занятые каждый своими мыслями. Неожиданно со стороны одного из замков, очертания которого мы в тот момент проезжали, отделились силуэты трёх устремившихся к нам всадников. Я бросил быстрый взгляд на Элати, но она уже накинула на голову капюшон и поплотнее захлопнула плащ. Между тем, всадники оказались от нас в непосредственной близости, причём, они явно были несколько пьяны, хотя и не сказать, что проявляли какую-либо агрессию.

Подъехав к нам, один из них, немного заплетаясь, осведомился, не встретился ли нам по пути их друг, который отправился по делам в соседний замок. Я постарался, как можно вежливее ответить, что к моей невыразимой скорби и сожалению друга мы их не встречали. Относительно удовлетворённые ответом дьяволы пожелали нам удачной дороги, и мы, не торопясь, направили своих ящеров вперёд. Но удача неожиданно посмотрела в другую сторону. Один из троицы, самый молодой и видимо самый пьяный, вероятно желая пошутить, подъехал к едущей позади меня Элати и резко сдёрнул с неё капюшон.

После этого на долгую, дрожащую секунду воцарилось мёртвое молчание, а потом я увидел Старшую Жрицу Храма Светлой Стали во всём блеске. Тонкий стилет серебристой стрелой вынырнул из её руки и стальным жалом впился в глаз одного из дьяволов. Одним движением Элати избавилась от тяжёлого плаща, крылья её распахнулись. Прямо с седла она совершила полупрыжок-полувзлёт ко второму нежданному свидетелю. Тот уже доставал свой меч, но прежде чем он успел что-либо сделать, длинный изящный клинок на ладонь вонзился ему в переносицу.

Третий же всадник оказался или трусливей или умней остальных. Так или иначе, когда леди повернулась в его сторону, тот, уже низко пригнув голову, стремительно скакал по направлению к замку.

— Мастер?!

Это был почти обвиняющий крик, да я и сам понимал, что пришла и моя очередь вступить в бой.

Я зарычал от бессилия что-либо изменить, — слово Хозяина Пути было нерушимо, как и много лет назад. Ящер упал, хрипло выдохнув и скинув с себя наездника. Пока тот вставал и в спешке доставал свой меч, жрица уже успела преодолеть расстояние между ними благодаря своим длинным, воспаряющим прыжкам. Клинки зазвенели, бой был яростным, но недолгим. Храм Светлой Стали готовил великолепных воинов. Тяжело дыша, Элати подошла ко мне.

— Спасибо, — слова её отдавали и грустью и сарказмом одновременно.

Я печально обозревал результаты этого сражения. Сколько их ещё будет? Сколько ещё дьяволов умрёт ради того, чтобы она дошла до этого проклятого озера? Ненависть мягким ковром снова накрывала меня, но я не позволил ей обнять себя до конца.

— Дороги жестоки, — я скорбно оглядел трупы своих сородичей. — Нам надо сворачивать с широких троп, крылатая, — уже громче продолжил я, — на них, пожалуй что, слишком беспокойно.

Элати молча кивнула. Она, вероятно, чувствовала моё состояние и боялась сейчас задеть неосторожным словом. Верно боялась.

Проехав ещё немного, я свернул у большого, знакомого валуна и направил своего ящера в обширные северо-восточные пустоши. Здесь практически нельзя было встретить случайного прохожего, хотя конечно местные тропы от этого становились не менее опасны. Однако, я рассчитывал, что так хотя бы не придётся убивать своих.

Мимо нас пару раз пробежали вполне съедобные пустынные ящерицы, мясо которых я частенько употреблял в своих прошлых походах, но необходимости их убивать в этот раз не находилось. В седельных сумках наших ящеров провизии было на несколько сытых недель пути, так что на данный момент о пропитании можно было не заботиться. Я осторожно скользнул взглядом по ангелу. Леди уже явно отошла от схватки и теперь с интересом осматривала окрестности, хотя с моей точки зрения смотреть было решительно не на что. Пустоши они и есть пустоши.

Вдруг я заметил на горизонте, примерно в том направлении, в котором мы лениво двигались, несколько ярких пятен. Я остановился, пятна не приближались, но и не удалялись от нас, оставаясь примерно на том же участке. Элати подъехала ко мне.

— Что это? — негромко спросила она.

Ответа на этот простой вопрос у меня не было, что само по себе было довольно странным. Уж кто-кто, а я за годы своих путешествий перевидал почти всё и всех. И это было уже интересно. Однако, рисковать и уточнять этот момент не хотелось. Я решил обойти эти странные пятна на уважительном расстоянии. Пускай, наш путь удлинится едва ли не вдвое, но так было явно надёжнее. Немного повернув ящеров, мы продолжили идти так, чтобы пятна оставались в поле зрения. Но, неожиданно они стремительно и, как мне показалось, довольно хаотично задвигались.

Я посмотрел на их Пути и был шокирован и очарован одновременно. Это были не просто Пути, а скопления тонких лёгких дорог,двигающиеся как бы в одном потоке, но совершенно бессистемно. Это были сотни и даже тысячи родственных троп, ежесекундно изменяющих своё направление и скорость, как будто ими управляли не менее десятка опытных Мастеров Дорог, причём, каждый сам по себе. Это было восхитительно с точки

зрения Хозяина Пути, но в то же время смертельно опасно с точки зрения потенциального врага обладателя этих Путей. С одним или двумя я, наверное, ещё бы справился, но если их будет больше, я просто не успею управлять ими, несмотря на всё моё искусство.

Я всё ещё пытался понять, что или кто это. В голове помимо воли всплывали отголоски каких-то древних легенд. Что-то такое, что могло подсказать разгадку. Внезапно всё влилось в одну картину. Я понял, вот только не решил что или всё-таки кто.

— Безумные Вихри огня, — мой голос был, наверное, несколько торжественен, но меня можно было простить. Об этом чуде Ада уже давно никто ничего не слышал, а то, что дошло до нас из глубин прошлого, было довольно скупо.

— Мастер? — Элати тихо подъехала ко мне и теперь в некотором недоумении взирала на моё лицо, в котором смешались искренний восторг и не менее искренний страх.

— Смотри, крылатая, смотри внимательно, редкий дьявол может похвастаться тем, что видел их. Это Безумные Вихри огня, леди, согласно древним сказаниям это были первые дети Великого Пламени. Задолго до того как дебютный дьявол вступил на эту землю, они уже были здесь. Великое Пламя дало им свою ярость и своё веселье, но по какой-то прихоти забыло дать им хотя бы частицу своей мудрости. У них не было ни цели, ни стремлений и постепенно Вихри стали возвращаться в лоно первостихии, сливаясь с ней и находя в этом свой покой. Ещё до второй Войны Основ Орден Предвечного Пламени посылал десятки экспедиций с целью найти и познать их сущность, но насколько мне известно, только одна из экспедиций обнаружила то, что искала. Из того путешествия вернулось лишь несколько дьяволов, и у всех у них в глазах были отблески безумного огня. И говорить они могли лишь о Великом огне — весёлом и яростном. Не было такого, чтобы встреча с ними проходила незаметно, для кого бы то ни было. Нам лучше убраться отсюда, леди, — закончил я свою мысль и пришпорил ящера.

Вихри постепенно начали отдаляться от нас, и я уже спокойно вздохнул, предвкушая красочный рассказ об этой встрече своим немногочисленным знакомым. Но внезапно мимо наших удивлённо-испуганных глаз на огромной скорости промчалось одно из увиденных мною пятен и, резко затормозив, остановилось прямо перед нами. Вблизи Безумный Вихрь огня оказался поистине прекрасен — в два раза выше меня, сидящего на ящере, он пылал и смеялся. А ещё в нём не было статичных частей. Лепестки огня танцевали, извивались, соединялись друг с другом и взрывались, издавая звуки похожие на гром и хохот. Цвет его постоянно менялся от тёмно-багрового до нежно-жёлтого.

Я быстро огляделся, но к своему великому удовлетворению, других Вихрей я поблизости не заметил. Между тем весь этот сгусток чистого пламени начал неспешно двигаться в нашу сторону. Я вновь взглянул на его Пути. Моего многолетнего опыта едва хватало, чтобы уследить за всеми стремительными и лишёнными хоть какой-то системы движениями. Я ждал, не предпринимая пока никаких действий, честно говоря, я просто не был уверен в победе. Безумный Вихрь продолжал своё неторопливое шествие к нам. Хотя к нам ли? Скопления его Путей, несмотря на всю их беспорядочность, были чётко направлены в сторону Элати. Я же его видимо не интересовал. Он реагировал на ангела, на существо противоположное ему, по сути, и я сильно сомневался в том, что его реакция была дружелюбной.

Огонь заревел, пламя полыхнуло с новой силой, жар от Вихря стал уже вполне ощущаем, и я, наконец, решился. Я не знал, как убить или хотя бы ранить его и можно ли это было сделать вообще, поэтому начал с простого — попробовал просто задержать. Не скажу, что

эта попытка была лишена результатов, но тех сил, которые я потратил на то, чтобы просто держать его на месте, хватило бы на небольшую армию. Пути беспорядочно скользили, и в этом хаосе мне с огромным трудом удавалось верно перенаправить их стремительное движение. Иной раз случалось, что я направлял его туда же, куда он шёл и так.

А Вихрь как будто понимал, что я делаю. Движения Путей становились всё более замысловатыми и трудно угадываемыми. В итоге мне приходилось признать — я не справлялся, медленно, но верно рычащее пламя продвигалось к ангелу.

— Беги! — крикнул я в направлении леди. — Беги прямо и через несколько часов упрёшься в горы, я найду тебя там!

Вероятно, у неё не нашлось ни слов, ни желаний возражать мне. Что, впрочем, было и к лучшему, движение Вихря не останавливалось ни на секунду. Ящер, перепуганный не меньше наездницы, быстро понёс её вперёд, к уже вырастающим из-за горизонта горам. Вихрь резко дёрнулся вслед за ангелом, но, напрягая все свои силы, мне удалось сдержать его первый, самый яростный порыв. Ещё около минуты я с относительным успехом боролся с этим гостем из глубины веков, а потом он неожиданно затих. Правда, затих лишь для того, чтобы взорваться вновь.

И теперь он продвигался уже ко мне, продвигался с тем же, если не большим неудержимым напором. Я был в смятении, я проигрывал, и это поражение, скорее всего, будет фатально. В невероятной спешке я искал выход из этого тупика и, как мне вдруг показалось, нашёл. Его Пути были непохожи на все, с которыми я работал ранее — они были очень мягкие и обладали ненормальной прозрачностью, к тому же они были исключительно тонкие и абсолютно однородные. Такие тонкие и лёгкие Пути, при наличии определённого мастерства, вполне можно было соединять в единое целое. И я приступил к этому процессу с огромным энтузиазмом, ведь чем меньше будет этих Путей, тем легче мне будет работать с ними.

Как ни странно, но старания мои не пропали даром. Пути Безумного Вихря действительно сливались друг с другом, становясь, правда, при этом толще и, как следствие, сильнее. Уже минут через пять работы оставалось не более двух десятков Путей, которые, несмотря на их силу, контролировать было значительно проще. Прошло ещё немного времени, и остался лишь один Путь, который, тем не менее, с неослабевающим желанием, рвался ко мне. Однако теперь я мог относительно спокойно управляться с ним, хотя конечно и это отнимало огромное количество сил.

Следующим пунктом своего плана я хотел довести моего, когда-то столь многоликого, противника до ближайшего оазиса и бросить в местный пруд. На это, конечно, ушло бы не меньше полусуток, но, увы, других выходов я не видел. Однако даже в эти, по сути элементарные, планы закралась грешная ошибка.

Внезапно Вихрь издал какой-то абсолютно дикий хохот, и его Путь рассыпался на все те крошечные дорожки, которые я с такой скрупулезностью собирал. С удесятерённой силой и яростью он бросился на меня. Что-либо сделать я уже не успевал, пламя взяло меня в плотное кольцо, обжигая и глуша все мои мысли и, вероятно жалкие, попытки что-нибудь предпринять, безумным и в тоже время удивительно весёлым смехом. Это продолжалось несколько вечных мгновений, а потом вдруг всё исчезло.

Вихрь, не прекращая бешено хохотать, со скоростью опаздывающего ветра удалялся в противоположном от гор направлении. Я перевёл дух, мои брови и волосы были изрядно подпалены, лицо и руки нестерпимо резали свежие ожоги, а что самое прискорбное, не

вынеся всего этого ужаса, погиб мой горячо оберегаемый ящер. Но, главное, я был жив, хотя и не понимал почему. Вдруг взгляд мой упёрся в тёмное пятно недалеко от меня. Я подошёл ближе, голова немного закружилась. Я увидел как одна легенда, оставила в своём эпилоге другую. Гневно-багровыми искрами перед моими глазами ухмылялся Оскал огня. Улыбка Великого Пламени, — когда-то в детстве мы спорили, что видели именно её в пронзающих сумерках. Спорили, зная, что лжём. Но спорили до драк и обид, потому что не было в Аду большей награды, чем увидеть эту снисходительную, кривую улыбку. Ведь если тебе улыбнулся огонь, то твоя дорога всегда будет озарена и красива. Я усмехнулся, как видно, само Великое Пламя было на моей стороне, последние сомнения унеслись прочь. Оскал медленно и величаво угасал, а я как можно быстрее, насколько это позволяло уставшее тело, устремился к далёким ещё горам. Где-то за ними меня ждал Коцит.

Глава 2. Дороги жестоки. Часть 2

Шёл я, надо отметить, довольно долго, около двух суток, но что приятно порадовало мой измученный организм, без каких-либо приключений. Не скажу, правда, что это путешествие доставило мне какое-то особенное удовольствие, поэтому, когда я, наконец, достиг кромки гор, то испытал чувство большого облегчения.

Элати я обнаружил не так далеко от того места, где вышел. Отточенные чувства Мастера Дорог без лишних сомнений подсказали мне правильное направление. Леди в момент встречи занималась, в общем-то, вполне банальной вещью, а именно точила свой меч. Рядом меланхолично бродил её ящер.

Встреча не была особенно бурной, но в целом прошла достаточно дружелюбно. После краткого обмена впечатлениями первого дня, мы немного перекусили и отправились дальше, вдоль основания горного массива. Подобный маршрут мог довольно сильно увеличить наш и без того немалый путь, в связи с чем было принято решение двинуться напрямую через горы. К тому же где-то в этих местах обитало одно из племён горных бесов, вождь, которого был моим старым знакомым. Проводники из этого племени могли показать значительно более короткую дорогу, чем та, сведениями о которой я располагал. Горные дороги всё же не были моими излюбленными.

Выбрав среди скал более-менее приемлемую тропу, мы начали потихоньку углубляться внутрь каменных великанов. Вокруг было тихо и немного мрачно. Над головами плавно проносились редкие крылатые ящеры. И единственное начёт чего я волновался, так это насчёт воды, которой у нас было уже совсем не много.

— У нас в Раю почти нет гор, — раздался позади меня голос крылатой леди, — а те, которые есть, невысоки и смешливы. И надо отметить, сейчас я этому рада. Здесь мне крайне неудобно, — она передёрнула плечами. — Как будто они сейчас протянут к нам свои каменные ладони и раздавят, как двух заблудившихся насекомых.

— В этих гигантах своё очарование, крылатая, — я счёл возможным ответить, — здесь много пьянящих тайн и затаённых чудес, и не всегда они так ужасны, как тебе кажется. Хотя, — я ухмыльнулся, — иногда они ещё ужасней.

Дорога понемногу поднималась всё выше, не резко, но вполне заметно сужаясь. Я подумал о нашем последнем ящере, которого бы крайне не хотелось бросать и самим тащить наши почти уполовинившиеся, но всё ещё достаточно объёмные запасы вещей и продовольствия. Но если эта каменная тропа и дальше будет неотвратимо сдвигать свои стены, сделать это придётся наверняка.

Примерно через уставший час подъёма, скалы немного расступились, и мы вышли на небольшое открытое пространство, в центре которого была высечена несколько грубоватая, но в то же время удивительно гармоничная фигура. Именно такими скульптурами кланы горных бесов делили свои небогатые, но от того не менее ревностно хранимые территории. Я подъехал вплотную к ней и с облегчением вздохнул, фигура изображала крупную змею со стилизованной головой беса — это был символ клана Горных змей, вождём которых и являлся мой старый знакомый.

— Красивое изваяние, хотя, конечно, и несколько диковатое, — леди также с интересом рассматривала статую.

— В племенах горных бесов, крылатая, искусство скульптуры считается не менее

важным, чем искусство войны. В этом они, пожалуй, обогнали даже наших лучших мастеров. У каждого клана своя школа с неуловимыми для посторонних глаз, но абсолютно ясными для самих бесов отличиями.

Проведя этот маленький экскурс, я в задумчивости огляделся. Где-то поблизости должен был находиться небольшой отряд наблюдателей, следящих за дорогой. Горные бесы никогда не были особо агрессивным народом. Но это благодущие длилось лишь до того момента, пока дело не касалось их исконных земель или безмерно почитаемых каменных статуй.

— Приветствую славный клан Горных змей! — закричал я, поворачиваясь по кругу. — Моё имя Кэй! Как здоровье мудрого Лиарга?! Передайте ему, что Странник вновь пришёл в его земли и просит о скорой встрече!

Минут пять ничего не происходило, а потом из узкой трещины в скалах легко выпрыгнул крупный бес. В руке его был некий аналог копья с длинным широким наконечником. Быстрым пружинистым шагом он направился в нашу сторону. Шёл он довольно беззаботно, видимо, его прикрывали не менее полудюжины лучников. Я, не спеша, пошёл ему на встречу, держа руки на виду. Несмотря на ту легкость, с которой он двигался, оказалось, что бес уже далеко немолод.

— Я помню тебя, Странник, — говорил он с изрядным акцентом присущим горцам, но вполне разборчиво. — Много лавы утекло с тех пор, как ты бродил в наших горах последний раз. Ты спрашивал о мудром Лиарге, — бес тяжело вздохнул, — к нашей великой скорби, горы забрали его себе несколько лет назад. Теперь у нас новый вождь. Им стал сын Лиарга — славный Заор. Теперь он ведёт наш клан к вершинам.

Упоминание о смерти Лиарга стало довольно неприятной неожиданностью. Однако сына его я помнил, и хоть особой привязанности между нами не было, но и враждовать причин тоже вроде бы не находилось. А в честь памяти своего отца он вполне мог оказать нам необходимую помощь.

— Я хотел бы поговорить с вашим новым вождём. У меня есть к нему просьба и надеюсь, что в память о дружбе с его отцом он не откажет в ней, — продиктовал я бесу свои мысли.

Тот кивнул. — Я провожу тебя до наших пещер, Странник, следуй за мной, — уверенной походкой бес отправился к извергшей его трещине. Нам же ничего не оставалось, кроме как привязать горько взглянувшего на нас ящера к острому выступу на скале и последовать за ним.

До пещер, где обитал клан Горных змей, идти пришлось около двух часов. Всё это время нам было предложено пробираться по узким неровным коридорам, под мрачным надзором неприветливых каменных стен. Ко всему прочему, ангелу приходилось прикладывать огромные усилия для того, чтобы не зацепиться за многочисленные выступы и не порвать, скрывающий её неприемлемый в этих местах вид, плащ. Облик моей спутницы так и оставался загадкой для нашего проводника, но, слава огню, тот не отличался любопытством. Можно было лишь надеяться, что и другие его собратья проявят столь удачную, в нашем случае, тактичность.

Вход в обиталище бесов символически охраняли две довольно внушительные статуи, похожие на уже виденную нами. Они казались как будто более угрожающими, хотя возможно дело было просто в размерах. Кроме символической охраны нас встретил также десяток бесов, составляющих, по-видимому, охрану уже реальную. Примерно у половины из

них в ногах плавно извивались крупные змеи. Клан получил своё название именно из-за умения приручать горных змей, которые отличались немалыми размерами и довольно агрессивным поведением. Воины клана с успехом применяли это живое оружие в своих локальных конфликтах.

Наш провожатый провёл недолгую, но достаточно эмоциональную беседу с низкорослым предводителем этого отряда. Вероятно о чём-то договорившись с начальником местной охраны, ведущий нас бес обернулся и коротко махнул рукой. Мы не замедлили поспешить на его приглашение. Он двинулся через всю естественно образованную, в ладонях скал площадь в направлении к самой дальней и самой большой пещеры, где, как было бы логично предположить, и находился нынешний вождь.

Пока мы шли, я позволил своему взгляду пробежаться по окружающей нас обстановке. Ничто не изменилось здесь со времени моего последнего, весьма надо сказать сумбурного, посещения этого места. Не считая охранявших входы к пещерам воинов, бесов почти не было видно, все были заняты повседневными делами, охотой или обучением. Глаз привлекали только несколько скульпторов, которые, отрешённо дробили камень своими хитрыми приспособлениями, создавая причудливые творения, в коих, впрочем, уже довольно чётко прослеживался лейтмотив змеи.

Наконец мы подошли к входу в обитель вождя. Так и не назвавший своего имени бес попросил нас подождать снаружи и прошёл внутрь старательно занавешенной змеиными шкурами пещеры.

Ждать нам пришлось на удивление недолго. Буквально через пару минут шкуры откинулись, и в образовавшийся проём в сопровождении двух крепких бесов с уже знакомыми змеями у ног вышел и сам Заор, вождь клана Горных змей. Я сразу его узнал, несмотря на несколько поредевшие волосы и обилие шрамов на руках и лице — явный признак частого общения со змеями. По традиции клана вождь должен быть лучшим, или хотя бы одним из лучших мастером этого ремесла.

— Я рад видеть друга моего отца, — низким, несколько грубым голосом вымолвил он. Глаза его, однако, при этих словах не теряли настороженного выражения. — Наш клан готов предложить тебе, Странник, а также твоему спутнику кров и пищу, если вы устали или голодны.

Я благодарно кивнул. Насчёт крова не знаю, а вот перекусить действительно не помешало бы.

— Мой воин сообщил, что у тебя есть просьба ко мне, — между тем продолжал Заор, — говори же, Странник, и ради памяти моего отца и твоего друга я постараюсь её выполнить.

— Позволь и мне в свою очередь поприветствовать вождя славного клана Горных змей, — бесы любили несколько торжественный слог, — поблагодарить за гостеприимство и, дабы не отнимать твоего драгоценного времени, сразу перейти к сути моей просьбы. Так сложилось, что мне и моему спутнику необходимо как можно быстрее преодолеть эти, благословенные огнём, горы. Не согласишься ли ты дать нам хорошего проводника, который мог бы показать кратчайший путь на ту сторону скал. В этом случае наша признательность не будет знать границ.

Заор задумчиво покачал головой, взгляд его стал не по-доброму хитрым.

— Пойми, Странник, в любое другое время я дал бы тебя проводника в тот же миг, в который ты о нём попросил, но ты заглянул к нам в беспокойные дни. У нас идёт кровавая война с презренным кланом Каменных цветов, и каждый воин у меня на счету. Я помню

тебя, дьявол, ты владеешь странными силами, неподвластными нам. В память о моём отце и своём друге ты мог бы помочь Горным змеям одержать победу над нашим врагом и тогда, клянусь скалами, я дам тебе лучшего проводника в этих горах, — и он со смесью призыва и небольшой тревоги посмотрел на меня.

Я быстро думал. Подобного предложения я надо признаться не ожидал, и оно ставило меня перед серьёзным выбором, который необходимо было сделать в течение нескольких минут. Весь вопрос упирался во время. Войны с бесами я не слишком боялся, так как по опыту знал, что племена их не очень многочисленны и вряд ли в войне участвуют больше пяти-шести сотен с одной стороны, и крайне сомнительно, что среди них будет достойный меня противник. Но сколько могла занять эта война? Не быстрее ли было бы самому попытаться найти, так необходимый нам, проход?

— Ответь, вождь, — высказал я свои опасения, — на какой срок ты рассчитываешь на мою помощь? К сожалению, как я уже говорил, времени у меня и моего спутника не очень много, и каждый день промедления будет нам словно проклятие пламени.

— Не беспокойся о времени, Странник, — Заор посредственно-тонко улыбнулся, — война длится уже немало дней. Но завтра, лишь только вулканы пробудятся огнём, наши войска должны сойтись в решающей битве. Лишь на один день ты будешь вынужден задержать свой путь. И в этот день ты поможешь и мне, и себе.

— Хорошо, — день ничего не менял, а проводник, как ни крути, не помешает. — Завтра, Заор, я пойду на битву вместе с тобой и сделаю всё для твоей победы.

Вождь бесов удовлетворённо кивнул.

Ночь я и Элати провели в специально отведённой для гостей пещере. Не сказать, что там было так же удобно, как в родном замке, но присутствовали и относительная чистота и столь же относительный комфорт. На ужин, как ни прискорбно, были тушёные змеи, и если я перенёс эту трапезу вполне спокойно (и не такие вещи приходилось есть за время моих путешествий), то Храм Светлой Стали явно приучал своих членов к более классической пище. Элати так и не смогла перебороть себя, и ей пришлось довольствоваться тем, что мы на всякий случай взяли с собой. О судьбе же нашего ящера я мало волновался, — ездовые ящеры существа весьма флегматичные, и ко всем прочим своим достоинствам могут прибавить возможность обходиться без пищи и воды достаточно продолжительное время, вплоть до десятка дней.

Вскоре стемнело. Уставшая за этот долгий день леди, так и не расстающаяся со своим плащом, который, впрочем, лучше любого меча сохранял ей жизнь, уснула, подложив под голову сумку. Костёр мы не разжигали, и наступающая темнота плотно окутывала её тело. Я вдруг подумал, как ей должно быть страшно здесь, вдали от родных земель, посреди дьяволов, бесов и ещё огонь знает кого. Вероятно, в её груди бьётся очень храброе сердце, раз она решилась на подобное. Видимо она крепко верила в то, на что шла. И уже одно это заслуживало и уважение и поддержки, пусть даже это был, проклятый пламенем, ангел. Постепенно и мои привычные к темноте глаза начали всё чаще смыкаться. Ну, оно было и к лучшему, завтра по всему предстоял нелёгкий день.

Проснулся я от назойливого шума и многочисленных неразборчивых криков. Какое-то время мне удавалось сопротивляться этим ожидаемым убийцам утренних сновидений, но развязка была predetermined. Я встал и выглянул из пещеры. Вся площадь была заполнена бесами. В основе своей насколько мне позволяли понять глаза, это были воины. Клан

Горных змей собирался на битву, которая должна была увековечить его имя, и мне, надо думать, придётся сыграть в этом немаловажную роль.

Я не сильно ошибся в своих предыдущих оценках численности войск бесов. Вождь собрал под свои знамёна, а вернее будет сказать статуи, не больше полутысячи воинов, и теперь они пытались создать некое подобие порядка в своих рядах. Получалось, правда, не очень, всё-таки дисциплина горцев оставляла желать лучшего, но, тем не менее, по прошествии часа я наблюдал уже что-то похожее на боеспособную единицу. Если враждующее племя не сильно превосходит Горных змей по численности или умению, всё должно было пройти гладко.

— Тебе придётся остаться здесь, леди. В суете сражения вполне может оказаться так, что откроется твой истинный облик. Я думаю, к вечеру мы закончим, — Элати ходила очень тихо, но у меня был прекрасный слух.

— Резонные слова, мастер, хотя я и не испытываю от них восторга, — что мне нравилось в моей спутнице, так это объективная оценка ситуации. — Здесь так пыльно.

— Терпение, крылатая, проводник нам нужен, дорог здесь тысячи, а время слишком равнодушно к нашим, возможно, несколько частым просьбам.

Уже спустя пару часов после этой короткой беседы я шагал рядом с Заором по крутым склонам горных дорог. Позади нас шествовала его «великая армия», как он сам её называл. Нет, я не могу сказать, что их вид вызывал снисходительную улыбку, воины они были в принципе неплохие, а многочисленные боевые змеи придавали войску особый колорит. Но всё же вид невысоких бесов, карабкающихся по горам, при практически полном отсутствии какого-либо построения вызывал невольную улыбку.

По дороге, отчасти, чтобы занять себя, отчасти, из реального интереса, я расспрашивал вождя о противнике. Выслушав обязательный поток проклятий на их рогатые головы, я всё же узнал, что если Горные змеи научились приучать и использовать в войнах боевых змей, то Каменные цветы преуспели в иной области. Исходя из изложенного следовало, что они были лучшими пращниками в этих местах. Этой науке они обучались с детства, и к достижению более-менее зрелого возраста достигали в ней максимально возможного совершенства. Вождь поведал мне, что лучшие из них сами отбирали камни для метания и даже ставили на каждом из них собственное клеймо, чтобы враг всегда знал, чья меткая рука поразила его. Помимо этого оказалось, что племя противника, по словам Заора, отличалось также определённым умением в работе с камнем. Для несильно щедрых на похвалы соседям бесов, это был изрядный комплимент, из которого можно было сделать вывод о том, что враг достиг в создании каменных скульптур огромного мастерства.

— А из-за чего война, вождь? Что стало причиной вражды двух столь достойных кланов? — я решил, чем больше информации, тем лучше.

Признаться я думал, что Заор вновь начнёт твердить про оскорблённую честь или что-нибудь о воле Великого Пламени, однако тот приятно меня удивил.

— Вода, Странник. Вода и пища, — на лице беса скользнула грустная улыбка. — В этих местах они встречаются не так часто, как хотелось бы, а прямо на границе наших территорий находится прекрасное озеро, полное рыбы. Пока был жив мой отец, нам как-то удавалось делить этот источник. Но, после его смерти, Каменные цветы потребовали себе гораздо больший кусок, чем имели раньше, практически всё. Я не отдал, и началась война. Не скрою, победа отдалилась от нас, и твоё появление вселяет новую надежду в меня и моё

племя.

— Долго ещё идти? — рассказ Заора не стал для меня откровением.

— Почти пришли, сейчас от той кривой скалы направо и через полчаса будет открытая площадка. Там и состоится решающая битва.

Я промолчал, думая уже о своём и на автомате переставляя ноги, благо за годы странствий я научился делать это даже на такой опасной к невнимательным поверхности, как горы.

Внезапно что-то просвистело. Я увидел, как идущий впереди воин упал со стоном и разбитой головой. После этого на мгновение повисла тишина, а затем воздух наполнился диким свистом летящих камней.

— Проклятие! — закричал Заор. — Эти отродья каменной пыли обманули нас, честной битвы уже не будет! — Отходим!

Бесы, услышав своего вождя, поспешили последовать его довольно мудрому совету, уже около полусотни Горных змей валялось на земле от метко поразивших их камней.

Я повернулся, также намереваясь отойти и действовать уже по возможности с безопасного расстояния, однако, мои тактические выкладки прервал глухой удар камня об мою же бедную голову. Это было последнее, что я успел почувствовать, перед тем как провалиться в равнодушную, но снисходительную темноту.

Глава 2. Дороги жестоки. Часть 3

Она была очень красива. Возможно, немного экзотична, на мой несколько консервативный вкус, но всё же крайне красива. Она танцевала для меня в полумраке комнаты, и я не мог вспомнить, сколько длился её завораживающий и мысли, и тело танец. Я попытался схватить её за длинную стройную ногу, но она со смехом увернулась от моей ленивой руки.

За отгораживающей комнату портьерой что-то громко закричал высокий обличающий голос. Послышался звонкий удар, и крик прекратился. Я вновь перевёл взгляд на танцовщицу, но успел заметить лишь её ускользающую во мрак тень. Похоже, что время, за которое я заплатил, вышло, жаль.

С трудом встав, я отдёргнул портьеру и вышел в большой тёмно-алый зал. Со всех сторон неслась негромкая, чуть печальная мелодия. За ближайшим ко мне столом кучка дьяволов играла в карты. Несмотря на свой интерес к азартным забавам, этой игры я не знал. Невольно заинтересовавшись, я подошёл ближе. Кон, вероятно, только что закончился. Кто-то из игроков довольно смеялся и пил за вечную удачу, кто-то ругался сквозь зубы, провожая злым взглядом свои издевательски звенящие в чужих руках монеты.

— Сыграй брат, — весело предложил мне, видимо, один из только что выигравших.

— Я не знаю правил, — ухмыльнулся я в ответ на его предложение.

— Не ставь на правила, ставь на победу, — он хлопнул меня по руке и заразительно засмеялся.

Я вновь ухмыльнулся в ответ и достал пару монет. — Этого хватит для ставки? — я был уже достаточно пьян для бездумных действий.

— Для первой хватит, — теперь его голос был уже вполне серьёзен. — Эй, милая, сдай нам удачные карты, ведь нам обоим нужна только победа.

К столу подошла молодая дьяволица с колодой несколько потрёпанных карт. Взглянув на меня, она хищно улыбнулась и облизнула свои пухлые вульгарные губы. Несмотря на легкомысленный вид, карты буквально летали в руках дьяволицы. Теперь хищно улыбнулся уже я, не веря ни одному её жесту.

— Даже не думай, незнакомец, в этой игре не лгут, — голос моего оппонента был очень спокоен и в нём не чувствовалось насмешки. Почему-то я ему поверил.

Дьяволица лёгкими отработанными движениями бросила к нашим рукам по три карты рубашкой вверх.

— Внимательно посмотри и выброси ту, которая тебе не нужна, — с этими словами дьявол ловко подхватил свои карты и начал пристально в них вглядываться.

— А как я пойму, какая мне не нужна? — я гораздо менее ловко взял свои.

— Не волнуйся, это несложно, главное, не торопись.

Я заглянул в розданные мне карты. Картинки на них были не стандартные, привычные масти отсутствовали, а ещё на них явно не пожалели красок. На первой я увидел пламя, великое и редко милосердное. Художник не поленился, словно именно за этот рисунок ему очень неплохо заплатили. Жар, идущий с картинки, будто обжигал мои руки и лицо, огонь словно старался выпрыгнуть на меня из своей клетки. И в то же время он притягивал к себе, звал погрузиться в свои ладони. Я буквально силой заставил свою руку положить первую карту на стол.

На следующей карте всё было гораздо более прозаично, но и гораздо более знакомо для меня. На ней, мой хмельной взгляд ласкала дорога, то чему я посвятил всю свою жизнь. Дорога стремилась вверх, увлекая за собой в неведомые дали. Наверное, я чуть дольше, чем требовалось, смотрел на эту карту, прежде чем положить её рядом с пламенем.

Но третья карта заставила смотреть на себя ещё дольше. Во многом из-за того, что изображение на ней было для меня абсолютно неясно. Там были изображены крылья, но они вряд ли составляли пару. Одно крыло явно принадлежало ангелу, оно почти всё было в крови, тяжёлыми каплями устремляющейся вниз. От него веяло войной и скорбью. Другое походило на крылья ящера с южных болот, но оно было какое-то непропорциональное, лишено всякого изящества, будто пародия на крыло. Оба крыла делили пространство на две ненавидящие части, резонируя друг с другом, словно стараясь разорвать карту пополам. Я в задумчивости положил её рядом с остальными.

— Ну что, какую из них ты выбросишь, незнакомец, — мой партнёр уже избавился от одной из своих карт и теперь с нетерпением смотрел на меня.

Думал я не долго, ни пламя, ни тем более дорогу я терять не хотел, а вот непонятные крылья мало что затронули в моей душе. Я без сожаления избавился от этой карты.

— Что дальше? — не могу сказать, что начало игры меня сильно увлекло, но определённый интерес необычные карты пробудили.

— А дальше всё просто, чьи карты сильнее тот и победил. Выбери одну, ту, которая сделает первый выпад.

Чем дольше продолжалась игра, тем меньше я понимал её суть, но доигрывать нужно было в любом случае, и я выкинул на стол пламя.

— Да... — грустно протянул мой противник, — эту карту мне, увы, никогда не побить, да и никому из нас. Ну что ж, значит, отдам ту, что послабее, — и он бросил поверх моего пламени свою карту, на которой был изображён довольно банальный меч. К моему искреннему изумлению картинка, изображающая этот меч (архаичный двуручник с замысловатым литьём на гарде), начала медленно задымляться, а потом вдруг неудержимо вспыхнула ярко-оранжевым пожаром. Горела не сама карта, а лишь изображение на ней. Через несколько секунд всё закончилось, теперь на обеих картах танцевал гневно-зовущей огонь.

— Ну, а теперь мой выпад, незнакомец, — на стол полетел новый участник игры.

Я ухмыльнулся, — на столе лежала ещё одна дорога. Правда, она немного отличалась от той, что была у меня. Казалось, она чуть шире и вела не вверх, а по прямой, вдали виднелись какие-то дергающиеся очертания. Не теряя времени, я кинул рядом с ней свою карту. Мой соперник также не сдержал усмешки.

— Это будет интересно, хотя, скорее всего, не так эффектно как то, что мы уже видели, — он сделал небольшой глоток из своего бокала.

Между тем я не отрывал своих глаз от карт, и они не дали мне поводов для разочарований. Они лежали рядом, две дороги, одна немного прикрывала другую. На моих глазах они начали сливаться друг с другом, образуя развилку. Теперь это была одна дорога, которая делилась на две.

— И что дальше? — вопрос казался мне вполне законным.

— Подождём незнакомец, немного терпения, — дьявол снова отпил из бокала.

Прошло минуты три, а потом в начале дороги появилась крошечная фигурка дьявола. Она была несколько гротескна и двигалась каким-то рваным, нервным шагом, но в её

принадлежности сомневаться не приходилось. Я заметил, как напрягся мой оппонент при её появлении. Фигурка дошла до развилки и остановилась, как бы раздумывая. Впрочем, долго её раздумья не продлились. Всё тем же рваным, но достаточно уверенным шагом она продолжила свой путь по дороге, лежащей на карте моего соперника.

— Верный выбор, дружок, — победивший дьявол довольно засмеялся. — Ну, что ж, значит ничья, незнакомец?

— Ничья? — я хитро улыбнулся, — я вроде бы ставил на победу.

Дьявол снова рассмеялся, — я, в общем, тоже не против упасть в объятия торжества. Предлагаю удвоить ставки и скрестить в дуэли те карты, которыми мы так преждевременно пренебрегли.

Я невольно задумался, вспомнив неоднозначные крылья, но отступить, крайне не хотелось. — Удваиваю.

С этими словами я потянулся к отброшенной мною карте и кинул её рубашкой вниз перед противником.

Тот удивлённо покачал головой, — редкая карта, тебе повезло, незнакомец, мне её не побить. Ты победил. Эй, милая, принеси мне ещё вина, — и он бросил свою неудачную карту за край стола.

— А что значит эта карта? — я действительно был заинтригован принесшими мне победу крыльями.

— Она значит, что кто-то ошибся, — только что заказанный бокал был уже пуст, дьявол, не спеша, отчитывал монеты.

— И кто же?

— Если бы я знал, то выиграл, но я проиграл.

— Может ещё одну партию, — игра, конечно, была весьма странной, но что-то в ней затягивало.

— Обязательно, незнакомец, мне ведь нужно отыграться, но не сегодня. Нам обоим надо передохнуть, — он посмотрел мне за спину. — Обернись.

Я обернулся.

Совсем рядом со мной с треском ударился ещё один камень, сквозь грохот и стоны слышался громкий голос Заора. Я огляделся мутным взглядом, заставив себя двигать раскалывающейся от боли головой. В общем, ничего удивительного я не заметил, — вокруг дрались бесы. Видимо, тактическое отступление Горных змей удалось не в полной мере, и теперь они сражались уже не за вождеденное озеро, а за свою, наверняка, не менее вождеденную жизнь.

И, по первым впечатлениям, удавалось им это с трудом. Каменных цветов было явно больше, и, несмотря на свою славу пращников, они не стеснялись и простой рукопашной. Моих вынужденных союзников от полного краха спасали только грозно шипящие и, слава огню, дрессированные змеи. Их молниеносные выпады и укусы парировать было намного сложнее, чем удары меча или копья. Да и попасть в узкие тела из пращи было совсем не просто.

Здраво рассудив, что поражение войска Заора вероятно бросит в пропасть все мои надежды о проводнике, я ввёл в развернувшееся сражение новую боевую единицу — себя. Не скажу, правда, что данное решение далось с лёгкостью, ибо моя бедная голова требовала покоя и заботы. Но, кроме того, она требовала ещё и мести.

Несколько секунд я рассматривал Пути моих врагов (по крайней мере той части, что находилась в пределах моей видимости) и не нашёл в них ничего интересного. Дальше всё было просто.

Высокий (для беса) пращник, дерзновенно стоял на гордом камне, словно презирая смерть. Он уже приготовился к броску, но в последний момент его резко развернуло и снаряд, предназначенный врагу, полетел в соплеменника. Он ещё не успел ужаснуться тому, что сделал, как и его голову нашёл шальной осколок, на котором был вырезан простенький символ цветка. Камни будто обратились против своих мастеров. Этот неожиданный обстрел посеял в рядах врага состояние сходное с паникой. Многие из тех, кто несколько секунд назад рвался добивать отступающего противника, сейчас лежал с пробитой головой или треснувшими рёбрами.

Не оставил я без внимания и боевых змей, немало которых уже полегло от рук противника. Ускоряя и уточняя направления их Путей, я добился того, что часто просто не успевающие добраться до врага рептилии получили второе рождение и внесли немалую лепту в перелом хода битвы.

Немного пришедшие в себя воины Заора также заметно активизировались, начав потихоньку теснить вражеских бесов. Сам Заор вперед благоразумно не лез, предпочитая громко подбадривать и отдавать приказанья из-за спин своих подданных. Я старательно следовал его мудрому примеру.

Постепенно стало ясно, что афера Каменных цветов не увенчается успехом. Горные змеи, вновь ощутив веру в победу, сражались с утроенной яростью, без сомнений и переживаний, убивая ошеломлённых бойцов чужого клана. А отдельных героев, так некстати поднимающих в собратях боевой дух, я быстро разуверял в собственной неуязвимости.

Кончилось всё предсказуемым и верным, по сути, бегством противника. Воины Горных змей с воинственно-радостными криками бросились за ними — закреплять своё право на «озеро раздора».

Я же откровенно не поддержал этот благородный порыв и присел на ближайший подвернувшийся камень. Дело своё я сделал, вряд ли теперь бесы упустят оскалившуюся победу, а мой несчастный череп всё настойчивей требовал скорого и продолжительного отдыха. Кровь, слава огню, течь уже почти перестала, но всё же было бы неплохо показаться какому-нибудь местному знахарю.

На соседний камень, опустошённо спихнув с него мёртвую змею, устало присел Заор. Одежда его была в крови, а на лице виднелся свежий порез. Видимо, всё же не удалось вождю полностью уйти от рукопашной. Но, несмотря на потрёпанный вид, выглядел он вполне довольным. Сквозь пот и пыль на лице то и дело проскальзывала улыбка.

— Вижу, не врал отец, когда рассказывал о тебе, наверное, даже преуменьшал, — Заор благодарно посмотрел на меня. — Сегодня ты спас жизнь и честь Горных змей, Странник. Теперь ты всегда будешь желанным гостем в наших землях, всегда найдёшь здесь помощь и поддержку.

— Я сделал, что обещал вождь, хотя, видит пламя, планировал обойтись меньшей кровью, — я снова потрогал голову в месте удара. — Скажи, как долго ты ещё предполагаешь сегодня сражаться? Время обеда.

— Не волнуйся, Странник, — Заор понял мой нехитрый намёк. — Теперь мои воины легко добьются победы, и совсем скоро голова их вождя будет валяться в пыли, под моими ногами. Пойдем, я доведу тебя до озера, из-за которого ты и получил свою рану. Тут

недалеко, смоешь кровь и грязь битвы.

Идти было откровенно лень, но отказываться было как-то неудобно, да и предложение смыть кровь и грязь показалось достаточно уместным. Я кивнул и, тяжело вздохнув, встал с такого уютного камня.

Заор не обманул, идти действительно оказалось недолго. Не прошло и десяти минут, как я уже погрузил свои утомившиеся руки в холодную воду озера. И хотя мне оно показалось довольно маленьким, легко было поверить, что для местных жителей этот водоём представляет немалую ценность. С удовольствием ополоснув лицо, я даже задумал искупаться, но тут недалеко послышались громкие и настойчивые ругательства, и я со вздохом обернулся узнать в чём собственно дело.

Дело, как ни печально, оказалось довольно банальным и предсказуемым, хотя от этого и не менее желанным для Горных змей. На широком плоском камне у берега озера сидел Заор, а два здоровых воина тащили к нему залитого кровью, но, тем не менее, отчаянно ругающегося старого беса в грязных, но явно богатых по местным меркам одеждах. Вероятно, это и был вероломный вождь Каменных цветов. Настроение у него, по всей видимости, было паршивое, впрочем, его можно было понять. Судя по недавним словам Заора, вели его на казнь.

В общем, дальнейшее развитие событий предсказать было несложно, но я всё же решил досмотреть эту трагедию до конца. И в целом увидел то, что ожидал.

Вождь Горных змей что-то негромко говорил, старик не так давно бывший не менее, а может и более могущественным вождём, не прекращал ругаться и проклинать своего торжествующего визави. Видимо, Заору, наконец, надоело слушать его крикливую ругань, и он лениво и властно махнул рукой. Вслед за этим жестом, один из сопровождавших павшего вождя бесов, не спеша, обнажил широкий, длинный меч. Старый бес не видел его угрожающего движения и не снизил объём негативной полемики. На одном из своих замысловатых и нетривиальных ругательств он и закончил эту полную надежд и падений жизнь. Голова его, как в дешёвом спектакле подкатилась к запylённым ногам Заора. Тот, задумчиво пнул её и тяжело встал с камня. Спектакль подошёл к концу.

Уже через полчаса мы направили свои стопы к главному поселению Горных змей. Я должен был наслаждаться честью ехать рядом с вождем, торжествовавшим сегодняшней успех. Несколько поредевшие и изрядно битые ряды бесов, тем не менее, лучились счастьем победы. То и дело слышались весёлые песни, хвалы славному Заору и мудрому Страннику.

Встреча победоносной армии была довольно сумбурной, но искренне радостной. Не обошлось, конечно, без слёз и печали, однако их было почти не разглядеть за завесой всеобщего ликования по случаю поражения заклятого врага. Элати я обнаружил там же, где оставил, она задумчиво смотрела на пленительный танец огня в алеющих углях. Увидев меня живым хоть и не невредимым, леди даже вроде обрадовалась, что, правда, было сложно понять по её уставшему лицу.

— С победой, мастер, — она поднялась мне навстречу. — Когда выходим?

— Терпение, крылатая, моя голова безапелляционно требует покоя и сна, — я, в общем, не лгал. — Выйдем завтра с утра, предварительно плотно позавтракав.

Элати закатила глаза, но спорить не стала, видимо всё же понимая, что чувствую я себя не лучшим образом, и отдых не помешает.

— Наш ящер умер, — добавила, снова присаживаясь у костра. — Какой-то местный зверь посчитал, что тот нарушил его территорию. Теперь придётся нести всё на себе.

Смерть ящера мало меня расстроила, я привык ходить пешком на очень большие расстояния. В связи с этим, а также с тем фактом, что был уже вечер этого утомительного дня, я лаконично пожелал Элати достойных сновидений и провалился в желанный и крайне востребованный сон.

Утро началось точно так же, как и закончился вчерашний вечер, — с головной боли, хотя уже и не такой резкой. Леди уже проснулась и без особого аппетита ела захваченные с собой в лагерь продукты, хмуро глядя на выход из пещеры.

— Не грусти, крылатая, скоро снова в поход, — я тяжело поднялся на ноги и направился к выходу. В ответ жрица лишь флегматично кивнула. Я, в общем, её понимал, сидеть столько времени в этой не самой благоустроенной пещере, не имея возможности выйти наружу и зная, что единственная защита от толпы бесов это твой уже несколько истрепавшийся плащ. Здесь кто угодно впадёт в меланхолию.

На улице царили последствия вчерашней победы, а вернее её затянувшегося празднования. Повсюду валялись пустые кувшины и остатки еды, а иногда ленивый взгляд невольно останавливался и на счастливо дремлющем бесе, немного недотянувшем до родной пещеры. Не успел я в полной мере насладиться этим утренним пейзажем, как ко мне подбежал молодой бес с неровным шрамом на лбу.

— Приветствую тебя, Странник, — обратился он со всей учтивостью, на которую вообще мог быть способен бес. — Вождь приказал мне стать твоим проводником и помогать до тех пор, пока моё присутствие не покажется обременительной.

— Ты действительно лучший или просто единственный кто способен держаться на ногах? — подозрительность была у меня в крови.

У беса хватило совести смущённо улыбнуться, правда, он тут же оговорился. — Лучший мой отец, но он сейчас себя не очень хорошо чувствует. Но, я всю свою жизнь лазил по этим горам и не подведу тебя, Странник.

— Ну, смотри, бес, через час выходим, — я поклялся вернуться и утопить Заора в его проклятом озере, если юный проводник не оправдает надежд.

Глава 2. Дороги жестоки. Часть 4

— Ты уверен, что нам туда, бес? — я откровенно сомневался в верности выбранного пути, уж больно он был узок и крут. Уже третий час мы пробирались по этим проклятым пламенем горам, и даже мне с трудом удавалось разглядеть здесь наличие дорог. Хотя, надо признать, парень дело своё знал и вёл нас довольно уверенно.

Прошёл ещё час, продолжающий наши томительные блуждания среди скал. Неожиданно, мы оказались прямо перед смеющейся эхом пропастью. Бес испуганно посмотрел на меня.

— Здесь был мост, — голос его обрекающее дрожал. — Клянусь, ещё год назад здесь был крепкий веревочный мост.

Наверное, в моём взгляде он прочитал последнюю главу своей жизни и, закрыв глаза, прижался к скале, видимо ожидая немедленной казни. Я его разочаровал, смертей на нашем пути будет ещё предостаточно.

— Это единственная дорога через горы? — голос мой был спокоен, но в душе дрался огонь.

— Нет, Странник, есть ещё одна, — в голосе у проводника мелькнула загоревшаяся, однако, тут же погасшая надежда. — Но обычно предпочитают обойти эти горы, чем идти через неё.

— Только не говори мне, бес, что ты имеешь в виду Незримый путь, — я едва не сорвался на крик.

Тот неуверенно кивнул. Не сдержавшись, я сильно толкнул его, он упал и остался лежать с фаталистическим взглядом в глазах.

— Передай своему вождю, что я разочарован, — я резким взмахом отправил нашего незадачливого проводника в обратный путь. Второй раз просить его не потребовалось, он исчез из вида, прежде чем моя рука закончила движение.

— Пошли, крылатая, — я снова махнул рукой, всем видом показывая недоумевающей Элати, что в данный момент не распложен к разговору.

Да, новость меня не порадовала. Незримый путь звался так потому, что его было весьма сложно увидеть. Проще говоря, он проходил практически в полной темноте. Это был длинный туннель под горами, с множеством, заводящих в тупик ответвлений и своеобразной экосистемой, часто довольно нетерпимой к пришельцам. Я ходил по Незримому пути лишь однажды, причём совершал это путешествие в компании ещё четверых Мастеров Дорог, и воспоминания после этого у меня остались не самые приятные. Но больше вариантов я решительно не видел, в связи с чем обречённо вёл себя и ангела к входу в этот, забытый пламенем, туннель. По дороге я всё же расщедрился на некоторые пояснения, по поводу нашего дальнейшего пути. Элати восприняла мои откровения без особого восторга, но и страха в её глазах не появилось. Оставалось надеяться, что его не было и в моём взгляде.

Долго нам идти не пришлось, благо, ведущая к Незримому пути дорога, оказалась печально рядом. И вот, спустя мгновения ли, я стоял и безрадостно смотрел на вход в пещеру. Вход, который надеялся больше никогда не увидеть.

— Да ты никак боишься, мастер? — Элати позволила себе осторожную шутку.

В ответ я плюнул под ноги и как можно более решительным шагом направился внутрь этой проклятой огнём и светом дороги. — Не отставай, — на ходу бросил я ещё

улыбающемуся ангелу.

— Как насчёт факелов? — вопрос, в общем, был вполне уместный, но я только отмахнулся. Леди пожала плечами и спорить не стала.

Темнота стала упоённо давить уже через несколько минут ходьбы. Элати начала спотыкаться о неровную поверхность, а я, вздохнув, залез рукой в свою сумку. Как уже было не раз замечено, путешественник я был опытный и в дорогу брал всё, что могло бы вдруг понадобиться. Несколько лет назад один мой в меру хороший знакомый из Ордена Искусств снабдил меня чудесными светильниками. Это были куски застывшей лавы одного далёкого вулкана с примесью чего-то ещё. Чего именно мне узнать так и не удалось, ибо это оказалось одной из тайн Ордена. А чудесными они были из-за своей особенности освещать близлежащее пространство ровным, хоть и относительно тусклым мягко-оранжевым светом. Для этого надо было всего лишь сломать их пополам, что я с радостью и сделал. Света одного такого куска хватало на три-четыре тёмных дня. Что и говорить — прекрасная альтернатива факелам.

Свет весело пробежал по каменным стенам, обнажая впадины, трещины и бросая тревожные тени. С одной стороны идти стало гораздо легче, но другой (с моей точки зрения не менее существенной) теперь мы являлись редким зрелищем для многочисленных обитателей этих пещер. Уже несколько раз я замечал почти неуловимые движения каких-то мелких зверьков. Крайне хотелось надеяться, что этим и ограничится наше с ними знакомство.

Вскоре нам пришлось лицезреть первое ответвление от основной дороги, а спустя час ходьбы основной дороги как таковой уже не осталось. Она сменилась на лабиринт дорог и дорожек, лишь некоторые, из которых вели в нужном нам направлении. Слава огню, я знал, какие именно, и нам ещё не разу не пришлось жалеть о моём очередном выборе.

— Остановись, дьявол, я думаю на сегодня мы уже достаточно прошли, — голос Элати и, правда, был очень уставшим, видимо горные дороги порядком измотали ангела. Я согласно кивнул. Рана на голове всё ещё давала о себе знать, и я выдохся заметно быстрее, чем обычно.

Остановились мы практически на дороге в небольшом углублении и, здраво рассудив, что вряд ли нам здесь сильно рады, договорились дежурить по половине условной ночи. Мне счастливо удалось спихнуть первое дежурство на мою спутницу. Неяркий свет несколько не помешал усталому дьяволу провалиться в блаженное состояние абсолютного покоя. Показалось, прошли секунды, прежде чем сильная рука опустилась мне на плечо.

— Мастер, вставай, у нас гости.

Не скажу, что через мгновение я был уже на ногах, но сообщение о непредусмотренных гостях придало мне изрядного ускорения, — я даже не стал зевать и потягиваться. Вскочив, я увидел ожидаемо нерадостную картину. В шаге от меня с обнажённым мечом и нервно подрагивающими крыльями стояла Элати, а прямо перед ней на границе света и тьмы грациозно и очень быстро двигались длинные изящные тела. Их обладателей я узнал сразу, они немало беспокойств доставили мне и моим братьям во время нашего последнего визита. Пути их были довольно заурядны, но скорость, умение видеть в темноте, а главное, как правило, внушительное количество тварей в стае давали им определённый шанс в схватке с любым соперником.

Ждать я не стал, промедление грозило как минимум серьёзным недосыпом, что в мои планы отнюдь не входило. Сложность ситуации была ещё и в том, что оперировать я мог

только с теми Путиями, которые имел счастье лицезреть, что в данный момент составляло, увы, совсем небольшой процент от общего числа. Но уж по ним я ударил со всем отведённым мне талантом. Глухие удары о стену и предсмертные вопли тварей дали понять, что эта нехитрая тактика работает, также хорошо, как и много лет назад. Видимо скелет пещерных обитателей был довольно хрупким. Вообще-то этой атакой я надеялся напугать ночных существ. Однако к всеобщей дьяволо-ангельской печали добился кардинально противоположного, возможно, задел того, кого все любили. Первую волну мне удалось отбить довольно легко, но вот вторая накинута с такой яростью и в таком количестве, что в бой пришлось вступить и нашей небесной гостье. Клинок её мелькал как средней скорости молния, обгоняя подгорных обитателей раз за разом. Впрочем, и я не слишком отставал, продолжая успешно разбивать черепа и ломать хребты о твёрдые стены. На свету эти создания темноты выглядели даже немного завораживающе, хотя и не слишком привлекательно. Крайне непривычно для глаз смотрелись их вытянутые формы, огромные овалы глаз и плавные и то же время почти неуловимые движения. Ненавязчивый свет нашего осколка дня в царстве ночи не причинял им никакого видимого вреда, что признаться порядком раздражало, ибо такая надежда у меня присутствовала.

Когда, казалось нескончаемый поток оторвавших меня ото сна существ, начал неспешно иссякать, одно из них в каком-то невероятном прыжке очутилось на спине Элати. Я резко отбросил его в сторону и в своём последнем полете, обитатель горных глубин, зацепившись острыми когтями, утащил в темноту плащ ангела, который леди не успела или не догадалась снять в пылу битвы. Я проводил его обречённым взглядом. Сам я плаща не носил и теперь придётся добывать новый. Хотел бы я знать где.

Через несколько минут после этого фатального происшествия немногочисленные остатки тварей отступили в родную темноту. Сразу же после этого радостного события была предпринята экспедиция на поиски утраченного плаща. Как и ожидалось, вместо него было найдено несколько мелких кусочков ткани. Следующим на часах, к своей неприкрытой скорби стоял я. Слава огню, остаток импровизированной ночи прошёл спокойно.

После того как мы более-менее удовлетворили свои потребности в отдыхе и скромно перекусили, наше движение было продолжено. Без плаща, ангел в этом месте смотрелся абсолютно дико, но вряд ли леди чувствовала себя смущённо, а у меня на это просто не было времени. Всё чаще приходилось прибегать к своим воспоминаниям, чтобы раз за разом выбирать верное направление в этой нескончаемой череде пещер. Внезапно я понял, что дороги, на которую я должен был свернуть нет, а вместо неё наличествует груда камней, преодолеть которую представлялось абсолютно нереально. И это было крайне плохо, так как я знал, куда ведёт оставшаяся нам дорога.

Она вела в не слишком чудное место, которое населяли какие-то в меру разумные существа. В прошлый раз мы благополучно не узнали, какие именно, логично решив, что если они окажутся враждебно настроенными, а это было вполне вероятно, проблем нам не избежать. Также я решил и сейчас, но, увы, в этот раз выбора у меня не оставалось. Скрепя зубами и сердцем я свернул на выбранную за нас дорогу.

Минут через двадцать, узкий туннель начал расширяться и внезапно я понял, что он благополучно закончился, и мы оказались в пещере, о размерах которой можно было только догадываться. Не рискнув идти прямо, я предпочёл оставаться вблизи одной из стен и двигаться по ней, разыскивая выход из пещеры. С Элати в эти часы мы практически не общались, стараясь в случае необходимости объясняться жестами. Делали мы это в большей

мере рефлекторно, чем из осторожности, наш светильник, вероятно, был виден со среднего расстояния даже малонаблюдательному жителю этих мест. Хотя пока они нас не беспокоили, и у меня даже появилась подобная расцветающему под злым ветром угольку надежда на то, что нам так и не придётся встретиться с местными обитателями.

— Шиинн, — тихий шипящий звук прорезал темноту пещеры и молотом ударил в напряжённые уши.

Мы замерли, быстро переглянувшись и выхватив оружие. Только было расцветший уголёк окатили ведром загрузившей воды. Впереди послышалось какое-то осторожное движение, слава огню, только с одной стороны. На границе света показалась крадущаяся тень, и перед нашими глазами, застыв на месте в семи-восьми шагах, появился долгожданный обитатель вечной тьмы. Леди не смогла сдержать нервного вздоха со смесью удивления и отвращения. Я оказался более устойчив, но вряд ли честно будет сказать, что остался абсолютно безразличен к увиденному.

Телосложением существо напоминало горного беса. Такого же невысокого роста, но с мертвенно-бледной кожей и некрупным гребнем на голове вместо рогов. Оно стояло на всех четырёх конечностях с длинными, цепкими и, наверняка, очень сильными пальцами, которые оканчивались обломанными когтями. В одной из рук я заметил что-то похожее на очень грубой работы каменный нож, но не это привлекало основное внимание.

У существа не было глаз. С одной стороны это было логично, зачем глаза в абсолютной темноте, с другой смотрелось очень непривычно и от того вызывало некоторый шок при первом (а также некоторых последующих) взгляде. Компенсируя отсутствие зрительного органа, природа дала нашему новому знакомому большие торчащие над головой ушные раковины и очень широкий нос, который постоянно издавал своеобразные звуки.

Отсутствие глаз объясняло также и то, что он подошёл к нам на такое близкое расстояние, возможно ошибочно приняв за своих, а также нулевую реакцию на свет.

— Шиинн? — тональность изменилась, став настороженно-вопросительной, вероятно чуткий нос подсказал ему, что дьявол и ангел далеко не его горячо любимые сородичи.

Рисковать я не хотел, в связи с чем не стал ждать, когда это чудо подземелий поднимет тревогу или бросится на нас с одному ему понятными целями. Резко дёрнув на себя его простенький Путь, я пронзил послушное мечу тело, ничего не понимающего существа. Удар получился надёжный и он, издав лишь слабый стон, повалился на камни.

— Кошмарная тварь, — Элати до сих пор не могла сдержать своего отвращения.

— Да ладно, леди, — я старался сохранить убегающее хладнокровие, — у местных красавиц он наверняка имел успех, — моя второсортная шутка была удостоена нервной усмешки. — Пойдём, крылатая, пока не прибежали его друзья, мне тяжело сражаться с теми, кого я не вижу.

— Шиинн, — вероятно запас слов здешнего народца был не слишком обширен, хотя тональность вновь была иной, какой-то жалобной, что ли.

— Не стой, леди, я не хочу разбираться с каждым слепым уродом в этом районе, — от этого жалобного шипения пробило даже меня, а я переслушал куда как немало. Быстрым шагом я продолжил движение вдоль равнодушных каменных стен. Мечи мои были обнажены, как и клинок не отстававшей от меня ни на шаг Элати. Ещё пару раз до нас доносилась эта леденящая кровь речь, а потом вновь наступила тревожная тишина, нарушаемая только звуками наших шагов.

— Долго нам ещё идти по этим проклятым пещерам, мастер? — голос ангела был

крайне раздражён, но говорила она тихо, помня о виденных нами недавно длинных ушах безглазых.

— Сколько понадобится, столько и будем, — я тоже был не в лучшем настроении, но и мой голос остался тих, как предзвездный час.

— Удивительно точный прогноз для Хозяина Пути, может нам лучше вернуться и обойти эти проклятые Небом горы? — Элати постепенно повышала тембр своей обличительной речи, и мне это начинало откровенно надоедать, но пока я держался. Однако напряжение последних дней видимо сильно подкосило самообладание ангела.

— За каким ветром мы вообще погнали через эти пещеры, в которых не нужны ни глаза, ни, видимо, мозги?! Неужели это выбор якобы лучшего проводника в этом проклятом Аду!?

— А ну заткнись, отродье неба! — она всё-таки довела меня. — Если бы не я, ты бы уже сто семнадцать раз сдохла в этих благословенных огнём землях. И не смей более оскорблять мою родину, иначе я выбью из тебя все твои гнилые перья.

В ответ леди потянулась за мечом, всё её тело трепетало от гнева. Блеснула сталь, но этот блеск я намерен был пресекать раньше самой мысли. Затылок ангела со стуком ударился о камень, мой клинок прочертил розовую полосу на её бледной шее, остановившись у основания подбородка.

— В следующий раз, когда я увижу твой обращённый против меня меч, ангел, я отрежу твои прекрасные крылья, — я говорил очень спокойно и очень серьёзно, стараясь поставить приемлемую точку в этой идиотской ссоре. И моя своевременная инициатива завершилась успехом. На секунду взгляд ангела сменился с гневного на испуганный, а потом наполнился покорным пониманием.

— Я прошу прощения за неоправданный гнев, мастер, и клянусь Великим Небом, что больше не допущу подобного.

Этого мне вполне хватило. Меч я убрал, но руку не подал. Элати легко поднялась сама и, не глядя на меня, всем своим видом показывала готовность продолжить этот ненавистный ей путь. На её шее появились маленькие капли крови, мне показалось, что она с трудом сдерживает слёзы. Наверное, давно Старшая Жрица Храма Светлой Стали не терпела такого унижительного поражения.

— Шиисс, — оказывается, у этих ребят в запасе были и другие слова.

Как я не стремился сохранять хладнокровие, но глупая ссора с ангелом порядком вывела меня из себя. Сердце жаждало схватки, и поэтому я не стал ждать пока невидимый оратор придёт ко мне. Вместо этого, я, наплевав на осторожность, быстро побежал в сторону предполагаемого нахождения того, кого желал убить.

Он уже убежал, вероятно, опознав во мне сильного соперника. Ему не хватило лишь нескольких секунд, чтобы бесшумно исчезнуть из моей жизни. Ему пришлось исчезнуть чуть позже, хотя, в общем, шума всё же было мало. Этот обитатель глубин оказался менее крупный, нежели предыдущий, а через несколько секунд беглого осмотра выяснилось, что это был не он, а она.

— И зачем тебе была нужна её смерть, мастер?

Я повернулся к жрице, но ответа у меня не было. Это был просто дикий первобытный порыв, который я не мог, да и не хотел объяснять. Я издал невнятный раздражённый звук и пошёл на дальнейшие поиски выхода к вожделенному свету. Элати ничего не оставалось, как двинуться вслед за мной.

Последующие часы не принесли никаких сюрпризов, всё те же каменные стены, всё та

же обволакивающая со всех сторон тьма, всё же тревожное дыхание ангела за спиной. Дорогу слегка скрашивали несколько, выходящих из основной пещеры туннелей. К сожалению, они быстро заканчивались обрекающими тупиками, благо идти до этого знания приходилось недолго. Хорошо ещё, что никакого, пробирającego насквозь шипения мы больше не слышали. Однако и особого оптимизма никто из нас уже привычно не испытывал.

Шли мы долго, возможно около дня и, наконец, оказались там, где начали, у самого входа в эту уже не раз проклятую пещеру. Эта новость окончательно вогнала меня в тоску, и я решил остановиться на ночлег. Спасибо леди, она молчала, иначе бы я мог сорваться вновь. Впрочем, и молчание её было довольно красноречиво.

— И всё же, мастер, — минут через двадцать моя спутница всё же решила прервать явно затянувшееся молчание, — мы прошли эту пещеру по кругу, а выхода из неё так и не увидели. Быть может, всё же будет оправданно повернуть назад?

— Нет, леди, выход есть, — я доподлинно знал это. — Когда я был здесь в прошлый раз, мы старались очень тщательно проверить все эти тёмные дороги, и я стоял на пороге этого места, в двух разных точках. И если этого второго входа нет в стенах пещеры, значит, он находится в её основании. Завтра мы пойдём по спирали к центру и, клянусь Великим Пламенем, я найду эту дыру. Через несколько дней мы вновь окажемся на поверхности и увидим, что делается дальше восьми шагов от нас.

— Опомнись, дьявол, — Элати снова начала заводиться, — как мы отыщем эту грешную дыру в полной темноте, на такой огромной территории. И не забывай о наших новых знакомых, которые наверняка не слишком рады убийству их сородичей. А они ведь даже не проявляли никакой враждебности.

Слова ангела в целом отражали и мои собственные мысли. Я в полной мере осознавал, какая это авантюра, и, что гораздо более приемлемый вариант повернуть назад и обойти эти уже по горло надоевшие горы, пусть это и займёт крайне немало времени. Но повернуть я уже не мог. Во мне в полный рост встал Мастер Дорог. Это был открытый вызов моим способностям. Неизведанное, ненайденное влекло меня, как будто я только получил из рук Магистра ритуальный посох мастера. И сейчас мне было наплевать и на заказ, и на ангела, и на всех этих роящихся во тьме тварей. Был только я и путь, путь который я пока не нашёл, но который звал и дразнил меня. И я был готов поставить на кон всё, чтобы пройти его до конца.

— Там дует, крылатая, — леди недоумённо посмотрела на меня. Я поспешил пояснить. — Около выхода, там сильный сквозняк, за полтысячи шагов почувствуем, — я подмигнул ей. — Не печалься, светлоликая, с тобой Хозяин Пути, а значит, мы пройдем везде, где есть дороги. А если есть ещё такие места, где дорог нет, то там я их создам.

На лице Элати появилась слабая улыбка, я усмехнулся в ответ. К сожалению, про этот благословенный сквозняк я ей солгал, не усомнившись ни на миг. А надо признать, пришлось бы очень кстати.

— В таком случае отдохни, мастер, я подежурю первая, — на отказ от этого щедрого предложения у меня не было ни сил, ни, что более существенно, желания.

Сон мой был спокоен, но, увы, ужасно краток, казалось, жрица растолкала меня уже через несколько минут. Несколько томительных часов я сидел наедине с темнотой и своими мыслями, которые по большей части также находились в не самом светлом месте. Но решение было принято, и отступать я не то чтобы не привык, но не очень любил. С неприкрытым удовольствием я разбудил Элати несколько раньше, чем планировалось, и

выдал ей второй и последний кусок светящейся лавы. Немного и невкусно перекусив, мы двинулись в заключительный, как я надеялся, этап путешествия по Незримому пути.

Глава 2. Дороги жестоки. Часть 5

Тихий стук сапог о камни сливался в мерный убаюкивающий ритм. Это, да ещё наше дыхание были единственными звуками в этой чёрной пустоте. Дополнительный светильник особых надежд не прибавил, но и лишним, отнюдь, не оказался. Всё-таки, когда у тебя только один кусок хлеба, второй кажется почти роскошью. Я мало что в этой жизни искал с такой скрупулезностью и с таким азартом, как этот пропавший во тьме выход. Ни одна мелочь, которая могла хотя бы случайно помочь, не оставалась без моего самого пристального внимания.

— Шиинн, — ну кто бы сомневался, наши друзья снова с нами и жаждут общения.

Я не остановился, продолжая выбранный непростой маршрут. Агрессии, как верно заметила Элати, обитатели этой пещеры не проявляли, и в этой связи особой необходимости в ответной реакции также не наблюдалось. Тем не менее, клинки и мои, и жрицы были готовы отразить любую атаку.

— Шиинн, — на этот раз звук исходил уже с другой стороны, и в нём отчётливо звучала враждебность. Но пока и это мало смущало меня, — я продолжал своё сражение с тьмой.

— Шааайй! — а вот это шипение походило уже на тихий крик, побуждающий на немедленные и жёсткие действия. Огонь бы с этим криком, но практически одновременно с ним прямо возле моего лица пролетел небольшой, но от этого не менее опасный камень.

Вот теперь я замер, стараясь создавать как можно меньше шума и надеясь, что невидимый стрелок подставит себя, а вместе с собой и свой Путь под благословенный пламенем свет. Элати замерла рядом со мной, также ища взглядом возможность нанести удар.

— Шааайй! — теперь этот проклятый крик раздавался практически отовсюду, несколько камней карающими стрелами устремились к нам. Большинство из них, как и первый, пролетели мимо, несколько нам удалось отбить мечами, но пару всё же попали в цель. Один весьма чувствительно ударил меня в плечо, другой оставил на щеке у Элати глубокую царапину.

— За мной! — стоять дальше было больше не актуально, видимо запахи выдавали нас не хуже звуков.

Я со всей мне отмеренной скоростью упрямо двинулся всё в том же направлении, тем более что оттуда летело не так много снарядов. Позади просвистело ещё несколько камней, жаждущих нашей крови. В круге света появилась пара атакующих, я столкнул их лбами друг о друга и на ходу пронзил клинками. За плечами раздался обрывающийся стон, видимо кто-то из безглазых был настолько глуп, что подошёл к Элати на расстояние длины её меча.

— Куда, мастер, они везде! — голос ангела срывался на панический крик. — Что ты хочешь найти там, кроме очередного камня в голову!?

Как ни мало было у меня времени для отвлеченных действий, его всё же хватило на то, чтобы резко развернуться и отвесить небесной леди оглушительную пощёчину.

— Закрой рот, сожми мечи и докажи, наконец, что Храм Светлой Стали рождает воинов, а не истеричек! За мной! — и пощёчина, и обвиняющая фраза требовались во многом не только для неё, но и для меня. Я тоже находился на самом краю срыва и с трудом удерживал леденящие душу мысли в себе, не выплёскивая их в равнодушную темноту.

Элати вроде немного пришла в себя, но я вполне понимал, что это может и повториться и, в общем, было отчего. По моим последним расчетам мы оказались в не очень плотном, но крайне недоброжелательном кольце этих тварей. Пока нам удавалось отбиваться и даже наносить некоторый урон врагу, но долго так продолжаться не могло. Темнота извергала из себя всё новых своих обитателей, и те не жалели ни летящих в нас камней, ни страсти в своём холодающем сердце шипении. Нас выручало только отсутствие в рядах нападавших метких стрелков, да невеликие познания местных воителей в искусстве сражения.

Бешено шипя, из темноты выпрыгнул очередной её пасынок. Его я срезал ещё в полёте, даже не прибегая к работе с Путём. Однако насладится изяществом своего удара не получилось, неожиданно-удачный камень попал мне в ухо, оглушив на несколько драгоценных секунд, в глазах заискрилось. Моему брэнному и размявшему телу пришлось опереться на Элати. Мельком я взглянул на неё, выглядела леди ещё хуже меня. На скуле её виднелся кровоподтёк, всё лицо было в крови от царапин, на руках сияли синяки, а во взоре читалось спокойное ожидания чудовищной смерти.

— Держись, леди, держись — они скоро закончатся, — я позволил себе истерический смешок. — Вы же скоро закончитесь?! Скоро, выжги вас вечное пламя?! — страх ушёл, уступив своё незавидное место хохочущей ярости. Как по заказу во владениях света появился новый враг. И его дорога из владений света во владения смерти не заняла много времени. Я заревел, как раненый ураган, глаза застилал туман войны, мечи танцевали и алкали крови. Теперь уже я бежал на каждый услышанный мной звук, бежал, находил и убивал. Камни всё ещё летели в меня, но пожар в моих глазах они погасить не могли. Краем разума я осознавал, что делаю, и понимал, что когда пройдёт эта пляска смерти, а это должно было случиться уже скоро (силы мои, увы, не были безграничны), то ярость вновь уступит место страху. А страх сожрёт меня гораздо лучше этих тварей. И я подпитывал эту обречённую ярость из последних дьявольских сил. Я бросался на каждый шипящий звук, который мог услышать. Я дико смеялся, расплёскивая их бледно-розовую кровь. Я превратился из ищущей жертвы в безумного охотника.

Отрезвили меня грубо и тривиально, камнем в коленную чашечку. От боли огонь в глазах сменился на пепел. Я упал, тут же попытался встать, снова упал и захрипел от накатившей боли. Из темноты выпрыгнули две тощие фигуры, я зашвырнул их обратно со всей данной мне властью. Сильные руки подхватили меня и подняли с холодных камней. Я вновь опёрся на Элати. Клинок ангела был весь в крови, а в глазах лежала усталость.

— Ну, ты и зверь, мастер, — Элати невесело усмехнулась, и усмешка эта была такой же усталой, как и её золотые глаза. — Похоже, это были последние волонтёры безглазой армии, которые отважились подойти к тебе. Остальные разбежались по своим норам, — она снова показала темноте грустную улыбку. — А теперь мы ещё и небо знает где находимся, — ты не жалел свои ноги, они пробежали не мало и не прямо.

— Ну, теперь, как видится, мне ещё долго не бегать на балы Трёхрогого, — пришла моя очередь для печального оскала. — Хорошо попали гады, колено раскалывается, как голова после пьяной ночи.

— А мне крыло порвали, будет тяжело взлетать какое-то время, — Элати дотронулась до раны и скривилась от боли, — хорошо хоть кровь идти перестала. Хотя я и раньше не слишком талантливо парила, — добавила она через короткую паузу.

— Интересно, они вернутся или мы, наконец, доказали своё право ходить здесь, как дома? — вопрос на самом деле был немаловажный, — поиски наши прервали практически в

их начале, и мне бы крайне не хотелось, чтобы это повторилось вновь. Следующий раз, скорее всего, станет последним.

— Упрямый ты, дьявол, думаешь с третьей попытки мы придём туда, куда надо? — сарказм в словах ангела был явным и целенаправленным.

Я усмехнулся в ответ. — Надо попробовать, тогда и узнаем.

Мы присели на безмолвные камни, собираясь с новыми и уже с трудом достающимися силами. Около получаса мы просто сидели, тупо смотря в опостылевшую темноту. Кроме колена у меня болело в той или иной степени практически всё, та же ситуация была и у ангела. Проклятые камни сделали своё слепое дело, вымотали нас до предела. Требовался как минимум день обильного отдыха. Жаль, но его у нас не было, запасы воды подходили к своему логическому завершению, и сейчас надо было либо поворачивать обратно, либо сжимать зубы и идти, а в моём случае хромать к ещё ненайденному выходу. Тем более, что недалеко от него был источник чистой, ледяной воды. При этой мысли я даже взмахнул в раздражении рукой. Наша вода уже давно потеряла и вкус и прозрачность.

Я тяжело встал, проклиная всё, до чего мог дотянуться мой выдыхающийся разум. Следом за мной встала Элати, она была более лаконична, но не менее искренна. Мне пришлось достать один из моих бесценных мечей и тратить искусство его создателя на то, чтобы опираться на него при ходьбе. С моей точки зрения унижение для такого оружия, но выбора не было, — леди свой меч отдать отказалась.

— Пошли, — последние остатки моей галантности давно растворились в вечной тьме этой пещеры.

— Иду, — огрызнулась в ответ Элати.

И мы, медленно и настороженно, вновь устремились в объятия темноты, объятия крепкие, но отнюдь не ласковые.

— А, великое небо! — Элати вновь споткнулась о случайный камень. — Мастер, скажи честно, твоё сердце ещё греет хвалёное пламя надежды на пусть не счастливый, но хотя бы не смертельный исход наших затянувшихся поисков. Лично в моём уже давно веселиться злая метель.

Я промолчал. Уже третий час мы блуждали всё в той же, оскорбляющей взоры темноте. После некоторых усилий мне удалось разыскать то место, с которого нас согнала моя нежданная ярость. Как ни странно, оно оказалось не так уж далеко. И теперь я, с упорством влюблённого, прикладывал всё свое мастерство, талант и опыт. Времени оставалось уже в обрез. Если мы не найдём выход в ближайшие семь-восемь часов, придётся возвращаться на поверхность. И это конечно при условии лояльности здешних обитателей, (признаться, я очень на неё рассчитывал, хотя абсолютно не верил). Мы всё ещё слышали их гневное шипение, но, слава огню, оно было довольно далёким, и личной встречи нас не достаивали.

Внезапно, в крошечном островке света, идущем от нас, появился камень, уходящий вверх дальше, чем мог вознестись наш утомлённый взор. Он мгновенно принёс в наши души удивление и надежду. Элати даже подалась вперёд, обгоняя меня, похоже, наконец, поверив в благополучный исход нашего предприятия. Да и во мне, уголёк надежды разгорелся до небольшого костра. Подойдя ближе, мы обнаружили, что камень был не одинок. Несколько огромных столпов образовывали неровный круг, из центра которого бил в нос резкий запах и слышались тихие жалобные стоны.

— Неужели там выход, мастер? — глаза ангела горели нездоровым азартом. — Запах

этот правда может вызвать глубокую депрессию, но если мы уберёмся отсюда, я быстро с ней справлюсь.

— Выход не выход, а проверить придётся. Только не спеши, крылатая, — я, подавая ей пример, начал осторожно обходить неожиданный минерал, намереваясь пройти в центр всей этой не слишком изысканной экспозиции.

Пройдя несколько шагов в глубь, я, наконец, разгадал тайну недостойного дьяволо-ангельского обоняния запаха. В зону света попал очередной представитель племени безглазых. Хотя вряд ли он всё ещё считался членом этого доставшего уже до рогов племени. Проще говоря, он был мёртв. Несмотря на эту неприятную встречу, я двинулся дальше, но тут же пришлось остановиться. Позади меня неровно задышала Элати. Всё пространство, на которое попадал свет и, вероятно, ещё достаточно за его пределами было заполнено трупами местных обитателей. Причём, некоторые из них были явно сегодняшними.

— Это же кладбище, мастер, — в возгласе ангела слышалось и удивление, и разочарование, причём последнее явно превалировало.

Тихие стоны, слышимые нами, неожиданно прервались. Я сделал ещё пару шагов и увидел разносчика этих жалобных звуков. Это была уменьшенная копия уже не единожды представленных нам обитателей пещер, — это был ребёнок. И, вероятно, только, что он оплакивал свою родню. Сейчас же дитя подземелий настороженно развернулось в нашу сторону, ноги его подобрались для прыжка, голова нервно дёргалась. Я сделал неосторожный шаг, меч звонко лягнул в наступившей тишине. Безглазый детёныш бросился прочь. На автомате я дернул его обратно и оглушил рукояткой меча.

— Это еще, зачем, мастер? — Элати склонилась над упавшим, зажимая пальцами свой тонкий нос. — Рука не поднялась убить ребёнка или у тебя далеко идущие планы?

— У них есть кладбище, на котором они хоронят своих. Значит заботятся о сородичах, значит можно взять этого паренька в заложники, — у меня оказались далеко идущие планы. — Может, они станут более гостеприимными, зная, что у нас их ребёнок.

Элати усмехнулась. — Ты ещё его пытаться начни и требуй рассказать, где хранятся их сокровища.

— Не время для сарказма, крылатая, — в отличие от неё я был настроен серьёзно. — Мы всё ближе подбираемся к центру и, как мне видится, именно там или рядом находится их гнездо. И лишний козырь нам не помешает, верно, малыш, — последнее уже относилось к лежащему без движения будущему заложнику. Как и ожидалось, он не ответил.

— Только на это и уповаю, дьявол, — не смотря на моё замечание, сарказм так и не убрался с её небесных губ.

— Что делать, леди, — мне пришлось потворствовать её иронии, — в нашей ситуации не стоит пренебрегать ни каким шансом. Любой может оказаться тем самым. Сегодня не тот день, чтобы выбирать.

На этот раз моей спутнице возразить было нечего, и она благосклонно наклонила голову.

— Бери пацана, крылатая, у меня, увы, не хватает рук для этого, — обе были заняты мечами, на один из которых я опирался.

Лицо ангела выразило крайнюю степень отвращения, но она, понимая, что это необходимость, не стала ни спорить, ни возмущаться, лишь вновь помянула своё, до сих пор ненавистное мне, небо.

Я же, запретив себе пускать в свою гудящую голову потоки справедливых сомнений,

двинулся прямо к центру нашей невольной клетки, благо идти до неё от кладбища по моим подсчетам было не более двух часов.

— Шиинн.

Ну, наконец-то, я почти соскучился по этим милым звукам из темноты. Второй час нашего очередного путешествия в королевстве безглазых подходил к своей заключительной части. И каждая пройденная минута растягивалась на маленькую вечность для моего страдающего колена. Впрочем, Элати приходилось не лучше моего. Наш названный козырь оказался не таким лёгким, как казалось, глядя на его тощее тело, лежащее на земле. К тому же по дороге он очнулся и предпринял попытку неподготовленного побега, вырвавшись из рук не слишком бережно тащившего его ангела. Пришлось прервать его стремление к свободе, повторно оглушив. На этот раз я был менее аккуратен, и на голове осталась неопасная, но довольно кровавая рана. Вот от такого состояния воинствующего пессимизма нас и оторвало привычное уже шипение.

— Выше голову, крылатая, вроде добрались. Вознеси хвалу своему небу за то, чтобы мы, наконец, нашли то, что ищем, и чтобы нас не разорвали по дороге туда.

— Уже и не раз, мастер. Не ошибись, на сегодня лимит ошибок вроде бы исчерпан, — как видно у леди осталось ещё место для грустных шуток.

— Шиинн, — это слышалось в различных вариациях уже со всех сторон.

— Нас зовут жрица, не будем заставлять хозяев ждать, — и я, тяжело опираясь на один меч и крепко сжимая в руке другой, двинулся проверять на ошибки своё решение. Позади послышались пару вздохов и опять что-то про небо.

Я не ошибся, нас действительно ждали. Мимо пролетело несколько камней, но этим дело и ограничилось. Кроме злобного шипения со всех сторон, больше пока проблем не было. То ли они помнили о той резне, которую я недавно устроил, и, вероятно, обладая некоторыми проблесками разума, решили повременить с новыми боевыми действиями, то ли подобранный нами паренёк отрабатывал свою переноску. В светлую зону вокруг нас, всё чаще начали попадать местные обитатели, у многих в руках были зажаты острые камни, но пока дело ограничивалось вооружённым нейтралитетом, хотя желание разбить пару черепов давило изнутри с силой просыпающегося вулкана.

Вероятно, мы действительно пришли в обитель местного племени. На пути стали попадаться кучи камней, образующие причудливые композиции, служащие видимо для жилья. Около них всегда находилось несколько безглазых, и при нашем приближении уровень агрессии повышался. Хотя, казалось бы, куда дальше?

— Мастер, если они сорвутся, мы отправимся к первостихиям, — в голосе ангела явственно чувствовался страх, который я всем сердцем понимал и поддерживал. Со всех сторон нас окружали жуткие безглазые лица, длинные сильные пальцы опасно скребли когтями об отшлифованные временем камни, шипение превратилось в дробящую нервы сирену. Сейчас одно неверное движение могло обрушить эту лавину ненависти на нас и, скорее всего, выбраться из-под неё уже не получится. Похоже единственное, что сейчас удерживало этот роковой поток, находилось в чуть подрагивающих руках Элати. Они чувствовали запах своего сородича, слышали его слабое дыхание и не могли себе позволить рисковать его только дебютировавшей жизнью.

Заставив себя абстрагироваться от этой кошмарной действительности, я продолжал в усиленных темпах искать путь к вожделенной поверхности. И мои уставшие глаза, наконец,

получили заслуженную награду. Условная дорога, по которой я изо всех сил хромал, резко пошла вверх, и я выработанным за долгие скитания чувством верного пути понял, что на этот раз угадал.

— Последние метры, крылатая, последние проклятые вечностью метры и мы вырвемся отсюда, — я уже задыхался от боли в колене, но, скрипя зубами, почти бежал к нашей ещё пока неразличимой цели. Элати не ответила, но я практически почувствовал её расцветающую улыбку.

Однако, вечно везти нам естественно не могло. Наш юный заложник выбрал крайне неудачный момент для того, чтобы вернуться в этот суровый тёмный мир. А, вернувшись, решил заявить об этом на всю нескончаемую ночь. Его шипящий крик прорезал тьму пьянящим клинком, знаменуя свои страдания и требуя немедленного спасения. Этот крик и стал тем камешком, которого мы так боялись. Лавина сорвалась.

— Прыгай! — за короткое время нашего похода, Элати научилась, с моей точки зрения, самому главному, слушать меня в критических ситуациях. Несмотря на свою смертельную усталость и порванное крыло, она с силой кинула свою кричащую ношу в первого, прыгнувшего на неё борца за права детей и, распахнув свои, давно уже потерявшие снежную белизну крылья, устремилась вверх. Её светильник неясным силуэтом вырвал из темноты тот самый проход, найти который я мечтал больше, чем о сотне залитых рассветом дорог. Но до него надо было ещё добраться.

Проход располагался шагах в двадцати от места, где я стоял, и это оказались совсем непростые шаги. Хвала огню, на этот раз темноты не извергала из себя гремящий рой камней. Обезумевшие обитатели вечной тьмы жаждали схватки лицом к лицу. Их было много, и они были быстры. Но всё же недостаточно много и недостаточно быстры, чтобы добраться до Хозяина Пути. Я избрал самую тривиальную, но единственно возможную в заданных условиях тактику, просто вышвыривая их из моего маленького княжества света в родную для них империю темноты. Прыжок леди был весьма кстати, — не знаю смог бы я таким образом прикрывать и себя и ангела.

А у неё как раз, в отличие от меня таких проблем не было. Жрица идеально рассчитала траекторию парения и опустилась рядом со мной в шаге от манящего выхода. Через несколько секунд мы уже стояли в узком проходе, медленно отходя вглубь, под постепенно ослабевающим натиском безглазых.

Наконец они отступили, потеряв многих и не добившись ничего. Но долго ещё наши уши ловили отражающееся от стен ненавидяще-обречённое шипение.

Глава 2. Дороги жестоки. Часть 6

Почти день мы простояли на одном месте, в необходимом удалении от последнего места нашего пребывания, отсыпаясь и зализывая раны. Один из разбивающих тьму светильников безвременно нас покинул, однако и это не убавило из наших глаз блаженного успокоения. Тревога, последние дни жадно съедающая наши души, вновь забралась на самый край сознания. Моя настрадавшаяся за жизнь память подсказывала, что дальше дорога должна быть относительно безопасна.

Несмотря на многочисленные травмы различной степени тяжести, не сильно зажившие за краткий отдых, дальнейший путь мы продолжили в довольно неплохом темпе. При такой скорости нам оставалось не больше одного долгого дня пути.

— Лучше не загадывай, мастер, прогнозы хороши, когда их делаешь, а не когда проверяешь, — судя по реакции на мои размышления, скептицизм у Элати был в крови.

— Расслабься, крылатая, — я, в общем, и сам понимал, что в дороге предвидением не занимаются, но идти в отказ откровенно не хотелось.

— Я расслаблюсь, когда вновь смогу увидеть свой меч без этих заменителей благословенного света, — на этот выпад мне, увы, возразить было нечего. Я и сам уже практически мечтал об этом событии.

Медленно, но верно, до этого ведущая вниз дорога перенаправила свои стремления вверх, что дало ещё один положительный импульс нашим измученным телам. Даже давно уже настороженное лицо ангела, немного разгладилось и просветлело. Моё же озарилось пьяным костром. Я даже начал напевать вполголоса одну старую, заскучавшую от времени песню.

Мы вышли из узкого туннеля и оказались в большой пещере, половину пространства которой занимали каменные колонны, образуя сеть мелких коридоров. Это место я помнил прекрасно. В прошлый раз мы устраивали здесь шуточные дуэли между собой, до первого падения. Чехарда колонн делала это занятие гораздо более занимательным, чем дуэли на открытом пространстве. Речь, разумеется, шла не про мечи и шпаги, а про Пути и воздействие на них.

— Я ждал тебя.

Воспоминания моей бурной молодости были жёстко и бескомпромиссно прерваны. Этот холодный, наполненный неспешным грохотом валунов голос я узнал бы даже в наркотическом бреду. Именно из-за этого спокойного, уверенного как само мироздание голоса я так не хотел идти Незримым путём. Это было то небольшое оставшееся в мире, что до сих пор могло меня напугать. Я не знал имени его обладателя и, если честно, не хотел знать. Но, видимо, всё же придётся продолжить давнее и не слишком доброе знакомство.

Впервые проходя здешними тропами, мы, пятеро молодых и талантливых Мастеров Дорог, встретили на своём пути древнюю силу, которая обратила на нас своё редкое внимание. Она не желала нам зла, равно как и добра, она лишь желала толики уважения. Желание справедливое и понятное, но в те давние дни, в глазах наших танцевал апломб, и уже тогда за этим апломбом кое-что стояло. И я, пожалуй, в те дни был наиболее самоуверенным из всех, и именно мои слова тогда стали роковыми. Я оскорбил это существо, я смеялся над ним, мы все смеялись, но мой хохот был громче всех, это я помнил прекрасно. Спустя мгновения мы уже жалели о своей несдержанности, но, увы, было поздно.

Именно в тот день мы поняли, что и наша сила имеет предел и он не так далёк, как нам казалось. Вероятно, только счастливый случай позволил нам тогда остаться в живых. Тогда мы находились в другом месте, совсем рядом с поверхностью, месте, которое я специально обошёл как можно дальше. Но видимо, хозяин гор решил справить новоселье, и мы, похоже, были незваными гостями.

— Кто это, мастер? — клинок ангела был уже обнажён, а тело напряжено и готово и к удару, и к бегству.

— Это очень большие неприятности, крылатая, — я также обнажил тот меч, на который не опирался, не слишком, правда, на него рассчитывая, — пожалуй, что критично большие.

— Ты можешь идти, светлокрылая, я пропускаю тебя и не требую с тебя платы за это, — наш невидимый пока собеседник был необычайно щедр.

Элати метнула быстрый взгляд на меня. Я пожал плечами, сказать мне было нечего, вряд ли она сможет оказать мне существенную помощь. С другой стороны без неё уменьшались и те ничтожные шансы, которые я, смею надеяться, имел.

— Без тебя я всё равно далеко не уйду, мастер, — лицо ангела навестила печальная усмешка. Которая уже за эти долгие дни? — я с тобой до победы или до грядущей вечности.

— Я не против, — мне показалось или в голосе у горного жителя прорезалась ирония.

Я же, в свою очередь, снова довольно цинично пожал плечами. Меня речь ангела тронула мало. Я её практически не слушал. Вместо этого я панически искал варианты для того, чтобы выжить.

— Хочешь что-нибудь сказать перед свершением возмездия, — попытка иронии сменилась неисчерпаемым пафосом.

Крайне хотелось послать невидимку греться в вечном пламени, но я решил играть в молчаливого героя до конца. Страх немного отодвинулся, дав место гордости и осознанию собственной силы. Я всё же уже не тот молодой мастер, которому ещё предстояло постичь всю глубину истинных дорог. Я последний, и, видит пламя, не худший Хозяин Пути. Правда, с недавних пор хромой и усталый как древний вулкан, но всё же я привык, чтобы со мной считались без исключений.

— Что ж, тогда начнём, — мои мечущиеся чувства остались без внимания нового врага, он хотел просто начать. И, увы, он начал.

С потолка посыпалась каменная крошка, стены вокруг нас будто ожили. Я не мог видеть всё происходящее, но память уверенно дорисовывала общую картину. Это существо, которое я никогда не видел, было словно самой горой или её любимым племянником. Оно вливалось в мёртвые камни непонятную силу, придавая им подобие жизни. Вероятно, само оно не имело физического облика и оставалось лишь догадываться о том, как увидеть его смерть. Я и не рассчитывал на то, что мне удастся убить моего старого приятеля. Сегодня, как и много лет назад, я предпочту просто отступить, правда, много лет назад это отступление называлось бегством.

Со всех сторон раздавался оглушительный звук, бьющихся друг о друга камней. Прямо на меня из темноты вылетел крупный осколок с острыми краями. Но это был не просто камень, у него был Путь, почти прозрачный, широкий и крепкий, как шея Нар-Дагора. Я отправил его обратно во тьму и ускорил свой хромой шаг. В прошлый раз аналогичная попытка моего оппонента почти увенчалась успехом, тогда только в последний момент я успел подправить направление камня. В двух шагах от меня громко треснула одна из колонн, рядом переломилась другая, грохот рушащихся основ заполнил всё пространство. Местный

хозяин решил не растрачивать свои силы на мелочи, он намеревался просто раздавить нас, похоронив во тьме пещеры.

Потолок медленно, но верно опускался на наши головы, и мы еле успевали уворачиваться от падающих со всех сторон тяжёлых валунов. К тому же невидимый дирижер, так не оставил своей затее с летающими камнями. В общем, забот хватало.

До потолка уже можно было дотянуться рукой. У него, как и у всего, к чему прикасалось воля моего невидимого знакомого, был Путь. Я до последнего момента тянул прикасаться к нему, но больше ждать было нельзя. На меня навалилась тяжесть самих гор. Дыхание участилось, тело задрожало, а рука чуть не выронила застонавший меч, на который я продолжал опираться (что касается второго, то я давно закинул его в ножны). Я сразу понял, что ни остановить, ни тем более поднять этот давящий массив не удастся. Единственное, что я мог так это замедлить его неудержимый ход. Слава огню, хоть периодические убийственные снаряды перестали тревожить наши умы. Мой враг направил на этот грешный потолок всю свою силу и волю, а их у него было с избытком. Я отвечал, чем мог, но холодный камень уже касался моих волос, а идти до выхода нам оставалось ещё долгие пять-шесть минут.

Эти минуты и, правда, длились гораздо дольше, чем часы любви и недели пьянства. И в эти минуты обозримой вечности я отдавал всё, чему научился за десятки лет. Спотыкаясь о подлые камни и проклиная густую, жёсткую пыль, забивающую глаза и рот, я всё же неумолимо притягивал к нам шанс избежать двухмерной трансформации. Последние метры приходилось идти пригнувшись, а иногда и вставая на четвереньки. Больше всего я боялся, что выход из пещеры окажется завален одной из упавших колонн, но хоть в этом нам повезло. Дыра в скале ещё оставалась вполне приличных размеров для того, чтобы в неё пролез измученный дьявол и посеревший от каменной пыли ангел.

Элати, с нашим единственным и отчаянно любимым источником света, шла впереди, я же с чудом ещё окончательно не сломанным коленом и редкими, тяжёлыми вздохами отставал шагов на десять. Я видел, как проём в стене принял леди, словно полночную любовницу. Мне оставалось надеяться на столь же тёплый приём.

Будто подгоняемый злым ветром, тяжёлый валун размером с юношеское самомнение вынырнул из темноты и издевательски загремел, врезавшись в ещё мгновение назад такой доступный выход из этой смертельной ловушки. Последнее, что я видел, был безумный танец ужаса в глазах Элати, а потом наступила абсолютная тьма.

Потолок с силой надавил на затылок. Оцепенев от обреченности, я на несколько секунд перестал бороться со своим уже не противником, но палачом. И всё же, после некоторых раздумий, сражаться я решил до конца. Я лёг на твёрдую, врезающуюся в тело поверхность, закрыл всё равно уже бесполезные глаза и продолжал на последних остатках воли удерживать мучительно-равномерный ход опускающейся каменной массы. Теперь я, разумеется, не видел Пути, но здесь ошибиться было сложно, уж больно он был велик, сожги его грешный огонь. Больше его был, пожалуй, только мой опыт и мастерство, которые также изрядно помогли (пока ещё) в этом нелёгком деле.

Я попытался поднять руку, но на полпути она обречённо упёрлась в ледяной гранит. Оставалось признать, что этот бой я проигрывал, вариантов на счастливое спасение не возникало, как, в общем, и всего остального. Внезапно я почувствовал, как неумолимо приближающийся потолок остановился, Путь перестал давить, и появилось ощущение, что меня пристально и с интересом разглядывают. Я в слепую пробежался разумом по остаткам

пещеры и к своему удивлению наткнулся на новый Путь. Это и был истинный Путь моего тюремщика. Он был не просто велик, это был самый огромный Путь, виденный мной, а я лицезрел их миллионы. Я даже не мог почувствовать его лежащих во тьме границ. Вдруг меня резко вжало в терзающие тело камни, Хозяин гор будто уселся мне на грудь, я словно почувствовал его предвещающее бурю дыхание. И вместе с этим навалилась бесконечная тоска, вековая скука, смертельная усталость. В сознании свистящими стрелами пролетели тысячелетия забвения, молчания, скорби. Также внезапно всё закончилось, давление исчезло.

— Я возможно даже был бы рад принять от тебя свою смерть, дьявол, — голос врага уже не грохотал, а словно скрёбся, — ты был самым достойным соперником из всех, с кем я сражался, но и ты проиграл. Жаль.

Он замолчал, а я ждал продолжения, какое бы оно не было. Больше часа тишину нарушало только моё хриплое дыхание. Больше часа меня дразнил смех и страх смерти. Больше часа я неистово хотел жить. Больше часа я боялся, что этот желающий умереть заложник гор просто ушёл, оставив меня на мучительный конец от жажды.

— Уходи, дьявол, — мою единственную надежду на спасение очень вовремя потянуло на разговор. — Быть может, когда-нибудь мы вновь сойдёмся в поединке, и, кто знает, вдруг тогда ты подаришь мне вечный покой.

Вновь заскрипели, зарыдали камни, но это рыдание было для меня счастливым смехом. Потолок пошёл вверх, и вскоре я уже мог стоять в полный рост. По памяти я двинулся к выходу, бешено надеясь, что мой неожиданный спаситель догадается убрать оттуда камни. Мои надежды не были опрокинуты в грязь, руки нащупали долгожданную дыру в стене. Теперь оставалось найти, огонь знает, где находящуюся Элати, а вместе с ней крайне нужный свет.

Память подсказывала нужный маршрут движения, и я на ощупь медленно двигался вперёд. Я знал, что впереди должна быть очередная развилка и оставалось только надеяться, что леди свернула туда, куда нужно. Но я явно недооценил жрицу. Она избрала ещё более верное решение этой во многих случаях фатальной проблемы. На развилке горел пьянящий глаза свет. Прислонившись к каменной стене, на полу сидела Элати. Она сидела, абсолютно молча, только по грязно-бледным щекам тихим ручьём лились слёзы отчаяния.

Я выхромал в манящий круг света, леди поражённо вскрикнула и облегчённо уронила голову в ладони.

— Порядок, крылатая, теперь уже близко, очень близко, — я буквально упал рядом с ней, — скоро мы насладимся живительным рассветом.

— Так веди же, мастер, — на её заплаканном лице появилась ускользящая улыбка, — веди быстрее.

Как не торопились мы выбраться из этих уже не раз проклятых туннелей, всё же пришлось потратить драгоценный час на то, чтобы я мог отдышаться от недавней недоброй встречи. Я бы с огромным удовольствием потратил бы и ещё десять-двенадцать часов на это мероприятие, но наш последний светильник грозил погаснуть в любой самый ненужный момент. Так что, мне вновь пришлось опереться на свой остро заточенный костыль и отправиться на штурм последних километров Незримого пути.

— Там кто-то есть, мастер.

Тихий голос Элати вернул меня из светлых мечтаний в тёмную действительность. Признаться, близость поверхности немного притупило моё чувство самосохранения, хотя это могла быть и добивающая усталость. Через мгновение я и сам услышал лёгкий шелест сбоку

от нас. Не раздумывая, я бросил наш осколок дня в сторону этого тревожащего шелеста. И бросил я точно, звук был от удара не об камень, а об обычное тело. Это также подсказал и глухой стон. Я же в свою очередь еле удержался тот удивлённого вскрика, увидев этот стон исторгшего.

Им оказался старый, совершенно седой дьявол в ветхой грязной одежде и с обломанными рогами. В то время, как я недоуменно смотрел на него, его немного безумный взгляд был направлен мне за спину, туда, где с обнажённым мечом стоял ангел. За несколько секунд выражение его глаз сменилось с явного недоверия своему рассудку на осознание невероятной правды, а потом в них закричала давняя и жестокая боль. Но я так и не увидел в них ненависти, и это было не менее странно, чем ангел под горами Ада.

— Ангел? — медленно, через силу слова просачивались сквозь его потрескавшиеся губы. Он перевёл взгляд на меня и повторил, — Ангел?!

— Ангел, — я решил подвести черту его в целом оправданным сомнениям.

Он вновь перевёл взгляд, теперь уже на клинки в наших руках и покачал головой, — мне, наверное, уже всё равно, ангел, дьявол, тьма не видит различий, а значит и мне не стоит их видеть.

И его любезная тьма будто услышала своего преданного вассала. Свет нашей нежно хранимой лампы мелко задрожал, пару раз мигнул и хладнокровно потух, оставив нас наедине с вечной ночью и, конечно, нашим новым знакомым.

— Стой, где стоишь, старик, и я оставлю тебя жить, — я сумел вслепую найти его Путь, но убивать довольно безобидного с виду соплеменника совершенно не хотелось.

— Жить это хорошо, — мой невидимый собеседник усмехнулся. — Я вижу у вас возникла небольшая проблема с поиском дальнейшей дороги. Могу оказать посильную помощь в этих поисках, тем более идти здесь не так уж и долго, даже для тебя, хромой, — он снова усмехнулся.

Я быстро думал. В принципе я и сам был способен пройти оставшуюся нам дорогу, но, сколько это займёт времени, сказать не решался. А если вдруг этот неожиданный аскет поведёт нас не туда, куда хотелось бы, я сразу это почувствую и прекращу его одинокое существование.

— Веди, старик, но будь очень осторожен.

— Бабу свою попугай, — огрызнулся в ответ тот, и, не спеша начал движение вперёд.

Я невольно улыбнулся, очень необычно было слушать такое обращение в адрес гордой и порой надменной леди.

Между тем наш проводник явно решил воспользоваться возможностью поговорить с наверняка не частыми здесь гостями.

— Ты воевал с крылатыми, хромой?

— Да, — в подробности я решил не углубляться

— И я воевал. В четвёртой я сражался вместе с князем Арк-Шазом. Я помню, небс разбило нас в первом же бою. С другой стороны их было почти в полтора раза больше. Хотя надо признать, что из Арк-Шаза командир был весьма посредственный. Он уверенней чувствовал себя с бокалом вина иохотничьим рогом, чем с окровавленным мечом. В том бою я потерял родного брата. Огромный ангел пронзил его ржавым протазаном. Мне даже отомстить за него не удалось. Избежав и смерти и плена, я вернулся домой, но оказалось, что выродки Рая добрались туда раньше меня. Они убили моих родителей, мою жену, моих детей. Я стоял посреди пустого холодного дома и плакал. Потом я снова вернулся на войну,

убивал врагов и терял друзей. А когда всё кончилось, мне уже некуда было идти. Я потерял не только своих родных, я потерял любовь к этому миру. Я желал никогда больше не видеть его и пришёл сюда, чтобы во тьме этих пещер обрести хоть какое-то подобие покоя. И, как ни странно, мне это удалось. Здесь есть прохладная вода, медленные животные, на которых легко охотиться и много времени для мыслей. Здесь ушла моя ненависть к небу, ушла, как заскучавшая подруга. Здесь неважно крылья у тебя или рога, здесь мне некого ненавидеть и некому ненавидеть меня. Иногда я, правда, всё же выхожу на поверхность, но это лишь для того, что бы в очередной раз убедить себя, что я был прав, выбрав эту дорогу.

Это, наверное, был самый длинный его монолог за долгие, тёмные годы. Рассказав нам свою невесёлую историю, старик замолчал, и лишь звуки его шаркающих шагов ориентировали нас на верный путь. Судя по моим ощущениям и памяти, ещё хранящую в себе эту дорогу, обмануть нас этот затворник не пытался.

А потом я увидел свет. Не игрушечный свет куска лавы, а настоящий, ласкающий и пронзающий душу. Элати не сдержалась и побежала к, наконец, обретённому нами выходу из царства тьмы. Я, к сожалению, был лишён такой возможности, а то бы, несмотря на возраст и титул, обогнал бы её в порыве простого счастья.

Когда я всё-таки выбрался из-под гор, леди стояла, широко открыв глаза и глупо улыбаясь. Я остановился рядом с ней примерно с таким же восторженным лицом. Вдруг я заметил, как её лицо снова стало серьёзным.

— Мне нужен новый плащ, — она не смотрела мне в глаза.

— Что? — потом я понял. — Нет! Кому? Кому он здесь расскажет о том, что видел нас!? Здесь только тьма и камни!

— Мы не можем рисковать, мастер, — лицо ангела было застывшей маской равнодушия.

— Нет! — это я уже кричал.

— Ты дал слово, — вот теперь она посмотрела мне в глаза, и взгляд этот был извиняющимся, но в то же время и отрицающим любые компромиссы.

Она ударила в больное место и знала это, и она была права. Я дал слово, слово Хозяина Пути и это перевешивало все мои нравственные терзания и сомнения. До боли сжав кулаки, и до треска зубы, я молча начал спускаться со скорбно вздохнувшей горы. За спиной послышался глухой стон и звук падения давно не видевшего свет тела. Дороги жестоки.

Глава 3. Тени и демоны. Часть 1

Ровная мерцающая гладь манила, минуя разум и врезааясь сразу в мечты. Я остановился, чтобы несколько волшебных секунд просто насладиться этой чистой, гостеприимной красотой.

— Пора устроить привал, а, мастер? — похоже, мысли ангела полностью совпадали с моими, что впрочем, в данной ситуации было неудивительно.

Я взглянул на Элати, впервые за несколько утомительных часов спуска с не дающих нам покоя гор. Не знаю, что это было злость, обида, а может всё вместе, но выведшего нас из глубин ночи старика, я не мог забыть до сих пор. И не мог забыть хладнокровный удар жрицы, принесший старому дьяволу последнее свидание, а моей спутнице новый, правда, несколько рваный и изрядно грязный плащ.

Ответный взгляд ангела был наполнен печальной уверенностью в своей правоте. Он говорил, что жалеть о совершённом будет и глупо, и опасно. И это, увы, было той самой правдой, которую я так боялся и ненавидел.

— Спорим, ты долетишь туда быстрее, чем я дохромаю, — мой давно оскорблённый меч, благодаря которому я всё ещё держался на ногах, высек из попавшегося ему на пути камня весёлые искры. Слава огню, у Элати хватило рассудка не принимать моё наверно несколько резкое пари, и она осталась на земле. Однако это не помешало ей оставить меня далеко позади, ускорив свой лёгкий шаг.

Когда я, наконец, доковылял до вожделенного озера, с прозрачными водами у подножия суровых гор, леди уже скидывала с себя грязную, запылённую одежду. Излишней скромностью она как видно не отличалась. Поймав мой немного удивлённый, не ожидавший такого представления, взгляд Элати гордо выпрямилась, расправив свои несколько потрёпанные, но всё ещё прекрасные крылья.

— Мне нечего стесняться, дьявол, — в голосе её слышался снисходительно-презрительный смех ночного ветра. Она полностью разделась, не торопясь подошла к дразнящей воде и в изящном, немного показном прыжке погрузилась в прохладу водоёма.

Что ж, в одном моя спутница была права, стесняться ей было решительно нечего. Вероятно, на своей родине у леди было немало поклонников и, скорее всего, она привыкла к восхищенным взорам, обращённым в её сторону. Возможно, ей было даже обидно, что я оказался абсолютно равнодушен к её красоте. С другой стороны у меня для этого были веские причины, — я ненавидел ангелов. С обществом Элати я смирился, стараясь воспринимать её не как ангела, но как лишнюю боевую единицу в нашем нелёгком пути. Но, что касается её собратьев по небу, я бы, не раздумывая, убил любого из них только за то, что у него есть крылья. А других причин, как правило, и не искали. Так что всё внимание, на которое могли рассчитывать представительницы прекрасного пола от противоположных сторон сводилось к кратковременному и в целом не поощрявшемуся изнасилованию во время ведения боевых действий, после чего в любом случае следовала смерть.

Занятый этими в общем несвойственными для меня мыслями, я, решив, что и мне вроде стесняться не пристало, сам скинул вызывающую терпимый, но крайне дискомфортный зуд одежду и, дотавив своё тело до воды, буквально рухнул в раскрывшую свои объятия поверхность озера. Несколько прекрасных минут я просто лежал на спине, закрыв глаза и не думая ни о чём. Но не слишком высокая температура воды вынуждала покинуть эту

волшебную обитель в более краткие сроки, чем мне бы было угодно.

То ли Элати оказалось более закалённой, чем уже не молодой Хозяин Пути, то ли она считала себя более грязной, но вышла она из воды гораздо позже меня и с явным сожалением на лице. Я же к этому времени был в самом разгаре процесса стирки моих многочисленных вещей. Внезапно я почувствовал чей-то заинтересованный взгляд. Резко подняв голову, я увидел лишь то, что видел и ранее — спокойную ровную поверхность озера. Тревожное ощущение чьего-то взгляда прекратилось, не успев толком начаться.

— Оказывается, даже в Аду есть прекрасные места, — Элати немного рассеяно прошлась вдоль кромки воды, продолжая смотреть на тихую гладь. Капли воды блестели на её бледной коже, отражая окружающий нас пейзаж. Крылья вновь обрели былую белизну, на лице играла тихая, задумчивая улыбка.

Пока она наслаждалась редкими минутами спокойствия, я уже успел надеть свою мокрую одежду, резонно полагая, что на теле она высохнет быстрее, и теперь мысленно набрасывал маршрут нашего дальнейшего движения. Выходило, в общем, довольно оптимистично, никаких природных препятствий, вроде только что немалой кровью пройденных нами гор, дальше не наблюдались. Места были довольно заброшенные, но не абсолютно дикие, так что можно было вновь рассчитывать на успех нашей экспедиции, почти потерянный за время, проведенное внутри пещер.

Снова возникло ощущение чьего-то внимательного взгляда. На этот раз я не стал дёргаться, а решил подождать продолжения. Неизвестный зритель продолжал сверлить меня своим упрямым взором. Я услышал, как затихли шаги ангела, вероятно, она тоже почувствовала, что мы уже не одни. Всё же, не удержавшись, я снова вскинул голову, готовый и к удару, и к бегству. На этот раз обладатель любопытных глаз не стал прятаться. В центре озера, почти сливаясь с окружающей водой, покачивалась голова неведомого мне существа. Несмотря на непривычный цвет и своеобразную, волнистую архитектуру черепа, голова вполне походила на голову дьявола или ангела, скорее именно на ангела, так как рогов я не увидел.

Существо медленно плыло в нашу сторону, так и не отрывая от меня своих больших, лишённых век глаз. Я быстро взглянул на Элати, леди так и не оделась, но меч в её руке уже был готов к исполнению своих прямых обязанностей. Я опять перевёл взгляд на плывущего в нашу сторону озёрного жителя. Ни в его движении, ни в выражении глаз не было ни страха, ни ненависти, ни азарта охоты, только умеренный интерес. Казалось, он в музее, рассматривает очередные экспонаты.

Его Путь был таким же, как и он сам — спокойным, без резкости и угрозы. Я в любой момент был готов выбросить озёрного жителя на берег и уточнить цвет его крови, но пока не предпринимал никакой агрессии, не желая убивать каждого встречного.

Между тем направление движение пловца сместилось в сторону Элати. Теперь он не отрывал простодушный взгляд от обнажённого ангела. Жрица, также, не спешила пускать в ход свой меч. Существо подплыло к леди на расстояние пары длинных копий и, не прекращая пронзать её глазами, высунуло из-под покрывала воды свою тонкую руку с перепонками между трёх длинных пальцев. В руке он держал иссиня-зелёный цветок замысловатой формы, протягивая его в направлении недоумённо застывшей леди. Нежданный поклонник, замерший со своим даром, издал бурлящий призывный звук и чуть приподнял руку с цветком.

Видно сердце моей спутницы оказалось не таким уж ледяным, как мне казалось.

Отложив в сторону свой меч, она осторожно, даже немного торжественно вошла в распахнутую свои прозрачные двери воду. Её рука устремилась навстречу руке родственника земноводных. На секунду их пальцы соприкоснулись, а потом, отдав свой нехитрый знак внимания и издав ещё один непонятный, но явно разумный звук местный житель всё так же медленно и спокойно поплыл обратно и через несколько секунд ушёл под воду.

Элати обернулась и вышла на берег, по дороге мельком взглянув в мою сторону. В её глазах читалось и удивление, и удовольствие от неожиданного подарка. Я постоял ещё несколько минут, напряжённо глядя в воду, но делая это скорее для порядка, чем из необходимости. К тому времени как я исполнил свои моральные обязательства по охране своего спокойствия, леди соизволила, наконец, одеться и, усевшись на близлежащий камень, явно вознамерилась предаться самозабвенной чистке и вряд ли необходимой заточке своего оружия. Подводный цветок она бережно положила рядом с собой.

— Ты пощадила его, крылатая? — я не смог удержаться от жёсткого сарказма, — а ведь он наверняка запомнил твои столь редкие здесь крылья. И мне видится, ему хватит и мозгов и слов, чтобы при случае он смог похвастаться перед своими водоплавающими друзьями об этой удивительной встрече. И кто знает, как далеко долетят его непонятные нам слова?

Элати метнула в меня полный гнева взгляд, — он вне нашей схватки, его кровь будет лишней, а его слова останутся на дне этого озера.

— Тот старик тоже был вне нашей схватки, но его кровь почему-то показалась тебе весьма своевременной, — гнева хватало и у меня.

— Он был дьявол, — этого достаточно. И ты это знаешь, мастер, — на этот аргумент мне и, правда, возразить было решительно нечего. Этого действительно было более чем достаточно.

Весь оставшийся день и укрывшую нас в своих немного тревожных объятиях ночь, мы провели на берегу, так кстати приютившего наши уставшие души озера. Горячий ужин из свежей, только что выловленной рыбы, лёгкий ветерок, приятно глядящий ушибы и раны на измождённых телах и долгий, спокойный сон (увы, по очереди, насколько бы ни было чудесным это место, но рисковать никто из нас не хотел).

А на утро, позднее и несуетливое, нас снова ждала дорога. С этой стороны гор нас ожидал более насыщенный, хотя и столь же малоэкзотичный пейзаж. Здесь было много травы, приземистых кустов и периодически встречались небольшие островки густого и не очень леса. Один из них довольно крупный по местным меркам вырос прямо перед нами, уверенно качая кронами высоких деревьев.

— Думаю надо его обойти, крылатая, — я очень не доверял вот таким красивым и непросто проходимым местам. В них часто обитало что-нибудь не слишком гостеприимное к завернувшим туда путникам. — Потратим на пару часов больше, но и мне и тебе так будет спокойней.

Элати в ответ на моё предложение понимающе кивнула. У неё был свой резон, вряд ли бы ей удалось эффективно использовать среди ветвистых деревьев свои только-только зажившие крылья. На том и договорились.

Приблизившись к гудящему под весёлым ветром лесу метров на сто, мы пошли вдоль него, уже различая вдалеке неизбежный конец древесным владениям. Вдруг к скрипу деревьев и свисту ветра прибавился ещё один явно резонирующий с царившей идиллией

звук. Я резко повернул голову. На нас неслись три небольших и очень быстрых ящера, на спине у каждого из них сидел дьявол. Хуже всего было, что в руке у каждого дьявола было по едва заметному с моего места арбалету, и я готов был поставить свои мечи против ржавого ножа, что все они были заряжены. Они бежали быстро, но и я медлить не стал. Все трое с удивлёнными воплями вылетели из своих сёдел и, взлетев метров на десять, устремились вниз на смертоносную для них землю.

— Там кто-то остался! Я видела движение веток! Я догоню! — с этими, на взлёте брошенными словами, леди устремилась в погоню за сбегающим врагом.

Лично я особой нужды в этом преследовании не видел, но у Элати, по всей видимости, фартово разыграл свои карты боевой азарт, а может она просто хотела показать, что может не только принимать в подарок цветы от подводного мира. Так или иначе, но останавливать я её не собирался. В способности Старшей жрицы Храма Светлой Стали разобраться с несколькими бандитами я не сомневался. К тому же, чем меньше лишних глаз нас будет видеть, тем лучше.

Я, не торопясь и стараясь уже не опираться на меч, подошёл к упавшим примерно в одном месте, посмевающим побеспокоить Хозяина Пути разбойникам. Все они, как и ожидалось, были мертвы, все лежали в неестественных позах, но что характерно никто из них не потерял свои арбалеты. Все три лежали около трупов, в непосредственной близости от рук, ещё недавно так уверенно их державших. Я подобрал один из арбалетов, брови мои удивлённо поползли вверх. Арбалет был очень хорош, такой мог позволить себе не каждый мастер второстепенного Ордена. Ещё больше я удивился, когда увидел, что и другие в качестве не уступали первому, а возможно и превосходили. В голове набатом ударила крайне неприятная догадка. Я быстро и скрупулезно начал осматривать убитых, однако более ничто не порадовало мой мародёрский порыв, только одежда и оружие, лишь на руке у одного из них поблёскивало простенькое кольцо с неброским камнем. Стараясь уцепиться за любую возможность, я поднял с земли камень и силой бросил его в кольцо. Камень послушно треснул, и из него вытекла тёмная жидкость, которая покрыла землю под пальцем грязной пеной. Из моих губ вырвалось тяжёлое ругательство. Больше сомнений не оставалось, передо мной лежали трупы, не потерявших страх разбойников, передо мной лежали адепты Ордена Теней.

Орден Теней воспитывал в своих стенах лучших профессиональных убийц Ада. Если у тебя есть очень много денег и очень заклятый враг, ты идёшь в Орден Теней, и он помогает избавиться и от первого, и от второго. Орден был довольно малочисленный, но мастерство его членов с лихвой окупало это. Орден брался за любой заказ, и даже Правящий круг не был застрахован от тяжёлого арбалетного болта в глаз или от отравленного кинжала под лопатку. С другой стороны Орден никогда не зарывался и вёл свои дела исключительно честно, что снискало ему уважение других Орденов и постоянный приток капитала. Мастера Ордена пользовались только лучшим оружием и любили специфические убийственные игрушки, вроде отравленных перстней. А самое главное, чем славился Орден так это тем, что за всю его историю количество провалов можно было пересчитать по пальцам одной трёхпалой руки. Что ж, теперь к ним можно прибавить ещё один. Да, счастье что мы не пошли напрямик через лес, там, в густых зарослях шансов у нас было бы решительно меньше.

Внезапно я вспомнил о Элати. Расклад кардинально изменился, и теперь ей противостояли не испуганные разбойники, а Мастера Теней, и я долго бы думал, прежде чем сделать ставку.

Хромая изо всех сил, я поспешил в то место, где она исчезла в охотно расступившейся перед обнажившим меч ангелом листве. Лесные дороги давно не были для меня загадкой, и определить направление движения Элати особого труда не составило. Жрица шла практически напролом, ломая ветки и роняя листья. Ориентируясь по этим без особого таланта видимым приметам, но в то же время соблюдая максимальную осторожность, памятуя о том, что в лесу, скорее всего, находятся Мастера Теней, я продвигался в глубь лесного массива.

Наконец я увидел то, на что только смел надеяться. Между деревьями лицом вверх лежал ещё один убийца, из шеи у него торчал стилет Элати, который я заботливо выдернул, намереваясь отдать столь полезный предмет его златоглазой хозяйке. Судя по тому, что леди оставила своё оружие в теле, его братья были неподалёку и не давали жрице скучать. Внезапно я услышал щелчок тетивы арбалета и ангельскую ругань. Ругань это хорошо, значит, жива. С другой менее светлой стороны значит, что уже, увы, не невредима. Я, стараясь соблюдать хоть какую-нибудь осторожность, устремился на звук.

Очередного убийцу я заметил почти случайно, тот абсолютно бесшумно двигался по длинной ветке раскидистого дерева. Как выяснилось, заметили мы друг друга одновременно, но мне повезло больше. Всё-таки поднять арбалет это намного дольше, чем дёрнуть вниз явно неготовый к столь некорректному обращению Путь. Мой оппонент шумно упал, наткнувшись грудью на толстый острый сук. Больше беспокойства от него ждать не приходилось. А вот остались ли ещё в этом лесном царстве нежелательные для меня элементы, это только предстояло выяснить.

Начал я с того, что рискнул, полагая, что я ещё не являюсь основной целью, и громко окликнул Элати. Ответ пришёл чуть медленнее, чем я ожидал, и мне пришлось провести пару болезненных секунд. А вскоре вслед за тихим ответом пришла и она сама, с сухими листьями в растрепанных волосах, обвисшей, наспех перевязанной рукой из-под повязки которой всё равно сочилась кровь, и слегка затравленным взглядом.

— Это какие-то неправильные разбойники, мастер, — леди тяжело и часто дышала, — если бы такие бандиты стояли бы на всех дорогах, путешествовать пришлось бы только в составе армии.

— Это не разбойники, крылатая, это тени, — я продолжал несколько нервно смотреть по сторонам и прислушиваться к каждому, отнюдь не редкому в лесу звуку.

— Кто?!

— Потом, леди, потом. Лучше скажи, сколько их ещё осталось, — этот вопрос сейчас волновал меня больше, чем почти все тайны мира, вместе взятые и положенные у моего порога.

— Похоже, что только один и, скорее всего он уже на полпути к самой дальней точке отсюда, — Элати вняла голосу разума и не стала пока требовать от меня развернутых объяснений.

— Увы, крылатая, они не уходят, пока есть хоть минимальный шанс исполнить заказ, — это было одно из многих правил Ордена, которое неукоснительно соблюдалось. — Скажи мне лучше, в какую сторону направился наш неправильный разбойник?

— Утверждать тяжело, но вроде в последний раз ветви колыхались там, — моя разочарованная в разбойниках Ада спутница немного неуверенно махнула рукой в сторону, которая была нам как раз по пути.

Я кивнул, я очень не любил делать то, что собирался, учитывая невеликое количество

лесов в Аду, но, как ни крути, это был оптимальный вариант. Как и все живые существа, деревья также имели свой Путь и, учитывая их достаточно пассивное существование, Путь этот был (за исключением очень редких индивидов) крайне слаб. В связи с этим я решил устроить в предполагаемом направлении движения бойца теней ураганный лесоповал.

Вздыхнув, я приступил к внеплановой вырубке. С громким треском многолетние великаны начали своё первое и последнее падение. Я старался захватить как можно более обширную площадь, пытаясь избавить последнего убийцу даже от минимального шанса. Над лесом взметнулась стая птиц, сквозь грохот обрушивающихся стволов до ушей долетали крики гибнущих лесных обитателей. Воздух наполнился листьями и щепками. Минут пять я хладнокровно разрушал то, что природа делала сотни трудолюбивых лет. Потом всё немного затихло, больше в пределах моего взора не свергшихся на землю деревьев практически не было. Я устало провёл рукой по лицу и взглянул на Элати.

— Я смотрю, ты действуешь наверняка, мастер, — леди явно была ошеломлена. — Что ж, результат оправдывает средства, — уже тише добавила она.

Я невесело ухмыльнулся. В этой древесной бойне уцелеть было действительно невозможно, если и не убило, то кости переломало абсолютно все, точно.

С трудом, пробившись к выходу из до сих пор гудящего леса, мы снова двинулись в так грубо прерванный путь. По дороге я нашёл довольно времени рассказать ангелу об Ордене Теней и их немалых возможностях.

— Самое невесёлое, — подводил я краткое резюме, — так это то, что Орден Теней не остановится, пока не выполнит этот, проклятый огнём, заказ. Когда в назначенное время их бойцы не выйдут на связь, они пошлют новую группу. А та, увидев, что случилось с предыдущей, уже не будет так самонадеянна. Пока они видимо не знают, с кем имеют дело, и хорошо бы, чтобы они не узнали это, как можно дольше. Вот так, крылатая, похоже, ваш обожаемый союз все же где-то прокололся, и у нас появился новый, могущественный враг. Так что почаще теперь оборачивайся, леди, и напоминай, чтобы оборачивался я.

Глава 3. Тени и демоны. Часть 2

Последующие за этими огорчающими событиями дни проходили не слишком весело. Хорошему настроению не способствовали ни тревожные ночи, лишённые света благословенного пламени (из осторожности мы перестали разжигать костры в темноте, боясь стать лёгкой мишенью), ни неспешащая заживать рука Элати и моё всё ещё изрядно ноющее колено, ни предвкушение новой встречи с Мастерами Теней.

Да уж, дожил, — мои мысли в точности отражали тянущиеся ленивой змеёй дни. Столько лет, столько войн и схваток, столько знаний и возможностей. И вот всё кончилось тем, что меня банально заказали. Теперь, особенно, после того как почувствовали оскорбление неудачей, тени уже не отстанут от меня. Отныне даже при удачном исходе нашего, на мой взгляд, чересчур насыщенного паломничества мне придётся либо всю жизнь прятаться как затихающему угольку, либо найти заказчика и любыми средствами добиться отмены заказа, ну или на край занятья тотальным уничтожением Ордена Теней. Каждый из этих вариантов был связан с огромным количеством неудобств, но больше я ничего придумать не мог.

Занятый мыслями о моём печальном будущем я, вероятно, чрезмерно отдалился от мало чем отличающимся от него настоящего. Бескомпромиссно вернул меня в него испуганно-удивлённый возглас Элати, которая, явно не по собственной воле, отправилась немного полетать.

Мгновенно войдя в готовность отразить (или хотя бы попытаться отразить) любой удар, на пределе зрения я увидел то, что заставило моё изголодавшееся по праздникам сердце пуститься в бешеный пляс, а губы изогнуться в хищной улыбке. Передо мной с еле заметными очертаниями и ясным, дразнящим Путём начинал свою игру демон дорог. И, что важно это был демон дорог, которого я вполне мог убить.

Демоны дорог были единственными, помимо Мастеров Дорог, существами, которые могли видеть Пути, являясь соответственно единственными нашими соперниками на этом поприще. Всю свою историю Орден вёл с демонами негласную войну, уничтожая их при любой возможности. Та иррациональная ненависть, которую мы испытывали по отношению к демонам, была сродни вечной ненависти между ангелами и дьяволами. Особой борьбы, правда, не вышло, Орден был гораздо сильнее, и постепенно демоны дорог превратились в вымирающий вид.

Демоны не обладали конкретной формой, постоянно трансформируясь в одни лишь им понятные конструкции. Они были почти прозрачны, и увидеть их обычным взглядом можно было лишь по лёгкому подрагиванию пейзажа. А вот Пути их были наоборот всегда яркие и словно бы искрящиеся. Они были как путеводные маяки для Мастеров Дорог.

Обладая непонятным и загадочным разумом, демоны наоборот не испытывали ни к кому ни ненависти, ни любви. Главной особенностью демонов было то, что им всегда было скучно, а развлечь себя они могли исключительно игрой с Путями, и чем сильнее был Путь, тем интересней была игра. Конец у игр был различный, иногда он оканчивался смертью объекта игры, иногда уже и неожиданным спасением. В этот раз, похоже, демон выбрал своей игрушкой Элати. Но в этот раз, он ошибся.

Не слишком беспокоясь за так неожиданно воспарившего ангела, я яростно ударил по решившему поразвлечься демону. Демон оправдал мои ожидания, — когда он,

подброшенный мной, как сам недавно подбросил ангела, затормозил свой Путь у земли, я вновь с ещё большей силой дёрнул его вверх, а через мгновение вниз. И ещё раз, и ещё. Демон не успевал за моими ударами, он даже не мог ударить по мне в ответ, у него просто не хватало времени. Выбрав удачный момент, я со всей силы в последний раз бросил демона вниз.

Убить демона, с силой ударив его о ровную поверхность, было практически невозможно, если только он не был крайне слаб. Учитывая переменчивую структуру их тел, демонов, как правило, предпочитали резать, и чем на большее количество частей, тем лучше. Отдельные помешанные на охоте за демонами мастера придавались этой процедуре поистине с фанатическим усердием. Ещё лучше бы было придать демона огню, но вот огня под рукой, увы, не было, зато мечи были, и они были готовы.

В тот самый момент, когда едва различимые очертания демона упали в пыль, я жёстким, жаждущим движением меча пригвоздил его к земле. Парализуя болью и не давая ни единого шанса, на него обрушился второй меч. Я резко дёрнул мечи в разные стороны. Разрубленный напополам демон ещё пару раз рефлекторно вздрогнул и затих. Из моего горла вырвалось довольное, горделивое рычание. На несколько восторженных секунд я утратил даже минимальную бдительность.

Молотоподобный удар обрушился на мою грудь, отбросив метров на десять назад. Лишь отработанные рефлексы спасли меня от переломов всего, в последний момент я успел затормозить. Я уже был готов защищаться от любого посягательства на моё уже не безупречное здоровье, но нового удара не последовало. А через мгновение я увидел и исполнителя. К моему огромному удивлению это был ещё один демон. Насколько я знал, демоны дорог всегда были одиночками. Но уже спустя секунду я забыл про всё своё недоумения. Всё моё внимание было направленно на нового противника и посмотреть было на что. Это был самый большой демон, которого я когда-либо видел, но размеры были отнюдь и, увы, не главным. Его Путь, вот что привлекало и пугало одновременно. Он был очень силен, как минимум не слабее моего. А мой Путь, был всё же Путём его названного Хозяина.

Я ударил, — мой удар был мастерски парирован. Ответный выпад не заставил себя ждать, и, чтобы устоять на ногах после него, мне пришлось изрядно постараться. Обменявшись ещё несколькими мощными, но не принёсшими ни одному преимуществу ударами, мы снова замерли, врезав взгляды в Пути врага. По крайней мере, так сделал я и не представлял, что ещё может делать сейчас демон. Сейчас в нас обоих просыпался настоящий, отрицающий всё остальное азарт. Давно, наверное, и у него, и у меня не было достойных соперников и теперь, обретя друг друга, мы наслаждались каждой неторопливой секундой этой только начинающейся схватки.

Но что-то я слишком задумался. С диким треском из земли вырвалось высокое одинокое дерево, стоявшее вблизи. Стрелой оно устремилось в сторону демона, набирая по дороге дробящую скорость. Но тот снова не разочаровал с интересом смотрящего на происходящее случай, который свёл нас сегодня на одной дороге. Гудящий древесный гигант отпрыгнул от моего оппонента, словно мячик от стенки и без намёка на сомнения, устремился уже ко мне. Я отправил его полетать и уже был готов наносить новый сокрушающий удар, но вдруг понял, что демон ретировался. Я успел заметить лишь направление, в котором он ушёл, прежде чем его Путь стал для меня недосягаем. Что ж, всё верно, игра только началась. Зачем сводить всё к одной схватке, если можно разбить её на многие? Логика демона была

ясна и понятна, вот только мне как раз хотелось всё решить как можно быстрее. Избытка времени для многодневных дуэлей у меня не было.

— А я, похоже, скоро стану знатоком бестиария Ада, — Элати благополучно миновали все пертурбации последних схваток. — Если, конечно, останусь жива после подобных встреч. Это ещё кто, мастер?

Я коротко объяснил.

— Да уж, забавные у вас игры, — мой краткий экскурс не вызвал у ангела особых эмоций. — Хорошо, что он сбежал.

— Он не сбежал, крылатая, — мгновенно разочаровал я свою спутницу, — он просто решил растянуть удовольствие. Но нам нельзя ждать, когда этот демон-переросток ударит первым. Это может быть трагично. Надо бить первым самим, — я усмехнулся, — устроим охоту на демона дорог.

— У нас нет ни времени, ни сил на такие развлечения, мастер, — похоже Элати моя, в общем то правильная идея понравилась мало.

— Значит надо их найти, крылатая, охотиться начинаем сейчас.

— Ты дал слово довести меня до Коцита, дьявол, и не имеешь права пускаться в подобные авантюры, — лицо леди сияло гневом.

Она снова пустила в ход своё любимое словесное оружие о так некстати данном мне слове. Но на этот раз у меня был достойный ответ.

— Я дал и другое слово, — мой холодный взгляд устремился прямо в горящие глаза ангела, — уничтожать демонов дорог везде, всегда и любой ценой. И это слово старше. Я иду с тобой или без тебя.

При всех своих достоинствах демоны дорог имели и как минимум один с моей точки зрения существенный недостаток, — они были довольно предсказуемы. За долгие годы победных и изредка неудачных поединков с демонами наш Орден досконально изучил все повадки и приёмы боя наших врагов.

Именно поэтому сейчас я уверенно шёл в ту же сторону, в которую уносился объект моих поисков, когда я чудом заметил его последний, прощающий до поры жест. Как правило, демоны не любили менять направление своего движения при отступлении, стараясь уйти на необходимое им расстояние с максимальной скоростью. А вот после того как демон достигнет, по его мнению, необходимой ему точки, отследить его передвижение будет гораздо сложнее.

Надеясь, что искомый демон проведёт в раздумьях о выборе упомянутых передвижений чуть больше времени, чем ему на это нужно, я изо всех неожиданно обрётённых сил старался успеть на этот праздник мысли. Сосредоточиться на предстоящей битве никак не получалось. В голову неумолимо лезли воспоминания о моих предыдущих встречах с демонами дорог. И конечно на вершине этих моментов прошлого стояла моя первая встреча, мой первый бой и моя первая победа над демонами.

Тогда я ещё не был Хозяином Пути, а был вполне рядовым Мастером Ордена. Я совершал небольшое путешествие с крайне мирной миссией. У одного моего не то чтобы друга, но в целом неплохого знакомого была свадьба, на которую он меня любезно пригласил. Не желая огорчить его отказом, который, честно говоря, мне весьма импонировал, в связи с тем, что в то время я был целиком поглощён повышением своего мастерства, я отправился в путь.

Демон напал на меня в первый же день моей дороги. Жёсткий неожиданный удар заставил меня испытать краткий, но буквально парализующий приступ панического страха. В те годы я подсознательно боялся этой, наверное, неизбежной встречи. Боялся столкнуться с этим непонятным мне существом, априори обладающее умением, на которое я тратил все свои сознательные годы, стараясь достичь совершенства. Великий дар, который растрчивался на их, проклятые огнём, игры.

Однако ненависть быстро вытеснила страх. Я пропустил ещё один тяжёлый выпад, но к следующему я был полностью готов. Уже через несколько секунд боя я понял со спокойной уверенностью, что этот демон мне не соперник. Схватка не заняла более пяти минут и, стоя над первым своим подобным трофеем, я громко хохотал в наступающую ночь. Это был один из немногих моментов, когда я был так искренне счастлив. Тогда я обрёл до сих непростибаемую уверенность в своих силах. Правда, увы, не всегда это шло мне на благо.

Вспомнил я эту веку своей насыщенной жизни, скорее всего, во многом для того, чтобы вновь ощутить эту пьянящую уверенность в собственной непобедимости, когда ты даже не допускаешь возможности поражения. А сейчас я, как это не печально, допускал. Это был абсолютно равный мне соперник, а значит очень сильный, очень хитрый и крайне опасный. Это был я сам в облики демона. Но отступить я не мог, а потому лишь прибавлял и прибавлял свой и без того уже почти бег, а не шаг.

Это место было похоже на останки какого-то древнего и, возможно, даже в меру могущественного Ордена. И останки эти расходились в радиусе не менее чем на километр. Облезлые осколки когда-то могучих стен, невысокие курганы валунов, открывавшиеся взгляду вместо стоявших здесь ранее устремлённых ввысь гордых башен. В своих скитаниях я не редко встречал подобные развалившиеся памятники былого величия. Из тех же скитаний я вынес, в том числе, и ещё одно полезное знание. Подобные места являлись прекрасной ареной для долгой, умной дуэли, именно то, что было нужно демону. Демон дорог терпеливо ждал меня в этих руинах, и я покорно шёл на это randevu.

— Дальше я пойду один, крылатая, — я не отрывал взгляда от дразнящих меня руин, — там ты будешь только мешать.

— Как угодно, мастер, — Элати остановилась возле меня, — только скажи мне одну вещь. Что мне делать, если ты не вернёшься со своей битвы?

Вопрос был законный, и ответить на него пришлось. Я посмотрел в надменные золотые глаза ангела. — Умри с честью, — лучшего совета я, пожалуй, дать не мог.

В ответ леди лишь презрительно усмехнулась и направилась к плеяде стоявших неподалёку деревьев, а я вновь перевёл взгляд на манящие развалины.

Я знал, что демон не будет бить издали, оттягивая удовольствие, и в связи с этим начало моего пути до места битвы было почти медитативным, однако уже за несколько десятков метров до цели, я приготовился к отражению любой атаки.

К облегчению, смешанному с лёгким разочарованием, её не последовало, и я беспрепятственно вошёл на нашу импровизированную арену. Удара не последовало и тут, меня встретила лишь нервно звенящая тишина. Обрывок случайного ветра скользнул по моей крепко сжатой руке, невольно расслабив давление на стиснутый до боли эфес. Под ногу попался небольшой камешек, заставив меня чуть пошатнуться и беспокойно оглядеться по сторонам. Я сделал несколько коротких, тихих шагов в глубь каменного пейзажа и прижался плечом к останкам бывшей стены. Осколок прошлого ответил на моё прикосновение тревогой и прохладой. И ещё ни одного востребованного мною звука не нарушило печальное

молчание этих мест.

Я решил аккуратно пройти всё наше вероятное поле битвы по кругу, осмотреть местность, познакомиться с ландшафтом и, возможно, увидеть какие-либо следы врага. В процессе осуществления данного мероприятия, я пришёл к логичному заключению о том, что увиденная мной местность навевает тоску, ландшафт в целом однообразен, а следов врага обнаружить, увы, не удалось. Не могу сказать, что все эти открытия сильно меня опечалили, но определенный, не самый лучезарный осадок остался.

Демон всё ещё не подтверждал своего вероятного присутствия, что накидывало в мою душу ворох некоторых сомнений, связанных с самой возможностью этого присутствия. Эти сомнения яростным ветром разметал лёгкий шорох сбоку от меня. Ударил я ещё раньше, чем повернулся и увидел в кого бил. Когда мой взор всё же снизошел до объекта приложения моих немалых сил, то я обнаружил, что на одном из равнодушных камней появилось индивидуализирующее его среди других пятно, состоящее из кровавых лоскутков мяса и серой шерсти. Вся картина свидетельствовала о том, что какой-то местный зверёк явно не вовремя вышел на запланированную послеобеденную прогулку.

Что и говорить, нервы мои были на пределе. В любой проклятый момент я мог превратиться из условного охотника во вполне реальную жертву. Позади раздался ещё один шорох, и ещё одно красно-серое пятно дополнило действующий пейзаж. Рисковать я не собирался, и, если для собственного спокойствия придётся превратить в желе всю местную фауну, я это сделаю без раздумий.

Постепенно я начал углубляться в молчаливую чехарду заросших руин, тщетно пока стараясь отыскать моего приятеля-игрока. Неожиданно, я увидел перед собой, волей огня, практически целое строение. Оно, как и всё вокруг, заросло и немилосердно потрескалось, но всё же замысел архитектора был вполне заметен в отличие от наблюдаемой мной до сих пор кучи обломков. Здание было низким, чуть выше меня, без острых углов и с парой узких прорезей вместо полноценных окон. Несколько заинтригованный я подошёл к нему вплотную в поисках входа.

Вход обнаружился довольно быстро, он представлял собой небольшую дыру в основании и для того, чтобы пролезть в неё, пришлось изрядно согнуться. С честью справившись с этой преградой, я очутился в маленькой, абсолютно пустой комнате с низким, заставляющим пригнуть голову потолком и замысловатой игрой, прорывающегося из прорезей в стене света.

Эти несколько отрядов света, отчаянно борющиеся с армадой тьмы, дарили случайному зрителю возможность увидеть на одной из стен проскальзывающую в их атаках надпись. Я подошёл ближе и прищурился, — это оказались грубо и небрежно вычерченные стихи.

Забывшие сны развлекаются ложью,
Печалит костры ожиданье войны.
Сменяется ласка неузнанной дрожью,
Играют дороги — пусты и пьяны.

Вероятно, прошлый обитатель позабытой временем кельи, выбивший из камня этот крик души, был неисправимым и непонятым среди своих романтиком. А может ещё и гуманистом, что в те далёкие времена тотальных войн практически равнялось предательству. Хотя, надо признать, что каждое его слово было правдой. Вся эта жизнь была наполнена

обманом, изменой, нескончаемой войной. И мы окунаемся в них, не зная и не ища чего-то лучшего, и нам это нравится. Нравится, не думать о том, что мы можем быть не правы, о том, что всё могло бы быть немного иначе, немного честнее, немного справедливее. Что можно разбить, давно уверенно стоящие за нами тотемы золота, славы, власти. Всёго того, что негибаемо влечёт за собой, и от обладания чего ты уже априори становишься правым. А потом тебе уже наплевать и на правду, и на сомнения, ты просто идёшь, берёшь и хохочешь, не замечая грязь, покрывшую твою душу. Не замечаешь ни на себе, ни на других. А другие не видят её на тебе, они видят лишь тебя — сильного и правого и хотят, чтобы ты стал отражением в их покрытом рубинами зеркале.

И каждый из нас несёт над своей гордо поднятой головой ореол личной истины, истины единственно верной и убивает, если кто-то позволит себе сомнений в этом. Хотя убивает редко, но хочет убить всегда. А потом мы умираем, и наша смерть, смерть нашей, такой чудесной, такой важной правды не меняет абсолютно ничего. Просто появляются другие, и отныне они становятся теми, кто прав.

Я сел на низкий плоский камень, неожиданно одаривший меня успокаивающей теплотой. Мне стало пронзительно скучно. Скучно оттого, что я такой же, как и все и, не смотря на то, что могу идти по любой дороге, иду туда же, куда и каждый. И конец моей дороги будет такой же, как и у всех, такой же грустный, глупый и в чём-то неуловимо смешной. Смешной оттого, что в него не верят до последней минуты. Смешной оттого, что все считают, что уж они то достойны чего-то лучшего, чем земля и забвение. И в этот последний решающий раз они всегда неправы.

И я был таким же, как все, я тоже не верил, несмотря ни на что я не верил, что вся моя жизнь в последнем итоге абсолютна бессмысленна. И я готов был цепляться за любой шанс, чтобы доказать эту обречённую ложь. Затем я и отправился в этот странный поход, затем и вытребовал у Трёхрогого тайну дороги к Предвечному Пламени, дороги, которая если верить древним, наполовину забытым легендам, прямым курсом вела в самую вечность, в вечность из которой не будет возврата. Мне собственно было абсолютно наплевать на дальнейшую судьбу всех дьяволов и уж тем более ангелов. Я пошёл именно из-за этой дороги, из-за этой манящей сказки. Пошёл, потому что как широко раскрывший глаза ребёнок, упрямо верил в эту старую, недобрую сказку. Пошёл, потому что больше, увы, мне верить было уже не во что.

Но вместо того, чтобы встать, идти к своей цели, я сидел и тупо смотрел в эти обрекающие строки, строки, которые не были нужны никому в этом, как было верно подмечено, пустом и пьяном мире. Вряд ли они были нужны и мне, единственное, что они принесли так это тоску и нежелание двигаться. Нежелание выходить и сражаться с этим жаждущим жестокой игры существом, особенно сейчас, когда победа над ним не принесёт той эйфории, какую могла принести ещё несколько минут назад. Я хотел просто сидеть и больше никогда не видеть этот дарящий боль и разочарования мир. И лишь на краю своего уже уплывающего в туман печали сознания я всё ещё помнил, что у меня есть мечта, мечта, до которой я обязан дотянуться. Она крепким острым крюком впиалась мне в душу, вытаскивая на раздирающий берег реальности.

Я встал, немного покачиваясь и всё ещё находясь в некоторой отрешённости от всех внешних проявлений.

— Ублюдок, — пробормотал я в адрес безымянного поэта, опершись предварительно о стену. Что и говорить, этот страдалец доставил мне несколько не самых приятных минут и

выбросить из сознания все эти гибельные мысли было куда как не просто.

С силой бросив в нанёсшую жестокую рану надпись умеренно тяжёлый камень, я начал пробираться к выходу. Вскоре я вновь рассеянно созерцал унылый пейзаж, довольно флегматично воспринявший моё возвращение. Не слишком спеша, но и отнюдь не тормозя собственные желания, я по самой короткой траектории направился прочь от этого проклятого места, приносящего грусть и безверие.

Глава 3. Тени и демоны. Часть 3

Вероятно, я ещё не полностью оправился от терзавших меня мыслей, так как очередной удар демона я благополучно пропустил, практически не среагировав на него. Едва-едва отбив следующий, я с трудом встал, готовясь к собственной атаке, но демон в лучших своих традициях решил, что на данный момент времени он уже наигрался и скрылся за ближайшим каменным холмиком.

Отпускать его на этот раз я был настроен ещё меньше, чем в предыдущий, и бросился за ним со всей скоростью, на которую было способно моё несколько помятое, неотбитой атакой, тело. Некстати подвернувшийся камень с аппетитом врезался мне в бедро, ещё один, как будто работая в паре с первым, через секунду оставил синяк у меня на плече, но в целом погоня началась неплохо, мне даже показалось, что я задел дальним ударом скрывающегося за плановым поворотом демона. Вероятно всё же показалось, так как никаких доказательств моей снайперской атаки увидено не было. Всё новые останки древних зданий мелькали перед моими глазами, поворот сменялся поворотом, а канава канавой. Я не видел демона, но лёгкий шорох на самом краю слышимости и чуть заметный след среди травы, пыли и каменной крошки, лучше придворного оратора говорили мне о верном выборе пути.

Внезапно из-за очередного угла на меня с диким визгом вылетел уже знакомый по предыдущим своим полётам зверёк. К своему искреннему неудовольствию, он стремительно разделил незавидную судьбу своих сородичей. Новый аспект игры явно понравился демону. Бедные животные летели в меня с изрядной периодичностью, с разных сторон и под самыми невероятными углами. Как мне не было жаль (хотя, говоря откровенно, не было), их невесёлые судьбы были предрешены. Наконец, поток живых снарядов иссяк, и в сердце прыгнула надежда на то, что демон дорог вновь захочет личной встречи со мной.

За очередным поворотом я с немалым интересом увидел довольно ровную площадку, в центре которой стояло довольно крупное и, что более примечательно, практически наполовину добравшееся до сегодняшнего дня строение. Десяток колонн разной степени сохранности всё ещё относительно гордо устремлялись вверх, а пара из них ещё держала на своих плечах немного остатков давно обвалившейся крыши. Из-за разросшейся травы были видны частично обвалившиеся лестницы, ведущие то вверх (впрочем, крайне недалеко), то вниз, куда-то под основание здания. С одного края даже проросло невысокое дерево, и лёгкий ветерок весело играл с его листьями, а в миг наивысшей радости немного пригибал дерево к земле.

Я осторожно вышел из-за последних камней, отделявших меня от этого полусгнившего каменного тупа, бывшего когда-то великолепным дворцом или гордой цитаделью. Насколько я разбирался в повадках демонов дорог, на этом клочке Ада и должна была состояться решающая битва. Хотя это для меня она была битвой, а для демона лишь финальной частью увлекательной игры.

На этот раз демон не стал бить из-за угла. Он спокойно и не торопливо выполз откуда-то из глубины здания, выжидательно остановившись между двух сильно потрёпанных временем обрубков колонн. Я также не стал атаковать его при первой же возможности, сейчас бы это было как-то некрасиво, не вежливо и возможно даже не по правилам. Я неотрывно смотрел на это потрясающее существо, смотрел на него и видел себя. Та же несокрушимая мощь, та же абсолютная уверенность, не мешающая, тем не менее, умеренной

осторожности, тот же невероятный талант. Я смотрел в кривое треснутое зеркало и не мог отвести от него взгляда. Я бросал смертельный вызов сам себе, своему умению, своему желанию победы. И сейчас мне предстояло сражаться с собой и погибнуть от собственной руки. Казалось, мы были равны друг перед другом. И всё же одно преимущество перед моим кривым отражением у меня было, — демон хотел играть со мной, а я желал убить его.

Я ударил, не то чтобы со всей силой, скорее, на пробу. Демон спокойно отбил мой дебютный выпад, одновременно посылая свой, уже вполне серьёзный. Я покачнулся, но устоял. Мы снова замерли на пару звенящих секунд, а потом словно взорвались, удары следовали с периодичностью вдохов, часто впрочем, обгоняя их. Мы оба падали, но вновь и вновь поднимались, чтобы обрушить на врага всё своё умение, а его у нас у обоих хватало с избытком. Все находящиеся в зоне видимости деревья и кустарники были безапелляционно выдраны и теперь понуро лежали хаотично разбросанные по полю битвы, ожидая, когда их снова поднимут и бросят в бой, отвлекая противника от основного удара.

Постепенно наша дуэль переместилась в выбранные демоноапартаменты. С одной стороны здесь было легче уклониться от разящего выпада врага, но с другой, при должном попадании, можно было закончить бой очень досрочно. Пока мне везло, и я так и не напоролся на умолявшие меня об этом острые выступы многочисленных каменных зрителей.

Внезапно демон начал отступать. Отступать с неослабевающими атаками, но всё же отступать. Его очертания всё чаще ускользали за различные преграды от моих ударов, всё реже я отбивал удары его, и всё меньше сил мне на это требовалось. Создавалось впечатление, что мой оппонент просто устал и хочет сбежать. Но, это было немного неверно. Демон не устал и сил у него, я уверен, хватило бы ещё на много часов подобных танцев. Ему просто надоело, надоело играть, надоел я, наскучило это затянувшееся сражение. И теперь он просто хотел уйти. Не сбежать, не отступить на время, а просто уйти и постепенно забыть об этой встрече. Забыть, дабы, если она повторится, игра снова получилась такой же интересной, как и в этот раз. И он не понимал, почему я не отпускаю его, он не понимал ни моих действий, ни моих мотивов. Он не понимал моего, абсурдного с его точки зрения, желания продолжать эту игру, продолжать, когда он уже потерял к ней интерес. Он, вероятно, думал, что это последние броски костей, что я просто увлёкся и вот уже буквально в этот самый миг должен прекратить своё чрезмерное старание и спокойно попрощаться, поблагодарив за чудесное времяпровождение.

Но у меня были кардинально другие планы. Именно сейчас, когда дикий азарт покинул моего врага, он был гораздо более уязвим, хотя слабее фактически, конечно не стал. Но желания его уже были не желаниями игрока и воина, это были желания насытившегося зверя, простые и примитивные, — уйти туда, где тихо, тепло и спокойно. Выспаться, набраться сил, а после просто прогуляться по знакомым местам, дыша свежим воздухом и обдумывая свои нехитрые планы на самое ближайшее будущее.

И чем более пассивен был демон, тем больше ускорял и усиливал свои атаки я, тем чаще они достигали цели, тем ближе был час моего триумфа. Всё чаще и чаще я швырял демона дорог на безмолвные камни, которые трескались и крошились при ударе о них могучего тела. Бывшему игроку уже не хватало его хвалёной скорости, всё реже и реже ему удавалось уклониться от моих сокрушающих его гордость ударов.

То, что игра уже скоро закончится, и отнюдь не так, как он привык, демон понял, пожалуй, несколько не вовремя. Он, наконец, снова начал атаковать в полную силу, сражаясь уже не за интерес, а за жизнь, но было уже поздно. Я не намерен был давать ему ни

шанса. В очередном ударе, в который были вложены такие старания, о коих и сам не подозревал, я мощно припечатал демона в один из немногих сохранившихся углов нашей архитектурной арены. Около места падения моего уверенно проигрывающего соперника жалобно стонала под порывами набежавшего ветра почти целая колонна. Я в приступе неясной надежды быстро облетел взглядом окружающий пейзаж. Как ни странно, но на этот раз мне сказочно повезло. Чуть вдалеке изо всех своих скромных сил бежал один из основных участников нашей битвы, тот самый неизвестный мне зверёк, вероятно, один из последних в этих местах. Ему по моей милости была уготована великая судьба, учитывая его образ жизни. Он должен был стать палачом моего врага. Правда, палачом одноразовым, но нет в этой жизни абсолютного счастья.

Летел он гораздо быстрее, чем бежал. Всесокрушающим снарядом главный участник нашего финального шоу врезался в нетерпеливо ожидающую его колонну. Как и было задумано, колонна поддалась его неотразимым ухаживаниям и в последний раз, испуганно скрипнув, с грохотом повалилась на только начинающего приподниматься демона. Всё это заняло не больше пары секунд, и это был конец. Подняться, придавленный несколькими тоннами камня, демон уже не мог. Мне оставалось лишь добить поверженного врага.

Чуть не пропустив от демона удар отчаяния, я с силой вонзил в него оба меча, прошедших насквозь и пронзительно завизжавших от жёсткого соприкосновения с каменными плитами. Но даже под жестокими ударами моих не прощающих ошибок мечей демон дорог ещё долго вздрагивал, пытаясь вырваться из смертельной ловушки, ещё пытаясь нанести последний уже совсем слабый удар, ещё в последний раз пытаясь поиграть. И все же, несмотря на всю свою жажду жизни, он предсказуемо затих, отправившись прочь из мира, где часто играют не по правилам.

Я устало опустился на грязный пол, рядом с погибшим демоном. Как я и думал, с таким трудом обретенная радость победы, увы, не пускалась в бешеный пляс в моём сердце. Не то чтобы мне было жаль демона, но разумная мысль о том, что можно было просто уйти, когда он закончил наслаждаться игрой, нанесла мне недолгий, но всё равно затянувшийся визит. Но мысль ушла, так и не встретив достойного отклика, а после неё пришла пора и мне превращаться из охваченного жаждой убийства охотника на демонов дорог в мудрого, незнающего ошибок проводника. Леди, наверное, уже заждалась.

Элати я нашёл там же, где мы и попрощались, задумчиво бродящей в маленькой роще. Она ласково касалась грубой коры, перебирала подрагивающие от её лёгких прикосновений листья. По лицу ангела струилась отрешённая, немного грустная улыбка. Возможно, она вспоминала свою родину, я знал, что в Раю было много густых лесов. Услышав явно нескрывающиеся шаги, леди обернулась, наградив меня холодным, равнодушным взглядом.

— Как битва, мастер? — голос Элати был славной парой её взгляду, такой же равнодушный, подчёркнуто вежливый.

— Устал, — уж что-что, а оправдываться я точно не собирался.

— Ты сдержал своё слово, дьявол? — леди явно не оценила мой лаконичный сарказм.

— Я всегда держу свои слова, крылатая, — я действительно устал и её обвиняющий тон менее всего подходил для того, чтобы расслабиться.

— И много слов ты намерен сдерживать помимо того, которое дал мне? — Элати видимо решила идти до конца.

Я уже хотел послать её погреться в вечном пламени, но в последний момент пересилил

свои разбитые вдребезги нервы. В голове мелькнула уже как-то появлявшаяся мысль о том, как тяжело ангелу идти по этой враждебной к ней земле, идти ради непонятной до конца даже самой себе мечты. Идти, буквально прорубая себе дорогу к ледяным берегам Коцита, зная, что всю её опору в этом безумном походе составляет не так давно ещё бывший заклятым врагом дьявол, который и держит единственную ниточку к желанной мечте в своих эгоистичных, израненных руках.

— Хватит обид, леди, — извиниться меня бы не заставил и весь Правящий круг, но тон я всё же сделал менее резким, — считать их начнём потом, когда я, будь уверена, сдержу своё слово, и мы окажемся в замке Трёхрогого. А сейчас у нас нет на это ни времени, ни даже права.

Ангел отвёл взгляд, возможно для того, чтобы я не увидел слёз, искрами блеснувших в уголках золотых глаз, а возможно для того, чтобы просто собраться с раскиданными мыслями.

— Веди, мастер, — в немного насмешливом голосе леди уже не слышался холодный лязг ледяных торосов, видно мои слова достигли своей непростой цели.

Впрочем, далеко мы не ушли, отдых был мне необходим, как утренний стакан вина после весёлого праздника. Где-то через час неспешного хода перед нами из-за очередного холма выплыла прелестная поляна, чуть окружённая невысокими деревцами. Здесь мы и решили провести, уверенно накидывающую своё тяжёлое покрывало ночь.

Остаток вечера был наполнен какой-то ленивой удовлетворённостью. Всё делалось, откровенно не спеша и иногда просто подчёркнуто медленно. Но нас это почему-то устраивало. Наверное, потому что уж очень хороша была наступающая ночь. Негромко пели, запозднившиеся с концертом птицы, кожу ласкал нежный ветер, весело трещал маленький костерок, который мы все же решились развести в неглубокой ямке. Света он давал очень немного и уже с сотни метров заметить его было практически невозможно.

Несмотря на тяжёлый день, в сон не тянуло, вероятно, сказывались некоторые душевные переживания, изрядно меня сегодня задевшие. Элати, в отличие от меня, такие проблемы не мучили и, покорившись тьме, она заснула, завернувшись в свой плащ, оставив меня сторожить наш общий покой. Я, наверное, был даже рад этому факту, неудержимо хотелось побыть одному. Не для того, чтобы о чём-то поразмыслить, поспорить со своим разумом или совестью или даже предаться воспоминаниям юности. Нет. Просто хотелось молча посидеть в постепенно наступающей тишине и забывая обо всем, что тревожит и беспокоит.

Я не торопясь, достал из кармана свою старую походную трубку. Табака у меня с собой было мало, и я специально его берёг именно для таких случаев, когда ненужно никуда спешить и ничто не испортит удовольствия от процесса умиротворенного курения. Я аккуратно, в три приёма забил табак, который доставлял мне лучший поставщик всего Ада и осторожно, стараясь не задеть края трубки, прикурил от небольшого уголька. Густой, горький дым наполнил мой рот, чтобы через несколько секунд вылететь на свободу, затанцевав изящные виражи в благосклонно принявшей его темноте. Слабый ветерок не успевал отгонять белые завитки, и дым постепенно окружал меня дырявым дрожащим забором, медленно растворяясь в ночном воздухе. Он словно очищал и перекрашивал, стирая на израненной душе старые и новые шрамы. И на никогда не возвращающиеся секунды становилось легко и просто. Не оставалось долгих дорог и жестоких врагов, ненужных клятв и глупых желаний. Это были мгновения счастья, мгновения, ради которых можно было без сожалений отдать иную жизнь.

Я многое бы отдал, чтобы продлить эти короткие часы тишины и аромата табачного дыма, но трубка безвариантно подошла к концу, а молчание ночи прервал чей-то беспокойный крик вдалеке. Я ещё посидел несколько минут, не решаясь сразу покинуть это столь чарующее время, но всё же встал и с грустной улыбкой пошёл будить ангела, чтобы самому провалиться в неотвратимые сети сна.

Утро как всегда пришло слишком рано и резко повернуло вчерашнюю расслабленность в стандартную в походе организованную спешку. Вновь под ногами зашелестела трава, и заскрипел песок. Вновь мы настороженно обозревали окрестности и в любой проклятый момент ждали атаки. Вновь всё было грубо и непросто.

— Там дальше начнётся недлинная полоса болот, крылатая, — я решил уведомить спутницу о возможных неудобствах, — но при желании их можно вполне обойти, потеряем от силы два дня. Тебя что больше привлекает, леди?

— С каких, воспетых ветром пор, тебя стало заботить моё мнение, мастер? — Элати казалось, была и правда удивлена, что, однако, не помешало ей придать своему голосу жесткую иронию.

— А что б ныла поменьше, — сказал я это без злости, единственно сопроводив эти слова нахальным взглядом и несколько снисходительной улыбкой.

— Веди, мастер, — с деланно оскорблённым видом леди вновь повторила уже достаточно поднадоевшую мне за эти дни фразу.

— Веду, жрица, — ответил я ей в тон. — Тогда, если тебе всё равно, двинем напрямую через болота, тем более что они там вполне проходимые, только насекомых, пожалуй, чуть больше, чем нужно для комфортного отдыха. — Я искоса взглянул на ангела, но у той не шевельнулись даже ресницы.

Места эти действительно были достаточно спокойные. Я как-то раз проходил их, правда, в другом месте и впечатления остались не то, чтобы положительные, но вполне приемлемые, особенно для болот, классически негостеприимных к путникам.

Спустя несколько часов болота встретили нас, как и ожидалось влажным воздухом, надоедающим жужжанием и неверной поверхностью. Впрочем, здесь ещё не было тех гиблых топей, ходить через которые побаивались даже очень опытные бродяги, но всё шло именно к этому итогу. В отличие от всех остальных Мастера Дорог по болотам ходили с тем же изяществом, как и по наитвердейшей земле, так как с нашим талантом можно было выбраться из любой местной западни. Причём этот факт мне удалось продемонстрировать Элати практически в первые полчаса аккуратной ходьбы. Ангел как раз попал в одну из моментально затягивающих в себе трясин, не успевая даже взмахнуть своими, вероятно, принёсшими бы ей свободу крыльями. Но свободу ей принёс я, резко выдернув из голодной пасти болота.

— Спасибо, — в этот момент леди явно отчаянно боролась с накатывающейся истерикой.

— Аккуратней, крылатая, — я ободряюще похлопал её по мокрому плечу, — завтра будем на твёрдой земле.

Но до завтра, правда, нужно было ещё дойти. Не то, чтобы возникали какие-то крупные трудности, падение Элати так и осталось самым серьёзным происшествием за весь уходящий день, не считая пары местных голодных тварей, явно не рассчитавших свои силы, но мелких преград на пути было предостаточно. Один бы я их преодолел гораздо меньшей кровью, но

постоянный присмотр за ангелом отнимал дополнительные и никак не лишние силы. В итоге на ночной привал мы встали несколько раньше, чем хотелось бы, и этому имелись вполне объективные причины. Я то ещё в принципе мог идти дальше, но Элати, впервые вступившая на болотные тропы, выдохлась уже до конца. Быстро и вероятно без большого удовольствия поужинав, леди забила на редкий сухой осколок здешней земли и бескомпромиссно заснула, оставив мне честь хранить её чуткий сон.

Глава 3. Тени и демоны. Часть 4

Не слишком опечалившись таким завершением совместного вечера, я было замыслил вновь позвать на ночное свидание свою трубку, но оглядев местные унылые красоты, довольно быстро передумал, решив не издеваться ни над ней, ни над собой.

Я присел рядом с лениво тлеющими углями, прислонившись к насколько возможно в этих местах гордому стволу старого, потрепанного стихией дерева. Через несколько спокойных минут на горизонте наплывающей темноты нарисовалось какое-то движение. Я быстро поднялся, обнажив один из никогда не дремлющих мечей, но Элати пока будить не стал, оставаясь пока в неуверенности, стоит ли одно другого. Между тем неясные движения превратились во вполне реальную фигуру, решительно идущую по болотной тропе в мою сторону. Я уже поднёс руку к мирно спящему ангелу для того, чтобы бросить её меч и крылья в бой, но в последний момент одёрнул. Я понял, кто навестил нас в этот поздний час.

Узнал я его не по облику, а по уверенной походке, с которой он неуклонно приближался, и конечно по присущему всем этим существам деловому взгляду, суровому, но не агрессивному. Эти существа обитали в любой более-менее крупной и хотя бы относительно процветающей экосистеме, причём исключительно по одному. Занимались они тем, что следили на вверенной им, пламя знает кем, территории за порядком, правила для которого они придумывали также единолично. Правила эти у разных сочинителей сильно варьировались, но суть фактически была одна, — на моём участке всё должно быть тихо. И для исполнения данной, просто сформулированной программы, эти законники использовали все средства, до которых могли дотянуться, а дотянуться они могли далеко. Практически все называли их Хозяева, я же в силу определённых взглядов предпочитал звать их Сторожами. И вот у Сторожа этого, наверняка горячо любимого им болота появилось ко мне какое-то неотложное дело.

Выглядел он, кстати сказать, довольно занятно. Выделялись в первую очередь его конечности, которые достигали в длину не менее трёх метров и при этом бугрились мышцами. На их перекрестии достаточно нелепо смотрелось само тело, — небольшое и практически круглое. Над телом нависала приплюснутая голова с маленькими остро смотрящими глазами и широким ртом, полным острых зубов. Передвигался он на всех четырёх конечностях, причём крайне ловко и даже по-своему элегантно.

В общем, зрелище было то ещё, но я по роду своей деятельности относительно часто общался со Сторожами и знал, что их часто смешные с виду тела всегда были идеально приспособлены для ведения битвы на подведомственной территории. Знал я это на собственном примере, так как не всегда моё общение со Сторожами заканчивалось мирно. Тем не менее, я терпеливо ждал, когда данный экземпляр дойдет до меня, помня, что Сторожа не нападали первыми без какой-либо причины.

Наконец, он добрался до места нашего привала, присел против меня на корточки и тяжело вздохнул. Наши взгляды пересеклись. Мой был спокойный и чуть насмешливый, его глаза также были очень спокойны, но вместо насмешки в них кружила свой томящий танец грусть. Несмотря на разницу наших культур, эту грусть я понимал очень хорошо. Причиной его грусти был я, а главное то, что на меня его компетенция никак не распространялась. Это понимали мы оба и понимали очень хорошо. Если бы у меня был хоть какой-то шанс, — говорили его глаза, но шанса у него как раз не было, — силы наши были слишком не равны.

Он пришёл ко мне, не чтобы предупредить или требовать, но чтобы просить, просить о том самом спокойствии, ценнее которого для него не было ничего. И сейчас он покорно ждал моего ответа, готовясь в случае отказа умереть, но выполнить свой долг до конца. Для приличия чуть выждав, я согласно кивнул в ответ на его тревожно-вопросительный взгляд. Тот благодарно склонил голову. Встреча проходила в абсолютной тишине, никто и никогда не слышал голоса Сторожей. Либо говорить они не умели, либо просто не хотели дарить каким-то прохожим драгоценные звуки своего голоса.

Аудиенция была завершена, и Сторож уже собрался уходить, но прежде чем молниеносно прыгнуть в радостно принявшую его темноту, он успел выбросить руку вперёд, указывая на что-то за моей спиной.

Ударил я одновременно с прыжком, а может и раньше. Бил я, разумеется, наугад, но опыт оправдал вложенные в него годы. Неподдалёку раздался тихий изумлённый возглас и довольное урчание принявшего жертву болота, а арбалетный болт, предназначенный явно для меня, прошёл высоко над головой.

Я резко обернулся к ангелу, но леди была уже на ногах и, верно оценив ситуацию, окружила себя безумным веером из всё ускоряющихся взмахов своего меча. Как выяснилось, этот несколько показной приём оказался крайне уместен. Второй болт, направленный уже в сторону Элати, буквально запутался в мелькающем блеске клинка, благополучно отлетев в сторону.

Я ударил на звук и снова мой удар был точен, трясина приняла в свои покои ещё одного с трепетом ожидаемого гостя.

— Кончай крутить свою палку, крылатая! — я уже мчался (насколько это позволяли местные природные условия) по заранее продуманному маршруту. — За мной, сегодня будет беспокойная ночь.

Элати последний раз взмахнув своим, незаслуженно мною оскорблённым клинком, без слов и упрёков устремилась за моей относительно быстро исчезающей в темноте фигурой. Про грядущие безумства этой ночи я ей вряд ли солгал. По всему выходило, что Мастера Теней вновь зашли нам за спины и готовы повторить попытку так неудачно начавшегося для них исполнения заказа на наши головы. И выбрали они для достижения своих малоприятных целей именно эту болотную ночь, без сомнения бывшую намного более чудесной до их столь невежливого визита.

Я, быстро обернувшись, посмотрел на неотступно следовавшего за мной ангела. В темноте выражение лица её я почти не разглядел, но дыхание пока было довольно ровным, а бег уверенным, так что на ближайшее время беспокоиться о боеспособности леди не приходилось, но вот если наше бегство затянется, то в ней могут возникнуть обоснованные сомнения. А то, что идти нам придётся долго, было, к сожалению, очень вероятно. Вряд ли Орден Теней, памятуя о недавних потерях, решился бы отправить на наши мечи группу не менее чем вдвое превосходящую предыдущую и по численности и по мастерству.

Мои статистические выкладки прервал негромкий хрип немного позади нас, который, впрочем, через секунду оборвался, как гнилая верёвка. Видимо Сторож решил отблагодарить за мою явно незабытую лояльность. И надо признать выбрал для этого весьма приятный способ. Хотя, скорее всего, он просто наводил на своем болоте необходимый с его точки зрения порядок. В любом случае, я был искренне рад его своевременной помощи.

Подходил к концу четвёртый час нашего спешного бегства, через ухмыляющиеся в

темноте топи. Не далее как пять минут назад, я в очередной раз вытащил Элати из их алчных лап, и теперь она тихо и без особого энтузиазма ругалась, проклиная ветер, занёсший её в эти падшие места. Я, в общем, понимал леди. Я и сам уже с трудом заставлял себя переставлять ноги по мягкой податливой почве, а уж мою спутницу иной раз приходилось натурально тащить за её Путь, и лишь гордость не позволяла жрице следовать подобным способом всю оставшуюся нам дорогу.

За эти четыре неблагодарных часа тени так ни разу и не побеспокоили нас, но всё же останавливаться на привал я не рисковал. Вряд ли кто-то сравнится в упорстве погони с Мастерами Теней. Иногда их поиски длились годы, но результат оставался неизменным веками. Сейчас надо было выйти на твёрдую поверхность, а там я знал пару мест, где можно будет спокойно отоспаться и обдумать дальнейший маршрут, с учётом столь неблагоприятных обстоятельств.

Между тем, болото понемногу просыпалось и наполнялось привычными для дня звуками, что несколько раздражало измученные нервы, но с другой стороны свет был для нас несомненным плюсом.

В такт ему позади нас обозначился торопливый, неровный шаг. Резко развернувшись, мы увидели, как к нам настойчиво приближается Сторож. Несмотря на четыре конечности, его довольно активно качало из стороны в сторону. Всё его непропорциональное тело было в крови и болотной траве, прилипшей к ней. Похоже, ночка у него выдалась гораздо более насыщенной, чем у нас.

Элати схватилась за меч, но я остановил её руку, жестом показывая, что это страшное окровавленное чудовище, выбирающееся из глубин болота, нам не враг. Недоумённо взглянув на меня, леди послушно опустила клинок, но в ножны убирать его не стала. То же, в общем, верно.

Не добегая десятка метров до нас, — напряжённых и заинтересованных, он снова, как и в начале ночи показал своим подобием конечности на что-то за спиной, на этот раз за своей. Хотя, в общем, догадаться на что он показывал было несложно. Помня, что первый раз этим простым жестом он, вероятно, спас мне жизнь, я, вырвав из неуверенно держащей земли несколько невысоких деревьев, с максимальной силой послал их в указанном направлении. Мои деревянные снаряды пронеслись над болотом как пьяная коса, оставляя за собой шлейф локальных, но оттого не менее эффективных разрушений. Несколько впечатлившись содеянным, я, не раздумывая, повторил эту операцию, превращая воцарившийся на неверных землях беспорядок во властвующий там же хаос.

Немного удовлетворившись, я перевёл взгляд с медленно гаснущим азартом на Сторожа, который был уже рядом с нами. При ближайшем рассмотрении ему было ещё хуже, чем показалось в первый раз, причём хуже намного. В спине у него обрекающе торчал арбалетный болт. Сторож не смотрел на меня, он вообще никуда не смотрел, сил его хватало лишь на то, чтобы упасть на родную землю и молча и безнадёжно бороться с приближающейся смертью.

Внезапно он вскочил и неуклюже и дергано бросился куда-то в бок. Через мгновение в голову его с треском вошёл железный посланник смерти, отправленный не дрогнувшей рукой. Ещё раньше, чем затих треск, обладатель этой руки вырвался из-за недалёкой, высокой кочки и через мгновение уже лежал с перерезанным горлом у моих ног. Но, до назначенного мной финала, было ещё далеко. Не давая ни секунды для ответных действий своим предполагаемым врагам, я буквально взорвал это несколько секунд назад оставшееся

сиротой болото. Вокруг нас с Элати расправил свои беспощадные крылья злой ураган. Я привёл в действие все Пути, до которых только смог дотянуться, а это было много, очень много. Из-под возмущённых трясин вырывались на свет огромные кусты бледно-зелёных водорослей, создавая дикий хоровод, с бешено орущими обитателями болот, так неудачно выбравших это место для сна. Рядом с ними кружили большие и маленькие деревья, сталкиваясь, ломая стволы и ветки. После того, как я вырывал их, у меня было несколько драгоценных секунд до того, как их Путь окончательно угаснет, и я старался выжать из этих секунд всё. Я превращал всё окружавшее меня на сотни метров пространство в не слишком густую кашу, на которой уже не было никакого подобия на дороги. Огромным усердием мне удалось оставить одну узенькую тропинку для отступления. Но, не зная о её наличии заранее, найти её было нереально. Ни выжить в этом смертельном водовороте, ни убежать от него было невозможно. Пожалуй, ещё никогда я не делал ничего более колоссального и сложного по исполнению. У меня даже хватило чуть-чуть времени для капли гордости за своё искусство. Помимо, как я рассчитывал, большинства врагов, я похоронил здесь и бывшего Хозяина болота (теперь я уже не мог звать своего дважды спасителя по иному). Мне показалось, ему было бы приятно внести свою лепту даже после смерти.

Наконец я решил заканчивать своё выступление. Сигналом к этому послужило не столько удовлетворение совершённым, сколько осознание того, что и мои силы, увы, не бесконечны. Последний раз яростно дёрнув Пути, я весело посмотрел на Элати. У ангела было слишком спокойное лицо и нервно подрагивающие кончики крыльев.

— Рвём, крылатая, надо дотерпеть, — с этими словами я буквально слетел с места, и плохо, но, настойчиво подражая ветру, поспешил по оставленной мной тропинке. Леди из последних, непонятно почему ещё не потраченных сил устремилась за мной.

По тяжёлой, но все же уходящей назад дороге я, насколько позволяли мне ускользающие остатки сил, продолжал разрывать бедное болото на части, не решаясь дать Ордену Теней хотя бы подобие шанса. Может, это было и лишнее, но так или иначе до конца наших прямолинейных скитаний по болотам адепты теней больше не нарушали сосредоточенность нашего движения.

Указанного движения у нас было предостаточно ещё в течение пары часов, а по их прошествии в самом разгаре полуласкового утра мы, наконец, поставили свои кричащие от усталости ноги на более-менее твёрдую землю. Элати сразу же упала на неё уставшим от жизни листом, намереваясь видимо остаться здесь, даже если вокруг соберётся весь Орден Теней и начнёт цинично оскорблять столь любимое каждым ангелом Великое Небо.

Однако, несмотря на все её мольбы и проклятия, я буквально тащил леди за собой ещё около получаса до единственного в округе места, которому мог доверять. Это была маленькая пещерка под холмом, скрытая от посторонних глаз высокой травой и камнями. Последним рывком Элати забросила в неё своё обессилившее тело и тут же заснула на холодной, жёсткой земле. Я заставил себя задвинуть большим камнем вход в пещеру, а после упал рядом с ангелом, погрузившись в долгожданный сон, навряд ли медленнее её.

Вырвались мы из объятий сновидений только поздним вечером, причём я проснулся даже позже Элати. Когда я вывалился из нашего временного убежища, она яростно чистила сорванной травой свои давно потерявшие былой блеск крылья от многочисленной грязи, прилипшей во время бегства по болотам. Получалось плохо, но леди не сдавалась.

— Выспалась, — я потянулся, оглядывая ещё немного одариваемые светом окрестности.

Жрица оторвалась от своего видимо уже надоевшего занятия и посмотрела на меня злыми, усталыми глазами. Несколько секунд она порывалась что-то сказать, но потом отвернулась и молча рухнула в благосклонно принявшую её невысокую траву.

— Ничего, крылатая, я знаю в здешних местах пару водоёмов, — я ободряюще подмигнул немного оживившемуся при этих словах ангелу. — Они, правда, не слишком большие и чистые, но для наших скромных нужд вполне сойдут.

Элати слишком легко поднялась на ноги для того, чтобы я поверил во вновь вернувшиеся к ней силы.

— Извини, леди, ночью я идти уже не рискну, — этот аспект, пожалуй, останавливал меня гораздо больше, чем до смерти уставший ангел, — пойдём завтра на рассвете. А пока отдыхай, силы, скорее всего, пригодятся нам раньше, чем хотелось бы.

Элати громко застонала сквозь зубы, но вновь покорно повалилась на траву, решив, видимо, целенаправленно следовать моему совету.

Поевши через несколько часов наконец-то горячей и относительно вкусной пищей и вдоволь насмотревшись на танец пламени нашего крошечного костерка, мы по здравому размышлению и от явного недостатка других дел снова заснули, в очередной раз понадеявшись на скрытность места нашего ночлега и не намереваясь сторожить свой покой.

На следующее утро (и это уже было действительно утро) мы, наконец, продолжили свой путь, посекудно оборачиваясь и опасаясь стрелы с любой из многочисленных сторон. Болота сменились мягкой холмистой землёй с редкими вкраплениями небольших камней. Сейчас мы шли прямо к обещанному ангелу пруду, а вот насчёт дальнейшего маршрута у меня было несколько интересных идей. И я, аккуратно всё взвешивая, выбирал оптимальную из них. Мы как раз обходили пологий, но всё же не желательный холм, когда с другой его стороны раздался спокойный, уверенный голос.

— Кэй-Сагор! — имя моё было произнесено громко и чётко. — Орден Теней выказывает тебе своё уважение и просит о переговорах. Орден гарантирует безопасность на время переговоров и на сутки после них, чем бы они ни закончились. Я, Лираз-Дар, Старший Мастер Теней, буду говорить с тобой от лица Ордена. Я жду твоего ответа.

Надо сказать, что Старшему Мастеру Лираз-Дару удалось меня изрядно удивить. И даже не тем эффектом неожиданности, с которым он преподнёс свою просьбу, в конце концов, к этому я уже привык, а тем, в чём она заключалась. Я ни разу не слышал, чтобы Орден Теней вёл переговоры с объектом заказа. Вероятно, это было спровоцировано потерей за последние несколько дней, как минимум, годового запаса бойцов Ордена. Возможно, я был удостоен великой чести и отказываться от неё мне не очень хотелось, да и в любом случае этот разговор мог принести нам какую-либо пользу, поскольку портить наше положение было уже некуда.

— Я согласен на переговоры, тень, — обращение было не слишком учтивым, но плевать мне было на его чувства.

— В таком случае встречаемся на вершине холма, мастер, — мой невидимый пока собеседник оставался подчёркнуто вежлив.

Увидели мы друг друга одновременно (по крайней мере, мне хотелось так думать) и остановились где-то на расстоянии пяти шагов. Мастер Теней, по первому впечатлению, не представлял из себя ничего выдающегося. Обычный дьявол, среднего роста, в длинном плаще и с показательно держащимися на виду руками.

— Отдай нам ангела, Кэй-Сагор, — убийца сразу перешёл к делу, собравшему нас здесь. — Нашим заказом является она, а не ты, и мы сожалеем о доставленных тебе неудобствах, — последние слова, вероятно, дались ему не просто, учитывая, сколько неудобств доставил Ордену я. — Взамен твоей доброй воли, — продолжал между тем свой монолог Мастер Теней, — Орден принесет тебе официальные извинения и оплатит понесенный тобой ущерб в той сумме, которую ты сам назовёшь, в пределах разумного, — Лираз-Дар замолчал, выжидательно глядя на меня.

Что и говорить это было очень щедрое предложение. Похоже, Орден счёл, что меня будет гораздо дешевле купить, нежели убить. К тому же я действительно мог не являться частью их заказа и меня пытались убрать на всякий случай, при этом, скорее всего, не зная, кто я. Они даже не стали меня запугивать, и это была их ошибка. Мне стало неудержимо весело. Орден Теней меня боялся. Орден боялся одного дьявола, но, Великое Пламя, неужели они думают, что я продамся тем, кто меня боится.

Я почти ласково посмотрел на стоящего напротив дьявола. Он видимо принял мой взгляд за выражение согласия и хотел уже что-то сказать, но я опередил его.

— Ты, верно, ошибся, тень, — мой голос был полон холодного гнева, и игры здесь было немного. — Ты, верно, забыл, напротив кого ты стоишь и чьё слово ты хочешь купить, — я стал медленно, но неотвратимо тащить его на себя, буквально парализуя виртуозной работой с Путём. В ледяных глазах старого, жестокого убийцы мелькнул едва заметный, но страх. — Так слушай же, тень. Орден сделал мне одно предложение, а я сделаю другое. Если ещё раз Орден Теней встанет на моей дороге, ещё раз я увижу ваши проклятые пламенем силуэты тихой ночью, то знай, тень, — я сильно встряхнул его, — знай, что с этого момента и до вашего конца, Ордену Теней объявил вечную войну Хозяин Пути.

Я бросил Лираз-Дара на так кстати подвернувшуюся землю. Во взгляде, которым он меня наградил, властвовало бешенство, но на самом краю, я вновь увидел искорку страха. А ведь на свидание со мной они наверняка послали самого матёрого.

— Переговоры окончены, — я насмешливо смотрел на его бессильную ярость. — Беги, пёс! — я с силой бросил его с холма. В принципе можно бы и убить, но это уже было бы как-то не изящно.

Я не торопясь спустился к нетерпеливо и немного испуганно поджидающей меня Элати. Если верить слову Ордена Теней, то спокойной жизни у нас оставалось около суток. Так, что выбор для дальнейшей дороги оставался единственным, хоть и отнюдь не желанным.

— Так получилось, что из меня вырос плохой дипломат, крылатая, — я с виноватой иронией посмотрел на ангела, — и теперь тени начнут охотиться на нас с ещё большим усердием. Поэтому нам предстоит пройти там, куда не сунутся даже они, да и любой другой дьявол в более-менее здравом уме.

Леди наградила меня осторожным взглядом, как бы оценивая моё психическое состояние.

— Не волнуйся, крылатая, — я позволил себе нервную усмешку, — у меня там должник.

Глава 4. Некрополис. Дорогами мёртвых. Часть 1

Его называли Некрополис — город мёртвых. Не слишком оригинально и, если быть до конца точным, не совсем верно, но суть это простое слово отражало исключительно правильно. Населяли обходимый подавляющим большинством за горизонт город, раскинувшийся на утомительные расстояние между невысоких, но не щадящих даже самых удачливых гор, существа, которых никак нельзя было причислить к славным когортам живых. С другой стороны, они, несмотря ни на что, ещё как-то взирали на этот мир. И этот непростой для понимания аспект заставлял признавать, что в какой-то мере здешние обитатели были наделены неким подобием жизни. Но этого, в общем, логичного фактора оказалось несколько недостаточно для полноценного признания, и весь Ад негласно договорился считать это место мертвым, а его обитателей мертвецами, пусть и всё ещё действующими.

Когда-то очень давно, ещё до начала Войн Основ, на этом месте вольготно расползался красивый и оживлённый город. Он являлся одним из главных центров Ада. Оставаясь далёким от политики, город стал столицей торговли, искусства и развлечений. В город ходили километровые караваны с любым мыслимым товаром. Лучшие художники, поэты, музыканты нашли здесь приют и признание. Сюда приезжали за красотой, азартом, наслаждением и город всегда был рад своим гостям. Он всегда давал им то, чего они хотели, к чему стремились.

А потом, в один прелестный, очарованный день, в город, яростно хохоча, ворвались Безумные Вихри огня. Их было много, очень много и они не слышали ни плача, ни проклятий. Три поистине безумных дня город был в их полной власти. Три дня всепожирающего огня, три дня непонимания и отчаяния, три дня пиршества смерти. А когда, наконец, вихри ушли, насытившись своей дикой пляской, на месте прекрасного города осталось лежать в костях и пепле то, что потом окрестили Некрополисом.

Почти все жители и гости города сгорели в жестоких объятиях вихрей, и смерть их не отличалась от любой другой. Но были и другие, те, кому Великое Пламя приготовило иную, едва ли лучшую долю. Теперь у них был новый облик, новый разум, новая мораль. Единственное, что у них осталось от прошлой жизни, это память. И если для одних она была последним убежищем, то для других раскалённой иглой в душу.

С того дня их тела стали пусты, полупрозрачны и частично трансформируемы, а также появилась изрядная склонность к регенерации. Движения их стали плавными, перетекающими, а голос напоминал тихий шелест травы и приходил, казалось, напрямую в разум, минуя слух. Их чувства и эмоции были сведены практически к нулю. Они больше не могли любить, ненавидеть, желать с той полнотой, которая присуща всем живым. Лишь тусклые отблески былых костров оставили им безжалостные вихри. Теперь их кипящий ранее разум стал холодной машиной для неспешных размышлений. В этих скупых на слова существ превратились самые сильные, самые талантливые, те, у кого жажда жизни была сильнее ярости огня. Но не предпочли бы они подаренную всем остальным смерть той насмешке, которую получили. Весёлые, влюблённые во всё что видели дьяволы превратились в жёстких (а часто жестоких) хладнокровных философов, смотрящих на мир, как на келью для раздумий.

Быть может, новоявленные мертвецы расползлись бы по всему Аду в поисках вряд ли

ещё ждущей их надежды. И кто знает, какую бы цену пришлось заплатить за эти поиски живым? Но волей Великого Пламени, каждый из оставшихся жителей Некрополиса был прикован к месту смерти своих прошлых тела и разума незримой, но крепкой цепью, длина которой варьировалась от пары десятков до нескольких тысяч метров. Место гибели было, пожалуй, единственным ради чего в мертвецах просыпались чувства. Правда, разнообразием они не отличались. При приближении любого чужого разума к последней памяти о своих прошлых днях в мёртвых просыпалась бездумная, сжигающая ярость, которая тут же выплёскивалась на возможного агрессора. Часто в этих схватках обреталась уже вторая, более надёжная смерть.

Мертвые, несмотря на свой, казалось бы, уравнивающий статус, были всё же не идентичны друг другу. Кто-то всегда должен быть выше другого, и в Мёртвом городе это правило работало, как и везде. Среди обитателей Некрополиса образовалась каста, членом которой называли Мёртвые князья. Главное, чем отличались Мёртвые князья от своих просто мёртвых соседей, так это наличием хоть какого-то, пусть даже формального интереса к жизни. У них одних сохранились более-менее осознанные желания, которые они старались удовлетворить по мере сил своих. Дополнительно к чувствам Мёртвые князья могли похвастаться также наиболее длинными цепями, мощью граничащей с неуязвимостью, и телами, гораздо большими склонными к трансформе, нежели у остальных. Кроме того, местная аристократия являла собой единственных существ в Некрополисе, с которыми можно было создавать хоть какое-то подобие диалога.

Через несколько месяцев после падения города в пасти Вихрей огня, к нему стали подходить многочисленные шайки разбойников, авантюристов и просто жадных дьяволов, исключительно верящих в свою удачу. По бегущим быстрее ветра слухам, под пеплом и скорбью остались ждать своих героев тысячи сокровищ. И слухи эти были, в общем-то, небезосновательны, все знали о былом величии и богатстве города.

Но, реальность, однако, оказалась несколько грубее, чем планировалось даже не в слишком оптимистичных головах. Входя в Некрополис, алчущие богатств дьяволы невольно вступали на территории, за которые мёртвые готовы были убивать. И они убивали. К боям с новыми жителями погибшего в огне города искатели сокровищ явно не были готовы. В первый год так и не состоялось ни одной успешной экспедиции. Это немного охладило всеобщий азарт. Однако ещё долгие столетия всё новые и новые отряды устремлялись в Некрополис за богатством и славой. И среди них находились те, кто возвращался и возвращался с тем, за чем шёл. Их были единицы, единицы на сотни тех, кто оставался в Некрополисе навсегда, разбавляя своими костями древний серый пепел, но именно эти единицы дарили надежду остальным и этой надежды, как правило, увы, хватало для новых походов в город смерти.

Я тоже не смог обойти стороной это удивительное место, правда, вела меня не жажда сокровищ и приключений, но жажда знания. Я хотел научиться работать с Путиами мёртвых.

Как выяснилось, их Пути отличались от обычных, также как и они сами. Главным образом потому, что тоже были подвержены возможности трансформы. И это сильно меняло весь принцип работы. Узнать мне это пришлось на собственном опыте, когда я сцепился с одним из мёртвых, войдя в зону его нешуточной тревоги. Когда, вместо того, чтобы швырнуть его на землю, удалось лишь чуть оттолкнуть мертвеца назад, будто я был не Хозяином Пути, а ласковым ветерком, мне пришлось испытать несколько шокирующих

секунд. В те секунды спасли меня только общая слабость оппонента и то, что я не слишком близко подобрался к месту его смерти. Суть оказалась в том, чтобы одновременно работать не с одной точкой Пути, как было принято среди живых, а сразу со многими, обгоняя и предотвращая трансформацию. И чем больше точек за раз было использовано, тем лучше. В общем, оказалось, что убивать мёртвых крайне утомительное занятие.

Воодушевившись первой, пускай и непростой победой я решил продолжить свой поход за знаниями. Следующий мертвый, встретившийся на моей победоносной дороге, к моему же изумлению, не проявил ровно никакой агрессии. Он полулежал прямо на земле, лениво смотря в мою сторону, но вроде как сквозь меня. Я решил ответить ему дружелюбной взаимностью и попробовал установить контакт. К сожалению, моя искренняя инициатива не увенчалась пусть даже незначительным успехом. Флегматичный мертвец так и лежал в пыли, не отвечая на мои попытки уговорить его на беседу. В конце концов, я от злости просто толкнул его Путь изо всех сил. Мёртвый горожанин отлетел на положенное количество шагов и так и остался лежать лицом вверх. Когда я подошёл, то увидел лишь его по-прежнему пустой взгляд, без интереса устремленный вверх.

Продолжать беседу-монолог было бесперспективно, а заканчивать, вроде как начавшееся сражение, даже как-то неудобно и я повернул назад. Ночевать я планировал на живой земле. Может, это были и предрассудки, и всё же так мне было намного спокойней. Но на самом краю города меня ждал ещё один житель Некрополиса. Высокими, изящными и абсолютно бесшумными прыжками мне навстречу устремился Мёртвый князь.

Я посмотрел на его Путь и с предельной уверенностью первым решил не атаковать. От этого мёртвого я хотел только мира и желательно вечного. Сделав очередной эффектный прыжок, князь опустился в двух коротких шагах от меня. Он оказался в два раза выше и в полтора шире чуть опечалившегося Мастера Дорог. И в отличие от предыдущих встреченных мною обитателей, его глаза не были пусты, в них поблёскивал ленивый интерес, и объектом этого интереса был, как это не прискорбно, я.

Несколько тревожных минут мы молчали, глядя друг на друга. Я хмуро прикидывал свои шансы в случае схватки. Выходило отнюдь не безнадежно, но и уверенности в будущем особо не прибавлялось.

— Кто ты? — первый раз я слышал голос мертвого, и ощущения от услышанного были немного странными. Это были ощущения мягкой руки, проникающей в твой разум и оставляющей в нём послание для тебя. Ощущения не слишком приятные, но и ничего трагичного в них тоже не было.

— Путник, — лишней информации я давать был не намерен, но совсем не отвечать показалось мне невежливым, а возможно и чреватым.

Я не знал, услышал ли меня Мёртвый князь, а если и услышал, то понял ли. Подсказки же мой визави дарить явно отказывался. Не менее десяти минут мы так и стояли друг против друга. В конце концов, мне это надоело, и я решил просто обойти, как будто парализованного князя.

— Стой, — это короткое слово выразило бесконечно много оттенков. И интерес, и угрозу, и вместе с тем просьбу, и ещё огонь знает что.

Я послушно остановился и, как оказалось, только за тем, чтобы снова насладиться безмолвной компанией моего нового приятеля.

— Как дела, мёртвый? — я решил перейти в словесную атаку. Результатов этой атаки, правда, пришлось ждать ещё несколько тихих минут.

— У меня нет дел, путник, — ответ пришёл тогда, когда я уже и не надеялся на какую-либо реакцию со стороны моего титулованного друга. — Расскажи мне о своих.

Я удивлённо уставился на князя. В его голосе отчётливо слышался интерес. Интерес к делам потерянной для него жизни. Пусть он был лишён её, но его воля всё ещё стремилась к ней. И я не смог отказать ему в этом стремлении. В тот день, и в ту ночь мы долго говорили, долго и медленно. Говорил, правда, в основном я, но и князь изредка вставлял своё лаконичное слово, желая знать ещё и ещё, все, что случилось за эти долгие годы его поистине нелепой смерти. И я рассказывал ему обо всем, о чём знал. Об Орденах, о войнах, с балах и дуэлях, о традициях и дорогах. Никогда ещё у меня не было столь внимательного и благодарного слушателя, как и у него столь словоохотливого рассказчика. Вечер, ночь и утро пролетели как стрела огня. Завершив, наконец, свой рассказ я замолчал, выжидательно глядя на прикрывшего глаза мертвеца.

— Это были мои лучшие часы, путник, — казалось, даже голос Мёртвого князя стал немного менее холоден. — И я ещё помню, что такое благодарность. Знай же, путник, что отныне я твой друг и должник. И пусть имя моё зарыто в пепел, но если я когда-либо чем-нибудь смогу тебе помочь, то приходи в любой день в это место, и я исполню любую твою волю, если только буду в силах. Прощай. — И он, легко перепрыгнув меня в стремительном прыжке, унёсся в серые глубины Некрополиса.

Эту историю я рассказывал для расширения общего кругозора внимательно слушавшего меня ангела во время нашего спешного отступления к черте Мёртвого города. Сейчас по прошествии нескольких часов после моей не слишком дружественной встречи с представителем Ордена Теней, я чувствовал некоторое сожаление в связи со своим столь агрессивным поведением на недавнем мероприятии. Возможно, не стоило столь резко реагировать на, в принципе, разумное предложение Ордена. Согласиться с ним мне, к сожалению, не позволяли мои маршем идущие в огонь понятия о чести и данном слове, но вполне можно было бы взять немного времени на непростые раздумья и уж в любом случае не грозить вечной войной целому Ордену убийц. Что и говорить, объявить войну всегда гораздо легче, чем её выиграть, а я в своей победе уверен, увы, не был.

Однако сутки ещё были за нами, и Орден Теней, стиснув зубы, хранил данное слово. Сейчас главное было добраться до Некрополиса, куда навряд ли сунутся даже тени, ибо средств для убийства уже однажды мёртвых в арсенале Мастеров Теней явно не хватало. Время на сон было сокращено до неприличного минимума, а передвигаться пришлось исключительно бегом, делая короткие, не находящие отклика привалы. Трудно сосчитать, сколько раз за эти сутки я был проклят взбешённой таким темпом леди, но всё же главного я добился. Мы пришли к Некрополису раньше, чем Орден Теней пришёл за нами.

— Великое Небо! — Жрица широко раскрытыми (видимо, для того чтобы предотвратить попытки мгновенного закрытия) глазами взирала на открывающийся перед нами город.

Посмотреть действительно было на что, и действительно хотелось поскорее отвести неосторожный взор, но у нас такого права, увы, не было. Некрополис встречал молчанием и пылью. Серая земля не давала всходов, а ветер был здесь редким и злым. То тут, то там всё ещё держали свой пост полурассыпавшиеся остовы, бывшие некогда великолепными дворцами или блистающими галереями. Лёгкий туман развалился над еле видной дорогой,

словно заранее презирая всех, кто осмелится пойти сквозь него.

Мне пришлось разорвать седые, заволновавшиеся локоны, невольно отвечая на его презрение. До назначенного Мёртвым князем места идти отсюда было не более полукилометра. Его мы преодолели вполне успешно, хотя и у меня невольно подрагивали руки при любом тихом шорохе. У Элати же на лице поселился хорошо скрываемый, но явно искренний страх.

Я не мог её за это винить. Мёртвая земля пугала живых, и это было более чем закономерно. Она словно предрекала уже видимый конец любого пути, любой даже самой длинной дороги. Она самовлюблённо и в то же время завистливо хохотала над жизнью, столь краткой и порой крайне глупой. И нечего было противопоставить её наглой уверенности, нечем было ответить на этот выверенный удар. Оставалось лишь только терпеть её насмешку и клясться отомстить за неё, заранее зная, что клятва так и не будет выполнена, оставшись лишь пустыми и излишне громкими словами.

— Пришли, крылатая, — казалось, даже пыли не прибавилось со времени моего прошлого визита в этой упрямой тишине.

— И что теперь, мастер? Будем звать его, грубо нарушая местную умиротворённость, или у тебя как всегда есть более изысканный план, — Элати явно нервничала, находясь так близко к холодным ладоням смерти.

— Разумеется, есть, леди. Мы просто подождём хозяина, — владений здесь немного даже у князей. Я не думаю, что он заставит нас дрожать от нетерпения встречи с ним. — Изысканностью, конечно, мой план не страдал, зато был вполне безопасен. Кричать же в этой угрожающей тишине абсолютно не хотелось.

— Гениально, мастер, ты снова оказался выше самых наглых костров, — этот сарказм ангела был явно подготовленный. И так как следующая реплика могла также быть уже сформированной и лишь ждать своего счастливого момента, я предпочёл дипломатично промолчать.

— Послушай, мастер, — через мгновение голос жрицы вновь прозвучал в звенящей тишине Некрополиса и он был наполнен нарастающей тревогой, — а ничего, что я ангел?

— Расслабься, крылатая, — я поспешил успокоить её, — поверь мне, им уже всё равно. Для них уже нет ангелов и дьяволов. Они уже слишком далеко от ненависти жизни.

Глава 4. Некрополис. Дорогами мертвых. Часть 2

Минуты текли не то, чтобы слишком медленно, но и неистовым бегом их ход назвать было бы несколько оптимистично. Обычные минуты, обычного, немного нетерпеливого ожидания. Минуты, от которых начинаешь медленно звереть.

Мёртвый князь возник неожиданно и неприятно, элегантно спрыгнув откуда-то сверху прямо к нашему изумлённому, а у ангела и заметно испуганному взору. Он, как и весь город, абсолютно не изменился за этот немалый по моим меркам срок. О его же мерках не хотелось даже думать.

Вместо того, чтобы по всем правилам вежливости поздороваться со своим старым приятелем, которому ты к тому же должен, князь присев на корточки, пристально уставился на замершую Элати. Только тут у меня мелькнула гибельная мысль о том, что для ангела у дьявола, даже мёртвого, всегда найдётся несколько яростных каратов ненависти. Но Мёртвый князь оставался, спокоен как пепел под его ногами.

— Красивые крылья, — жрица вздрогнула, когда голос мёртвого вошёл в её разум, до меня же донёсся лишь его лёгкий, маловыразительный оттенок. — Подари, — вот теперь уже вздрогнули мы вместе. Рука ангела невольно потянулась к мечу, я в спешке примерялся к Пути князя. За время нашей последней встречи мои силы изрядно подросли, и всё же этой схватки я не хотел и сейчас.

— Не хочешь? — холодный голос мертвеца опередил нашу вероятную атаку, и немного замедлил бешеное биение наших сердец. — Жаль.

— Здорово, мёртвый, — я всё же решил обратить на себя его заинтригованное ангелом внимание. — Помнишь меня?

Мёртвый князь помолчал несколько стандартных для него минут, лениво разглядывая стоящего перед ним дьявола. — Помню, путник, — наконец снизошёл он до ответа, — у тебя снова есть, что сказать мне?

— Я думал у тебя есть, что вернуть мне, мёртвый, — долгого этикета я не переносил. — Я пришёл забрать долг.

— Назови свою цену, путник, — Мёртвый князь не был ни удивлен, ни разочарован, всё это осталось для него далеко в прошлой полной красок жизни.

Я собрался с мыслями, — Мне нужен свободный и беспрепятственный проход по Некрополису, — я рисковал, не зная, сможет ли мой знакомый вернуть долг таким способом. С другой стороны, в случае неудачи я всегда мог попросить что-нибудь ещё.

На этот раз Мёртвый князь молчал не менее десяти минут, смотря мимо меня и, видимо, обдумывая свои шансы на это предприятие.

— Это непросто, путник, — вероятно, он, наконец, принял решение, — и один я не смогу помочь тебе, но, помня о своём долге, я поговорю с остальными и по прошествии этого разговора скажу тебе наше решение.

— Сколько времени это займёт?! — мой почти крик чуть замедлил стремительные движения давнего должника.

Князь посмотрел на меня с оскорблённым недоумением, — У мёртвых нет времени, путник, — его взгляд пронзал грустью и первородной болью.

И более не дожидаясь моей реакции на столь дилеммный ответ, Мёртвый князь быстро развернулся и уже знакомыми элегантными прыжками исчез за одной ещё не потерявший

основные очертания архитектурной развалиной.

— Приятно, что даже мёртвые иногда держат своё слово, — Элати только отошла от непредвиденного шока, в который её невольно ввёл наш долгожданный гость своим чрезмерно назойливым вниманием к её обожаемым крыльям.

— Вот только всё же интересно, сколько времени займут его переговоры, — о том, что это вполне мог оказаться достаточно длительный срок не хотелось даже и думать. — Ты как хочешь, крылатая, а я постараюсь употребить это время с максимальной пользой. Я буду спать.

И с чувством абсолютной уверенности в том, что на территории Мёртвого князя побеспокоить меня никто не посмеет, я, выбрав поблизости более-менее чистое место, действительно отправился по дороге сновидений, сопровождаемый гневным взглядом рассерженного моей беспечностью ангела.

Я открыл глаза. Прямо передо мной неподвижно сидел Мёртвый князь. Взгляд его, однако, был устремлён в обход меня на также безмятежно спящего ангела. Как было видно, леди последовала моему разумному примеру. Взор мёртвого, как острый клинок, припечатался к ровно сложенным крыльям Элати. Вероятно, мысль об обладании ими всё ещё мелькала в его непознанной голове. Оставалось надеяться, что эта мысль так и останется на уровне фантазии.

— Какие новости, мёртвый? — я с глубоким зевком перевернулся на бок и, пожалуй, немного напряжённо для только что пробудившегося уставился на князя.

Для того чтобы обратить взгляд ко мне, хозяину этих неброских земель потребовалось несколько волнительных минут.

— Твоя просьба тяжела для меня, путник, — голос его был также спокоен, как и при недавнем расставании. — Мои братья требуют за неё платы.

— Отлично, — моя радость отдавала сарказмом с талантом всеславного актёра. — И какую же плату вы хотите? — я тут же перешёл на деловой тон. Я готов был согласиться на многое за нужную нам перспективу.

— Мы многое потеряли, путник, — Мертвый князь, как часто водится, начал издалека, — у нас почти ничего не осталось, но то, что осталось, нам бы крайне хотелось сохранить и вдруг даст удача преумножить. — Недалеко отсюда есть место, которое почти не тронул гнев пламени, — мне показалось или его губы действительно тронула странная ностальгическая улыбка. — Это старая галерея, — между тем князь продолжал свою не короткую просьбу, — один из величайших памятников искусству прошлого, — он снова помолчал. — Увы, никто из нас (как я понимал, всё это время под «нами» он имел в виду Мёртвых князей) не может дотянуться до этой памяти веков. А ведь там находятся величайшие шедевры нашего времени. Лучшие мастера отдавали свои работы под своды этих залов. Огромные толпы собирались ради возможности увидеть самое прекрасное на этой земле. И нам бы хотелось вновь лицезреть эти творения. Нам бы хотелось найти в их красоте последнее спасение и последний приют. Ты сделаешь для нас больше, чем мы для тебя путник, но такова наша цена за возможность пройти через этот проклятый огнём город.

— Веди, князь, — раздумывать, в общем, было нечего, торговаться мёртвые вряд ли умеют, а если и умеют, то займёт это по всему исключительно немало времени. А условия Мёртвых князей, звучали на первый взгляд не то, чтобы невинно (в Некрополисе, увы, не осталось чего-либо невинного), но и не слишком тревожно. — И пока ведешь, расскажи, что

конкретно вам нужно из этого музея.

Вместо ответа Мёртвый князь быстро, но без суеты направил свои шаги (слава огню, не запрыгал) в сторону с профессиональным нетерпением ожидаемого мной хранилища древней красоты. Всё, что мне оставалось так это не слишком грубо толкнуть мирно дремлющую леди и поспешить за моим нечаянным проводником, слыша, как поднимается и неровно устремляется за нами ангел.

— Не томи, мёртвый, рассказывай, — ждать инициативы от князя было, по меньшей мере, чересчур оптимистично, в связи с чем, я решил принять активную сторону в нашем прерванном разговоре.

— Там много бессмертных полотен, путник, — мне показалось, или князь действительно немного поторопился с ответом, не выждав положенных минут. — Тысячи картин, каждая из которых ценнее золотой горы. Тысячи образчиков совершенства, безвременно покинувшие своих коленапреклоненных почитателей. Тысячи мгновений бескорыстного счастья и истинного восторга, — казалось ещё немного и князь вновь оживёт, с таким несвойственным для мёртвых чувством вёл он свою хвалебную речь. Можно было предположить, что в далёкой жизни он был тонким ценителем искусства, а возможно и сам был одним из его творцов.

— Мы просим о малом, путник, — между тем продолжал поклонник прекрасного, — о малом для тебя, но о великом для нас. Мы хотим, чтобы ты принёс ничтожную долю из той недостижимой для нас сокровищницы. Лишь столько, сколько сможешь унести. Но поклянись, — он резко обернулся ко мне, замерев и заглянув глубоко ко мне глаза. — Поклянись, принеси картину, на которой ты увидишь такие же прекрасные крылья, — он вновь обернулся, на этот раз к Элати, указывая на гордость всех ангелов.

— Я постараюсь, — давать очередную клятву, обрекая себя на её исполнение, я не собирался. Слава огню, настаивать князь не стал.

— Всё, дальше мне дороги нет, — Мёртвый князь остановился и простёр свою прозрачную длань вдаль. — Я вижу это место даже отсюда, увидите и вы. Я буду ждать вас здесь, я буду просить о вашей удаче, — с этими словами мертвец сел в пыль дороги, не сводя взгляда с действительно разглядываемого на самом краю зрения низкого сооружения, в котором нам вероятно и предстояло заняться поиском и последующим похищением предметов искусства.

— И помни, путник, — донеслось уже мне в спину, — это должны быть живые картины. Ты это сразу поймёшь.

Я было обернулся расспросить о новой критерии оценки произведений искусства, но у Мёртвого князя был такой отрешённый и немного шальной вид, что я предпочёл разобраться на месте, чем снова играть в опасные загадки.

Оставив позади вероятно уже предвкушающего визуальные наслаждения князя, мы быстрым и по возможности решительным шагом направились к искомому зданию. Слава пламени, добрались мы до него без происшествий.

Подойдя к хранилищу великих шедевров, я на некоторое время впал в состояние искреннего недоумения. Сооружение оказалось преступно небольшим. Выше меня всего лишь в два раза и имело при этом не самый оптимистичный радиус. Я долго не мог понять, как там могут вмещаться все те тысячи полотен, о которых совсем недавно чуть ли не пел князь.

Разгадка обнаружилась быстро и, как часто бывает, оказалась наипростейшей из всех возможных. Протиснувшись в узкую щель в каменных, потрёпанных воротах мы увидели широкую лестницу, уходящую вниз в неловком свете лучей, рвущихся из множества трещин в потолке и стенах архитектурной конструкции.

— Надо возвращаться, крылатая, — я был откровенно разочарован. — Без света делать там нечего, а как раз света ни у нас, ни, скорее всего там, нет.

— Не стоит, мастер, — с этими словами Элати немного сконфуженно достала из своего широкого кармана маленький кусочек того самого чудесного светильника, пробивающего тьму в наш памятный переход по Незримому Пути.

Я ничего не сказал на этот крайне двусмысленный жест, хотя душа моя рвалась праведным гневом. Я просто, возможно, несколько резко, вырвал из рук леди неожиданный подарок и пошёл к разваливающейся под натиском времени лестнице, намереваясь начать осмотр местной экспозиции.

Под ногами что-то негромко похрустывало, и размышлять о том, что же это было, не представляло никакого удовольствия. Украденный Элати осколок света не в силах был разбить очередные на нашем пути ворота тьмы, но его хватало на то, чтобы немного приоткрыть их. Этой щёлочки было достаточно для лёгкого обзора, но каких-либо объектов для хотя бы беглого осмотра пока не находилось. Лестница с уверенной леностью спускалась вниз, чуть заворачивая налево. Когда-то вероятно восхищение от галереи начиналось с самой лестницы. Даже сегодня, глядя на побитые, потрескавшиеся ступени, можно было разглядеть и силуэты великолепных рисунков, ревниво украшавших ее в те далёкие века, и эхо танцующих красок, превращающих банальный спуск в веселящую разум фантазию.

Поворот лестницы стал более резкий, и вдруг, практически внезапно, она закончилась. Перед нами открылся гигантский зал, стены которого были покрыты теми самыми полотнами, за которыми мы вероятно и пришли. В альковах стен расположились мягкие очертания скульптур, а в середине зала гордо стоял огромный комплекс разнообразных зеркал, в которых в разных ракурсах отражалось всё местное великолепие.

Разумеется, мне было крайне стеснительно охватить взглядом всё эти чудеса древних, держа в руке лишь насмешку над светом. Весь зал был полон свечей, больших и малых, бледно-снежных и уверенно-чёрных. Они висели на стенах в изящных канделябрах, опускались с высокого потолка в роскошных люстрах и просто стояли на каменном полу. И все они горели, горели ярко и торжественно, и практически не оставалось места во всём уходящем вдаль зале, куда бы ни снисходило их оранжевое сияние.

Впрочем, во мне эти свечи пробуждали, увы, не радость, а искреннюю тревогу, очень много тревоги. Ведь, чтобы свечи горели, их надо регулярно зажигать, а значит скульптуры и полотна вряд ли находились здесь в глухом одиночестве.

— Сдаётся мне, крылатая, всё это будет несколько сложнее, чем изначально предполагалось, — я не замедлил поделиться своими опасениями с Элати.

— Будем надеяться, что только несколько, мастер, — тревога в её золотых глазах была не меньше, чем в моих, — похоже, в Аду слишком много ценителей прекрасного.

— С другой стороны, всё, что нам нужно, может располагаться в пределах нескольких метров, — лучась фальшивым оптимизмом, я направился к ближайшей стене, в глубине души надеясь найти на ней всё так нам необходимое.

Взгляд метнулся на первый же холст на моём пути. Это оказался портрет, с которого с насмешливой надменностью на созерцателя смотрела уже не молодая, но по-прежнему красивая дьяволица. Она была очень похожа на Ашвар. Те же бурные волны волос, чернее самой ночи, те же манящие в жестокий капкан губы, изогнутые в кривой усмешке, те же немного бешеные алые глаза, взгляд которых чаще карал, чем дарил. Вероятно, и титул, и положение в обществе этой дьяволицы не уступали достижениям княгини.

И всё же между ними лежала огромная пропасть. С непонятной уверенностью я осознал, что тускло смотрящая на меня с картины мертва. Мертва давно и надёжно. И это были не логические выводы, на которые у меня не было ни времени, ни желания. Это было как будто просто выданное мне знание. Несмотря на прошедшие века, всё ещё яркие краски словно задрожали под моим взором. Картину отчётливо укрыл серый покров пепла и праха. Через мгновение я уже вновь наблюдал всё ту же роскошную красавицу. Но теперь, после того как увидел её второй, смертельный облик, я больше не мог восхищаться ни красотой дьяволицы, ни мастерством художника. Пожалуй, я начал понимать, что имел в виду Мёртвый князь в своём призыве брать только живые картины. К сожалению, эта картина оказалась мёртва.

— Неужели здесь могло остаться что-то живое, мастер? — леди печально смотрела на соседнее полотно. Это был, казалось бы, обычный пейзаж, — раскидистые деревья, высокая трава с огоньками цветов, серебристый рукав узкой реки вдалеке. Но сквозь весёлую зелень и мечтательную лазурь уже была видна скорбно темнеющая пустыня, не хранящая в своих запретных пределах даже подобия жизни.

— В любом случае нам придётся это выяснить, со всей возможной тщательностью, — я ещё раз хмуро оглядел бескрайние стены. — Вряд ли, Мёртвые князя благосклонно воспримут неудачу.

В ответ Элати лишь коротко вздохнула, переведя взгляд на следующий шедевр древности. Мне, увы, ничего не оставалось, кроме как последовать её примеру.

Я не пропускал ни одного экспоната. Здесь были представлены все жанры и направления, о которых я когда-либо слышал и, скорее всего, ещё больше тех, которых я никогда и не знал. Широкие долины сменялись суровыми горами. Беспечные лица играющих детей соседствовали с задумчивыми ликами седых старцев. Изображения шальных дуэлей перемежались с батальными сценами, считать участников которых было делом долгим и не простым. Древние города открывали передо мной свои узкие улочки и широкие площади, башни замков первых Орденос уносились вверх, смущая вольные ветры. Ярчайшими красками опьяняли безумные маскарады, где за прекрасными и чудовищными масками все были равны и свободны. Уносили в нелёгкие раздумья тёмные ночи с еле уловимыми очертаниями в своей затягивающей глубине.

Каскад всех красок и самых причудливых образов мелькал в моих глазах. Все эти картины были такие разные, и в тоже время их накрепко роднила уже упомянутая особенность. Они все были мертвы. Через несколько мгновений краски сменялись серостью и пустотой. Восхищение безапелляционно сменяла тяжёлая грусть, а иногда и открытое отвращение к увиденному. Куражающаяся смерть добралась даже до того, что вроде бы не должно быть ей подвластно. Всё ближе и ближе подкрадывалась к моему сердцу прелюдия апатичного отчаяния.

— Мастер! — крик Элати завальсировал негромким эхом в вышине зала. — Посмотри, мастер!

Глава 4. Некрополис. Дорогами мертвых. Часть 3

Я не смог пренебречь восторгом, который кипел в голосе жрицы. Через несколько секунд я оказался рядом с ней, смотрящей на небольшую картину в самом верхнем ряду стены. Картина явно не претендовала на академизм. В ней не было ни какого-либо видимого сюжета, ни чётких образов, ни тонкой игры светотени. Я бы даже сказал, что она была немного примитивна по сравнению с уже увиденными мной творениями мастеров прошлого. Неяркие краски врезались друг в друга, рассыпаясь брызгами по холсту, еле заметные размытые силуэты застыли в круговороте неясных движений. Но эта неброская картина буквально искрилась жизнью. В ней не было ни намёка на те смертельные судороги, с которыми полотна встречали нас до этого. Наоборот, казалось, убери сейчас из зала все свечи, она всё равно будет светить неистовой борьбой своих широких, небрежных мазков.

— Думаю, эта подойдёт, — сказал я это как можно более спокойно, в душе сидящий мастер дорог скакал как годовалый дьяволёнок. — Не побрезгуешь ли, крылатая, расправить свои воспетые крылья и опустить этот шедевр вниз.

Элати коротко усмехнулась и в лёгком уверенном прыжке мгновенно оказалась под потолком галереи. Осторожно подплыв к нашему первому трофею, она аккуратно сняла его с незатейливых опор и также спокойно вернулась вниз.

Я взял картину в руки, вновь невольно погружаясь в бурлящие ритмы её жизни. Что ж, думается Мёртвый князь будет доволен. К сожалению, насколько я понял, одной картины будет отчаянно мало. В связи с этим, осмотр местных достопримечательностей придётся продолжить и желательно этот процесс по возможности ускорить.

— Жаль, что придётся портить это поистине великое творение грешной сталью, — я видел, что Элати говорила искренне и вполне разделял её грусть по этому поводу. Но даже при своих небольших размерах картина обладала достаточно внушительной рамой, которая вряд ли позволит быструю и удобную транспортировку.

Четырьмя быстрыми взмахами я с некоторым сомнением в душе отделил полотно от рамы. Аккуратно свернув его в лёгкий рулон, я отдал наш первый приз ангелу.

— Ну что, крылатая, продолжим знакомство с творчеством ранних художников Ада.

Леди не успела ответить. Умиротворённую тишину подземного музея нарушил визгливый, кривляющийся смех. Реакция наша была стандартной и в какой-то мере достаточно уже поднадоевшая — обнажённые клинки и готовность убивать. С другой стороны, большего, как правило, и не требовалось.

Нежданных, хотя и предполагаемых гостей я заметил сразу же. Ими оказались на первый взгляд довольно таки невыразительные существа, в общих чертах напоминающие обычных мертвецов, встречающихся в Некрополисе. Но и отличия их откровенно бросались в глаза. Это были небольшие (в два раза меньше меня) создания, с размытыми очертаниями тела и лица. Но тела их не были полупрозрачными телами мёртвых, напротив, они были полны тусклых, но вполне различимых красок. Казалось, что сумасшедший художник решил сделать для себя уникальную палитру. И ему это удалось в полной мере. Краски не стояли на месте, сражаясь между собой за право быть примой этого представления.

Непознанные существа как будто и не замечали нас, отвратительный смех повторился ещё несколько раз, но к нам он отношения не имел решительно никакого. Возможно, эти обитатели музея просто так разговаривали. Они, не спеша, плыли вдоль противоположной от

нас стены, меняя догоревшие до конца свечи. С необычайной лёгкостью они поднимались под самый потолок, продолжая свою нехитрую работу. Они шли по кругу и, в конце концов, должны были встретиться с нами. По здравым размышлениям, встречи этой лучше было избежать. Пути их опасности для меня не представляли, но вот шум эти труженики поднять могли. А кто на этот шум может явиться, мне было крайне не интересно. Объективно полагая, что Элати также не жаждет новых знакомств, я кивком головы предложил ей проследовать в один из коридоров в стенах основного зала.

Однако наш нехитрый манёвр был к моей искренней печали прерван. По несчастливой случайности группа поджигателей свечей пропустила одну из своих подопечных. Но этот пропуск, увы, не выпал из их раскрашенной памяти и один из местных повернул назад исправить непозволительное положение дел. Заметив наш достаточно экстравагантный для здешних мест дуэт, он издал всё тот же короткий, несколько неуверенный смешок и медленно двинулся в нашу сторону. За ним потянулись несколько его товарищей, а остальные, вероятно, решив, что долг важнее любопытства, продолжили менять свечи.

Бить первым не хотелось по уже обдуманым причинам. А в случае возможной агрессии со стороны этих красочных парней я был уверен, что перебью всю их не слишком большую компанию без особых тревожений. Впрочем, пока они вели себя довольно спокойно, с явным интересом рассматривая нас. Мне пришло в голову, что мы возможно первые нормальные живые или даже мёртвые существа, которых они когда-либо видели. Сомневаюсь, что сюда кто-либо забирался со времени образования Некрополиса.

Но всё хорошее когда-нибудь кончается. Кончился и наш короткий, хрупкий мир. Один из обитателей музея заметил пустую раму, валяющуюся у наших ног. Издав уже не смешок, но какое-то подобие стога, впрочем, так же режущего слух, он устремился прямо на нас. Его тело рванулось во все стороны, становясь раза в три больше. Наполнявшие его краски в один миг превратились из тусклых в ослепляющие.

От неожиданности его броска я едва успел отбить в сторону эту какофонию красок и визга. Его дорога до стены была прямой и недолгой. И как было не жаль, но врезался он не в саму стену, а в картину, так некстати, оказавшуюся на его пути. Просчёт был мой, но я, пожалуй, не учёл последствий. Всё-таки моё пребывание здесь длилось совсем не долго, и я ещё не изучил местного этикета.

На этот раз визгливый стон был всеобщим. Не скажу, что он потряс сами основы, но уши мои зарыдали от искреннего огорчения. Они бросились на нас без раздумий и какой-либо системы. Бросились, не потому что ненавидели, не потому что хотели убить. Это был какой-то рефлекс, заложенный в них уже при рождении. Так слепо и бездумно бросаются на своего обидчика маленькие дети, не зная при этом ни желаемого итога, ни простейшего плана действий.

Феерия всех цветов рвалась на наши мечи. Алый, лазурный, бирюзовый, пурпурный, золотой, кричаще-синий и ещё сотни оттенков приближались к нам стремительным ветром. Не дожидаясь, пока мы окажемся разрисованные этими живыми кистями, я с силой откинул их назад, на этот раз предусмотрительно не в стены, а в плеяду зеркал в центре зала.

Оглушительный звон беспощадно разбитых зеркал, казалось перебил даже невозможные для слуха крики неудавшихся мстителей. Осколки заблестали тысячами только что влюбившихся глаз, под взволнованным светом свечей. Я увидел, как один из защитников искусства начал неловко выбираться из-под груды отражающих его попытки стекляшек. Первым желанием было затолкать его обратно, да поглубже, но вся его размытая и теперь

какая-то порванная фигура была абсолютно лишена какой-либо агрессии. Как будто он даже перестал замечать тех, кто нарушил покой его дома. Звук, который он начал издавать, был даже не слишком бьющий по ушам плач. Плач непонимающего, сотворённого над ним зла. Плач ребёнка.

Первый, пострадавший в результате своего вероятно праведного гнева, также пришёл в себя и не замедлил поддержать своего собрата. Он всем своим невеликим телом прижался к упавшей картине, как будто защищая в последнем смертельном прыжке. Плач его был не менее атмосферен, чем отголоски слёз первого. Я понемногу начал ощущать себя последней сволочью, хладнокровно обидевшей неразумных детей и где-то даже гордящегося этим.

— Пойдём отсюда, мастер, — леди угадала мои собственные мысли, — пока не пришли их старшие братья, — правда, как оказалось, ею двигали более практичные мотивы.

Я бросил ещё один, лишний взгляд на покидаемый нами в смешанных чувствах пейзаж. Из-под острых осколков упрямо старалось выбраться ещё одно дитя музея, тоже тихо начиная свой первый аккорд безудержного плача. Картины словно ненавидяще потемнели, обвиняя меня в содеянном. С оглушающим лязгом, который вполне мог обозначать вечное проклятие, на каменный пол упал большой осколок зеркала, не сумев удержать своё нетвёрдое равновесие. Из случайного зрителя я за несколько грешных секунд превратился в непрощёного врага.

— Мастер? — по всей видимости, у Элати сражение с совестью прошло гораздо более успешно. С другой стороны, и вина её в случившемся была минимальна, если вообще была.

— Идём, крылатая, — я быстрым, подчёркнуто равнодушным шагом направился к ближайшему коридору, уводящему в глубь древней галереи, обязанной принести нам ещё три-четыре картины, которые можно было бы назвать живыми.

Коридор встретил нас всё теми же ярко, хотя и немного грустно, горящими свечами. Его невысокие стены украшали довольно неброские полотна, видимо разогревающие зрителя перед теми шедеврами, которые должны таиться в конце этой дороги. И дорога эта оказалась не слишком длинной. Буквально через минуту перед нами без суеты открылся на этот раз небольшой, круглый зал, освещаемый большими ровными свечами в причудливых подсвечниках.

В этом зале картин было не так много, а по сравнению с предыдущим и вовсе мало, но каждая из них сверкала своим величием, тысячью благословенных вечным пламенем костров. Первая же из них, на которую я ниспослал восторженный взор, вполне подходила под высокие требования Мёртвого князя. Она была насквозь живой. И это было даже иронично, так как на картине была изображена яростная битва. С одной стороны это сражение представлял достославный Орден Войны, широко известный, как и несдержанным нравом своих адептов, так и, увы, их признанной силой. В роли оппонентов выступал неизвестный мне Орден, в руках воинов которого вместо привычных мечей, топоров и копий находилось непонятного вида оружие с множеством шипов и режущих кромок. Как ни странно, но, глядя на картину, битва представлялась вполне равной. Немного неестественно пронзающий мечом своего врага Мастер Войны с ужасом смотрел, как на голову его брата по Ордену опускается устрашающее оружие бойца неведомого Ордена. Азарт, ярость и страх перемешались в лицах участников сражения. И, несмотря на царившую на холсте смерть, картина кричала жизнью не меньше предыдущей. Казалось, все погибшие на ней наследуют свою убегающую жизнь этому гениальному полотну.

Картина была довольно большой, тащить её даже вырезанную из рамы было крайне

неудобно, но других вариантов я, к сожалению, не видел. Вырезая холст, я практически слышал стоны тех, кто сейчас умирал на нём.

Закончив своё достойное убийцы дело, я обернулся в поисках ангела, даже не предложившего помощи, от которой я бы вряд ли отказался. Леди я нашёл совсем рядом, её взор был намертво прикован к картине, висевшей через две от моей. Мельком взглянув на эти две и убедившись в их посмертном состоянии, я со спокойным сердцем обратился к так заинтересовавшего жрицу шедевру древних.

Что ж, к этой картине стоило даже не приковать, а приколотить свои недостойные её глаза. Если только что безжалостно расчленённая мной картина вызывала в душе смотрящего переживания за сражающихся и скорбь по погибшим, то смотря на это полотно, в сердце снисходил чарующий покой.

Высокие, стройные деревья едва позволяли показаться над собой седым, скупающим горам. Тёмные, задумчивые стволы фривольно резонировали с ярко-зелёным весельем крупных листьев на их устремлённых ввысь ветках. Тяжёлые, бугристые корни ласково обнимала, словно влюблённая в них, изумрудная трава. Хоровод рубиново-пьяных и наивно-жёлтых цветов беспечно кружил между добродушно ухмыляющимся кустарником. В гостеприимных ветвях играли свои свадьбы дурачащиеся птицы. Но всё это умиротворение природы было лишь фоном к главной детали этого творения.

За твёрдо стоящими в земле деревьями, чуть оттеняя вечнозеленую гамму леса, в загадочно-нечётких движениях танцевало сказочно-прекрасное существо. Бледно-салатовые волосы взметнулись дразнящим вихрем, тонкие изящные руки нежно гладили жёсткую кору, взгляд тёмно-зелёных глаз дарил бескорыстное прощение всему живому. Существо как будто случайно задержалось у нас на виду, в бесконечно-последнем мгновении, желая поскорее нырнуть в прохладу родного леса от нескромных глаз.

Эта картина, пожалуй, была более живой, чем я сам. Лесной танцор смотрел мне прямо в глаза. Смотрел честно и доверчиво, не понимая, что смотрит на своего убийцу. Я не смог вынести его спокойный, дарующий взгляд. Я отвернулся.

— Режь сама, леди, — даже слова давались мне с трудом. — Я уже достаточно сегодня убил.

На лице у ангела отразилась нелёгкая внутренняя борьба. Она жалобно посмотрела на меня, но я спрятал глаза.

— Режь, — это был уже приказ. Приказ, который я не имел права отдавать.

Элати тихо зарычала. Я подумал, что сейчас она бросит меч, но жрица, слава огню, не оправдала моих надежд. Надежд, о которых я боялся признаться самому себе. Удары её были не менее уверенными, чем мои. Ещё один рулон совершенства присоединился к своим столь же несчастливым братьям.

— Может на этом, и остановимся, мастер? — губы Элати мелко подрагивали.

— Увы, крылатая, — мне самому было жаль моих слов, — Мёртвый князь очень хотел крылья, как у тебя. Кто знает, насколько он расстроится, если мы вернёмся без них.

— Тогда быстрее, мастер. Я молю, быстрее, — и несколько возбуждённая леди, не дожидаясь моего ответа, устремилась в следующий коридор, похожий на предыдущий как мои мечи друг на друга.

Прихватив свою часть картин, я поспешил следом за ней, не имея, в общем-то, других разумных вариантов. Как я и предполагал уносящийся за наши спины коридор мало, чем отличался от первого. Всё те же яркие свечи и мёртвые картины. Разве, что он оказался

немного просторнее и почти в полтора раза длиннее.

Через несколько минут мы выбежали в новый зал. Чуть больше предыдущего, он почти полностью был занят разнообразными скульптурами. В основном это были дьяволы. Они задумчиво сидели, вольно лежали, смеялись, широко открыв свой рот, плакали, печально глядя в даль. В их руках были крепко сжаты длинные мечи, вычурные охотничьи рога, украшенные кубки. Они говорили и сражались между собой. Они влюбленно смотрели друг на друга. Они танцевали и обнимались, бежали и падали. И живому дьяволу пришлось бы изрядно поднапрячься, для того чтобы повторить всё то, что демонстрировали безжизненные статуи.

Смотря на них, было явственно заметно, что они из другого времени. Почти всех их коснулись гибельные удары веков. У кого-то недоставало руки, ноги, головы. Кто-то и просто валялся грудой осколков у ног своих соседей.

Я подошёл к одной скульптуре поближе. Она почти не пострадала в тисках времени. Лишь несколько трещин, да пару отбитых пальцев на руке несколько портили общее впечатление. Это был немолодой, суровый воин. Взгляд его был прям и строг, в одной из рук он держал нарочито грубоватый топор, другая была сжата в кулак. На груди был чуть заметен, когда-то великолепно исполненный медальон. Ни надписи, ни символа разобрать, увы, не удалось.

Без особого труда оторвавшись от осмотра воина, я уже было хотел пригласить ангела на дальнейшие поиски редких картин, но практически случайно заметил, что одна из них была затеряна между чехардой медленно рассыпающихся статуй. Как ни странно, но она не была награждена светом свечей. Уже одно это возбудило в моей душе костёр любопытства. Без лишних сомнений я взял первый же висящий на стене массивный канделябр и упорно начал продираться через застывших дьяволов к своей недалёкой цели.

Наконец мне удалось осуществить эту маленькую авантюру. Дрожащий свет упал на тёмное полотно. Картина взорвалась красками и чувствами. Она открыла то, чего я точно не ожидал увидеть на картине, написанной до начала войн Основ. Центральной фигурой композиции был ангел. Она бежала в глубь холста, спасаясь от неясных теней позади. Готов предположить, что роли теней играли дьяволы. Внимательно присмотревшись, можно было увидеть и милые огню рога и сильные руки, сжимающие острую сталь. Её бег был лёгок и стремителен, на обращённом в сторону преследующих врагов лице застыли искры первородного страха и отчаяния. Она не знала, куда бежит, возможно, даже путь её лежал в когти другого врага. Я с ужасом понимал, что сочувствую этой крылатой беглянке. Вдруг я увидел её молящий взгляд в своих глазах. Она просила меня о защите, о покровительстве, о том чего я дать не мог и признаться не хотел.

Вот они те самые крылья, о которых так просил Мёртвый князь. Уже раскрывающиеся, готовые к высокому спасительному прыжку они действительно были очень красивы, если забыть про то, кому они принадлежали. Я резко выдернул меч. Взгляд ангела не отрывался от меня, становясь с каждой секундой всё более умоляющим. Как меня уже достали все эти проникновенные взгляды. Я взмахнул сталью.

— Хватит! — полный холодной ярости голос буквально одной своей волей заставил меня опустить клинок. В голову ударил ритмичный набат. Тёмно-алая краска с вкраплениями чёрного безумия начала заливать мои глаза. Я ещё хотел обнаружить и убить врага, хотел закричать, хотел, в конце концов, просто убежать, но по остаткам сознания ударил ярко-жёлтый прибор. В ушах захохотали образы всех виденных мною сегодня картин.

Чёрные пятна становились всё больше и больше, пока не превратились в одно.

Глава 4. Некрополис. Дорогами мертвых. Часть 4

Вино было слишком лёгким, а музыканты чересчур назойливы. Но, увы, это были пока единственные мои развлечения.

— Повтори, — я тяжело посмотрел на стройную фигуру официантки, — и на этот раз не разбавляй.

Дьяволица ответила мне презрительной усмешкой. Грубовато, но я решил не заострять на этом внимания. Я тоже не блистал придворными манерами.

— Вино здесь всегда было дрянь, — смутно знакомый дьявол довольно нагло подсел ко мне за столик. — Но даже оно гораздо лучше воды, — дьявол засмеялся, и я сразу же узнал его. Его, игру и обещание реванша.

— Я смотрю тебя не надо долго ждать, для того чтобы отыграться, — знакомый дьявол, имени которого я так и не узнал, быстро стал очень серьёзен.

Я расслабленно кивнул. Деньги у меня сегодня были вполне существенные, и игра могла получиться намного интересней, чем в прошлый раз. Особенно, если мне опять будет так неблагодарно везти.

— Повысим ставки? — я весело потрянул переполненным кошельком.

— Повысить повысим, но вряд ли здесь поможет твой карманный ларец, — дьявол предвкушающе ухмыльнулся.

Я вопросительно выгнул бровь. Если речь идёт о деньгах, то явно о каких-то неразумных. А если не о деньгах, тогда о чём?

— У тебя есть мечта? — вопрос был неожиданный и, как мне показалось, немного не в тему, но мой визави сохранял всё такой же серьёзный вид, и я решил принять его странный разговор

— У меня есть мечта, — я вновь выгнул бровь, ожидая немедленного продолжения. И оно последовало.

— Так давай сыграем на мечту, — как ни странно, я не только не засмеялся, но даже почти не удивился этому предложению. — Что может быть дороже мечты, что может быть азартнее этой ставки. Сколько можно выиграть, и сколько проиграть. Ну, что скажешь, игрок? — его лицо стало чуть безумным, как будто он желал этого мгновения всю жизнь и теперь не смог бы стерпеть отказа.

— С чего ты взял, что мне нужна твоя мечта? — соглашаться без предварительной разведки я точно не собирался.

— Ты умный дьявол, — мой потенциальный оппонент снова засмеялся. — Но это честная игра, пойдем, я покажу тебе, за что ты будешь бороться.

Он легко поднялся из-за стола. Мне же этот подъём дался несколько тяжелее. Вино, конечно, было лёгкое, но его оказалось довольно много. Мелькнула запоздалая мысль о том, что последний бокал мне так и не принесли. Но мой знакомый охотник до чужих мечтаний, уже не торопливо пропадавал из виду, и я поспешил за его высокой фигурой.

Протиснувшись сквозь гудящую в шальном веселье толпу, я вслед за моим проводником пробрался к простой деревянной двери в стене. Дьявол заговорщицки подмигнул, отворил дверь и простёр свою руку в приглашающем жесте. Отказывать ему у меня желания особого не было, в связи с чем, я без лишних колебаний и сомнений проследовал внутрь ожидающей нас комнаты.

Комната оказалась весьма аскетична, весьма. Глаз относительно радовал лишь один предмет интерьера. Это было зеркало в простой массивной раме на ножках, с полупрозрачными шторками на стекле. Приведший меня в эту достойную самого ярого отшельника келью дьявол уверенно подошёл к зеркалу и резко откинул задрожавшую под его руками ткань.

— Смотри, незнакомец! — он немного отошел от зеркала. — Вот моя мечта.

Гладкая поверхность зеркала начала понемногу светлеть. Постепенно проступили очертания узкой полоски реки, убегающей вдаль. Казалось, я смотрел на неё с высоты нескольких километров. Легко было представить, что я вижу глазами большой сильной птицы, яростно рассекающей воздух своими крыльями.

Между тем, картинка в зеркале менялась довольно живо. Не прошло и нескольких секунд, как речка исчезла, и её место занял огромный, цветущий город. Он начал быстро увеличиваться в размерах, как будто крылатый зритель резко пошёл на посадку. Замелькали высокие гордые башни, широкие добродушные таверны, уютные дома горожан. Взгляд названной птицы уже метался по наполненным улицам в поисках всего, что мог заметить. Изумруды и сапфиры, заключённые в золото и украшавшие лица и одежду хвастливых аристократок, сменялись тёмной разбитой трубкой в редких зубах дряхлого старика. Роскошь и нищета, тихие слёзы и оглушительный хохот. Здесь можно было взойти на самую высокую гору или провалиться в глубочайшее болото.

Вынырнув из кривых улочек безымянного города, взору открылся рынок, который был, казалось, больше самого города. Великолепные клинки блистали суровой красотой в звенящих рядах оружейников. Загадочные древние гримуары манили тайнами и отпугивали ценой. Одежда на любой вкус и карман весело трепетала на свежем ветре. Кольца, браслеты, серьги сверкали искрами вечного пламени, затаскивая в свои крепкие сети юных дьяволиц. Копчёная рыба, свежее мясо и отборные вина не давали пройти мимо гурманам и просто несколько оголодавшим. Взгляд носился от лотка к лотку, и рынок не уставал вынимать из своего ажурного рукава всё новые и новые соблазны.

Внезапно, изображение резко бросилось вниз и, словно пробив камни мостовой, оказалось в грязном, узком туннеле. Мимо пробежала большая усатая крыса, туннель понёсся вперёд. На этот раз это были уже совсем другие картины. Задыхающиеся от кашля нищие, дохлые, наполовину объеденные животные, потоки мусора, и тусклый взгляд чьих-то усталых от ненависти глаз.

Также неожиданно, как и попали, мы вылетели из туннеля. Вылетели прямо в бушующий ураган рокошующего в неудержимом веселье пламени. Взгляд врывался в самую его середину, обжигаясь о всё новые лепестки полыхающего цветка. Невидимый наблюдатель будто искал что-то и, не находя желаемого, мчался дальше. Теперь уже он устремился вверх, вырываясь из гремящего в своём диком танце капкана. Всё реже забавляющиеся плети огня стегали по его глазам.

А потом всё резко оборвалось и не стало ни города, ни туннеля, ни огня. Лишь странные бесцветные пятна кружили вокруг, врезаясь друг в друга и превращаясь в дрожащие фигуры, выдуманные чей-то безумной фантазией.

— Довольно, я понял, — мне не хотелось смотреть на продолжение этой фантазмагии. Тем более что я действительно понял его столь хитро визуализированные мысли. И они мне не понравились. Этот случайный дьявол имел богатую, но в целом скучную мечту. Он желал всё. Абсолютно всё, даже то, отчего бы отвернулся последний

хромой бродяга. Даже то, о чём он сам не подозревал, то, о чём бы никогда не узнал, не догадался.

Это было много, слишком много для кого бы то ни было. А ещё это было бессмысленно и в какой-то мере жалко, хотя и понятно. Не он первый, не он последний. Нам так часто кажется, что всё — это предел. Что, обладая всем, мы будем счастливее влюблённого ветра. Но слишком часто к нам приносят мешок, полный разочарований. И слишком часто это разочарования именно во всем. Во всём том, о чём мы так долго мечтали.

Между тем открывший свою мечту дьявол выжидательно смотрел на меня.

— Посмотри на мою, мечтатель, — я легко улыбнулся. Почему-то я был уверен, что и у меня получится этот хитрый фокус с зеркалом.

И зеркало не подвело. Оно показало как раз ту картину, которую я хотел, которая и была моей мечтой уже много, много лет. Пристально смотрящий в зеркало дьявол, удивлённо и немного недоверчиво поднял брови.

А ведь в зеркале была просто дорога. Не широкая и не узкая, не слишком пыльная, но и не гладкая как шёлк. Не заброшенная, но и не растоптанная тысячами ног. Самая обычная, тривиальная дорога. Но мы, смотрящие сейчас на неё с пугающей уверенностью, знали, что у этой дороги нет и не будет конца.

Я отошёл в сторону. Дорога медленно растворилась в зеркальной поверхности. Удивление дьявола сменилось уважительным кивком головы.

— Как я понимаю, моё предложение отклонено, — он был несколько разочарован, но отнюдь не подавлен.

Я утвердительно кивнул. Мечта была гораздо важнее азарта, да и ставки, с моей точки зрения, были куда как не равноценны.

— Ну, что ж, — дьявол быстро пришёл в себя, — тогда, может быть, сыграем на желание?

— На какое? — после увиденного я стал ещё осторожнее в своих ответах.

— Только на то, что достойно нас с тобой, мой друг, — мой азартный знакомый снова весело улыбался.

— Зови меня Кэй, — вероятно несколько запоздало представился я.

В ответ тот лишь немного поклонился, оставив своё имя в темнице губ. Впрочем, настаивать на аналогичном представлении я не стал. Возможно, для него это будет очередная плохая примета, в которые искренне верят многие игроки.

— Ну, если на достойное, то можно, — азарт начал сжимать своими крепкими, ласкающими пальцами и меня.

Дьявол многообещающе улыбнулся и махнул рукой, приглашая следовать за ним к месту долгожданной игры. Я с удовольствием подчинился.

Через минуту мы уже сидели за ярко освещённым столом. Под рукой у каждого стоял бокал местного дрянного вина, а глаза устремлены на жонглирующую картами дьяволицу.

— Это немного другая игра, Кэй, — дьявол первый раз назвал меня по имени, и мне это почему-то не понравилось, — она ещё проще. Всё решает одна карта. Она даётся тебе случайно и сражается за твою ставку.

И не давая мне времени для возможных возражений (которых в принципе не было), дьявол щёлкнул пальцами. Колода выпрыгнула из тонких рук дьяволицы. Рассыпавшись над головой бумажным дождём, она начала неумолимо опадать на стол. Абсолютное большинство карт упали в стороне от нас и лишь две рядом с нашими руками.

Я быстро посмотрел на свою. На ней была какая-то гротескная фигура то ли воина, то ли разбойника. На лице у неё то появлялась, то пропадала почти робкая улыбка. В зубах еле дымила короткая трубка.

— Не будем терять времени, Кэй, — и опять моё имя, сказанное его голосом, неприятно резануло слух, — играем.

С этими словами он бросил на стол свою карту. На ней была крайне похожая на мою фигура. Но она была несколько выше и массивней, улыбка не пряталась, хотя и смотреть на неё было сомнительным удовольствием. Пальцы фигуры нетерпеливо подрагивали. А за спиной соперника моей карты шевелилось что-то неясное и пугающее.

Я с некоторым сомнением бросил свою карту рядом. Дальнейшее я уже видел. Обе карты не торопясь начали сливаться, превращаясь в относительно просторное поле для битвы. Глаза моего оппонента загорелись звенящим огнём. Я оставался спокоен, хотя уже хотелось кричать и подбадривать своего поединщика.

Между тем наши гладиаторы начали сходиться. В руках моего появились два коротких кинжала. Его соперник ответил на это небольшим топором и какой-то палкой, смутно похожей на факел. Как ни странно, но первый удар нанёс мой боец. Отточенным движением он метнул один из кинжалов во врага. Отбить брошенный клинок тот не успел, и сталь жадно вонзилась ему в бедро. Воин моего визави стал заметно хромать, хотя и держался почти также уверенно. Между тем в опустевшей руке удачливого метателя появился ещё один кинжал. С моих губ таки сорвался тихий крик радости от этой маленькой победы. Но, как оказалось, до полного триумфа было ещё далеко.

Карточный соперник перешёл к активным действиям и, как-то неестественно размахивая топором, бросился на моего бойца. Раненая нога, казалось, совсем ему не мешала. Кинжалы явно были не лучшей защитой от тяжёлого лезвия, но пока мой воин действовал ими вполне успешно. В этом звенящем танце они кружили несколько кратких секунд, а потом разочарованный таким отпором враг, отступил и резко отвёл руку с непонятной палкой назад. Как я и думал, это оказался факел. Он ярко вспыхнул гневным, высоким огнём, который с такой радостью дала ему то неясное шевеление за спиной. Меня кольнуло тревожное предчувствие, что огонь этот не так прост, как пылает. К сожалению, обладатель факела решил доказать мой тезис на практике.

Огонь тугой плетью вырвался из некрепких оков и, презрев пространство и сталь, стегнул моего бойца по голове. Тот отпрыгнул назад со следами ожогов на лице и угольками у ног, которые раньше были столь милой обоим нашим сердцам трубкой. Тело его задрожало, с трудом перенося острую боль, но кинжалы в руках он держал всё также уверенно. Огня в факеле после этой атаки стало заметно меньше, но на ещё один удар хватило с избытком. Воин, на которого я поставил, перенёс этот выпад всё с тем же стоицизмом, хотя теперь всё его лицо являлось одним сплошным ожогом.

Огонь погас. Как будто ожидая этого момента, второй кинжал стремительно полетел во врага. Тот успел подставить под нацеленный в него снаряд погасший факел. Сталь лязгнула о сталь, противник не удержал факел в руках и тот улетел ему за спину. К моему разочарованию новый кинжал в руке дружественного гладиатора не появился.

Противники встали друг на против друга, не шевелясь и не предпринимая новых попыток к атаке. Они как будто мысленно переговаривались, решая, стоит ли дальше продолжать этот бой, который уже принёс обоим болезненные раны.

Я искоса взглянул на втянувшего меня в игру дьявола. У того был крайне напряженный

взгляд, устремлённый на карточных бойцов. Вероятно, он знал, чем может кончиться это молчаливое противостояние и сейчас прикидывал свои шансы на успех.

Ещё около минуты наши поединщики неотрывно смотрели друг на друга, а потом неожиданно бросили оставшееся у них оружие на землю. Ещё несколько секунд пронзительных взглядов и они одновременно, с гордостью в походке, покинули поле боя, пропав за краями карты.

Я недоумённо посмотрел на моего визави. — И что же?

Тот задумчиво усмехнулся, — и снова ничья, Кэй, — он покачал головой, словно ещё не веря в случившееся. — Но на этот раз ничья окончательная.

— Значит, желаний не будет, — говорил я немного разочарованно, хотя этот результат меня вполне устраивал.

— Отнюдь, — в голосе дьявола появилось знакомое веселье, — значит, желания будут у нас обоих.

— И кто же первый? — этот итог меня устроил не меньше предполагаемого предыдущего.

— Не важно, кто первый, важно, кто лучший, — тихий смех в очередной раз сотряс тело дьявола. — И помни, — он стал серьёзен, — если ты будешь считать, что желание недостойно одного из нас, ты всегда сможешь отказаться от него. — Взгляд его устремился мимо меня. — Какие ноги!

Я обернулся.

— Мастер! А! Унеси тебя пьяный ветер! Просыпайся, дьявол!

По щеке словно ударили плетью. Я открыл глаза и перехватил руку Элати, нацеленную для ещё одной неласковой пощёчины.

— Не на меня, туда смотри! — рука жрицы была направлена в сторону, и она заметно дрожала.

Я нехотя перевёл взгляд в указанном ею направлении. И сразу понял причину такой откровенной нервозности, граничащей с паникой. Ловко маневрируя между статуями, по залу шёл дьявол. Среднего роста, средней комплекции, с длинными волосами и тонкими изящными пальцами. Весь этот тривиальный портрет, как всегда, портили глаза. Они яростно горели двумя безумными вулканами. Их свет был ярче света столь щедро расставленных здесь свечей.

Дьявол словно бы и не интересовался нами. Меланхоличный, изредка брошенный взгляд, да всё приближающийся лёгкий шорох шагов, вот и все проявления потенциальной враждебности. Но, тем не менее, от него явно веяло недвусмысленной угрозой. У него был очень странный Путь, я никак не мог нормально рассмотреть его. Словно разноцветный туман укутывал мягким, лживым покрывалом.

И я не успел. Он ударил первым. По глазам будто мазнули широкой кистью с пурпурной краской. Я практически ослеп, дышать стало тяжело, ноги подкашивались. Не успев встать, я вновь повалился на пол. И всё это, не считая едкой боли по всему телу, как будто меня облили кислотой. Рядом раздался сдавленный стон Элати.

— Зря вы пришли...

Я в отчаянии ударил на этот отрешённо шелестящий голос. Ударил незатейливо, но со всей силой, на которую ещё был способен. И мой удар достиг цели. Не то, чтобы изумлённый, но несколько недоумевающий шёпот-крик и грохот падающих статуй изрядно

взвеселили моё сердце. Цепляющаяся за саму душу боль немного отпустила, в глазах прояснилось, тело начало заново наливаться силой.

Не тратя времени на то, чтобы встать или хотя бы несколько поудобней лечь, я снова ударил по новоявленному врагу. И снова выпад получился отменный, дьявол отлетел в противоположное направление, разрушив по дороге еще одну группу невезучих скульптур. Это было хорошо, но плохо было другое. Я бил со всей силой, этой силы бы хватило на то, чтобы убить сотню обычных врагов. Но этот вновь не спеша поднимался, что-то тихо бормоча себе под нос. А Путь его оставался для меня всё такой же загадкой, как и в первые секунды.

— Крылатая, бей! — из последних сил я бросил нашего неуступчивого врага в очередную плеяду творений древних скульпторов, расположенных около уже несколько пришедшего в себя ангела.

Дьявол послушно пролетел положенные ему метры, нанося плановый ущерб произведениям древних мастеров. К тому времени, когда он приземлился, Элати была уже готова. Меч серебристым лучом ворвался в грудь упавшего противника. Пока я бежал до места начинающейся схватки, леди успела вонзить свой клинок ещё раз. К моему удивлению дьявол не кричал и не молил о пощаде. Единственное он как будто бы потускнел, а взгляд его стал ещё более отрешённым.

Тем не менее, я уже готов был праздновать победу, закрепив её ещё парой-тройкой контрольных ударов. Однако меня вновь опередили. Удар вроде бы уже поверженного врага был слабее, чем предыдущий, но всё же достаточно ощутимый, чтобы шокировать и меня, и ангела на несколько долгих секунд.

Но, то ли местный воин был слишком уверен в своих силах, то ли чересчур неспешен, а может и просто туповат, но эти драгоценные в бою секунды он потратил на то, чтобы подняться и задумчиво посмотреть на разбитые статуи. В связи с его полнейшей безграмотностью в ведении боевых действий, я, немного придя в себя, снова ударил, намереваясь, на этот раз, довести дело до конца.

К моему огорчённому недоумению, вместо планируемого жестокого удара, получился просто сильный толчок. Видимо, совсем я ослаб в этих подземных галереях, хотя, может быть, этот флегматичный дьявол научился как-то защищаться от моих столь тривиальных сейчас атак.

И всё же теперь несколько лишних секунд появились уже у нас. И я не стал тратить их рубиновые капли на попытки добить врага, которые вряд ли бы привели к желаемому успеху, судя по двум дыркам в теле, абсолютно не воспринимаемым им в качестве какого-либо отрицательного аспекта существования. Вместо этого я принял молниеносное решение, суть которого сводилась к немедленному тактическому отступлению.

Подхватив, так кстати оказавшиеся поблизости, не доведшие до добра полотна и подтолкнув ещё находящуюся на грани леди, я устремился в ближайший проход с намерением немного оторваться и по возможности устроить импровизируемую засаду. Как ни странно, но манёвр мой оказался вполне удачен. Через полминуты искренне старающегося казаться быстрым почти бега мы наткнулись на два зеркально расположенных маленьких алькова, которые, впрочем, создавали некоторую видимость укрытий.

С относительным комфортом расположившись в их гостеприимных сводах, мы с немалым трепетом принялись ждать пришествия нашего пламенно смотрящего врага. Мне пришла в голову мысль, что раньше этот эксклюзивный типаж являлся хранителем этого,

увы, не сожженного давным-давно музея. И теперь с его вероятно несколько необъективной точки зрения он исполнял благое предназначение, защищая своих красочных питомцев любыми доступными ему средствами. А недостатка в средствах он, как это ни печально, не имел.

Но время лилось щедрыми каплями, а наш не слишком радушный хозяин всё не шёл на планируемое рандеву. С одной стороны, встречаться с этим существом ещё раз мне крайне не хотелось. С другой, не менее значимой, создавалась тревожная неопределённость, что не могло не нервировать.

— А что, крылатая, — мой шёпот оказался неожиданно громкий в этом влюблённом в тишину месте, — не сходить ли нам на паруминутную разведку? Возможно боем.

— А может лучше окончательно ретироваться, пока у нас ещё есть на это некоторые силы? — у ангела настроение было явно менее авантюрное.

— Я бы и рад, леди, но нам очень нужна та картина, — почему-то я был уверен, что Мёртвый князь не примет даже резонный отказ.

Элати к моему удивлению смолчала, не став доказывать безрассудность подобных действий. Видимо, она ещё помнила нескромный взгляд Мёртвого князя на её собственные крылья.

— Веди, мастер, — жрица окончательно покорилась своей непростой дороге.

Глава 4. Некрополис. Дорогами мертвых. Часть 5

Я осторожно выдвинулся в обратный путь, в каждую из секунд ожидая удара и готовясь дать достойный ответ. Позади слышалось немного учащенное дыхание ангела, а вот впереди было слишком тихо для того, чтобы я хоть немного расслабился.

Минуты тянулись, словно сгущающийся вечер, но даже он подходит к концу. Напрягшись натянутой тетивой, мы вышли в недавно покинутый зал. Ещё десяток секунд потребовалось на осознание того, что кроме нас здесь никого не было. А ещё через пару с удовольствием отменённых бы мною мгновений, пьяной лавиной снизошло осознание того, что нужной нам картины на стене не было также. Хозяин галереи оказался гораздо более заботливым, чем того бы хотелось.

Это было плохо. Это означало, что теперь мы должны были выступить в роли героических охотников. Охотников, которые были не слишком уверены в своей так необходимой победе над хитрым и жестоким зверем.

— Великое Небо! — Элати восприняла ситуацию немного более эмоционально, сразу поняв итоговый лейтмотив.

— Доставай силы из последнего тайника, крылатая, сейчас они будут очень нужны.

— Тот невеликий тайник давно разграблен, мастер, — выглядела леди соответственно своим словам. — Придётся брать у тебя в долг.

Я не ответил на простенькую шутку. Из зала было только два выхода и в один явно никто не устремлялся. В тревожном молчании мы вошли под горящие светом всё тех же знакомых свечей своды второго коридора. Он был более широким, и картины видимо отбирались к нему более тщательно, чем к остальным. Все они были предсказуемо мертвы. Коридор оказался достаточно длинным, и уже через несколько минут смерть, смотрящая на нас со всех сторон, начала давить мятежным тараном.

Не следуя советам осторожного разума, взор мой всё время падал на неспешно проплывающие мимо полотна. Перед глазами мелькали прекрасные и, увы, мёртвые лица, светлые сказки, за спиной которых лениво ворочалась холодная тьма, вальсы, ведущие из колыбели в усыпальницы. Смотреть на это становилось уже физически больно, но я всё не мог отвести глаз от этой нескончаемой вереницы бриллиантовых гробниц.

Внезапно, взгляд мой зацепился за другой, полный яростного ожидания. С большой, набитой персонажами и действием картины этот взгляд пронзал пугающей неотвратимостью. С моментально навалившейся тяжестью я узнал его владельца.

На этот раз я успел. Он уже прыгал в безумном желании схватиться со мной в рукопашную, его глаза, как два проклинаяющих фонаря, били в разум огненным набатом. Его тонкие пальцы тянулись к моему вздрогнувшему при осознании этого горлу. Всё его нереальное движение гипнотизировало и заставляло отдаться на невозможную милость этого существа.

Но всё же я успел. Только половина горящего ненавистью тела показалась с приютившего местного хранителя холста. И очень странно было видеть лишь половину Пути, не замечая другую половину, оставшуюся на картине, и, увы, не доступную для столь желаемого созерцания. Но для представшей половины я приготовил не только все свои силы, но и искусство.

Я ударил, как бил бы по мёртвому. В сотни различных точек, которые я только мог

различить в его крайне неразборчивом Пути. Вместо стремительного прыжка, прекрасного своей опасной красотой, он вывалился из картины тяжёлым мешком, набитым гнилыми овощами. На этот раз я не отпустил его так быстро. Я буквально вдавливал его в стену сериями коротких четвертьмгновенных ударов по всему Пути. Будь на его месте обычный дьявол, от него бы уже остался тонкий слой фарша. Но это проклятое порождение темноты и искусства держалось, словно флегматичная скала. Ни одного звука, ни одного проявления эмоций.

— Леди! — несколько запоздало крикнул я.

Но мои призывы были уже лишними. Стальным порывом ветра меч ангела опустился на голову неудавшемуся мстителю. Удар клинка не разочаровал, меч прошёл шею местного хозяина, как аристократ проходит до дверей своей спальни, то есть очень уверенно. Разочаровало другое, нашему общему, не слишком хорошему знакомому было на первый взгляд абсолютно плевать на все старания жрицы Храма Светлой Стали. А второй взгляд это только подтвердил.

К чести Элати это её не смутило. Удары на брезгующего смертью дьявола устремились с частотой загулявшего дождя. За минуту он должен был превратиться в мелко нарезанный салат, но единственное чего добилась несколько подуставшая от этой скоростной рубки леди, так только того, что дьявол уже знакомо потускнел, на этот раз более радикально, а глаза его превратились из ярко-оранжевых в бледно-жёлтые. Результат надо признать не слишком впечатляющий.

Мы тревожно переглянулись. Как ни парадоксально, но ситуация постепенно заходила в тупик. Ни я, ни тем более ангел не представляли, как всё-таки заставить этого теряющего краски парня умереть. А ведь я уже понемногу начал уставать. Агрессивная работа с таким сложным Путём давалась отнюдь не легко.

И этот никак не желающий предаться вечному покою музейный аскет (я сильно надеялся, что он аскет, и сейчас не прибежит толпа подобных же любителей живописи), как будто начал понимать наше ухудшающееся прямо пропорционально потраченному впустую времени настроение. Держать его с каждой без прощаний улетающей секундой становилось всё сложнее. Его путь фанатично рвался на волю, к свечам и картинам.

И он нашёл в себе силы ударить. Ударить слабо, не ударить — отмахнуться, но этого, увы, хватило. У него появился долгожданный шанс сбежать с поля боя, которым он без лишних раздумий воспользовался. Сделав пару неверных шагов, в отчаянном прыжке, он буквально нырнул в ближайшее приветливо принявшее его полотно. Не было ни шума, ни дрожи холста, словно он просто прошёл в другую комнату.

В бессильной ярости мой меч рванулся к этой картине. Плененный пожаром эмоций я раскроил бесценный шедевр на несколько печально обвисших кусков. Признаться во мне вспыхнула надежда, что с гибелью картины умрёт и последний из её хозяев. Но это, пожалуй, было бы слишком просто.

— Мастер! Вот он!

Я резко обернулся на крик ангела, с трудом вырываясь из сладких объятий гнева. Её сверкающий в свете свечей клинок принял эстафету и в свою очередь вонзился в драгоценный холст. И, к сожалению вновь напрасно.

Я зарычал. — Режь их все, крылатая! Пусть не останется норы, куда бы он смог залезть! — и, показывая ей грешный пример, я ударил по ближайшей картине. Возможно, мне показалось, но я услышал тихий болезненный стон.

В следующие несколько минут я испытывал стыд, горечь и сомнения, но заставлял себя вновь и вновь рубить с ужасом смотрящие мне в душу полотна. Рядом столь же безнравственно не покладая меча, трудилась Элати. Слава огню, здесь не было живых картин. Не знаю смог ли бы я занести безвинно карающий клинок над ними, не просто отрывая их от порога, но уничтожая саму память о них. И всё громче доносился до меня стон боли и отчаяния. И казалось, всё ближе подбирались мы к нашему врагу.

— Хватит, — на этот раз эти слова были уже не тем гневным, властным приказом, который вверг меня в пучину небытия в прошлый раз. Теперь это была просьба, просьба более слабого о возможной ли милости врага. Только одно роднило эту просьбу с тем приказом. Я вновь остановился, краем глаза заметив, что также поступила и Элати. Всё же, в первую очередь, нам была нужна его картина, а не смерть.

— Зачем вы пришли... — это был не вопрос, это были размышления на заданную тему, но я решил не дожидаться начала более предметного разговора, предложив его сам.

— Нам нужна картина, и ты знаешь, какая именно, — мой голос чуть подрагивал, отходя от бешеной пляски меча. — Отдай её, и мы уйдём.

— Зачем вам её смерть... — и снова это был не вопрос.

— Либо её, либо твоя, — оправдываться я был не намерен, хотя по здравым размышлениям стоило бы. Эту локальную войну начали всё-таки мы.

Ответ не приходил довольно долго, и я уже начал решаться на продолжение резни, но хранитель искусства всё же принял верное решение. Из недалёкой картины показалась его неброская понурая фигура. Не доходя до нас нескольких шагов, он медленно сунул руку в маленький оазис темноты. Когда он её достал, мы вновь стали зрителями прекрасного шедевра, клочка странной жизни, который предстояло передать в мёртвые, холодные руки князя.

Не теряя времени, я вырвал из его на этот раз слабой руки картину и начал спиной отступать к ещё несколько далёкому выходу. Рядом с видимым облегчением в глазах шла Элати.

— Тёмной вам дороги... — пожелание, брошенное уходящим в свои оскорблённые владения дьяволом, было наполнено печальной скорбью и жаждой несбыточной мести. Ледяные слова заставили вздрогнуть даже меня, давно привыкшего к проклятиям побеждённых и поверженных.

Никто более не встал на нашем пути, но идти от этого было не менее тяжело. Первое проклятие лишь дало старт остальным. Остальные, правда, оказались безмолвными, но от этого, увы, не менее обрекающими. Казалось в один несправедный миг, все картины стали заклятыми врагами для нас. Я более не видел их яркой красоты и глубокой идеи. Отныне отовсюду молчаливым потоком на нас падала ненависть тысяч полотен. Гневный свет мириад свечей лишь подчёркивал всю искренность этой ненависти. Я чувствовал себя самым грязным убийцей и предателем. Я больше не был гордым Хозяином Пути. Я был самым страшным преступником с истоков и до конечного костра. Я был самым главным, самым ужасным проклятием этих когда-то чарующих мест. Я сам хотел умереть от придавившей меня жестоким камнем ненависти.

Только на лестнице, ведущей вверх, этот рвущий сердце поводок начал понемногу отпускать меня. Я посмотрел на Элати. Леди была бледна, и в глазах её застыло презрение к самой себе.

— Всё, крылатая, уже всё.

Последние нелёгкие шаги вывели нас на долгожданную поверхность. Я тяжело вздохнул. Я очень устал, и видит пламя устало не тело, но душа. Ещё одна вечная рана жадно заалела у меня на сердце. Рядом упала на колени Элати. Она не могла сдержать судорожных рыданий, рвущихся из груди. Я не стал её успокаивать, эту боль каждый должен был вынести сам.

Князь со свойственным всем мёртвым флегматичностью ждал нас на том же месте и в той же позе, в каких мы его оставили. Увидев нашу прекрасную и печальную ношу, он видимо потерял частицу своего мёртвого кредо и соизволил встать, то ли приветствуя, то ли просто радуясь удачному завершению дела.

— Вот твои картины, мёртвый, — я бросил ему под ноги бесценные полотна.

Мёртвые князь как будто даже с некоторым почтением не менее получаса рассматривал, как выяснилось главную мечту всего Некрополиса. Его пустые глаза при этом горели серым подобием углей, что для него, вероятно, было немалым достижением. Последней и особенно долго он рассматривал наш завершающий трофей — бегущего ангела. Наконец он оторвался от своего созерцания и посмотрел прямо в глаза Элати.

— И всё же твои прекраснее, — опасный, очень опасный комплимент.

— Эти тоже ничего, мёртвый, — я не дал ему развить эту очень тревожащую меня тему. — Мы можем идти?

— Все дороги Некрополиса отныне открыты для вас, — князь перевёл взгляд на меня. — Никто не перейдёт вашего пути.

Он постоял ещё несколько секунд, глядя поверх наших голов, а потом, плавно сорвавшись с места, буквально исчез в мертвеющей дали, унося с собой возможно последнее, что ещё было живым в Некрополисе.

— Прощай, князь, — пробормотал я. Видеть этого падкого на крылья мёртвого я больше не имел никакого желания. — Пошли, крылатая, сегодня мы заслужили право идти не оглядываясь, — я старательно пытался взбодриться. — Единственное известное мне положительное качество мёртвых в том, что они не лгут.

Был уже глубокий вечер, и наши настрадавшиеся за день ноги требовали немедленного покоя, но нам обоим слишком хотелось отойти от древнего, оскорблённого нами музея на как можно более далёкое расстояние. И мы с упорством тягловых ящеров наматывали километр за километром.

— Нам долго ещё идти под присмотром смерти, мастер? — возможно рана на сердце ангела осталось ещё глубже, чем у меня.

— Максимум пару дней, леди. Некрополис велик, но слава огню, не бесконечен.

В ответ Элати лишь коротко выдохнула, как бы призывая на помощь остатки своей воли. Хорошо ещё, если остались хотя бы остатки, что-то, а волю мёртвый город выпивал до дна.

Наконец, совершенно выбившись из сил, мы кинули свои тела у основания того, что когда-то было музеем, таверной, ареной или обычным домом, где любили, мечтали и просто жили. Просто жили.

Когда веки поднялись, и свет весёлым потоком хлынул в глаза, настроение у меня было заметно лучше, чем вчерашним, не единожды проклятым днём. Всё-таки я несколько привык к порой немилосердным ударам тысяч дорог, по которым имел счастье и горе ходить. Но

хоть несколько ближайших дней пройдут в относительном спокойствии, так как в абсолютное спокойствие я не верил в принципе.

Я лениво осмотрелся. Немного вдалеке, вставшая раньше меня, Элати яростно рубила мечом невидимого противника. Это хорошо, что леди предпочитает держать себя в форме, Коцит ещё не близко. Не став мешать её утренней зарядке, я немного перекусил, а потом туло лежал, с наслаждением не думая ни о чём.

— Вставай, мастер, пошли.

К сожалению, жрица слишком быстро наигралась со своей сталью, и не дала мне окончательно поверить в очарование жизни.

— Не уйдёт, крылатая, — я начал несуетливо подниматься, — слишком торопиться не обязательно.

— Кто не уйдёт? — не поняла моего слабого утреннего юмора леди.

— Коцит.

Но, несмотря ни на что, Элати всё же была права. Надо было вставать и идти. Некрополис не лучшая местность для праздного времяпрепровождения. Даже, якобы, безопасный Некрополис.

Так что через несколько минут перед глазами вновь флегматично замелькал однообразно-пыльный пейзаж Мёртвого города. А ещё через полчаса, мы имели относительно счастливую возможность лицезреть первого рядового представителя Некрополиса, встретившегося нам на пути. Он оказался точно таким, каким и должен был быть — апатичным, с пустым взглядом и полным отсутствием какой-либо агрессии. Я даже хотел подойти и щёлкнуть эту полупрозрачную статую по носу, но в последний момент разум взял верх над весельем.

— Если бы все потенциальные враги были такими, как этот, — Элати явно понравился представитель местного клуба созерцателей, — насколько бы проще было ходить по этим долгим дорогам.

— Да уж не настолько, насколько скучнее, — я ухмыльнулся. — Разве не так, а, крылатая?

— Не знаю, мастер, — улыбка ангела была грустной, — теперь всё чаще кажется, что нет.

Моя улыбка тоже потускнела. Да я и сам почти не верил в то, что сказал. Слишком много дорог резали и обжигали меня за эти годы. Слишком много я потерял, потерял гораздо больше, чем в итоге нашёл. Слишком много я видел ненависти, предательства и просто разочарований. И слишком поздно уже было отречься от всего этого. Оставалось только идти по уже раз выбранному пути не жалея и не оборачиваясь. И я шёл, и вроде бы перед тобой открыты миллионы дорог, но уже после понимаешь, что идёшь всегда по одной и не всегда она лучшая. Увы, гораздо чаще, как раз наоборот.

Я тряхнул головой. Не время для спонтанной печали. Возможно, именно сейчас я иду по той самой верной дороге. Именно сейчас мой путь приведёт к желанному финалу. Именно сейчас я возможно хоть чуть-чуть, но прав. И это пока было всё, во что ещё можно было верить.

Учитывая спокойствие и уверенность нашего продвижения, мы вполне могли себе позволить сделать плановый привал, с целью плотно и по невеликой возможности вкусно поесть. Занятие это отняло, увы, не так много времени, как хотелось бы, и закономерно

переросло в не слишком долгий, но от этого не менее приятный послеобеденный отдых.
— Мастер! — голос Элати был слишком тревожным, чтобы пренебречь ответом.

Глава 4. Некрополис. Дорогами мертвых. Часть 6

Я резко открыл глаза и тяжёло вздохнул. Не более чем в десяти шагах от нас сидел Мёртвый князь, с которым я так недавно и так, казалось, надёжно попрощался. Вряд ли мёртвый оторвался от созерцания своих только обрётённых картин, из-за желания сказать нам мудрое напутствие, случайно забытое им при последнем разговоре.

— Что ещё, мёртвый? — я встал и не спеша двинулся к нему. — Я думал, мы уже всё решили.

Князь не отвечал, неотрывно глядя мимо меня и будто вообще не замечая ничего, кроме известной только ему одному цели. В сердце тихо, но настойчиво зазвонили колокола беспокойства. Я остановился в паре шагов от него, всё также оставаясь оскорбительно незамеченным.

— Какого огня, мёртвый?! — вероятно, я мог показаться немного невежливым, но меня одновременно и злило, и пугало его странное поведение и так не отличающееся излишним консерватизмом. — Или говори, зачем пришёл, или заканчивай мелькать в моих глазах!

— Дивные крылья...

Да, уж лучше бы он молчал. Старая песня с новой силой зазвучала на просторах Некрополиса, и кода её могла получиться не слишком благожелательной. Вот теперь я понял, куда был направлен его пустой, затуманенный взгляд. Повернув голову, я увидел упруго стоящую леди с обнажённым мечом в руке, а позади неё, действительно белели чарующие и возможно роковые крылья.

— Очнись, созерцатель, — я в свою очередь выпустил из ножен довольно бесполезные в данной ситуации мечи, — ты не получишь и их тени. Пошёл прочь с нашей дороги!

— Слишком прекрасные...

Он не слышал моих слов, не видел наших лиц, в его посыпанном пеплом взгляде плясало обрывающее последние держащие цепи безумие. Всё чего он желал, о чём грезил, было сейчас олицетворено в этих двух испуганно подрагивающих крыльях, столь непохожих на всё, к чему он привык за эти века.

Словно досадливо мешающую на пути ветку Мёртвый князь оттолкнул меня в сторону. Он забыл, что нам была обещана неприкосновенность внутри Некрополиса. Забыл, что обещал её лично. Забыл, что его слово было также надёжно, как и сама смерть. Он медленно приближался, ко всё больше бледнеющей Элати, неумолимо протягивая к ней свои прозрачные, жестокие руки.

Нервы ангела не выдержали. Наверное, это был самый стремительный в её жизни прыжок. Я еле успел поднять голову, чтобы проследить её мерцающий серебром волос полёт. Но это оказалась слабая попытка. Мёртвый князь рванулся за ней едва ли не раньше, чем крылья ангела сделали первый взмах. Тело его истончилось, походя сейчас на гигантскую стрелу, а не на мёртвого дьявола. Он должен был догнать её через одну томительную секунду. Пару мгновений отделяло его от обладания мечтой. Ужас стenal во взоре уже потерявшей надежду Элати. Шансов оторваться у жрицы не оставалось. Мёртвый князь был гораздо быстрее её. Но ещё быстрее был я.

Вряд ли князь понял, что послужило причиной его столь неожиданного падения. Возможно, он даже не обратил на это незначительное обстоятельство своего драгоценного внимания, но второй ещё более жёсткий удар о землю заставил его задуматься о дерзком

дьяволе, который так нагло мешал ему достичь своей безумной мечты.

Я не заметил, как он уже оказался рядом со мной. Холод пробежал по всему телу только от одного взгляда наполненных жаждой убийства глаз. Куда делся тот флегматичный, малообщительный философ и любитель живописи. Сейчас передо мной стояла та самая алчущая смерть, которая весело хохочет тебе в лицо с кончика врывающегося в плоть клинка.

Но я всё-таки успел отвести от своего сердца этот разящий кончик. Сомневаюсь, что князь был способен на такое чувство, как усталость, поэтому вопрос о том, кто из нас продолжит шагать по этой земле, надо было решать с максимально возможной скоростью. И, что ещё более существенно, решать его надо было верно.

К сожалению, от моих лучших атак князь пришёл в себя слишком быстро. Я бы сказал смертельно быстро. Увеличившись в размерах почти в три раза, он, несмотря на всё сопротивление, буквально накрыл меня своим утончившимся телом. На мгновение я оказался в темнице смерти. Ледяная волна страха с готовностью ринулась в мою сторону, желая накрыть с головой. К счастью я вовремя вспомнил про мечи. Прорубить дорогу обратно в жестокий мир оказалось на удивление легко. До предела ускорив свой Путь, я подобно лаве вырывающейся из жерла вулкана вырвался из холодных объятий Мёртвого князя, взмыв над ним, и со всей данной мне пламенем силы придавил его к земле.

Чем-чем, а силой меня Великое Пламя не обидело. Скорее даже похвалило. Мой давно мёртвый и столь неожиданный враг буквально зарылся в землю по всей своей неумеренной сейчас площади. У меня даже мелькнула наивная надежда закопать его в этой прогоревшей земле, разыграв, таким образом, импровизированные похороны, которые и успокоят его навечно. К сожалению, у моего оппонента были несколько другие планы.

Рванувшись из края его бьющегося в чрезмерно равной борьбе тела, в мою грудь с незримой обычным глазом скоростью метнулся иглообразный отросток. Отбить его я, полностью сосредоточившись на вдавлении в неподатливую почву любителя ангельских крыльев, уже не успевал. Удалось лишь чуть замедлить его неотвратимый ход. Тело вдруг будто пронзили сотни тонких, длинных стилетов. Взгляд обречённо боролся с наступающей тьмой. Хотелось лечь и умереть.

Но видно слишком много меня били, и определённая устойчивость, даже к самым ультимативным ударам, давала о себе знать. Через боль и разочарование я всё же отыскал взглядом так удачно поразившего меня князя. Князь изволил подниматься со своих многочисленных колен. Я же, увы, как раз на них опускался. Не знаю, смог бы я отразить следующий его удар, но мёртвого подвела страсть.

Его предрекающий взгляд дёрнулся от моего, вздрагивающего от слишком медленно проходящей боли тела, на что-то стоящее рядом. Я не повернулся, я знал, что там увижу. С бледным лицом, испуганно-гневным взглядом и успокаивающе сверкающим мечом там стояла Элати, в который раз зачаровывая лёгким взмахом своих крыльев нашего врага. На несколько спасительных секунд Мёртвый князь отдался безумию своей извращённой страсти. Не видя более ничего вокруг, в том числе, и своего недобитого и всё ещё очень опасного врага.

А я уже дано привык обходиться секундами. Хватило мне их и сейчас. Хватило на то, чтобы заскрипеть зубами, встать, гордо выпрямить спину и ударить. Ударить, зная, что это мой последний удар в этой битве при любом её исходе. Два шанса подряд не даёт никто, даже мёртвые безумцы.

Я бил по князю его же грозным оружием. Он очень хорошо умел и любил свой талант к практически любой трансформе. Я решил произвести завершающую для него метаморфозу.

Все точки его многосуставного Пути рванулись на встречу друг с другом. Князь сжался в сгусток дикой мёртвой энергии желающей вновь обрести так резко потерянную свободу. Я не стал мешать, я даже помог. Помог, как не помогал ни одному живому.

Путь князя ринулся в разные стороны, превращаясь из небольшого клубка в стремящуюся к бесконечности плоскость. Тело мёртвого полностью отражало происходящее с его Путём. Оно было уже едва различимо на серой равнодушной земле. А я гнал его всё дальше и дальше, разнося его на километры вдаль, превращая его в тончайшую, абсолютно невидимую сущность.

Я не стремился разорвать его на части, это было, увы, невозможно. Мой замысел был тоньше и гораздо рискованнее. Его больной, но от этого только более опасный разум оставался в каждой частице безжалостно гонимого тела князя. И эти частицы удалялись друг от друга всё дальше. Уже не один, но множество разумов наполнили сейчас моего мёртвого врага. И каждый из них был гораздо слабее оригинала. У них уже не было ни его силы, ни нестигаемой воли, ни изощрённой хитрости. Они больше не могли справиться с его таким тяжёлым и таким нелепым существованием. И они начали засыпать. Его мятежный Путь стал медленно, но верно тускнеть, унося Мёртвого князя за собой, во вторую теперь уже окончательную смерть.

Я упал на землю, судорожно вталкивая в себя душный воздух. В голове то накатывала, то отступала алая темнота. Несколько минут тело практически перестало слушаться моих неловких команд.

— Мастер!?! — на самой грани восприятия до меня донесся обеспокоено-облегчённый голос Эллати.

— Подпали тебя пламя, крылатая, — хриплые, запинаящиеся слова с трудом проталкивались на свободу, — где твой проклятый плащ?

— Он давно и бrenно почил на не менее проклятых болотах, дьявол, — в голосе леди проскользнула лёгкая обида. — Странно, что ты этого не заметил.

Что ж, ответ был довольно резонный. Да, даже если бы заметил, где бы мы вдруг достали новый плащ.

Усталость битвы постепенно спадала. Пора было забывать про великие победы и вновь вставать и идти. Дорога уже ждала. И я покорно подчинялся её предсказуемой воле. Меня даже почти не шатало, когда я всё-таки поднял своё кричащее от такого оскорбления тела. От возможно искренней же помощи ангела я гордо отказался, хотя, скорее всего, зря.

Однако долго я так пройти не смог. Пролилось совсем немного времени и нам пришлось сделать вынужденный и отнюдь не короткий привал. Несколько часов я тупо отлеживался, прерываясь только на краткий беспокойный сон. К вечеру ко мне таки вернулись некоторые силы, и мы смогли позволить себе оставить позади ещё немного Некрополиса.

Ужин был недолгим и молчаливым, мы слишком устали для всего, кроме сна. Сон же мой оказался крепок, но, увы, совсем недолог. Я проснулся посреди ночи уже более-менее отдохнувшим, но не отказавшимся бы и от дополнительной порции сновидений.

Решив последовать зову своего мудрого разума, я было уже хотел закрыть глаза, но внезапно в темноте промелькнул чей-то неясный силуэт. Этого хватило для того, чтобы столь желанный сон стал последней из моих забот.

Не успел я окончательно скинуть осадившую меня дремоту, когда неясный силуэт превратился в фигуру, очень похожую на совсем недавно сражённого мной Мёртвого дьявола. Но она была ниже, тоньше, изящней. И это была именно она, значит не князь, а княгиня, Мёртвая княгиня. Она с задумчивым интересом рассматривала меня, подходя всё ближе и ближе. Я приготовился убивать.

— Мы просим простить нас, путник, — голос её оказался гораздо менее жёстким, чем у её окончательно мёртвого приятеля. — Наш брат опозорил наше слово и нашу землю.

— Ерунда, красавица, — я даже привстал в знак уважения. — Надеюсь, остальные твои друзья окажутся более сдержанными в своих желаниях, — узнав, что очередное сражение не состоится, я значительно повеселел.

— Будь уверен, путник, — княгиня присела на ночную землю и голова её, обрамлённая короткими пепельными волосами, оказалась опасно рядом.

Я промолчал, всё ещё несколько тревожно поглядывая на мою ночную посетительницу. Принеся извинения, она не уходила, продолжая беззвучно рассматривать меня.

— Как картины, княгиня? — непреодолимо захотелось разорвать эту давящую тишину.

Её спокойный взгляд дрогнул, — это прекраснейший подарок, путник, а мы так мало за него дали. Но, — глаза её вновь умиротворились, — я могу дать тебе кое-что ещё, от себя лично...

Я напрягся, эти слова могли как подарить мне величайшее сокровище мира, так и отнять последнее, что я имел.

— Путник, — голос Мёртвой княгини наполнился какой-то необычной торжественностью, — хочешь ли ты пройти дорогами, по которым ещё не ступали ноги живого? Пройти дорогами мёртвых.

— Хочу! — я сказал раньше, чем подумал, раньше, чем ещё осознал предложенное. Но даже если бы думал над ответом ещё час, он всё равно остался бы прежним. Сама того не подозревая, княгиня сделала мне лучший подарок из всех возможных. Ведь, что нужно стареющему Хозяину Пути, — только ещё одна дорога, даже если она проложена не для живых.

Моя собеседница восприняла вырвавшийся у меня энтузиазм, как должный ответ на её наверняка щедрое предложение. Она поднялась с земли, наградила меня чуть покровительственным кивком и протянула свою изящную руку.

Чуть помедлив, я сжал предложенную мне длань. Как я и ожидал, она оказалась холодной и крепкой. Очень холодной и очень крепкой, но, как ни странно, вырвать свою руку из этого мини аналога могилы не хотелось. Княгиня настойчиво потянула меня вперёд за собой, медленно удаляясь от места нашего ночлега. Я запоздало вспомнил про Элати, но, обернувшись, увидел лишь её спокойный сон.

— Помни, путник, — голос княгини в ночном воздухе Некрополиса почти завораживал, — эти дороги слишком хрупки для живых, будь же милосерден к ним.

— Я понял, мёртвая, — известие это меня, впрочем, мало тронуло. — Но скажи сейчас, пока мы ещё на путях живых, что ждёт меня там? Кто может преградить мне путь?

Снисходительная улыбка тронула её тонкие губы. Так улыбаются детям, которые в своих фантазиях в одиночку сражаются с тысячами врагов. Мне так не улыбались уже очень давно.

— Что остаётся после смерти, путник? — улыбка превратилась из снисходительной в

печальную, — только память. Там ты увидишь только память о тех, кто когда-то был жив, и она же преградит твой путь. И в твоей власти не разрушить её, но обойти.

Признаться, я слабо понял объяснения княгини, но, решив, что портить столь проникновенную для мёртвого речь пошлыми деталями не стоит, вдаваться в расспросы не стал. Вместо этого я задал другой не менее интересующий меня вопрос.

— А вы, — я резко остановился, заставляя и княгиню прервать свой лёгкий шаг, хоть это и было куда как не легко, — вы, обитатели Некрополиса, кто вы? Вы всё-таки живы или давно и безвозвратно мертвы? По какую сторону этого мира стоите вы, ответь?

— Мы? — княгиня отпустила мою руку и повернулась лицом в ночь. — Мы. путник, это насмешка над жизнью и смертью. Великое Пламя долго хохотало в своих бушующих чертогах, глядя на нас. Мы застыли на грани этого мира, не имея права ступить ни на одну из сторон. Такова была воля Великого Пламени и не нам судить её. Мы уже стучались во врата смерти, но нам не открыли, а осколки моста, ведущего назад, уже летели в небытие. А Некрополис? Некрополис и был теми вратами, тем порогом, на котором нам вечно суждено пародировать жизнь на сцене смерти. Но дороги мёртвых стали для нас также открыты, как и пути живых, также тоскливо недалеко, но всё же наверняка. Это и есть наше последнее пристанище, последняя нора, в которую нам позволили забиться.

Мёртвая княгиня замолчала, причём замолчала довольно надолго. Я уже начал беспокоиться, что эта непреднамеренная исповедь помешает нашей совместной прогулке, но ночная спутница всё же вновь снизошла до моей скромной персоны. Мне показалось или её ладонь с этой минуты стала жестче.

— Приготовься, путник, — я расслышал в её интонациях нотки вялого азарта, хотя возможно мне показалось. — Мы начинаем.

Княгиня остановилась. Одновременно с этим событием, мою руку пронзили острые холодные уколы боли. Боль разлетелась по всему телу, сковывая ледяными цепями. Однако к моей искренней радости всё это пиршество длилось недолго. Не прошло и минуты, как боль начала спадать, а мир вокруг запульсировал ей в такт, затягивая меня в свой опьяняющий танец.

— Прыгай, — шёпот княгини не дал времени ни для размышлений, ни для сомнений. Я прыгнул, просто прыгнул вперед, и всё вокруг поменялось, словно этот посредственный прыжок перенёс меня на многие километры вдаль.

Мы стояли в каком-то тесном, неудобном переулке, мрачно сверкающим потёртыми камнями и чернотой в углах. Я обернулся, позади нас переулок резко обрывался, являя перед моим изумлённым взором даже не абсолютную тьму, но грязно-серое, хаотичное мельтешение мгновенно исчезающих и возникающих неясных образов. Ощущение было такое, будто в тумане перед тобой кто-то одновременно меняет сотни рельефных картинок.

Княгиня наконец-то отпустила мою многострадальную руку. Я едва смог сдержать стон искреннего облегчения. В завершении начала нашего пути пальцы мёртвой изрядно стали напоминать безжалостные тиски.

— Иди за мной, путник.

Княгиня уверенным шагом пошла вперёд, изящно петляя вместе с вёрткой улочкой. Я постарался составить ей достойную пару. Получалось средненько. Внезапно переулок вывел на относительно широкую, архаичную улицу, по которой, довольно рассматривая свои золоченые сапоги, брёл невысокий дьявол с тонкой, вычурной шпагой на боку.

— Смотри, путник, — она указала мне на дьявола, — вот истинный мёртвый, ибо это не

он, но лишь память о нём.

— Понятно... — что я ещё мог сказать.

Видимо ирония не входила в список достоинств Мёртвой княгини, и она ни как не отреагировала на этот, по сути, вопрос.

Между тем дьявол, не замечая наших нескромных глаз, продолжал спокойно двигаться по пустой, вероятно, предутренней улице. Вдруг из параллельного нам переулка выскочил другой дьявол, в рваной одежде и с явно дурными намерениями. Он со всё нарастающей скоростью устремился к пока ещё недоумённо глядящему на него хорошо одетому прохожему. Цель его была ясна и прозрачна. Я было хотел дёрнуть его несправедливый Путь, но к своему изумлению обнаружил, что Путь у него отсутствовал, хотя, что я, в сущности, ожидал от мёртвых.

Ладони мои потянулись к рукояткам мечей. Не такой уж я равнодушный, каким иногда хочу казаться, к тому же оборванный бандит мне просто крайне не понравился. Но я не успел выхватить любимые клинки. На плечо, успокаивая-парализуя, опустилась тяжёлая ладонь княгини.

— Я же просила, путник, — с её губ слетел едва, но всё же заметный укор, — будь милосерден к дорогам мёртвых. Твоё столь явное вмешательство просто разрушит их тонкие нити. Не стоит участвовать, просто наблюдай.

И мне оставалось просто наблюдать, как уличный разбойник хладнокровно закалывает невезучего прохожего, стаскивает с него кошелёк, шпагу, сапоги и с кровожадной улыбкой вновь удаляется в свой проклятый переулок.

— Так чья эта память, мёртвая? — я всё ещё не слишком осознавал всей здешней системы мироустройства.

— Не знаю, — она немного качнула головой, — может память убийцы, а может случайного зрителя. Да разве это и важно. Пойдем, путник, здешняя дорога кончается, а наша только началась.

И словно услышав её слова, весь местный пейзаж начал разваливаться, подобно дешёвой мозаике. Осколки улицы, словно картонных домов падали за край этого крошечного мирка, существующего только потому, что кто-то счёл нужным запомнить этот тривиальный момент городской жизни.

На месте падающих в небытие частиц уходящей памяти расправлял плечи уже виденный мной смущающий душу хаос. Я счёл за лучшее поспешить за быстро мелькающей в оставшейся ещё субъективной реальности княгиней. Возможно, мне привиделось, но переулков стало гораздо больше, чем было, пока мы шли этими дорогами впервые. Силуэт, смутно похожий на мою проводницу, блеснул в темноте одного из них.

— Путник! — яростный крик, пришедший совсем с другой стороны, уже не мог повернуть меня назад. Теперь я должен был идти по дорогам мёртвых один и без лишнего оптимизма.

Глава 4. Некрополис. Дорогами мертвых. Часть 7

Это была какая-то старая крепость. Тяжёлые, толстые башни сурово смотрели во все стороны, молчаливо предупреждая вероятного врага. Ветер настороженно гулял по высоким стенам, опасливо раскачивая тусклые знамёна. Лениво падали на вечноусталые камни мелкие капли вечернего дождя. Обстановка выглядела явно несколько напряжённой.

Я быстро огляделся по сторонам, выискивая вероятного персонажа очередного представления воспоминаний. Ещё раньше я также оглядывался в поисках княгини, но так и не нашёл её раздражённого взгляда. Увы, я остался один. Одиноким, живой, неуверенно стоящий на дорогах мёртвых и, скорее всего, заблудившийся в них. Но ведь не было ещё дорог, которых не мог пройти Хозяин Пути. Не было и не будет.

Повторный осмотр, наконец, показал мне искомое. Это оказалась странная пара. Молодой дьявол небогато, но достойно одетый, с волосами до плеч и взглядом разрушенной надежды смотрел на парившую перед ним дьяволицу. Она было не то, чтобы очень красива, но в целом вполне симпатична для непритязательного вкуса, коим, как виделось, и обладал восторженно смотрящий на неё парень. В отличие от него одежда её была расшита золотом и драгоценностями, в волосах сверкала великолепная диадема, а взор был всё же несколько надменен для её юного возраста.

Она была будто порождением его влюблённой фантазии. Движения неестественно плавные, а редкая улыбка наоборот слишком резкая. Он протягивал к ней свои дрожащие руки, но ответом на его стремление был лишь обрекающий поворот гордой головы. Постепенно её образ начал тускнеть под плачущим взором дьявола. Наконец она полностью исчезла, заставив своего воздыхателя упасть на колени, запрокинуть голову и скорбно закричать в пустоту.

Обычная история неразделённой любви. Сколько такой я видел, сколько пережил и сам. Сколько такой ещё будет в молодых и не очень сердцах. От этого лечит лишь время, но часто бывает, что времени, увы, не дают шанса.

Видимо так должно было случиться и сейчас. Отвергнутый дьявол медленно, но упрямо двинулся к краю крепостной стены и цель его, судя по отрешённым шагам и апатичным взмахам рук, была вполне очевидна.

Дурак! И сколько таких дураков ещё таится на этих скорбных дорогах. Мне не сосчитать, да я и не хочу. Время всегда даёт нам шанс, а вот мы почему-то иногда пренебрегаем симметричным ответом со своей стороны.

— Стой, идиот! — поддавшись порыву, я забыл все, о чём мне говорила Мёртвая княгиня. О хрупкости, милосердии и невмешательстве. Больше смерти я ненавидал лишь нелепую смерть. И сейчас, в глупом желании спасти уже мёртвого, я устремился к непримиримо ступающему на самый край стены дьяволу.

Я успел схватить его за уходящее вниз плечо и резко развернуть назад, вталкивая внутрь крепости. Немного пошатнувшись, он застыл, непонимающе глядя на меня. Он не был двигающейся картинкой, запрограммированной на определённый набор действий и не взаимодействующей с внешним миром. Но в его памяти (а я был уверен, что это именно его память) не было место ничему другому, кроме себя и той любви, что толкнула его на смерть. Он не понимал ни кто я, ни что я здесь делаю, ни как я вообще могу здесь оказаться. Его мёртвый разум отказывался воспринимать меня, как часть его мира, но, тем не менее, он

осознавал, что соприкоснулся с чем-то иным, не спасённым его памятью. И это, так неудачно возникшее противоречие оказалось, увы, роковым.

Нерушимая крепость беззвучно задрожала. Она треснула как упавший бокал из тонкого стекла. Разбитая память падала в незримые пределы мёртвых путей. И я падал вместе с ней, судорожно сдерживая испуганный крик. А вместе со мной падал и тот молодой дьявол, которого я так неосторожно спас. Он всё так же непонимающе смотрел на меня, с завидным флегматизмом воспринимая происходящее вокруг. Я полностью погрузился в названную мной хаосом структуру. Ощущения были немного схожи с погружением в воду, но здесь меня охватило чувство полной потери ориентации, чувство для Мастера Дорог уникальное и абсолютно неприемлемое.

Я заставил себя собраться с мыслями и силами. Как бы они не выглядели, но это всё-таки дороги, мой дом родной, и я найду выход. Я начал спокойно осматривать окружающую меня композицию. Она постоянно меняла свой облик, но, тем не менее, была удивительно однообразна. Каждый из образов, возникающий за её серыми стенами, был похож как на предыдущий, так и на последующий. Их различия были минимальны и едва угадываемы. Ради интереса я постарался схватить одну из мелькнувших фигур. Как и ожидалось, моя попытка была лишена успеха.

И всё же не зря я был Мастером Дорог. Медленно, но верно весь этот неприемлемый беспорядок представал совсем в другом ракурсе. И я увидел то, что хотел, я увидел дороги. Они были беспокойны и непрочны. Они могли сбросить и затянуть. И вряд на них можно будет предугадать свой следующий шаг. Но всё же это были дороги, а ведь хуже плохой дороги может быть только полное её отсутствие.

Призвав на помощь Великое Пламя, я сделал первый осторожный шаг. Мои опасения вполне подтвердились, дорога скакнула вперед как тренированный ящер, едва не оставив меня на том же месте. Но всё же я удержался и сделал второй шаг, потом ещё и ещё. Однако, больше я, увы, сделать не успел. Подобная бурному ручью дорога уже вынесла меня к своему концу. В последний раз этот бешеный путь ударил меня по ногам, а потом я оказался в чьей-то новой памяти.

Я стоял в начале широкой витой лестницы, покрытой пушистым алым ковром. Насмешливый блеск свечей играл на поверхности высоких ваз, с затейливым рисунком на боках. С тёмных картин, поверх меня, надменно смотрели старые, роскошно одетые дьяволы, державшие в руках длинный меч или увесистую булаву. Внизу лестницы проявило себя какое-то движение. Я аккуратно начал спускаться на этот позыв любопытства, да и, честно говоря, что мне было делать кроме этого, я не знал.

Конца лестницы я не достиг. Где-то на середине мне выпало счастье лицезреть нового участника игр памяти. Он стоял перед огромным окном спиной ко мне. Руки его были сложены за спиной и сжаты в кулаки. На нём была свободно ниспадающая мантия завораживающе-красного цвета. Рядом яростно полыхал огонь, безжалостно запертый в беспредельно тесном для него камине. За окном веселилась ночная гроза. Грохот пьяного грома терзал и насмехался.

Дьявол повернулся, и мне пришлось вздрогнуть. Этого мёртвого я знал. Я видел его на такой же картине, какими были украшены его суровые стены. Только на ней он был изображён не с банальным мечом, а с лепестком первородного пламени, греющегося у него на ладони. Во всей своей величавой силе передо мной стоял Риар-Шагот — основатель

Ордена Предвечного Пламени, главный вдохновитель первой Войны Основ и, если верить легендам, тот самый дьявол, который нашёл дорогу к самому Предвечному Пламени. Нашёл, чтобы навсегда оставить её тайну за могучими стенами Ордена.

Это был единственный когда-либо живший дьявол, которому я завидовал. Завидовал искренне и безнадежно. По воле огня он смог то, чего не удалось мне. Не удалось, несмотря на многолетние упрямые поиски. Поиски, которые одно проклятое время составляли единственную цель моей жизни. Но это оказалась первая и последняя дорога, которая так и не покорилась мне.

Риар-Шагот тяжёлым взглядом посмотрел на извивающиеся лепестки огня. Он медленно подошёл к камину и опустил в него руку. Даже слабого оттенка боли не промелькнуло на его суровом, изрезанном морщинами и короткими шрамами лице. А когда недрогнувшая рука покинула жадное пламя, то в ней пугливо трепетал его алый осколок. Риар-Шагот задумчиво посмотрел на него и сжал руку. От огненного пленника не осталось даже лёгкого намёка. Мёртвый Магистр разжал пальцы. Бешеный факел полыхнул в его длани. Послушное воле дьявола пламя взметнулось до потолка, взрываясь и хохоча. Несколько секунд продолжалось его неудержимое веселье, а потом оно вновь вернулось к своему первоначальному облику. Пальцы Риар-Шагота безразлично бросили надоевшую игрушку обратно в камин. Память услужливо подсказала прозвище Великого Мастера — Побратим огня. Многие считали, что само Великое Пламя смотрело через его полные мудрого гнева глаза.

Я решительно начал спускаться вниз. Я должен был спросить, должен был узнать. Пускай, он давно мёртв, пускай, это вообще не он, а его скучающая память, пускай, я уже мало, что понимал в хитросплетениях мёртвых дорог, но я должен был услышать ответ. Я уже почти бежал по оказавшейся такой длинной лестнице.

Риар-Шагот не замечал моего нежданного присутствия. Его пальцы лениво переворачивали страницы неведомой мне книги. В тёмных глазах мелькали отблески далёких костров. Я быстрым шагом подошёл к нему почти вплотную. Он оставался всё также равнодушен к моим тревоблениям.

— Здравствуй, мастер, — голос мой прозвучал неожиданно тихо, однако к моему удивлению Магистр его слышал.

Он медленно поднял голову и на мгновение стал похож на виденного мной недавно влюблённого дурака. Но мгновение прошло, и в меня вонзился сурово вопрошающий взор мудрого и непримиримого властителя. Даже смерть не могла сломить Побратима огня. Он молча смотрел на меня, пытаясь осознать увиденное.

Привычная дрожь потрясла стены. Неужели и эта память сейчас будет разрушена. И вместо необходимых ответов меня ждут язвительно улыбающиеся дороги мертвых, на которые я вновь упаду. Дрожь усиливалась, и я уже видел весело побежавшие по стенам трещины, обнажающие алчущие серые тени. Но воля хозяина этих мест держала своё посмертие с упрямством алчных оков. Он словно хотел дожидаться моего застывшего на губах вопроса, прежде чем покинуть своё последнее пристанище. И я поспешил оказать ему эту услугу.

— Дорога, мастер! — слова вырывались подобно пьяному гейзеру, — Как мне найти дорогу, дорогу к Предвечному Пламени?! Заклинаю, ответь! Я должен знать!

В его взгляде что-то изменилось. Будто упоминание о главной в его жизни дороге, всколыхнула в мёртвом сердце и радость, и боль, и страсть. Он ничего не ответил мне на

мой сумбурный вопрос. Вместо слов он отдал предпочтение делу.

Его рука вновь опустилась в радостно охвативший её огонь. И вновь частица его заплясала в руке у Магистра. А потом Риар-Шагот протянул бьющийся о пальцы огонёк мне. Некогда было ни думать, ни сомневаться, — я устремил свою руку навстречу. Огонь выпорхнул из руки своего Побратима и подбитым ветром упал в мою.

Признаться, я надеялся, что для меня это действие окажется таким же безболезненным, как и для моего мёртвого хозяина. Но мне выпала кость заблуждаться. Огонь яростно набросился на мою бедную руку, терзая голодной болью. Я в надежде устался на Магистра. Риар-Шагот на мой полный надежды призыв лишь покачал головой и твёрдо сжал руку в кулак.

Вряд ли можно сказать, что подобная перспектива меня сильно обрадовала, но другого выхода похоже не было. Я последовал примеру мастера и, через рассекающую боль, крепко сжал руку. Казалось, я превратился в факел. Пронзающий огонь смертельно обжигал каждую частицу моего тела. Наверное, я кричал, должен был кричать. А еще, наверное, я проклинал всё, до чего мог дотянуться и, в первую очередь, отправившего меня в царство боли Риар-Шагота.

Когда боль отпустила свои излишне жаркие объятия, от обиталища Магистра осталось уже немного. Собственно только он сам и бесконечно преданный ему огонь в камине. Я несколько ошалевшим взглядом вновь посмотрел на Побратима огня, надеясь ещё на какой-нибудь более конкретный ответ. Но мёртвый дьявол лишь одобрительно кивнул в мою сторону. Больше на меня он не смотрел.

Камин обречённо рухнул вслед за своими соседями по памяти. Но ушёл в небытие лишь сам камин, огонь же преданно расплескался у ног Риар-Шагота. Мёртвый мастер стоял в постепенно поглощающем его кольце пламени, с печальной яростью смотря вверх. Ещё через мгновение пламя охватило его всего. Когда он падал, его силуэт было уже не различить в бушующем огне. Я посмотрел на свою руку, на её месте алел жестокий ожог.

На этот раз дорогу в мёртвых пределах я нашёл достаточно быстро. Я бы даже сказал подозрительно быстро. Но ни тоскливая окружающая обстановка, ни немилосердно ноющая рука атмосферы для неспешных раздумий о коварстве врага не создавали. И очень жаль, как выяснилось буквально через минуту.

Он смотрел прямо на меня. Смотрел, не мигая и не проявляя во взгляде ни капли дружелюбия. Ненависти там, впрочем, тоже было немного, а вот чего хватало, так это искреннего раздражения. Впечатление было такое, будто я оторвал его от чего-то очень важного, по какому-то крайне пустяковому поводу. Впрочем, стыда я не испытывал. Я психологически готовился к очередному нелёгкому рандеву.

На этот раз мёртвая дорога вывела меня в несколько иное, относительно своего ассортимента, место. Тут был высокий стул, пара разбитых зеркал и собственно вероятный хозяин всего этого натюрморта. И надо признать, что он изрядно скрашивал скудную обстановку своей приёмной.

Он был похож на дьявола. Вероятно, у создавшего его неведомого ваятеля задумка была именно такая. К сожалению, потом он решил сымпровизировать. В результате у изначального дьявола выросло ещё три ассиметричных и обломанных рога, один глаз переместился с лица на ладонь, рот оказался как минимум в два раза шире обычного, а зубы

в этой пасти были слишком острые и как будто нетерпеливые. Общий его вид мог создать иллюзию комичности, но всё портил один предмет, на который лениво опиралась его вторая (безглазая) ладонь. Это была длинная, широкая, чуть изогнутая сабля из неизвестного мне абсолютно белого металла. Непонятные символы, венчающие её остриё, подрагивали багровыми сполохами. В ней сразу угадывалась та злая мощь, обладая которой ты становишься страшным и жестоким врагом. Разочаровал меня и его Путь, а вернее отсутствие искомого. Вместо Пути я увидел лишь его тень (кстати, это была первая увиденная мной тень Пути за всю продолжительную практику). С тенями Пути я, к сожалению, работать не умел и в связи с этим, следуя примеру своего визави, положил здоровую руку на эфес одного из своих мечей. Другая рука, увы, в данный момент вряд ли могла рассчитывать на звание боеспособной единицы. Непредусмотренный ожог вывел её из строя минимум на несколько недель.

— А ведь память это всё, что у них оставалось, — недодявол укоризненно покачал головой, — и ты лишил их даже этого. Разве это верно?

Я настороженно промолчал, ожидая развития его обвинительной речи. Мой неназначенный судья вскочил со стула, быстро обошёл его три раза и облокотился об одно из зеркал.

— Разве верно отнимать последнее? А ведь тебя предупреждали, — его наручный глаз, несмотря на постоянную жестикуляцию, неотрывно смотрел на меня с искренностью пьяного. — Я слышал и даже почти видел, — он в нервном прыжке переместился к другому зеркалу. — Но ты не послушал, ты решил, что лучше знаешь, что надо делать, что ты умнее познавших смерть. Так вот, — неожиданно он оказался на недопустимо близком от меня расстоянии, но в тот момент, когда клинок моего меча уже вылетал из ножен, пятирогий вновь оказался вблизи своего троподобного стула, — я и подумал, пришла пора и тебе узнать, как в эти непростые времена тяжело быть мёртвым. — Он показательно медленно потянул из ножен свою просящую битвы саблю.

— А ты кто? — никакой хитроумной воинской уловки у меня в мыслях, увы, не было, просто действительно хотелось узнать, что это за чудо мёртвой природы.

— Я!? — казалось, рукоглазый даже обрадовался моему вероятно наивному с его точки зрения вопросу. — Ну имени у меня нет, прозвища тоже, но ты можешь звать меня просто — Хозяин.

— Я сам хозяин, — мой меч уже давно был заботливо сжат в руке.

— Не здесь.

Его выпад был очень быстрым. Спасло меня не мастерство, но опыт. Клинки радостно зазвенели друг о друга. Достойную контратаку я провести не успел, так как пришлось немного суетливо отступить под градом хитрых, чётко рассчитанных ударов. Всё, что я сейчас видел, так это слепящие знаки на его клинке, вот только времени рассмотреть их повнимательнее не было.

Внезапно каскад обрекающих ударов прекратился. Мой противник, вновь оказался на достаточно безопасном расстоянии от меня.

— Хотя хозяин это конечно не правильно, — он как будто и не махал только что мечом, словно неистовый ураган. — Скорее меня сделали хозяином, — он стал неожиданно задумчив. — Или не хозяином, а слугой, слугой, который ощущает себя хозяином. Вот ты как думаешь, кто мы? Хозяева памяти или лишь слуги её? В общем, всё это чуть сложно, — подвёл он итог, не дожидаясь моего несостоявшегося ответа, — сложно и грустно.

Завывающая сабля срезала пару миллиметров кожи с моего лица. В остальном мне вновь удалось уклониться от ищущей меня смерти. Минуты две наши клинки танцевали и пели, при этом мой оказался годен лишь для того, чтобы обеспечить своему обладателю более-менее достойную защиту. О нападении на этого слугу-хозяина памяти приходилось лишь изредка и неуверенно мечтать. Он превосходил меня и в скорости и, увы, в мастерстве. Пару раз его белый клинок уже легко рассёк мою кожу, преодолев казавшуюся столь надёжной защиту. Случайно проводя очередной изошрённый и легко разгаданный моим противником манёвр, я увидел глаз на его руке. Глаз был очень задумчив и, казалось, находился сейчас далеко от этой, так неудачно складывающейся для меня битвы. В голове мелькнула пугающая мысль о том, что же будет, когда мой оппонент сосредоточится на битве целиком. По всему выходило, что пришло самое время подумать о скорейшем тактическом отступлении, хотя сейчас я с удовольствием согласился бы и на позорное бегство.

К сожалению, покинуть эту невольную арену на первый взгляд оказалось делом куда как не простым. Не считая такой проблемы как бешеные лезвия, поселившиеся в сантиметрах от моего лица, хватало и других, правда, гораздо менее агрессивных. Здесь были дороги. Много, крайне много дорог, но у них у всех был весьма болезненный для меня нюанс. Они все вели внутрь того отрезка пространства, на котором проходил наш поединок. И не было даже одного вожделенного пути ведущего наружу из этой мясорубки. Но уходить надо было обязательно, больше держаться против этого самоназванного мстителя я просто не мог. Уже пару раз меня спасло только, так странно заглянувшее сюда, чудо. В очередном своём диком выпадении он задел мне правую ногу. Это и послужило тем сигналом, который, как я надеялся, не наступит.

Призвав на помощь все свои немногочисленные ныне силы, я рванул к ближайшей дороге. Ах, как она оказалась далека. Как много я успел обдумать, пока бежал до неё. И мысли эти были не самые радостные. Но, несмотря на общий пессимизм, я всё-таки добрался до начала небольшой тропы. Вернее, как я уже говорил не до начала, а до конца, конца, который, если я хотел ещё увидеть вулканы Ада, нужно было превратить в начало.

Возможно, мой дебютный успех был спровоцирован ещё и тем, что увлечённый пенем клинков зубастый возмездьявол не ожидал от меня столь подлого хода. Мне показалось, что он даже протянул какой-то разочарованный звук. Однако долго на его меланхолию рассчитывать вряд ли приходилось. Всё-таки намерения у него были вполне конкретные.

Последние шаги я предпочёл пролететь в лучшем в моей жизни прыжке. Дорога, как и ожидалось, приняла меня не слишком благосклонно, постаравшись вытолкнуть на уже набегающего врага. Сейчас всё решали секунды. Лишь один раз я проделывал то, что собирался сделать сейчас. Это было в другом, надо сказать, менее оригинальном месте и при совсем других обстоятельствах. Это было всего через несколько недель, после того как я стал Хозяином Пути. Поддавшись коварному азарту и второй бутылке вина, я поспорил на внушительную сумму, что у дорог нет конца, а если и есть, то я превращу этот конец в само начало. И после того, когда мне показали дорогу, у которой таки был конец, выбора уже не оставалось. Через день, отдохнув и подготовившись, я в сопровождении многочисленных наблюдателей отправился, как это тогда называли — поворачивать дорогу. К моему гордому торжеству спор я выиграл. Для этого мне пришлось повернуть все Пути, находящиеся в поле моего зрения. Это заняло немало времени и отняло ещё больше сил, но именно тогда я впервые показал всем, почему меня нарекли Хозяином Пути.

Проблема заключалась в том, что на этой дороге Путей не было, и вот тут уже нужно было начинать импровизировать. Совсем недавно меня постигло открытие того, что у Путей были тени. Логично было предположить, что они есть у всех Путей, а не только у моего недавнего и плохого знакомого. И я не ошибся, были они и на этой дороге, их было очень мало, и найти их было возможно, только если искать специально, но они были, и я их видел. А если была тень, то был и Путь, который её отбрасывал. Я уже искал этот Путь у моего оппонента, но так и не нашёл, видимо тот был слишком далеко. Но я логично предполагал, что Пути более рядовых представителей этих дорог вполне могут быть найдены.

Повторюсь, что на этот глубокий поиск у меня было не более пары секунд. Это была страшная авантюра, достойная напрочь пьяного беса, но, кроме того, это был мой единственный шанс. Заставив себя абстрагироваться от всего, помимо этих желанных Путей, я начал искать.

Наверное, я всё же был в некотором фаворе у Великого Пламени, мне хватило и времени, и мастерства, и фарта для того, чтобы выполнить задуманное. На самом краю чувств я уловил тончайшие, аморфные нити этих Путей. Повернуть их я уже не успевал, единственное, на что меня хватило, так это на то, чтобы ненадолго прервать ортодоксальный ход их радикального течения.

Теперь у меня было уже не менее минуты для поиска другой, не стоящей таких мучений дороги. По нынешним меркам это была почти вечность. Но всё же я продолжал спешить изо всех сил. И причины крылись не только в обманчивости новообретённой вечности. Мой, так досадно оставшийся в неожиданном одиночестве спарринг-партнёр, явно не желал прерывать чрезмерной динамики нашей встречи.

Я не видел его алчущего моей крови броска, ибо по согласию с разумом не оборачивался, но я прекрасно слышал и его неудержимый бег, и свист его пьяной от боя сабли. Подозреваю, что ему, для того чтобы пройти по любой здешней дороге, требовался лишь лёгкий намёк на полужелание.

Нужную мне дорогу я увидел не то, чтобы в последний момент, но в тот миг, когда это момент был уже непозволительно близко. Она шла практически перпендикулярно первой и во вполне устраивающую меня сторону. Не знаю насколько элегантен оказался мой прыжок, но главное он оказался удачен. Дорога приняла меня в своё русло, как родного. Единственный минус состоял в том, что ещё более родным оказался для неё мой преследователь.

Пятирогий неожиданно выскочил прямо передо мной. Как ни печально, но он улыбался. Несколько тревожных секунд мы стояли друг против друга. Бежать сейчас было бы уже глупо, враг с лёгкостью бы раскрыл мой затылок, и мне ничего не оставалось, как готовиться к очередной дуэли, ожидая в её процессе шанса на чудесное спасение. Мой визави же продолжал всё также весело смотреть на меня.

— Когда бежишь наугад, то часто забегаешь в тупик, — догнавший меня противник довольно ухмыльнулся.

К сожалению, злая ирония вновь желающего поговорить местного красавца была абсолютно истинна. Я действительно слабо представлял, куда именно мне следовало бежать. Но зато я прекрасно знал откуда. А вернее от кого. Всё-таки зря он дал мне эти мгновения, я постарался использовать их максимально оптимально. Я снова потянулся к Путиям теперь уже этой дороги. И снова мне это удалось. Я просто дёрнул за них со всей всё ещё возможной силой, и дорога послушно прыгнула в сторону. Я был к этому готов, а вот мой

ухмыляющийся враг нет. Одураченная дорога унесла его в мятежно-серый туман, укоризненно оглядываясь на меня. Но мне некогда было сгорать от стыда, я вновь побежал.

Дорога сменялась дорогой, поворот поворотом, а минута минутой. Я даже не лелеял надежду, что вновь обречённый на преследование враг откажется от погони. Теперь для него это уже было делом вероятной чести. А для меня делом простой жизни. И это дело всё как-то не складывалось. Я по прежнему не знал, как мне свернуть с этих уже весьма поднадоевших троп, с дорог мёртвых. Постепенная потеря надежды начала сменяться дебютом лёгкого отчаяния, которое, если его не остановить, закончится достаточно трагичным финалом. А долгожданного спасения так и не наступало. Я всё глубже и глубже забегал в тот тупик, о котором меня столь мило предупредил пятирогий.

— Далеко же ты забрался, путник, — знакомый холод крепких рук сковал моё плечо.

Милосердное пламя, как я был рад слышать этот равнодушный голос, как рад был вновь лицезреть его мёртвую хозяйку. В порыве счастья я даже хотел обнять княгиню, но пустота мёртвых глаз несколько отрезвила меня.

— Поистине, княгиня, сегодня вы самая желанная из женщин, — мой сумбурный комплимент остался предсказуемо не услышан.

— Я думаю нам лучше вернуться, путник, — Мёртвая княгиня была настроена по деловому, — как видно, не все рады твоему присутствию на дорогах мёртвых.

Мудрость мёртвой граничила лишь с её же своевременностью. Я согласно и нетерпеливо кивнул на её предложение. Знакомый холод охватил всё тело. Мир в очередной раз пьяно покачнулся.

— Прыгай.

Это были прекрасные слова. Я прыгнул и уже в последний миг моего пребывания на путях мёртвых до меня донёсся неприятно-знакомый весёлый голос.

— Мы ведь только начали? Не правда ли?

Глава 4. Некрополис. Дорогами мертвых. Часть 8

Не думал я, что унылый пейзаж Некрополиса наполнит моё истерзанное сердце таким искренним ликованием. Мне показалось, что за время моего отсутствия в мире живых прошли три маленькие вечности, однако в итоге рассвет только раздумывал о своём неумолимом пришествии.

Мёртвая княгиня любезно сопровождала меня до места привала. Впрочем, моего согласия, как это последнее время и бывало, никто не спрашивал. Княгиня молчала, а вот у меня была некоторая тема для беседы.

— Скажи, кто преследовал меня в пределах мёртвых, — я внимательно посмотрел на свою спутницу, почему-то не сомневаясь, что она может дать ответ на этот весьма любопытный для меня вопрос.

— Станный вопрос, путник, — как оказалось, у каждого своё мнение на этот счёт, — кто может преследовать во владениях смерти?

— Смерть?! — я запоздало испытал приступ лёгкого ужаса.

Первый раз я услышал, как житель Некрополиса смеётся. И услышанное мало меня вдохновило. Редко какой звук вызывал столько отрицательных эмоций.

— От смерти нельзя убежать, путник, — пронзительно-презрительный смех княгини был недолгим. — Не сама смерть преследовала тебя, но лишь её полузаметная тень, случайно брошенная в твою сторону. Брошенная, да так и оставленная там.

Да, новость оказалась интересная. По всему выходило, что мне повезло ещё больше, чем я предполагал. Свидание со смертью, как правило, заканчивается всегда одинаково. И правило это без исключений. Вероятно, мы действительно только начали.

Утро только начало свой уверенно-предсказуемый шаг, когда мы добрались до нашего с ангелом маленького лагеря. Элати всё также беззаботно спала и, судя по умиротворённому выражению лица, сны её были намного лучше моей яви.

— Прощай, путник.

Княгиня была лаконична и не ждала ответного прощания. Её плавный силуэт медленно растворялся в глубинах Некрополиса, оставляя мне раздумья и усталость. Спать не хотелось. Хотелось крепкого вина и ещё более крепкого табака. Вина, увы, у меня с собой не было, а вот в табаке я уже себе не отказал. Горький дым принял на себя и часть давившей жестоким прессом усталости и долю очередных оправданных тревог. Новый день расцветал перед моими глазами, насмешливо глядя на старающегося унести свои сомнения в белом дыме дьявола.

Когда Элати проснулась, я уже выбивал остатки пепла из своей трубки. Леди легко встала и подошла ко мне, по ходу движения разминая мышцы.

— Что с рукой, мастер? — в голосе ангела слышалось больше интереса, чем тревоги.

— Плохой сон, крылатая, очень плохой сон, — я решил не посвящать жрицу в свои ночные похождения, которые и для меня самого остались не вполне ясны.

— Опасные у тебя сны, дьявол, — леди не стала заострять внимание на этой необычной после просмотра сновидений детали. И я был ей за это даже в чём-то благодарен.

После нехитрого завтрака, наш путь через город мёртвых продолжился. И по моим расчетам уже вечером этого дня он должен был подойти к своему логическому завершению.

Двигались мы довольно быстро, стараясь приблизить этот очаровательный момент. Никто более не мешал нашему скорому маршу. Ни мёртвый, ни живой более не становились на нашей дороге. И это было прекрасно.

День долгожданно подходил к концу. Скоро, уже очень скоро должны были показаться границы Некрополиса, после которых мир живых вновь радостно распахнёт нам свои объятия. Внезапно наш целеустремлённый марш остановила одна непредусмотренная преграда. Впрочем, это была та преграда, наличие которой я был даже рад.

Это было здание, с первого взгляда ничем не отличающееся от остальных на нашем пути, более чем наполовину разрушенное, лишённое цвета и индивидуальности, навевающее тоску. Однако, одна деталь заставила меня присмотреться к этому образчику местного зодчества гораздо пристальнее. Сквозь пыль и время с одной из стен на меня по-прежнему гордо смотрел древний герб Ордена Войны — меч, пронзающий само мироздание. И этот нетривиальный меч был по периметру обрамлен полустёршимися изображениями ключей. Этот знак говорил о том, что здесь когда-то находилось хранилище Ордена. А поскольку Орден Войны уже в те времена был одним из самых богатых в землях Ада, то я просто был обязан уважить это место своим визитом.

— А что, крылатая, как смотришь на то, чтобы поиграть в охотников за сокровищами? — я с наивозможно лихим видом подмигнул ангелу.

— Тебя правда интересует моё мнение, мастер? — леди лениво подняла бровь.

— Не скрою, леди, гораздо больше меня интересует, что Орден Войны оставил для меня в этих стенах, — я всегда старался быть по возможности честным.

— Твой интерес — мой интерес, мастер, — Элати улыбнулась с показной грустью, — по-другому у нас, увы, не выходит.

— Ну, значит, договорились, — по-другому у нас действительно не выходило.

Ещё не закончив фразу, я решительным шагом отправился на поиски древних богатств. Под богатствами я не подразумевал золото и драгоценности, как раз они мне были совершенно не интересны, хотя там их располагалось наверняка немало. Орден Войны был славен другими ценностями и, прежде всего, оружием. Вряд ли там найдутся конкуренты моим клинкам, но вот разумное дополнение к ним вполне могло немного отяжелить меня в пути.

Внутри оказалось темно и прохладно. Огрызок всё ещё действующего фонаря затеплился у меня в руке. Проведя небольшую экскурсию по оставшимся целыми комнатам первого и самого верхнего этажа, я в итоге оказался несколько разочарован. Три-четыре сундука, до отказа забитые тяжёлыми золотыми монетами, небольшая кучка вероятно свалившегося со стены неплохого, но далёкого до моих требований оружия, да пара больших изумрудов под ногами вот и всё, чем порадовали нас древние.

Когда я совсем уже утвердился в несправедливом ко мне отношении этого подвоя жизни, глаза неожиданно вернули расцветающую веру. В дальнем углу обнаружилась каменная плита с кольцом посередине, проще говоря, дверь в подвал. В подвал, на который я возлагал большие надежды. Открыть его, правда, стоило огромного и некупаемого труда. В конце концов, используя вместо лома тяжёлый топор, валяющийся неподалёку, нам удалось приоткрыть эту завесу в алчную сказку.

Лестницы там, увы, не оказалось, но её в целом и не требовалось, высота подвала не превышала двух метров. Легко спрыгнув вниз, я с ищущим взором обратился к содержимому каменной просторов. И на первый взгляд показалось, что на этот раз я пришёл туда, куда

нужно. Второй менее эмоциональный взор лишь подтвердил резюме первого.

Все стены и почти весь пол были завалены оружием. Хотя завалены будет неверно, скорее оно было заботливо разложено, просто его было очень много. Глаза метались из стороны в сторону, не решаясь обратиться к чему-то конкретному. И всё же пересилив свои детские порывы, я перешёл к планомерному осмотру представленного. Элати с не менее горящим взором двигалась параллельно мне, чуть позади.

С первой же стены на меня грозно смотрели легендарные Поющие мечи Ордена. Лично я до сих пор видел их только на картинах и в легендах. Несколько чудом сохранившихся до нашего времени экземпляров надёжно хранились в главной сокровищнице Ордена Войны. Узнал я их по характерной исключительно массивной форме, которая скорее не рубила, а ломала противника. Кроме того, на каждом из них стояло клеймо мастерских Ордена, созданное именно для этих мечей, за подделку которого полагалась не слишком законная, но неминуемая смерть. Во время битвы, когда их щедро поили кровью и смертью, мечи в знак благодарности пели гибельные песни войны. Ужас сковывал тех, кто слышал их обрекающий глас. Когда в ряды врага врывался Мастер Войны с таким мечом, участь рядов была предрешена. К сожалению, для достойного владения этим клинком необходимо было пройти специальную и вполне вероятно сегодня несколько подзабытую подготовку, которой я естественно не располагал. Я всё же не удержался и, сняв со стены один из этих шедевров оружейного мастерства, для пробы пару раз взмахнул им. Песни я, увы, не услышал. Лишь раздражённый крик разбуженной стали стал мне относительной наградой.

— Мастер!

Я досадливо поморщился. Ну, почему даже секунды не проходит без этих тревожных криков, редко сообщаящих что-либо радостное. Однако игнорировать его я тоже не мог, именно по причине отсутствия в нём этой самой радости.

Повернувшись, я не обнаружил ничего, чего бы я ещё не видел в Некрополисе. Примерно в центре этой оружейной сокровищницы, в позе готовности сорваться в гибельный для адресата прыжок, сидел очередной мёртвый. Лейтмотив его невыразительного лица был также давно и печально мне знаком, — это была яростная ненависть. Ненависть алчущего чужой смерти, но не имеющего возможности для исполнения своего кровавого желания. Я довольно ухмыльнулся, слово Мёртвых князей на этот раз держало крепко, а мы ведь наверняка были в самом центре его владений.

— Не бойся, крылатая, он нам не помешает, — и более не теряя времени на местного мёртвого жителя, я поспешил продолжить столь грубо прерванный осмотр.

И снова меня поджидала новая легенда, держать которую в руках я мечтал, когда ещё был совсем юн. На гордом расстоянии от всей остальной стали, к разбитой временем стене вальяжно прислонился огромный двуострый топор. Рукоять его снизу и сверху венчали два исполинских рубина. По тёмным, чарующим лезвиям расползалась загадочная вязь. А в центре каждого из них завораживающе алели пульсирующие круги. Таких топоров было создано ещё меньше, чем Поющих мечей и справиться с ними было ещё сложнее. Я не знаю, как называли их в Ордене Войны, но все любители острой стали, называли такой топор — Вулкан.

Перед сражением на эти круги кидали по раскалённому углю. И сталь впитывала в себя через них всю мощь первородного пламени. И, когда приходила пора битвы, топор высвобождал эту яростную мощь. Нет, он не плевался огнём, но от него начинала идти клокочущая волна нестерпимого жара. Часто враг умирал ещё раньше, чем до него долетал

лишённый милосердия клинок. И часто бывало, что воин, вооружённый этим топором, сам не мог уберечься от его не видящей союзников силы. Но всегда находился тот, кто вновь поднимал выпавший из мёртвых рук Вулкан и уже через мгновение покрывал себя ослепительной славой, разрушая отряды врага.

И снова я, увы, ничего не мог извлечь из этого чуда древних мастеров. Это оружие создавалось для Мастеров Войны, и только Мастера Войны, прошедшие изнурительные и сверхсекретные тренировки, могли достойно владеть им. Ещё один вздох сожаления вырвался из моей груди, но ведь всё ещё только начиналось. Слегка повеселев от этой мысли, я двинулся дальше.

Дальше мой путь изрядно скрасили несколько великолепных мечей, истории которых я, увы, не знал, целая вереница длинных, как дорога пьяного, копий, как с классическими, так и с совершенно фантастическими наконечниками, плеяда кинжалов тончайшей работы, но скорее парадных, нежели боевых, судя по количеству золота и драгоценных камней у них на рукоятках. Мастера Войны вообще недолюбливали кинжалы, считая их скорее оружием убийц, а не воинов.

А вот уже что-то более знакомое. Столь же смертоносное, уникальное и абсолютно бесполезное для меня. Это были боевые щиты, назывались они также помпезно, как и всё остальное в Ордена Войны, всегда слегка тяготевшим к внешним эффектам, их называли Щиты грома. Щиты в этом их варианте использовались не только и не столько как орудие защиты, но и как смертоносное оружие. Края их были максимально остро заточены и могли раздвигаться, увеличивая радиус действия лезвий. Претендуя на универсальность, они могли также выступать в качестве метательного оружия, с легкостью разрубая напополам покрытого бронёй противника. Отдельные мастера могли бросить щит так, чтобы через мгновение он уже снова скалился у них в руке. Ну и конечно у них было ещё одно свойство, за которое им и дали такое имя. При ударе друг о друга щиты рождали чудовищный акустический взрыв, рвущий барабанные перепонки как тонкую нить. Существовали даже специальные наушники, которые воин одевал в пару к этим щитам. Но и они порою не спасали. В связи с упоминавшейся выше универсальностью это оружие получило гораздо большее распространение, чем другие эксклюзивные работы оружейников Ордена. Создавались даже специальные отряды — отряды грома, существовавшие, правда, не долго, ибо буквально через месяц, каждый воин такого отряда останавливался в шаге от абсолютной глухоты. Если останавливался.

Через пару минут с трудом оторвавшись от лицезрения великолепных парных мечей, лишь самую каплю уступавших моим, я оглянулся в поисках ангела. Долгих секунд поиски эти не заняли. Элати с явным восторгом предавалась отрешённому созерцанию гениально исполненного стилета. Даже я, далёкий от короткоклинкового оружия дьявол, смог оценить и идеальный, несмотря на явную оригинальность, клинок, и тонкую рельефную рукоять, в которой рука чувствовала себя как никогда желанно, и странный, загадочный узор, покрывавший тонкой вязью весь стилет. Ещё несколько секунд леди гладила его манящие её формы, а потом без видимых причин аккуратно положила обратно на пол.

— Разве не великолепный клинок, крылатая? — я заинтересованно смотрел на неё.

— Лучший из всех, что я видела за свою жизнь, мастер, — Элати коротко усмехнулась, — а я видела очень много.

— Так пусть он станет твоим, златоокая — я подмигнул ей и указал на всё ещё явно ненавидящего нас мёртвого, — наш добрый хозяин будет только рад сделать для тебя этот

подарок.

Жрица невольно рассмеялась. — Если бы всё было так просто, мастер, но ты ведь лучше других знаешь, что все, как правило, наоборот слишком сложно. Если бы мы были сейчас в Раю, ты бы понял меня ещё лучше. Это великолепное оружие, дьявол, о таком, как правило, можно лишь мечтать, но, — золотые глаза ангела пронзила грусть, — но для меня оно чужое. Оно принадлежит Аду и никогда ангелу не владеть его силой. Оно не принесёт мне ни победы, ни минут торжества. Так что я останусь при своём, мастер, — теперь уже она подмигнула мне, — тем более, что Храм Светлой Стали делает клинки не хуже оружейников Ада.

Я пожал плечами, как бы неохотно, но принимая её резон, и с заново разгорающейся страстью продолжил поиск того самого клинка. Но, несмотря на весь блеск и разнообразие итогов моих поисков, идеально подходящего мне оружия я так и не нашёл. Честно говоря, я был разочарован. С другой стороны чересчур оптимистично было рассчитывать найти здесь что-то лучшее моих мечей. С покорившейся жестоким обстоятельствам душой я завершал свой осмотр. Внезапно в поле моего зрения попал длинный каменный футляр, как раз идеально подходящий для нужных мне клинков. С радостным предвкушением я подошёл к нему. Как только моя рука опустилась на резную поверхность, сзади раздался бешеный крик. Кричал мертвец. Кричал искренне и проклинаяще. Я даже не обернулся. Разве могло что-то быть более подстрекающим к немедленному открытию разом набравшего цену футляра, чем этот ненавидящий меня крик.

Я резко отбросил тяжёлую крышку назад. Сначала мне показалось, будто всё пространство футляра заполняла немигающая темнота. Крик мёртвого спустился до жалобного хрипа, а темнота немного расступилась. Из-за неё, словно из-за занавеса показались две бледные тонкие рукояти, будто сотканые из ленивого дыма. Мои руки, оглушив держащую их волю, потянулись к ним. И всё же не раз битая воля пришла в сознание слишком быстро. Вместо того, чтобы схватить молящие об этом рукоятки неведомых мечей, я машинально-идеальным движением выхватил свои клинки. Но это последнее, что я успел сделать.

На мгновение всё застыло. Застыл я, застыл злобный хрип мёртвого, застыл свет и воздух. Лишь две бледные рукояти спокойно и неторопливо отдавали на парализующее созерцание лезвия, которые они держали. Слово две мертвенно-белые тончайшие, негнущиеся ленты выпорхнули из улыбающейся тьмы. Они взлетели над полом, как две птицы, измученные клеткой. Немного неуверенно, но с пьяным счастьем сбившейся мечты. Они закружились, затанцевали, как двое влюблённых в тёмный вечер. Казалось, сейчас весь мир должен наслаждаться их счастьем, их вновь полученной свободой, их красотой и искренностью.

Но не прошло и минуты, как радость их унялась. Я почти физически ощутил на себе их неживой, леденящий взгляд. Теперь мечи были направлены прямо мне в лицо. Через долю мгновения я скорее почувствовал, чем увидел их пронзающий меня полёт. Руки сработали быстрее глаз. Мои собственные, благословенные пламенем клинки в последний миг встретились с этими бледно-дымными духами стали.

Алый кузнец не подвёл. Нет, неведомые мечи не рассыпались в прах и не отлетели во тьму, обиженно звеня. Вместо этого они словно прильнули к моим клинкам в развязном поцелуе. Как голодная змея, они обвили моё оружие, своими тонкими телами буквально впитываясь в него.

Я слишком поздно понял, что происходит, а потом мне досталась лишь очередная банальность — долгий и вполне обоснованный крик. Призрачные мечи влились в мои, становясь с ними одним целым. На честную сталь навечно была наложена беспощадная длань смерти. И сама смерть отныне становилась хозяйкой моих клинков, и с этой минуты я лишь мог брать их у неё в аренду. И за эту аренду я должен буду платить, платить тройной ценой. Теперь это оружие не защищало и пронзало, не дарило азарт схватки и опасную красоту удара. Теперь оно несло лишь вечный покой тем, против кого будет обращено. Теперь, доставая их, я становился самым дыханием смерти. Её грозным и печальным палачом, её цепным псом, хватающим за горло по первому слову хозяйки. И я знал, что, несмотря на всё это, я никогда не смогу выбросить эти мечи, не смогу отказаться от той безграничной власти над чужими жизнями, которую дарит сама смерть.

— Запомни, крылатая, — я закашлялся, — запомни и повторяй перед сном и обедом, перед врагом и другом, повторяй, — жадность ведёт во тьму.

Я обернулся. Лицо ангела было бледным, и на меня она смотрела с откровенным страхом. Очень кстати погас, наконец, наш фонарик. Выход из принесшего мне силу и скорбь склада мы искали недолго, но как-то суетливо и потерянно. Во время поисков мы почти всё время молчали, сейчас явно нужно было помолчать.

День встретил нас своим окончанием. А через ещё один молчаливый час вдалеке показался конец пределам Мёртвого города. Конец километрам скорби и серой пыли. Конец резиденции смерти в мире живых.

Не знаю, что уносила в себе из этого места Элати. Мне же сейчас было тяжело под той ношей, которой я стал удостоен. Я ходил её дорогами, я владел её оружием, я вступал в сделки с её слугами. Я слишком доверху был загружен её жестоким, снисходительным взглядом. Но скинуть всё это я был уже не в состоянии, это стало частью меня. Частью, которую я буду ненавидеть и проклинать долгими тёмными ночами, но без которой мне уже не идти дальше. И часто-часто отныне я буду смотреть на этот смешной в своей наивности мир через призму её давящей мудрости. И от этого уже не спастись ни вином, ни схваткой. Я посмел бросить ей вызов, и я проиграл. Я посмел бросить ей величайшее оскорбление — уйти от неё. Но всё же я ушёл, а значит, Великое Пламя даёт мне, подобный глупой искре шанс если не на победу, то хотя бы на ничью, на боевую ничью.

Через раздумья до меня донеслось пение, непонятно как забравшейся так близко к Некрополису, птицы. Я улыбнулся и обернулся к Элати. Леди ответила мне усталой улыбкой. Нам оставались последние шаги по этой мёртвой земле. Ещё несколько шагов и мир живых вновь начнёт бить, обманывать и злобно хохотать над нами. Но даже злобный хохот живого лучше вежливой улыбки мёртвого.

Глава 5. «Мне холодно, дьявол...». Часть 1

Надменный ветер наотмашь бил по лицу и уносился прочь, издевательски смеясь. Больше недели прошло с тех пор, как мы покинули серые земли Некрополиса. Дорога наша как всегда не отличалась изысканной вежливостью, но и особых проблем к некоторому удивлению не доставила. А несколько не слишком приятных, но вполне приемлемых встреч, после всего пережитого могли называться утренней разминкой.

В одной из таких разминок я, несмотря на мучающие меня всю дорогу сомнения, всё же решил обнажить мои мечи, которые с недавнего времени вполне можно было окрестить мечами смерти. Между тем, повод, растревоживший меня на эту авантюру, был наиболее банальнейший. Нашу относительно гладко стелющуюся дорогу перешла обречённая шайка разбойников. К этому моменту Элати уже вновь была накрыта широким плащом, который я без лишних вопросов достал в одной, огнём забытой деревеньке, лежащей недалеко от нашего пути. Так что шока и излишних эмоций в действиях разбойников не наблюдалось. Их было шесть дьяволов, и они дали мне три секунды. Мне хватило.

Мечи с радостно-предрекающим звоном покинули ножны. В меня тяжёлыми толчками влилась власть распоряжаться их жизнью и сила для того, чтобы это сделать. Я больше не видел их лиц, оружия, ярости, ужаса, боли. Я видел лишь их замершие передо мной души с тонкими нитями жизни.

И я уже не видел своих верных клинков, вместо них в моих руках жадно рвались в бой те самые бледные тени смерти, которым пришла в голову принять благородную форму меча. И они без сожалений изменяли этой форме, то удлиняясь, то делаясь шире, но всегда они алкали смерти, и никогда кровь не оскорбляла их истинный цвет.

Я сам не заметил, как все мои ещё даже не знакомые враги оказались мертвы. И снова в глазах ангела я нашёл страх и непонимание. Я пытался расспросить её о том, что она видела в эти кровавые минуты, но чёткого ответа так и не добился. Единственное, что она смогла сказать, — «Это был не ты, мастер». Но этого хватило, больше я не прикасался к этим проклятым огнём клинкам, но и выбросить их так и не смог. После того боя я словно постарел. Постарел не телом, но разумом, будто в нём прожгли злую дыру, стерев из памяти частицу радости и любви.

А Коцит был всё ближе. По моим расчетам не больше десяти дней оставалось нам до достижения нашей многострадальной цели, и по выражению лица Элати сложно было сказать, рада ли она этому событию. Леди очень устала за время нашего похода. На губах её всё реже мелькала улыбка (если вообще мелькала), разговаривать она стала неохотно и предельно лаконично, в глазах поселилась обжигающая тоска. Я не знал, чем были заняты её мысли, но готов спорить с самим огнём, веселья в них было немного. И мне, увы, нечем было её утешить, да и желание это посещало меня совсем не часто. Всё же мы так и остались чужими друг другу, несмотря на все вынесенные вместе испытания. Ей оставалось одно — терпеть и с этим заданием она справлялась достойно.

Местность, которую оглашали наши нескромные шаги, также вряд ли можно было считать полезной для избытка оптимизма. В основном, это были обнажённые скалы и редкие, несмотря ни на что, плодоносящие деревья. Их крупные сладковатые плоды изрядно скрашивали наш унылый рацион.

Однако одно из этих деревьев, с которого я как раз намеревался собрать нам обед, оказалось занято не слишком ясным для нас, с расстояния сотни метров, существом. Подойдя поближе, я поддался искреннему изумлению. По высокому раскидистому дереву ловко карабкался, сбивая спелые плоды, обычный дьявол. На нём была изодранная одежда и полное отсутствие вооружения. Зато когти у него были, как у древесного ящера, и использовал он их примерно с тем же мастерством.

Дьявол-верхолаз, не замечая наши прилепленные к нему взгляды, продолжал своё тривиальное дело совсем нетривиальным способом. При падении очередного источника его пропитания, он довольно ухмылялся и вроде даже что-то напевал себе под нос. Но скоро расстояние между нами сделалось несколько неприличным и ему пришлось смириться с лицемерием двух новых участников пейзажа.

На его подвижном, лишённом отпечатка ума лице отразилось нешуточное изумление. С первого раза, вероятно, не поверив лживой действительности, он закрыл глаза и потряс мохнатой головой. Но через несколько секунд его надежды развеялись в забытый прах, он опять увидел нас. А вот действия, последовавшие по окончании финала его сомнений, ни наивностью, ни глупостью, увы, не отличались. Засунув пару когтистых пальцев себе в рот, дьявол оглушительно засвистел.

— Своих зовёт, мастер, — леди была спокойна. Впрочем, после всего пережитого вряд ли её испугает шайка одичавших дьяволов.

Я поддерживающе кивнул, размышляя убить этого свистуна сейчас или тогда, когда к этому будет более доказательный повод. Пока я решил ограничиться тем, что сбросил его со столь гостеприимных веток. Дикарь обескураженно вскрикнул, и в этот самый миг из-за ближайшей скалы выбежали его друзья, хотя то, что они даже знакомы, можно было лишь предположить. Отличались они от него, как, впрочем, и друг от друга, весьма сильно. Тем не менее, это тоже были дьяволы, и их было трое.

Впереди этой маленькой группы короткими, немного жалкими прыжками передвигался уже немолодой дьявол с рогами до того кривыми, что они образовывали у него на голове подобия двух крохотных арок. Его руки были очень тонки и при передвижении раскачивались, будто пара плетей. Зрачки его ярко-багровых глаз, казалось, навечно застыли, рассматривая какую-то невидимую для остальных точку.

Второй дьявол обладал под корень обломанными рогами, не замирающей мимикой некрасивого лица, на котором то появлялась, то пропадала безумная улыбка, и полным отсутствием волос. В его очень длинных, но в тоже время крепких пальцах испуганно метался обломок ржавого ножа, не замедляя своего кружения ни на мгновение. Мне так и не удалось поймать его бешено прыгающий взгляд.

Последний участник забега спасателей с виду не представлял из себя ничего интересного, если не считать, что он был очень большим. Здоровяк мог похвастаться перекачанными мышцами и абсолютно тупым взглядом.

Все трое, замедлив бег, осторожно подошли к нам, не проявляя пока никаких агрессивных намерений. Я тоже решил подождать, прежде чем начать играть с их лишённых сюрпризов Путями.

— Они не похожи! — несмотря на явное главенство в группе старика, первым заговорил владелец ножа. — Они не наши, они не похожи, не похожи! — он говорил быстро, запинаясь и проглатывая слова. Его нож и безумная улыбка сделались ещё быстрее в своих метаниях, и я приготовился к первому удару.

— Вы искали нас? — шелестящий голос старика прервал обличительную тираду нервного дьявола и поставил перед нами нелёгкий вопрос.

— Увы, — я постарался быть вежливым, — мы ищем другое.

— Не наши! Не наши! — Голос лысого срывался на ненавистный визг. — Не отпускать их! За ними придут другие! Не наши!

— Пойдём, мастер, я устала, — Элати показательно-лениво потянула руку к мечу.

Я знаком остановил её. Время для смерти ещё не пришло.

— Вы пойдёте с нами, — старик видимо что-то для себя решил и, как ему казалось, решил и для других, — отверженные решат, насколько верна ваша дорога.

— Отверженные? — Я больше заинтересовался, чем встревожился предложением предводителя местного отряда. В памяти вспыхнуло какое-то воспоминание, связанное с этим словом. Какой-то очередной полумиф, рассказанный за бокалом вина.

— Вы в землях отверженных, в землях, закрытых для других, — старик всё же снизошёл до некоторых расплывчатых объяснений. — Вы будете делать то, что решат отверженные.

Одновременно с этим предречением он впервые взглянул мне в глаза своими неподвижными зрачками. И в тот же момент я вспомнил. Вспомнил, кто называл себя отверженными. Вспомнил и не обрадовался.

Везде и всегда рождались те, кто не находил понимания среди сородичей. Не находил, так как был лишён чего-то важного и наделён чем-то лишним. Искалеченные от рождения безумцы, видящие мир в других цветах и обладающие способностями, которые пугали остальных. Те, кто шёл по другим дорогам и жил непонятыми мечтами. Те, кто был изгнан и проклят за это.

Мир был зол и жесток с ними, и они отвечали миру со всей взаимностью. Брошенные и оскорблённые они отдалялись от цветущей жизни, замыкаясь в себе. Но безумец, не всегда значит дурак. И вот, примерно во время окончания второй Войны Основ, один из этих непонятых изгоев решился на воистину сумасшедший шаг. Он решил создать Орден Отверженных, Орден, который бы объединил всех тех, кто бродил и умирал в одиноком безумии в землях Ада.

И ему это удалось. Те, кто не мог найти понимания в обычных дьявольских сердцах, прекрасно поняли друг друга. Пускай каждый смотрел на этот жестокий к ним мир через свою собственную призму, но боль, грызущая их души была одна и та же. И в этой общей боли они нашли своё утешение и свою цель. Не меньше ста безумцев со всех концов Ада ушли неведомо куда строить свой собственный мир. Мир, где они будут хозяевами, мир, где они смогут не оглядываться и не дрожать при гневном крике. Постепенно, неведомо как узнавая про Орден и неведомо как находя к нему дорогу, стекались все, кто хотел найти здесь свой последний приют. И Орден Отверженных принимал всех, кто просил его об этом. Никто так чётко и не знал, где расположен этот безумный Орден, и в этом было счастье его не менее безумных адептов.

Мудрое пламя, отняв у них разум, дало почти каждому какой-то уникальный талант. Кто-то, как первый увиденный нами сегодня отверженный, отрастил себе когти и ловко лазил по деревьям, кто-то обладал феноменальной скоростью, силой, пластикой. Кто-то заходил дальше и мог плевать ядом, кто-то замораживать прикосновением, кто-то обращаться на время в другую сущность. Они много чего умели, возможно, у них можно было бы многому научиться. Если пойти с ними, как предлагает этот флегматичный старик.

Пойти и научиться.

Неожиданно мне стало больно. Моя левая рука, не так давно отмеченная подарком Риар-Шагота, вновь словно загоралась весёлым огнём, привлекая к себе всё возможное внимание и возвращая из путешествия по опасным мыслям. Через мгновение до меня дошло, что столь уверенный в своей власти старик самым наглым образом гипнотизировал меня. И возможно спас меня сейчас исключительно подаренный мёртвым Магистром лепесток огня.

Больше ждать не имело смысла. Я ударил одновременно, по всем троим. Незадачливый гипнотизёр молча упал седой головой на острый камень, навсегда оставив этот такой несправедливый к нему мир. О соседний камень разбил свой лысый лоб до последнего момента продолжающий выкрикивать агрессивные призывы нервный дьявол. И как бы не был я быстр, он всё же нашёл в этой крохотной доли мгновения достаточно времени для того, чтобы метнуть в меня осколок своей ржавой стали. Благо прицел я ему всё же видимо сбил, и нож оставил лишь небольшой порез на руке, вместо того, чтобы вонзиться мне в сердце.

А вот с третьим потенциальным врагом вышла не совсем ясная заминка. Он не упал. Мало того, он даже не попытался это сделать. Единственное, что смог ему предъявить Хозяин Пути, так это немного покачнуть его мощную фигуру. В тупом взгляде дьявола проступило лёгкое непонимание произошедшего, которое не шло ни в какое сравнение с моим искренним изумлением.

На всякий случай я ещё раз проверил его Путь. И вновь не нашёл в нём ничего интересного, обычный, простенький Путь вполне заурядного дьявола. Но почему же тогда и вторым ещё более мощным ударом мне удалось добиться лишь несильного толчка. Между тем мой финальный оппонент начал постепенно осознавать, что всё это для него может закончиться весьма плачевно. В его наивных глазах начали появляться нотки неприкрытой агрессии.

Развязка наступила несколько неожиданно для нас обоих. Только я с тяжёлым вздохом потянулся к своим потерянным для жизни мечам, как над моей головой в лёгком стремительном прыжке пролетела Элати. Меч её на полдлины клинка вошёл в затылок отверженного, завершая нашу не успевшую начаться дуэль.

— Пойдём, мастер, — леди резким взмахом стряхнула кровь со стали, — я устала.

Внезапно меня кольнула крайне неприятная мысль. Я с некоторой неподобающей суею огляделся по сторонам. Дьявола-свистуна нигде не было. За задушевым разговором и его немного трагичным окончанием мы совсем забыли про этого без сомнения также отверженного. И без сомнения он был уже на полпути к логову своего обожаемого Ордена. А это в свою очередь значило, что у нас опять крупные проблемы.

И эти проблемы могут вполне усугубиться, если в дальнейшем повториться то, что несколько минут назад внесло в мою душу горсть недоумённой печали. Самый обычный Путь был мне неподвластен. Мне пришлось вспомнить, чей это был Путь. Это был Путь безумца, дьявола, который ходил не дорогами Ада, но только своими. Дорогами, на которые не смог бы вступить никто, кроме него. А сам он уже никогда не вступит на чужие дороги. И его Путь принял сумасшедшую веру своего хозяина. То, что я видел, уже не подчинялось законам реального мира, уже находилось слишком далеко для того, чтобы я мог до него дотянуться. Это был безумный Путь, а безумие неподвластно никому.

Несколько разочарованных часов мы пробирались по неприветливым камням. Я

старался выбирать наиболее безопасную, по моему мнению, дорогу, и она, увы, часто оказывалась наименее удобной. Неожиданно перед нами раскрылась довольно ровная площадка с несколькими островками скачущих скал. С одной стороны этой площадки поднимался неприступный утёс, зато с другой нам открывалась вполне импонирующая мне дорога. Я решительно и возможно несколько легкомысленно направился к выбранному пути.

А дорога не прощает легкомыслия. Их было четверо. Появились они быстро, просто и целеустремлённо. Вряд ли нужно было гадать, кого принесло к нам на встречу, как не стоило сомневаться и в их намерениях. Действовали они удивительно чётко для безумцев. От общей группы отделился один из отверженных и побежал куда-то в бок, намереваясь, видимо, с помощью этого нехитрого манёвра атаковать по флангу. Я уже хотел ударить по нему, но Элати, сорвавшись с места, решила оставить это удовольствие за собой. Мешать я ей не стал, тем более что у меня и без того было чем заняться.

Двое из моих, мягко говоря, потенциальных врагов, чуть оторвались от своего несколько медлительного товарища. Первый оппонент представлял собой уменьшенную копию недавно не поддавшегося моему искусству дьявола. Причём сильно уменьшенную. Он буквально распластался над землёй, всё ускоряя неудержимый бег своих коротких ног. В маленькой руке он держал острый камень, который был ему явно не по размеру.

На корпус позади него высокими упругими прыжками двигалась грациозная дьяволица. Её красивое лицо алым смехом оскорблял глубокий шрам, начинавшийся где-то в районе её груди и, пересекая всё лицо, оканчивался у левого уха. В её широко раскрытых глазах явственно читалась давняя и глубокая боль. Кисти её длинных рук судорожно сжимались, будто желая разорвать чьё-то горло, и я, пожалуй, знал чьё.

Позади этих достойных представителей своего Ордена, плавными скользящими движениями, подражая им в своей неотвратимости, двигался немолодой дьявол с абсолютно белыми волосами и густой бородой. Его потрескавшиеся губы постоянно шевелились, повторяя и повторяя каскад случайно-памятных слов.

Они были уже близко, и я ударил по всем трём. Результат сокрушающей атаки Хозяина Пути оказался крайне плачевным. Хоть какое-то уважение проявил беловолосый, как-то вяло и неестественно отлетев недалеко в сторону. Дьяволица, казалось, в принципе, не заметила моих, как выяснилось, наивных попыток остановить её предрекающий бег. Маленький дьявол же пошёл в своей наглости ещё дальше, — он просто увернулся от моего выверенного удара.

Такого я ещё не видел. Всегда считалось, что увернуться от удара Мастера Дорог в принципе невозможно, ибо на него требовалась крохотная доля мгновения. Можно было смягчить, отбить, стерпеть, но увернуться никогда. На моих глазах рушилась ещё одна аксиома. И рушил её дьявол, которому не был даже знаком смысл этого слова.

Глава 5. «Мне холодно, дьявол...». Часть 2

Мне оставалось время для ещё одного, последнего удара, и я воспользовался этим временем, направив теперь всю свою силу на одного маленького дьявола. Я бил, когда он уже распластался в длинном, алчном прыжке, выставив вперёд свой грозный камень и раскрыв рот в немом крике жаждущего крови. В незримом для глаз движении он вновь избежал моей великолепной атаки. Но на этот раз я подстраховался. Одновременно с ударом по Пути я потащил из ножен свои клинки, снова одалживая их у смерти.

Наверное, этот парень был быстрее всего в нашем грешном мире, и его бы не поймал ни меткий арбалетный выстрел, ни взмах честной стали. Но в этот раз ему пришлось бегать наперегонки с самой смертью, и в этом забеге он остался вторым. Яростно смеясь, клинок воткнулся прямо в раскрытый рот дьявола, легко пронзив его и выйдя из затылка. Маленький безумец ещё успел неловко взмахнуть своим бережно хранимым камнем, а потом его глаза закрылись в последнем сне. Всё это длилось не больше мгновения, по прошествии которого я уже готовился к схватке с новым соперником.

А дьяволица была от меня уже в нескольких метрах. С её синеватых губ срывался ненавидящий хрип. Я вновь бросил взгляд в её большие глаза и, как выяснилось, на этот раз зря. Из её пронзённого безумием и болью взора в мой разум ударили те же рыдающие колокола, что били и у неё в голове. Взор затуманили кровь и отчаяние. Вся её безжалостная история пролетела в моих мыслях, подобно падающей в пропасть птице. И лейтмотивом там выступала её безумная любовь, её безудержная страсть и его жестокий равнодушный ответ той, кого он не понимал и не стремился понять, той, чьё безумие, в тот момент ещё не такое явное, он презирал и боялся.

Я не видел, как она подошла ко мне, не видел, как её сильные руки с обломанными ногтями радостно потянулись к моей шее, не видел её жестокого желания и сумасшедшей улыбки. Вместо меня всё это лицезрела, танцующая на кончиках крепко сжатых мечей, смерть. Когда моё, убежавшее было сознание вернулось на место, дьяволица с коротким стоном уже падала на землю, а на груди её карминовым блеском сияла широкая рана, нанесённая нездешней рукой.

Я поднял глаза на последнего врага. Тот уже отошёл от своего немного согревшего мне самолюбие падения и по примеру своих оставивших этот мир, товарищей стремился сойтись со мной в относительно честной схватке. Но именно этой честной схватки я и хотел избежать. Коль он хоть как-то реагировал на моё профессиональное мастерство, это надо было использовать.

Вероятно, я всё же подпустил его слишком близко, так что первым ударил не я, а он. Его вялый, ленивый взмах руки будто погрузил меня в сонную болотную воду. Движения и мысли мои замедлились до предела. Я находился словно в плохом сне, когда ты не успеваешь ударить врага, несмотря на всё своё желание и его неестественное бездействие. Но всё же он шёл до места нашего рандеву слишком долго, а я, так уж вышло, слишком хотел жить, так что мой удар всё же состоялся, хотя решающим его назвать было трудно. Беловолосый, всё также флегматично, отлетел в сторону, но как выяснилось лишь для того, чтобы вновь начать не спеша подниматься, лелея в своих малоразумных мыслях всё те же фатальные для меня цели.

Случайный поворот головы выхватил из окружающего моё малоподвижное царство

мира Элати, яростно сражающейся с доставшимся ей отверженным. Как выяснилось, ей тоже приходилось не просто. У стоящего напротив ангела противника не было ни оружия, ни особо бросающихся в глаза примет. Он стоял весь залитый собственной кровью и небесным гневом. Разящий меч ангела устремился ему в грудь. Дьявол презрительно отбил этот удар голой рукой. На руке багровым ручьём затрепетал ещё один глубокий порез, но отверженный не удостоил это событие и секундным вниманием. Его длинные мускулистые руки уже наносили град ударов по отступающей леди. Отверженный был силён, наполовину неуязвим и полон безумного энтузиазма. Для победы ему не хватало лишь одного — мастерства. Зато как раз у жрицы мастерства было с избытком. В очередном хитром выпаде её клинок с силой рубанул шею противника. Вероятно, это был уже не первый подобный удар, так как отсутствие логичного завершения, мало смутило леди. Но также вероятно, что в итоге эта тактика должна была принести необходимый результат. И уже через несколько секунд я имел радость видеть, как этот результат был с блеском достигнут. Надо полагать, в этот удар жрица вложила всю оставшуюся и, скорее всего, заёмную силу. Голова отверженного, словно подрубленное дерево, завалилась на бок. Кровь, хохочущим фонтаном, изверглась из шеи противника леди. Ноги его подломились, и он медленно и неохотно упал на землю.

Резко стряхнув с меча щедрую кровь, Элати бросила взгляд в мою сторону. Наши глаза встретились, победа уже раскрывала свои ясные крылья. Но оказалось, что мы снова недооценили нашего сумасшедшего противника. Небольшой, но меткий камень неожиданно вылетел со стороны высокой скалы. Мне оставалось лишь наблюдать за его жёсткой посадкой на голову ангела. Тело Элати обмякло и упало в раскрытые объятия неожиданно возникшего позади её дьявола. На губах у него играла хитрая улыбка, в глазах роилось торжество. Необычайно быстро он потащил мою спутницу куда-то в глубь равнодушных скал.

Гнев и отчаяние слились во мне в кипящую бурю, готовую снести сами горы для того, чтобы вернуть жрицу. Но, увы, эта буря была крепко заперта в ласково обнимающем меня коконе. А между тем заключивший меня в нём отверженный неотвратимо приближался. И на этот раз ударить его я не успевал. Я не мог ни сосредоточиться на атаке, ни убежать, ни, как не печально, надеяться на чудо. Но чудо решило явиться без приглашения.

Левую руку знакомо обожгло. Резкая боль не карала, но заставляла сбросить с себя любые тревожащие душу оковы. Незримое пламя, рвавшееся из моей руки, будто прожгло дыру в липком саване, который был на меня накинут. Через секунду я уже оказался на свободе. Подошедший уже почти вплотную отверженный, с некоторым недоумением уставился на меня. Его рука заново начала губительный для меня взмах. Я не дал ей закончить траекторию. С чарующим свистом мой меч срубил моему врагу полчерепа. Бой был закончен. Но цена была заплачена, как минимум, соразмерная. Мечи смерти выпили из меня ещё немного радости бытия, ещё немного доброты и светлых мечтаний, ещё немного жизни. Обожжённая рука кричала от переворачивающей разум боли. И, самое главное, Элати оказалась в безумных когтях Ордена Отверженных, и только Великое Пламя знает, была ли она ещё жива. А теперь это предстояло узнать и мне. Как можно быстрее я поспешил к скрывшим её от моих глаз скалам.

Но холодные камни не расступились перед моими шагами и не подсказали моим глазам. Меня нахально встретила гладкая саркастическая поверхность, которой было абсолютно наплевать на все мои переживания. Видимо у адептов безумия были свои дороги.

Я задумчиво-нетерпеливо поднял голову вверх. Скала была высока, но отнюдь не бесконечна, и у меня не оставалось другой дороги, кроме как подняться на её вершину. И, разумеется, судорожно карабкаться по небольшим выступам, с замиранием посматривая вниз, я не собирался. Я всё-таки был Хозяин Пути.

Левитировать с помощью Пути было занятием нервным и тяжёлым и, честно говоря, я его не слишком любил, но выбора похоже не оставалось. На то, чтобы поднять себя на так необходимую мне высоту, ушло минут десять и гораздо больше сил и эмоций. Когда я наконец оказался на плоской поверхности, венчающей скалу, пот катился с меня частым дождём, а в глаза тихо пробиралась дурманящая темнота. Но, кажется, предпринятые усилия того стоили. Перед моим взором открылось массивное грубое здание, казалось выточенное из одного огромного куска камня. Судя по его нелепо-пугающему виду и достающей даже сюда атмосфере прогнившего разума, я имел счастье лицезреть замок Ордена Отверженных.

Его основу составлял даже не камень. Камень был лишь оправой, в которую заключили кричащее безумие. Тёмные стены были изрезаны непонятными, вероятно и своим создателям, символами и фигурами. Кривые арки и низкие скошенные башни смотрелись изнывающими нарывами на теле камня. Неровный, с острыми гранями и ассиметричной структурой замок походил на раскрывшуюся в диком хохоте пасть с гнилыми зубами. И именно в этой пасти, по здравым размышлениям, сейчас находилась Элати. И, следовательно, именно туда лежал мой дальнейший путь.

Можно было бы конечно поискать чёрный ход, но, сколько бы это заняло времени, не сказал бы сам огонь. Да и не привык я пробираться как вор. В связи с этими умозаключениями, я широкими шагами шёл к главным воротам замка, благо увидеть их было несложно. Орден словно выставлял их напоказ, как бы приглашая зайти осмелившихся. А осмелиться зайти туда мог только безумец, то есть на сто процентов свой. Они были даже по-своему красивы. Ломанные, но обладающие какой-то особенной притягательностью узоры отвлекали вроде бы сосредоточенный взгляд. Странная шестигранная форма казалась какой-то опасно-наивной. Ворота были высокие и очень широкие и, по всей видимости, их никогда не открывали, пользуясь для прохода одной из четырёх примерно идентичных дверей, расположенных в ряд на одной из створок.

Недолгое время, что отделяло меня от них, я размышлял в какую именно направить свои шаги, и так и не пришёл к обоснованным выводам, в связи с чем двинулся к наиболее ближайшей ко мне. Дверь открылась легко и бесшумно, за ней было темно, но это меня уже давно не пугало. Я уверенно шагнул вперёд... и вышел из соседней двери. Вышел с той стороны, откуда зашёл.

Я почувствовал себя идиотом. Этого фокуса я не понял. Вероятно, чтобы его понять, нужно было не только чувствовать себя идиотом, но и быть им. Тем не менее, я предпринял ещё одну попытку пройти ворота, отделяющие разум от сумасшествия. Я с надеждой шагнул в одну из ещё не использованных дверей. Через мгновение я вышел из неё же. Стало тоскливо.

Неожиданно с той стороны раздался язвительный смешок. Я даже не знал, что могу открыть дверь так резко. По всей видимости, этого не знал и небрежно стоящий за ней дьявол. Надо отдать ему должное, действовал он решительно. Я еле успел остановить его казалось бы неудержимое отступление.

На этот раз за дверью было относительно светло, и моему взору предстала картина уже открывающего дверь в смежной стене отверженного. Хотя и с некоторым трудом, но мне

таки удалось отбросить его назад. Привратник (как я его окрестил) ударился о стену и со всё тем же раздражающим смешком повалился на пол. При его логичной попытке встать, я с силой прижал героя к неровным камням и уже более внимательно осмотрелся.

Хотя смотреть было, в общем то, не на что. Весь незатейливый пейзаж представляли маленькая грязная комната и две стандартные двери, хотел бы я знать, куда ведущие. Не желая более чувствовать себя также, как и обитатели этого места, я открыл одну из дверей и втолкнул в неё потихоньку проходящего в себя отверженного. Издавая свой любимый, не красящий общество смех, пленённый дьявол влетел в открывшийся проём с энтузиазмом влюбленного. Я настороженно прошествовал вслед за ним.

Больше всего я боялся, что когда я войду, моя единственная путеводная нить уже успеет куда-то ускользнуть. Но, как показала практика, переоценивать моих безумных врагов тоже не стоит. Привратник распластался на полу и особых признаков своей ошибочной жизни не подавал. Дверей, слава огню, больше не было. Вместо них передо мной расходились в стороны три теряющихся в глубине оплота безумия коридора. Один из них вёл строго вверх, другой вниз, а третий, как и ожидалось, стрелой устремлялся вперёд. Опять необходимо было выбирать, причем, не зная из чего.

Но прежде по всем правилам полагалось закончить общение с моим неожиданным проводником. Возможно, это было несколько жестоко, но оставлять такого врага за спиной показалось чрезмерно абсурдным, поэтому я без лишних сомнений преступил гуманистические порывы своей совести. И снова мне пришлось обнажить таящуюся на моих клинках смерть. И снова она радостно затрепетала, вонзаясь в покорную её воле плоть. И снова частица моей души отлетела, обожженная упавшей на неё скорбью.

Я нетерпеливо размышлял. Тащить ангела вверх было как-то нелогично, даже для безумцев. Вперёд несколько банально уже для меня. В итоге оставался лишь устраивающий всех путь вниз, который я, за неимением лучшего, и предпочёл для дальнейших поисков.

Редкие, изрядно прогоревшие факелы бросали передо мной недоумённо-извивающиеся тени. Со стен из укутывающей темноты проступали грубо высеченные в сером камне лица. Из рваных очертаний выныривающих альковов проступали пугающие, но явно не живые фигуры. Постоянный небольшой поворот коридора не давал шанса разглядеть что-либо ближе шести-семи шагов.

Я спешил и, не встречая на своей дороге ожидаемых преград, начинал спешить ещё сильнее. Туннель уверенно шёл вниз, подталкивая сзади темнотой и страхом не успеть застать ангела в живых. Сейчас, как ни странно, её могло спасти лишь то, что она оказалась в руках у безумцев. Обычный дьявол убил бы жрицу в тот момент, как увидел, не прельщаясь ни её телом, ни возможными тайнами, лежащими в её разуме. Что же ждать от отверженных, я не знал, но уж точно не нормальной дьявольской реакции.

За очередным витком поворота, поднадоевший туннель привёл меня к своему логическому завершению. Правда, его завершение для меня было лишь новым началом. Впереди нахально развалилась оскалившаяся при моём приближении пропасть. Всё те же не любившие компании факелы тускло горели, освещая её нисходящие очертания. Дна я, к сожалению, не разглядел и поэтому прыгать, а после тормозить свой Путь не решился, предпочтя этому авантюрному маневру не менее авантюрный спуск по малопривлекательной и вроде даже слегка пошатывающейся лестнице.

Как оказалось, с первого взгляда, лестница произвела, в общем-то, верное впечатление.

Изумлённый скрип захлёбываясь понёсся вниз, оскорбляя мои первые шаги по этому творению сумасшедшего зодчества. Да я, в целом, и сам был не рад. Как показали дальнейшие минуты, эта забытая пламенем лестница состояла из множества неравномерных ступенек, узких мостиков и абсолютно пустых пространств, которые приходилось, как можно более лихо перепрыгивать. Короче, на этих основательно подгнивших ступенях было темно, неустойчиво и одиноко.

Правда, уже через несколько минут я решительно пожалел, что моё одиночество продлилось так недолго. Я уже успел, достаточно по моим представлениям, погрузиться в ветхие лестничные пролёты, когда над головой раздался неясный, но уверенно подсказывающий шорох. Оптимистическим иллюзиям о шалостях весёлого ветерка я предпочёл классический и никогда ещё не подводящий меня вариант, — я ударил на звук.

Громкий болезненный крик восславил мой удар этой рукотворной ночью. Правда, насладиться позолоченным венцом заслуженной славы мне, увы, не дали. Тень, которая была черней самого мрака, еле заметной молнией устремилась в мою сторону. Итогом её полёта стал ещё один крик и ещё один венец, столь же позолоченный. Не слишком удовлетворённый финалом нашей скоротечной схватки я настороженно остановился, готовясь сражаться с нескончаемым потоком собратьев моих спарринг-партнёров. Как ни радостно-печально, но мой гордый вызов остался без ответа. Лишь ироничная, жестоко искалеченная шрамами от света угрюмых факелов улыбка темноты снисходительно поцеловала мой тревожный взгляд.

Но взгляд мой так и остался тревожным, не ответив на её лживый поцелуй. До меня донёсся их крик, но стопа смерти я в нём не услышал, а, значит, всё могло только начинаться, и чарующий финал вполне мог превратиться в роковую прелюдию. С сознанием этого я и продолжил свой нелёгкий путь вниз. Оступаясь через шаг и проклиная идиотов-строителей через его половину, я не слишком быстро и не слишком охотно погружался в глубины замка отверженных.

Тонкое печальное лицо без надежд и улыбки неожиданно оказалось в нескольких шагах от меня. Я ударил машинально, почти не думая и абсолютно не сомневаясь. Лицо исчезло в темноте, и на этот раз мой потенциальный противник не издал ни звука. И всё бы хорошо, но в тот же момент сильнейший толчок в спину бросил меня через хрупкие перила раскачивающегося мостика.

Я уже почти затормозил свой нежданный полёт, когда меня алчно догнал повторный, на этот раз ещё более сокрушительный уже не толчок, но удар. Я наугад ответил и на этот раз безнадежно промахнулся. Рука случайным чудом зацепилась за очередные не вызывающие доверия перила. И перила, и рука закрипели, но в итоге остались при своих, что меня вполне устраивало. Я рывком взлетел на застонавшую после моего приземления широкую ступеньку. Этот наигранный стон разлетелся по всему огромному колодцу, отражаясь пугающим эхом от его не видевших света стен. Он стал словно сигналом для начала вопрошающей фантазмагии сонма истеричных, визгливых голосов.

— Чужой! Чужой! Чужой! — голоса вторили друг другу, забывая о пользе разнообразия. — Он нашёл! Он нашёл нас! Мы прятались! Мы долго прятались, но он нашёл нас! — я откровенно начинал чувствовать себя лишним в этой незримоголосной компании.

— Он видит нас! Видит нас! Во тьме! Во тьме! Видит нас во тьме! — уже порядком поднадоевший хор не ослаблял своего психологического давления. На этот раз бить на звук было, к сожалению, бесполезно, так как звук этот шёл буквально отовсюду, казалось даже у

меня изнутри.

Постепенно слова начали сливаться в один, восходящий к моему необрадованному разуму тоскливый гул, почти физически мешающий и думать, и идти. Вероятно, в этом далеко запрятанном от случайных глаз месте собрались те из отверженных, у кого остались на душе не ярость и месть к жестокому для них миру, но лишь жалкая боязливая ненависть за старые обиды и отчаянный страх перед новыми. Те, кто возможно боялся даже своих братьев по Ордену, прячась в спасительной для них темноте от всего алчного мира и не находя в этом даже доли утешения для своих обид. И даже сейчас, когда перед ними был их общий враг, они не решались атаковать его всеми своими силами, довольствовавшись наименее рискованной (и так и не удавшейся) попыткой избавиться от меня свои презренные огнём владения.

Голоса не смолкали, но я уже потерял к ним интерес, противник оказался слишком слаб для моего внимания к нему. Постепенно освоившись в изысках местной архитектуры, я всё более и более уверенно продвигался к, как хотелось бы думать, выходу во что-либо более светлое и тихое, нежели здешний пейзаж.

И мои старания не остались без желанной награды. После очередного недостойного Хозяина Пути прыжка, я очутился на удивительно сравнительно-ровном лестничном пролёте, который спокойно и размеренно провёл меня к узкому лазу, практически норе, окаймлённой тяжёлыми камнями. Издав горестный стон, я, пересилив неудачно проснувшуюся гордость и встав на колени, пролез в этот воровской проём. Лезть мне пришлось не менее пяти минут, за которые я успел проклянуть каждый сантиметр моего долгого пути. По дороге в лицо лезла непонятно откуда взявшаяся здесь трава, к тому же было довольно сыро. Но, слава огню, и эта нижняя тропа подошла к концу.

Глава 5. «Мне холодно, дьявол...». Часть 3

Я влюбленно вывалился в абсолютно непонятно как оказавшееся здесь место. Это был сад. Его тускло, но решительно освещали неузнанные мной наросты на стенах и далёком потолке-своде этой, по меньшей мере, огромной пещеры. Не спеша поднявшись, и, по краю сил, отряхнув с себя грязь и ненужную сейчас злость, я окинул взглядом моё новое и, как мечталось, очень временное пристанище.

Нет, это точно был сад, причём сразу было видно, что о нём нежно и трепетно заботились. Но сложно сказать, шло ли ему это на пользу. Всё то, чем был славен Орден Отверженных, предстало перед моими глазами уже не через лица и обработанный камень, но через лик самой природы. Низкие кривые деревья будто хотели забиться поглубже в землю, опустив в неё свои жидкие кроны. Лежащие у их подножий раскидистые кусты с невыносимо яркими цветами, с поникшими бутонами, казалось стремились попасть на романтический вечер двух безумных сердец. Даже трава не уносилась вверх, а извивалась и ластилась к земле, боясь или ленясь оторваться от неё.

Насладившись открывшейся мне картиной, я, как водится, крайне осторожно двинулся вглубь местной флоры по неширокой, но зато не сильно заросшей тропинке. Запертая в замке безумия растительность встретила меня той же настороженностью, как и я её. Здесь было мало естественных цветов, которыми заставляет восторгаться нас природа. Обыкновенно-спокойного зелёного я не встретил вообще, вместо него свою нишу заняли кричаще-салатовый и дрожаще-изумрудный, который почему-то казался темнее чёрного. Да и как раз чёрного здесь хватало с избытком. Чёрно-фиолетового, чёрно-багрового, чёрно-серого и их не менее сумасшедших собратьев. С многих деревьев обречённо свешивались большие, разноцветные, налитые безумием плоды. Их круглые бока, словно расплывшиеся глаза, изумлённо смотрели на меня. Один из них неожиданно упал мне прямо под ноги, и я наступил на него. С гнилым треском он рассыпался под моим сапогом на сотни осколков, которые замерцали увядающим блеском. И на весь этот растительный пандемониум падал бледно-лиловый свет многочисленных естественных фонариков этой пещеры.

Неожиданно, в относительной тишине прозвучал резкий неприятный крик, который явно принадлежал птице. Как ни неприятно мне было пробираться через местную флору, но с местной фауной мне хотелось встречаться ещё меньше. Однако, большинство наших желаний оказываются, как правило, слабо востребованными. Тропинка вывела меня на небольшую полянку, в центре которой стояло довольно высокое и очень ветвистое дерево. На одной из её крепких, петлеобразных ветвей и сидела та самая потревожившая меня птица. Она была как будто младшим братом дерева — такая же крупная, тёмная и притягивающе уродливая. Её длинный, узкий клюв как раз раскрывался в преддверии нового крика, а широкие ободранные крылья с лёгким шумом хлопали по голодным бокам. Дикий крик снова резанул меня по ушам, а в глаза устремился острый хищный взгляд её единственного глаза. На месте второго глаза зияла дыра, казавшаяся похожей на локальную бездну.

Я ударил. Не знаю, почему и за что я хотел убить это по-своему несчастное создание. Не знаю, что я увидел в её мало разумном взоре. Но в тот момент в голове строгим звонарем ударила мысль, что из нашей встречи может быть только один выход — смерть. Либо её, либо моя. И выбор был очевиден. Птица упала, подобно недавнему плоду, насмерть

разбившись о родную землю, но невероятным образом успев закричать ещё один последний раз. И на этот раз в её грубом крике сердце пронзила нота жалобной тоски, не желающей ни мести, ни скорби, и молящей лишь о ещё одном мгновении своей кривой жизни. О мгновении, которого не будет. Почти минуту я стоял и смотрел на итог, совершённой мною казни, неожиданно испытав непривычные муки совести.

А потом меня сбили с ног, впечатав лицом в труп птицы. Удар оказался неожиданным, бесшумным и не слишком сильным. Не вставая, я ударил в ответ. Ударил во все стороны, стараясь зацепить как можно больше видимых и невидимых мной Путей. Результат несколько шокировал даже меня. Со всех сторон вырванные с корнем деревья уносились в изумлённую даль. Скрип, треск, панические вопли оглушительно наполнили ещё совсем недавно умиротворённую пещеру. Маленькая полянка превратилась в средних размеров поле, и лишь один её обитатель остался стоять на своём месте. И, похоже, этот был тот самый, кто уложил меня насладиться ароматом свежего трупа.

Знакомое дерево бешеным маятником раскачивало свои, ставшие вдруг невероятно длинными ветви. Раскачивало бездумно и, вряд ли, специально целясь в меня. Но неведомым своим разумом оно понимало, что в его владениях оказался враг. И теперь всеми своими древесными силами оно старалось уничтожить этого врага. Нельзя сказать, что мой удар остался совсем без внимания. Белые, никогда не видевшие света корни были выброшены на жестокую поверхность. Но их толщина подсказывала мне, что длина этих корней хорошо, если чуть меньше нескольких километров. С трудом, увернувшись от летящей мне в голову ветви, я ударил ещё раз теперь уже в конкретного оппонента. Дерево отлетело на несколько десятков шагов, оставляя за собой фату из нескончаемых корней. Растительный гигант тяжело завалился на бок, не прекращая при этом своих попыток дотянуться до потревожающего его покой противника.

Я был готов нанести третий и вероятно финальный удар, но вдруг мои ноги оказались намертво схвачены какими-то тонкими извивающимися отростками. И они не пытались меня куда-то тащить. Они просто неумолимо давили, разрывая плоть и в перспективе ломая кости. Мне же весьма хотелось избежать этой сомнительной перспективы.

К сожалению, Путь их оказался слишком далеко от их тел, оставшись для меня не увиденным и непознанным, как будто они являлись частью чего-то другого. Частью, отделённой физически, но имеющей один разум и одну волю. Частью, которой не дали Пути, словно оторвав и бросив в первый и последний для них бой.

Мечи сами рванулись в руки, перерубая стянувшие меня цепи ещё раньше, чем я почувствовал холод рукоятей в своих ладонях. Та же участь постигла и ещё десяток аналогичных посланцев моего невидимого врага. А потом я всё же нашёл время и желание ударить по никак не успокаивающемуся дереву. И вновь мне не удалось до конца оборвать его не в меру длинный Путь, однако, теперь оно, слава огню, отлетело на малоопасное для меня расстояние.

По здравым размышлениям, здесь я все свои дела уже закончил, в связи с чем настала долгожданная пора двигаться дальше. Я почти бегом устремился в выбранную мной ранее сторону. И вот, когда мне оставалось не больше минуты до уже проглядывающей впереди тропинки, которая должна была погрузить меня в безумное очарование природы, из-за ближайшего к ней невзрачного дерева вышел дьявол.

Как ни странно, но его я узнал сразу. Вернее не его самого, но его Путь. Путь, хмурый отблеск которого я видел у так недолго держащих меня отростков. Видимо,

неудовлетворенный работой своих эмиссаров, местный садовник решил поприветствовать меня лично.

Мне, в общем то, было мало интересно, что он мог и мог ли мне сказать. Исходя из этих соображений, я предпочёл в тот же миг перейти к делу. Дело же, увы, сразу не заладилось. Выверенный до микронов удар, никак не затронул позиции моего оппонента. Вместо этого рядом с ним улетело вверх то самое дерево, из-за которого он так некстати для меня вышел. Я сразу же окрестил это новое для меня явление, как подмена Пути. И судя по количеству вероятных участников без сомнений незаконченных подмен, мне будет крайне не просто.

Между тем, за те малые секунды, которые являлись обязательной свитой моего первого и, как жаль, неудачного выпада, я приблизился к своему оппоненту на достаточное расстояние, для того чтобы иметь сомнительную честь лицезреть внешний облик безумного любителя природы.

Честь оказалась, действительно, довольно сомнительная. Садовник был очень похож на своих питомцев. Невысокий, но шире меня раза в два. С длинными жилистыми руками и, похоже, никогда нестриженными волосами абсолютно дикого бледно-зелёно-ржавого цвета. Из-за этих волос я даже не мог разглядеть его лица. Лишь два кроваво-сиреневых глаза без зрачков прожигали дыры и вырывались наружу дикими факелами. Его руки уже были подняты в пока ещё неясном для меня призыве. И чтобы выяснить суть этого призыва со всей ответственностью, я снова вырвал из ножен свои клинки. И, как, оказалось через секунду, не зря.

Словно проснувшиеся стражи, все деревья потянули ко мне свои алчные ветви, крики неведомых мне животных наполнили сгустившийся воздух. Из земли потянулись уже знакомые мне живые канаты, только на этот раз они были длиннее и толще, и их чешуйчатую поверхность украшали смертоносные шипы. Я ударил карающей волной. Но на этот раз триумфа уже не случилось. Воля пришедшего на битву хозяина крепко держала его слуг. Лишь малая часть деревьев отправилась в свой последний полёт, остальные же продолжили ловить моё дыхание, для того чтобы сжать его в своих грубых объятиях и уже не опускать даже за величайшие сокровища мира.

Как бы я ни ненавидел смерть, поселившуюся в моих мечтах, но, увы, я всё чаще становился ей благодарен. Вряд ли я сам, несмотря на всё моё умение, смог бы отражать эти десятки одновременных ударов со всех сторон. Но с тем, что не мог я, с седым блеском справлялась скорбная сестра жизни. Ни разу ещё острый шип не оцарапал моё тело, ни разу я не упал оглушённый бешено летящей ветвью, ни разу не утратил контроль над нависшим надо мной диким ураганом безумной природы.

Но долго ли смерть будет способна спасти мою жизнь? Этот достаточно актуальный вопрос чуть выдернул часть моего разума из суетливой паутины боя. Сражаться с безмолвными слугами я могу полувечно, так что мне явно был нужен главный хранитель этого беспокойного сада.

Но найти его оказалось задачей нелёгкой. Садовник в первые же секунды скрылся в бушующем море сражения. У моих глаз не было никакого шанса увидеть его угрюмый силуэт. Надежда оставалась только на удачу в поисках его проклятого пламенем Пути. А Пути его воинов мелькали и мелькали в моём сознании. Слабые, тонкие, но всегда знающие, что им есть о ком опереться в роковой момент. И я бросал на его незримые плечи всё новую и новую тяжесть, надеясь, что в какой-то момент он просто не выдержит этого груза. И этот момент настал.

Внезапно почти все деревья, по которым я бил, поддались моим ударам. И на обнажившейся арене я увидел своего истинного врага. Он с трудом стоял, тяжело опираясь на сучковатый посох. Глаза его смотрели в землю, а руки заметно дрожали. Меня это устраивало, я ударил. На этот раз отверженный чуть покачнулся, что можно было расценивать как небольшую победу. Помимо этого последние оставшиеся между нами древесные стражи перестали мешать перекрёстку наших взглядов.

Бил я на бегу, и уже через несколько секунд мои давно пьяные от битвы мечи устремились к его плоти. Но вероятно сумасшедший любитель природы устал несколько меньше, чем могло показаться. Легко уйдя в плавном прыжке от моего выпада, он выбросил вперёд свой казавшийся таким безобидным посох. Посох резко удлинился, разветвляясь на четыре вполне самостоятельных части, каждая из которых с энтузиазмом устремилось к моему лицу и сердцу. Мечи сверкнули, и осколки резвого посоха обиженно упали на землю. Ничуть не смутившись этим прискорбным фактом, отверженный снова нацелил в меня своё несколько укоротившееся оружие. Раскрутив посох бешеной мельницей, из которой то и дело вылетали острые сучья в грешном желании моей смерти, мой безумный враг перешёл к крайне суровым боевым действиям. Я как будто вновь начал отбиваться от всех здешних деревьев. И вновь это времяпрепровождение оставило у меня крайне мало положительных эмоций.

Однако теперь у волосатого садовника оставалось гораздо меньше возможностей для того, чтобы отбиваться от моих нескончаемых атак по его Пути, чем я, как следствие, не постеснялся воспользоваться. Сражение на два фронта оказалось для моего врага довольно-таки непростым. Всё реже мне приходилось отбивать его стремительные контратаки, всё чаще лишь доля мгновения спасала его от уставшей ждать смерти. И, наконец, эта доля иссякла. Спасибо пламени, мне удалось сказочно-прицельно попасть по его уже утомившему Пути. Он грузно упал, едва не выпустив свой посох, сразу утративший свою первозданную ярость. Встать ему я уже не дал, прошив грудь отверженного, хохочущей в предвкушении победы сталью. Кроваво-сиреневые глаза его ещё секунду отчаянно боролись за жизнь, но потом закрылись и они, уходя последней дорогой.

Сразу стало очень тихо. Лишь моё тяжелое дыхание оскорбляло своей бестактностью скорбное молчание разбитого в этом очередном глупом бою сада. Не меньше часа мне пришлось пробираться через на глазах загнивающие деревья и опадающие бутоны цветов. Через увядающую траву и плачущую землю. Через сомнения и оправдания.

А потом сад ожидаемо закончился, и ещё спустя несколько минут мне удалось отыскать в стене еле заметный под сваленными стволами деревьев узкий проход, выводящий из королевства сумасшедшего садовника. Обдирая руки и мысли, я с некоторым трудом пробился через неприветливо встречающий меня камень. Когда я, наконец, вырылся из его докучающих объятий, то оказался в небольшом пустом и непривычно светлом зале, в центре которого стояла широкая спиральная лестница. По всему выходило, что после долгой дороги вниз, мне предстоит не менее долгие шаги вверх. Я подошёл к подножию лестницы и услышал ритмичные звуки странной чарующей музыки.

Темп моих шагов в эти минуты определяли не силы и желания, но безумно-прекрасная и сумасшедше-пьянящая мелодия. Казалось, если она лишь прикажет, я могу и взлететь и упасть. Я не понимал, откуда она идёт и кто её гениальный творец. Какие инструменты способны породить подобное великолепие, и почему безымянные музыканты ещё не умерли

от счастья обладания ею.

Я то еле плёлся, а то бежал, повинуюсь её смеющемуся жесту. Я словно отдал ей свой разум и душу. Музыка врывается в меня, переворачивая мои чувства, мои эмоции, мои мечты. Перед глазами вставали пленительные, сюрреальные образы. Плачущие и танцующие, дикие и влюблённые, гневные и покорные. И в эти минуты они были моими лучшими друзьями, заклятыми врагами, вечными попутчиками. Я прощал и ненавидел, забывал и вспоминал заново, вспоминал то, чего никогда не знал, то, чего никогда не было.

Она ласкала и гремела со всех сторон. Я перестал понимать, где верх и низ, право и лево, перестал думать и бояться, сомневаться и тревожиться. Она становилась частью меня, а я частью её, её аккордом, нотой, паузой. Я становился счастлив, счастлив, так как никогда не был и уже не буду, счастлив искренне и безвозмездно. Ведь она ничего не требовала взамен, не требовала платы и восхваления. Она лишь дарила — дарила с детской наивностью и древней мудростью. Дарила, чтобы никогда не повториться, чтобы всегда каждый звук был только рождённым, безвинным, радостно кричащим и уже светло-пьяным. И как я мог отказаться от этого подарка.

Я сам не заметил, как оказался на вершине лестницы. Я не поверил, когда в последнем, печальном смешке смолкла финальная нота совершенства. Я не хотел в это верить. Я побежал обратно, захлёбываясь от горя, но встретила меня лишь равнодушно оскалившаяся тишина. Я возвратился и плакал. Я лежал и рыдал от невосполнимой потери. От ощущения пустоты, которую уже не заполнить, даже если каждую секунду бросать туда горсть наслаждений.

Когда я пришёл в себя, первое испытанное чувство оказалось весьма банальным, — это была боль. Боль не физическая, но душевная, боль, которую сотрёт лишь время, а время редко торопится. Потом стало смешно. То, что не мог сотворить ни один нормальный дьявол, хохоча над нами, сотворил безумец, отверженный, изгой. И теперь его великое творение стало достойной мезью за былые обиды. Теперь отверженным считал себя уже я, отверженным самым прекрасным из того, что я слышал и чувствовал в жизни. Отверженным навсегда.

Немного покачиваясь, я медленно шёл по наклонённому вниз коридору. В ушах до сих пор звенела, вряд ли хоть когда-нибудь позабытая мелодия. Но если и не забыть, то убрать её подальше было сейчас жизненно необходимо. Лишь огонь знает, куда меня приведёт новая дорога, и кто будет стоять на ней. А ведь я ещё так и не нашёл даже следов Эллати. И вера в то, что найду, с каждым шагом отбегала от меня всё дальше, издевательски при этом смеясь.

Впереди показался выход, причём показался он довольно знакомым. И как выяснилось через минуту вполне обоснованно. Посередине небольшой комнаты саркастически валялся мёртвый привратник. После осознания этого зрелища, я начал горячо и несколько занудно ругаться. Так непросто давшийся путь привёл меня в свое же начало, предлагая снова выбирать себе дорогу. Впрочем, на этот раз выбор мой был невелик. Самый простой путь, как всегда оказался самым верным, и я, не давая себе и двадцати секунд передышки, устремился к центральному коридору.

Глава 5. «Мне холодно, дьявол...». Часть 4

Этот коридор с виду был гораздо более ухожен, чем предыдущие посещённые места этого замка. Даже факелов здесь оказалось почти столько, сколько надо для комфортного передвижения. Под ноги не лезли камни, и не было слышно так часто здесь встречающихся противоестественных звуков. Мне даже стало несколько жаль, что этот островок относительного спокойствия оказался таким коротким.

Не прошло и пяти минут с начала моего движения, как я вышел в очередное безумное помещение. Из предметов интерьера в нём присутствовали большой стремящийся к кубической форме камень, а также дьявол, стоящий на нём и самозабвенно жонглирующий не менее чем десятком, вне всякого сомнения, острых кинжалов. Неожиданно для себя, отверженный потерял равновесие и упал столь неудачно, что его коварные игрушки решили отправить своего хозяина играть в другое (лучшее ли) место. Так получилось.

Я осторожно подошёл к окропленному свежей кровью камню. Вся его поверхность была изрезана перекликающимися фигурами и словами. Вероятно, этим нехитрым способом отверженные пытались запечатлеть историю Ордена. Фигуры были грубы и гротескны, а слова несвязанны и малоинформативны. Видимо данная летопись предназначалась исключительно для своих (что впрочем как раз неудивительно) и постороннему (то есть нормальному) дьяволу представлялась хаотичными рисунками младенца. Правда, слова были там отнюдь не детские — смерть, месть, плач и так далее. Похоже, история Ордена Отверженных имела мало радостных страниц.

Бросив надежды повысить свой уровень знания отверженной истории, я направился к недалёковидно приоткрытым и приятно недалёким дверям. Не слишком нахально подтолкнув одну из створок, я вполглаза заглянул в продолжение своих основательно доставших приключений. А приключения явно не желали подходить к долгожданному концу. За дверью стоял явно запланированный пламенем на встречу со мной дьявол. Он спокойно и чуть надменно смотрел мне под ноги, будто не достаивая меня чести прямого взгляда. Я решил не требовать от него соблюдения формальностей, я ударил и так.

Брызги разбитого стекла были слабым утешением очередной неудаче моей профессии. Не поддавшись мимолётной тоске, я резко вошёл в комнату и увидел себя. Себя, моего врага и его Путь, Путь не явный, но отражённый. Я словно вошёл в огромное зеркало.

— Снова война, — прохладный голос отверженного отразился от сотен зеркал и зазвенел надо мной. — Ты любишь воевать, пришелец?

— Приходится, — я снова ударил, больше рассчитывая на удачу, но вновь получил лишь ещё одно разбитое зеркало.

— А если не хочу воевать я? — вопрос оказался почти своевременным.

— Тогда уйди с моей дороги, — я никак не мог найти источник этого почему-то крайне раздражавшего меня голоса.

— Разве я стою на ней, дьявол? — отверженный и, правда, казался удивлённым, — разве не ты взошёл на мою?

— Значит сейчас у нас одна дорога, — не любил я разговаривать во время боя, хотя боя у нас пока так и не получалось, и я уж не знал жалеть мне об этом или радоваться.

— Но у дороги может быть ведь только один хозяин, — отражение дьявола приняло задумчивый вид, — а остальные на ней лишь гости.

— Вот сейчас и выясним, кто здесь хозяин, а кто гость, — я ударил снова, скорее для самоуспокоения, надо ли говорить, что результат оказался предсказуем.

— Но тебе ведь не нужна моя дорога, — отверженный оказался удивительно рассудительной для безумца личностью, — тебе нужен мой ангел.

Мне очень понравилось слово — «ангел», а вот слово — «мой» привело к невеселой мысли, что просто так мне Элати не вызволить. И ещё, слова эти говорили о самом главном, о том, что леди была ещё жива, а значит, всё ещё имело смысл.

— Мне нужен ангел, — я решил попробовать действовать более дипломатично, — но, только не твой, а мой, — ну или почти дипломатично.

— Странно всё это, — разговорчивый отверженный не обратил внимания на моё уточнение, — а, впрочем, пошли, поговорим, если только ты пройдёшь моей дорогой, — и с лёгким смехом он исчез из окруживших меня зеркал.

Я скрипнул зубами. Ах, как же давно у меня не было простых, скучных дорог. Глубоко вздохнув, я, не слишком торопясь, пошёл к ближайшей отражающей моё усталое лицо стене. Не особо стесняясь, я с силой ударил по ней рукояткой меча. Зеркало послушно разлетелось на мелкие кусочки, но за ним стояла его полная аналогия. Не сдаваясь, я разбил не меньше десятка зеркал, но всё что я после этого увидел, было моей полной гнева фигурой.

Попутно с этим увлекательным занятием, я не без интереса вспоминал своего нового знакомого. В отличие от виденных мной до этого членов Ордена этот отверженный был практически лишён отличительных физических знаков безумия. Только классический внереальный взгляд украшал его лицо, но это было здесь нечто вроде пропуска. Да ещё голос, голос был слишком спокойный для нормального дьявола. В нём не было слышно дыхания хоть каких-нибудь эмоций. Разве что лёгкий интерес и ленивое удивление. В голове мелькнула мысль, что, судя по его осведомлённости, я наткнулся на кого-то из высших иерархов Ордена, возможно, даже на самого Магистра.

Но чтобы убедиться в этом, его надо было сначала повторно разыскать, а вот с этим как раз были связаны некоторые проблемы. Ни дверей, ни проход в этих зеркальных стенах я найти не мог, а их уничтожение добавляло лишь острых осколков под ногами. Я воспарял к потолку и обречённо смотрел себе под ноги в надежде найти на них, таких же зеркальных, как и стены, терзающую мечту — выход из этой блистающей клетки. Но всё было тщетно. Я остановился и несколько раз проклял все зеркала мира. Уже было ясно, что, долбясь в стены, я выхода не найду. Надо было искать абсолютно другой подход. А подход здесь мог быть только один — безумный, а значит крайне оригинальный.

Учитывая полную узурпацию этого места смеющимися надо мной зеркалами, мне показалось более-менее логично попробовать использовать их с какой-либо созидательной целью. Вполне вероятно, что одно из них и было той дверью, которую я так влюбленно искал. Свыкнувшись с этой бредовой мыслью, я вознадеенно подошёл к своему случайному отражению.

Я посмотрел на себя отраженного. На своё лицо, свои мысли и свой Путь. Я смотрел на себя, тянулся к себе, просил о помощи и поддержке. Я закрыл глаза и соединил наши Пути, соединил в один, у которого было два начала и не было конца. Я сливался со своим верным визави. Сливался тяжело и болезненно. Жестокому стеклу было наплевать на мои переживания, оно радостно резало моё лицо, руки и душу. И мне не оставалось ничего, кроме как терпеть эту равнодушную, карающую боль. Терпеть и идти всё дальше и дальше, с яростью сдерживая рвущийся из изрезанной груди крик.

Я всё-таки закричал, закричал уже, когда вывалился с другой стороны. Закричал перед лицом своего врага, который всё также спокойно сидел на простом стуле, глядя в сторону от меня. Рядом с ним стояло большое занавешенное зеркало и стойка, на которой лежало изящное копьё с узким конусообразным лезвием.

— Ты долго шёл, — он перевёл взгляд в другую сторону, — а впрочем, я привык ждать. Сначала я ждал, когда меня поймут, потом, когда оставят в покое, когда я смогу не оборачиваться, боясь получить сталь в спину. Потом ждал, когда искал место, где меня никто не оскорбит и не тронет. А когда нашёл, стал ждать, когда кто-либо нарушит мой покой, и когда я смогу говорить с любимым, как с равным. Но, вот ты пришёл, и теперь я жду, когда же ты покинешь земли отверженных, ибо я вижу в твоих глазах то, что ждёт каждый из нас — смерть. Но ведь ты, как и я, не собираешься её дожидаться. Но соберёмся ли?

— Где ангел? — я не хотел разговаривать с этим дьяволом. Он слишком хорошо владел своим безумным разумом, а это могло уже слишком плохо закончиться.

— Ангел? — он криво улыбнулся, — так он недалеко. Смотри.

С этими словами отверженный подошёл к зеркалу и сдёрнул покрывавшую его ткань. На секунду мой взор оказался полностью парализован открывшейся мне картиной. Сперва я, наконец, понял, почему этот дьявол стал братом Ордена. За спиной у этого отверженного были крылья. Маленькие, кривые, изрезанные шрамами и покрытые серой кожей они вызывающе глядели на меня из прорезей в его одежде. Дьявол словно специально шевельнул ими в жалком взмахе, показывая, что это именно крылья, а не непонятные наросты на спине.

Но после того как он сдёрнул покрывало, мне стало уже не до жестоких шуток Великого Огня. В гладкой поверхности зеркала лежала Элати. Веки её дрожали, не в силах приоткрыть замутнённые глаза. На скуле расплывался безжалостный кровоподтек, а её восхваленные небом крылья из белоснежных превратились в алые от неумолимо залившей их крови, крупными каплями устремляющейся на грязный пол.

— Ведь кто-то ошибся, верно, пришелец, — крылатый дьявол резко развернулся ко мне. — Ведь кто-то оказался неправ, — он снова сел на стул. — Может быть я, но я ли? Может быть ты, но разве ты расскажешь? А может быть она, но разве ей кто-то даст сказать? А, может быть, мы все ошиблись, и прав кто-то другой, но разве он достоин нас ответа. Ведь зачем искать правду, когда можно найти ложь, и всё остальное сразу же станет если и не истиной, то вполне возможным допущением. И все те, кто не успел сказать, будут кричать, что они были правы, а тот, кто ошибся, должен будет уйти. Ведь у нас никогда его не было — права на ошибку? Права попробовать жить не так, как кричат те, кто не успел или не хотел сказать. Права быть другим. Ведь так?

— Так, — я тоже присел за неимением второго стула на корточки, — но я не высший арбитр, чтобы добиваться для всех и каждого ещё одного нужного ли права. В конце концов, прав никогда не будет слишком много. И никто из нас не займёт это место под сенью мудрого пламени. Никто и никогда. К сожалению, у нас слишком много обязанностей для того, чтобы было время искать такие желанные права. Слишком много и слишком часто. А конкретно у меня их ещё больше, и одна из них сейчас у тебя. Отдай ангела.

Мы долго молчали. Дьявол неподвижно сидел, глядя куда-то мимо меня, а я изо всех сил пытался ему подражать, но, увы, минут через десять у меня окончательно затекли ноги, в связи с чем пришлось встать и по случаю нарушить нашу благословенную тишину.

— Мне нужен ангел, — я пошёл прямо на красноречивого и обиженного жизнью отверженного, — отдай её и я уйду.

Он легко поднялся мне навстречу, копьё как влитое вошло в его руку, взгляд наполнился печалью, а фигура напряжением. Мои мечи вылетели из ножен, расплёскивая тяжёлый воздух, его Путь был уже под моим рвущимся в схватку прицелом, хотя полной уверенности в этом аспекте битвы у меня, как ни жаль, не было. Мы замерли в нескольких шагах друг от друга, готовые сорваться в стремительном выпаде, но ожидая последнее и опять последнее мгновение.

— Не хочу, — внезапно уже почти сорвавшийся в бой отверженный резко бросил копьё на стойку и повернулся ко мне своей крылатой спиной. Издевательски не торопясь, он вновь сел на свой невыразительный стул. — Надоело любой выход искать через смерть, надоело убивать и быть вечным врагом, надоело, — он устало уронил голову в ладони.

— Тогда отдай ангела! — мне уже бесконечно надоела философская нерешительность моего собеседника.

— Жалко, — он как-то смущённо пожал плечами, — за эти часы мне стала слишком дорога её кровь.

— Какого огня, дьявол!?! — длинное мгновение всё больше становилось последним.

— Дьявол!?! — отверженный снова вскочил, но рука его при этом не дёрнулась к копьё. — Дьявол!?! — он как-то слишком эмоционально для созданного образа взмахнул руками. — Разве у дьяволов растут крылья!?! Разве у ангелов растут рога?! Разве я найду когда-нибудь свой дом, где меня назовут братом не по убеждениям, но по крови!?

— Не найдёшь! — не хватало мне только душещипательных бесед, — никогда не найдёшь! Но если ты ещё не окончательно прогнал в своём проклятом пламенем изгнании, то дай найти этот дом другим, тем которые идут к нему через тьму, боль и слёзы. И пусть их краткое счастье рассыпью отразиться в твоих огнём забытых зеркалах!

Отверженный обречённо зарычал, на секунду закрыв свои страдающие глаза. Копьё снова оказалось в его крепкой руке. Слава огню, я не успел ударить. Копьё врезалось в зазвеневшую поверхность зеркала, войдя в него наполовину, и ринулось обратно. Бесчувственным мешком из зеркала вылетела Элати. Я бросился к ней, поднял окровавленную голову и легко ударил по щеке. Глаза ангела немного приоткрылись.

— Мастер... — скупые слёзы благодарности заблестели у неё на лице.

Я же вновь перевёл взгляд на нашего безумного доброжелателя. В этот момент он повторно вонзал своё копьё в многострадальное зеркало. На этот раз копьё уверенно устремилось вглубь зеркального мира. Дьявол, послушным попутчиком, бросился следом за ним. Через секунду он уже быстрой, нервной походкой удалялся в неизвестном мне направлении. Я уже хотел отвести взгляд, но тут он повернулся и посмотрел на наш трагический дуэт. В его взоре метались и сожаление, и оправдание этого сожаления, и благодарность за свою новую ошибку. А потом он резко отвернулся и навсегда пропал из этой жизни.

— Вставай, крылатая, — я как можно более заботливо встряхнул ангела, — нам пора, ты устала.

Путь назад был нелёгок, но предрешён. Элати еле плелась, не отпуская моё спасительное для неё плечо. И вновь меня резали зеркала и пытались испугать тени. Но теперь было уже всё равно. Никто более не преградил нашего пути в сторону от дорог безумия. И как не тяжело сейчас было леди идти по этой немилосердной земле, она не остановилась и не позволила остановиться мне, пока Орден Отверженных не остался лишь в глубокой памяти. Остался грязным, нестираемым пятном.

Огонь бережно укрывал своим милосердным теплом исстрадавшееся тело ангела. Элати лежала, полуприкрыв глаза и иногда чуть вздрагивая от ран и совсем свежих воспоминаний. Воспоминаний, которые были гораздо мучительней боли.

Я не расспрашивал жрицу о том, что ей пришлось испытать в замке безумия, сейчас это принесло бы только новую боль и совсем ненужные слёзы. Когда придёт время, она сама расскажет, если захочет. И почему-то я был уверен, что гордая леди вряд ли когда-либо снизойдёт до оскорбляющих её память откровений.

А ночь, не теряя времени на наши тревоги, тихо и ласково накрывала мир своим благостно ослепляющим одеялом. Тактичный ветер почти не оборачивался в нашу сторону, а старое, раскидистое дерево, под широкими ветвями которого мы остановились, молчаливо сторожило такой необходимый сейчас покой.

— А ведь когда-то я думала, что само небо благословило меня на любовь и гармонию, — тихий голос Элати неожиданно выдернул меня из невесёлых раздумий. — Наивность юности, подумает сейчас каждый, кто услышит. А я скажу не наивность, но счастье. То единственное счастье, которое у меня когда-либо было. А я ведь совсем не берегла его, не понимая и не тревожась. А вот теперь его уже не достать, даже если взлететь выше самих небес. Даже если отдать всё, что имеешь, а потом украсть и отдать заново, а потом снова украсть...

— Как крылья, леди? — я не стал поддерживать этот больной разговор, беспокоясь в основном о вещах более приземлённых.

— Алые, — в который раз за этот долгий день пара прозрачно-кричащих капель упали из золотых глаз ангела.

— Ну, уже даже не розовые, — после нескольких процедур к крыльям Элати и, правда, почти вернулся их естественный цвет. Но слова мои были пусты, я знал, что леди говорит о другом.

— Отныне они навсегда останутся алыми, мастер, — жрица, рывком села, широко распахнув глаза, наверное, для того чтобы снова не заплакать, — и никогда более мне не увидеть их другими.

— Попробуй рискнуть, крылатая, — я как можно более понимающе взглянул на неё, — иногда стоит рискнуть, чтобы увидеть новый рассвет.

Элати грустно усмехнулась. — Надоело, мастер, мне бы отвлечься, — леди вновь упала на землю, разбросав серебряные волосы по траве. Я только сейчас заметил, что отдельные локоны были не серебряные, а седые.

— Так, расскажи что-нибудь, крылатая, — я и сам был бы рад отвлечься от невесёлых раздумий, — что-нибудь из наивно-счастливой юности, что-нибудь красивое и бессмысленное.

Признаться, я думал, что она откажется, но бледные губы ангела послушно приоткрылись.

Лики ветров в волшебстве возрождений,
Смех облаков, блеск невинных грехов.
Зарево снов, гром влюблённых стремлений,
Шелест шагов, шёпот светлых стихов.

— Это рассказывала мне мать, — впервые за много дней улыбка Элати перестала быть печальной, — она очень любила такие стихи — красивые и бессмысленные. Она говорила, что они не врут, просто не умеют. К сожалению, я запомнила лишь этот.

— Что ж, давай так и закончим этот проклятый день, крылатая, — я устало облокотился об дерево, — красиво и бессмысленно. Мы оба слишком устали для чего-то иного. А завтра всё только продолжится и, не дай пламя, наполнится пугающим смыслом. Спи леди, и пускай ты не увидишь снов.

5

Коцит становился всё ближе. Об этом мне говорили и знакомые тропы, и прохладный свежий воздух, и просто тренированные чувства старого Мастера Дорог. И с каждым новым шагом, приближающим к выстраданной нами цели, всё сильнее менялось поведение ангела. Нет, она не боялась и не нервничала, наоборот, все её поступки начало пронизывать какое-то нереальное вдохновение. Элати стала гораздо более задумчива, но лицо её при этом не окрашивалось ни скорбью, ни сомнениями. Её шаг приобрёл ещё большую лёгкость, а окрепшие крылья стали блистать какой-то неестественной белизной.

— Спокойней, крылатая, — приходилось мне одергивать её, когда шаг леди становился неприлично и опасно поспешен.

— Я спокойна, мастер, — отвечала она дрожащим от непонятного нетерпения голосом, не оборачиваясь ко мне.

На том наши немногочисленные диалоги, как правило, и заканчивались.

А потом она начала танцевать. Это было уже совсем близко от ледяного озера. Я разводил, какой уже по счёту, костёр, нежно высекая игривые искры, а Элати самозабвенно сдирала шкуру с чудом встреченного днём толстого и малоопасного местного зверька.

Внезапно леди оторвалась от своего востребованного организмом занятия и медленно, плавно встала. Рука её потянулась навстречу чему-то невидимому и неосязаемому. Крылья распахнулись влюблённым приветствием, а глаза затуманила дымка желанного миража.

— Он зовёт меня, — ноги ангела устремились в незнакомый мне медленный танец, влажный рот зовуще приоткрылся, руки резко дернулись, пытаюсь дотянуться до понятного лишь ей.

— Началось... — сказал я это скорее для себя, понимая, что спокойного ужина опять не получится.

Я не стал рисковать и дёргать её Путь, не слишком хорошо осознавая, какие последствия могут последовать от таких действий в подобном состоянии. И всё же общую картину посмотреть я был обязан. И, как оказалось, смотрел я не зря. Рядом с ускользающим от меня Путём Элати я увидел несколько других не совсем ясных для меня Путёй. Они кружили вокруг ангела, направляя и поддерживая её отрешённый танец. Они словно рассматривали её, оценивая поворачивая то в одну, то в другую сторону.

Вот по ним я ударил не раздумывая. Пути рассыпались на осколки, словно дешёвое стекло, но меньше чем через мгновения на их месте оказались новые, в точности повторяющие облик первых. Но это были именно новые, а не те же самые Пути. Я ударил и по ним, но вновь их место оказалось занято. Одноразовые Пути, Пути не живых, Пути тех, кто никогда не был живым. Пути не жизни, но чего-то высшего, чем жизнь, чего-то недостижимого для смертных, чего-то навсегда закрытого для них.

Внезапно похолодало. В лицо усмехнулось чьё-то могучее дыхание. Усмехнулось не зло и не насмешливо. Усмехнулось не нам, усмехнулось самому себе. Усмехнулось без цели и

без цены. Это было дыхание самого Коцита. Дыхание ледяного сердца Ада. Оно не спрашивало и не требовало. Оно просто было и с этим оставалось только мириться. Мириться и терпеливо ждать, когда оно улетит искать себе другую забаву.

Но Элати явно не хотела набираться терпения. Её когда-то медленный танец сейчас срывался в бешено-быстрых движениях. Крылья и руки метались в невероятных изгибах, взгляд потерял всякую связь с реальностью, волосы диким вихрем разбивали на осколки стусившийся было туман. С губ её срывались короткие призывные возгласы. Она всё дальше уходила от так до конца и не разгоревшегося костерка. Уходила на зов своей роковой цели. Уходила без сомнений и советов. Как видно, Коцит решил, что время для встречи уже пришло, и крылатая леди была с ним полностью согласна. А моё мнение их, увы, мало интересовало. Вот только, я давно привык входить без стука.

Путь ангела блистал передо мной пьяным узором. В этот момент он был открыт и доверчив как никогда более. Оставалось лишь потянуть, потянуть бережно, почти нежно, потянуть так, чтобы она сама пошла за ним. Пошла, желая, а не подчиняясь. И я потянул, и тело её послушно дёрнулось мне навстречу, но ласковой клеткой остановили её посланцы Коцита. Я вновь потянул, и вновь её остановили.

Леди больше не уходила вдаль, ускользя в фантастическом танце, но и ко мне она, увы, не приближалась ни на миг. Застыв среди двух яростно зовущих её сил, желая их обеих, не делая и не стремясь сделать выбор, Элати всё медленнее и неувереннее рассыпала по воздуху свои волосы. Движение её становились всё более мягкими и неловкими. Вместо алчных стонов изо рта вылетали лишь короткие вздохи. А крылья, как отцветающие лепестки, опали на спину. Ангел будто засыпал, не желая больше участвовать в этой борьбе за её тело и душу и покоряясь после воле победившего.

А ещё через минуту она просто упала на милостиво принявшую её землю. В этот же момент я дёрнул уже изо всех сил. Тело Элати послушно упало к моим ногам. В лицо плюнули обжигающим холодом. Коцит был оскорблён и разгневан. Его добыча внезапно досталась другому, тому, кого он не привык замечать и уж тем более не привык ему проигрывать. Но ведь это был ещё не Коцит, это было лишь его дыхание. Леденящее сердце и пронзающее разум, но не имеющее ни его власти, ни его мудрости, а значит вполне способное проиграть.

Расталкивая заледеневший вокруг воздух, я с трудом выбросил перед собой когда-то обожженную руку. Выбросил без твёрдого знания и с долей глупой надежды. Но впервые за долгие годы ко мне в гости на секунду зашла успокаивающая вера. Вера ни во что, ни за чем и не навсегда. Она будто подтолкнула мою длань и снова унеслась в неизвестные для меня дали, в места грёз и весёлого смеха, в места, куда я не знал дороги.

Лютый мороз и разрывающий жар на несколько почти вечных мгновений определили моё тело ареной своей нежданной битвы. Я словно превратился в обугленный кусок льда, стгорая и замерзая насмерть одновременно. Я упал на колени, продолжая при этом упрямо вытягивать вперёд свою плавающую руку и мечтать об умеренном климате. Не знаю, встал бы я, если бы холод оказался сильнее огня, но, слава ему уже упомянутому, случилось наоборот.

Ещё мгновение и единственное оставшееся в этом месте дыхание было моё. Ну, ещё и ангела, но его я не слышал. Леди действительно заснула, и на лице её не отражалось ни борьбы, ни тревог. Всего того, что вернётся к ней, когда её глаза откроются вновь. Вернётся и прибавится.

Я докуривал внезапно безрадостно прошедшую трубку. Наверное, даже её чудесный дым не в силах справиться со всеми горестями дорог. Хотя возможно на этот раз я просто плохо забил табак.

Неожиданно Элати потерянно зашевелилась. Неловко сев, она обхватила себя руками и прижалась взглядом к догорающему костру. Потом жрица медленно и как-то неохотно перевела взгляд на меня. Частая дрожь сотрясала её молящее об успокоении тело.

— Мне холодно, дьявол, — губы её затряслись ещё сильнее, чем тело, — Великое Небо, как мне холодно.

Замерзающие на исцарапанных щеках слёзы слепыми комками покатались в радостно зашипевшие угли. Её смертельная тоска, казалось, стала физически ощутима.

Я сам не знал, что способен на подобное, но в тот момент мысли могли лишь оскорбить дело. Я встал и тихим, успокаивающим шагом подошёл Элати. Моя остывшая рука опустилось на её холодное плечо. Её голова в беззвучных рыданиях упала мне на грудь. Я желал отобрать у неё хоть частицу той невыносимой боли, которую сейчас испытывала она. Желал и не мог. И мне оставалось лишь ненавидеть себя за это, а ей лишь прощать. И я ненавидел, а она прощала.

Я смотрел вдаль. Там усмехаясь и маня, нас ждал Коцит. Ждал терпеливо и безмятежно, ждал, чтобы не наказать, а лишь сыграть. Но сыграть только в свою игру. Уже завтра мы будем стоять на его блистающих берегах. Уже завтра свершится то, ради чего мы столько прошли и столько потеряли. Уже завтра мы поймём, чего стоил наш поход. Уже завтра.

Я положил вновь заснувшую Элати на её новый (который уже) плащ. Прозрачными полосками замерли на её щеках незабытые слёзы. Великое Пламя, пусть эти слёзы будут последними.

Глава 6. Коцит. Часть 1

Его блеск ослеплял и заставлял вздрагивать. Его невидимый взгляд пугал и завораживал. Его владения были пусты и совершенны. Перед нами лежал грозный и задумчивый Коцит. Величайшее чудо и величайшая тайна Ада. Островок равнодушного льда в море бушующего пламени. Но этот островок не способен был поглотить не один, даже самый яростный пожар.

Коцит не любил огня, и на его берегах никогда не разводили костров. Коцит не любил шума, и на его землях всегда было тихо. Коцит не любил гостей, и страх всегда был вечным спутником пришедшего. Но тот же страх никогда не мог остановить искателей сокровищ и разгадок. А после страха всегда наступало разочарование. Ведь Коцит не давал ни первого, ни второго. Никто и никогда не слышал про найденные на его просторах богатства. А на просьбы о разгадке хоть одной из его несчитанных вечностью тайн, Коцит лишь холодно улыбался. Но через несколько мгновений разочарование проходило, и вновь появлялась вера во все те грёзы, которыми скитальцы укутывали Коцит в своих снах.

Невольно на меня накатили воспоминания о первом походе к ледяному озеру. В те дни я был значительно слабее, глупее и нетерпеливей чем сейчас. Но в тот раз я шёл простыми дорогами и поэтому привёл своих спутников к цели совсем без крови и почти совсем без тревог.

Я навсегда запомнил первую улыбку Коцита. Его ледяной поцелуй, который мог потушить любой костёр. Слава Пламени, близко к озеру мы в тот раз не подходили, довольствовавшись экзотической охотой на редких ящеров в его окраинах. Но даже, когда горизонт закрывал от нас его бледный свет, наши глаза всё равно устремлялись в сторону ледяного оскала Коцита. И когда мы уходили, наши спины чувствовали его ответный, тяжёлый и насмешливый взгляд.

Я перевёл мой отражающий лёд взор на Элати. Её глаза были широко раскрыты, рука нервно прикасалась к бледной щеке, а вторая крепко стиснула чудом вынесенный из замка отверженных меч.

— Соберись, крылатая, — я успокаивающе положил руку на её плечо, — остался последний шаг и его надо пройти.

— Я помню, мастер, — признаться, ответ оказался несколько резче, чем я ожидал. — Надо, так надо, веди.

Из-за невысокого холма неожиданно выглянула скучная морда незнакомого мне зверя. Вероятно, тоже не узнав меня, местный обитатель меланхолично зевнул и пошёл как раз в ту сторону, в которую собирался направиться и я. Его длинный пушистый хвост волочился по земле, собирая пыль и оставляя грубо-плавный узор.

Я двинулся вслед этому узору, не отпуская взгляда с Пути зверя, но и не пытаюсь пока прервать его философствующее времяпрепровождение. Мне почему-то показалось, что он абсолютно доволен своим существованием. Что у него нет врагов и сомнений, что его простые и понятные желания всегда находят своё исполнение. Что его глупая, бессмысленная жизнь по-своему прекрасна и наполнена. Что ему можно даже завидовать, хотя как показала практика и не долго.

Прозрачной струной шею счастливого животного пронзило копьё из цельного куска льда. В поле зрения неторопливо появились несколько дьяволов и, не скрываясь, начали

приближаться в нашу сторону. У всех, кроме одного, в руке игриво лежало уже увиденное ледяное копьё. Волосы их были абсолютно белы, большую часть лица закрывали щедрые бороды, а взгляд был наполнен откровенным презрением.

Вот их я узнал сразу. Точно такие же дьяволы появились перед нами и в прошлый мой визит к Коциту. Они называли себя Стражи льда и, по моему скромному убеждению, были, по большей части, фанатичными дураками. Кучка дьяволов, поставившая себе целью служение ледяному озеру, исполнению его придуманной воли и защите от нереальных врагов. Не знаю, почему Коцит терпел эту горстку идиотов, но это, увы, было так. И даже более, он в своей неизмеримой и опасной милости дал этим фанатикам часть собственной непознанной силы. Силы, с которой приходилось считаться всем без исключения. Памятуя об этом, я тяжело вздохнул в предвкушении нелёгкой беседы. Что касается Элати, то ей уже было во многом всё равно, через что и уж тем более через кого придётся переступить, чтобы сделать таки обещанный последний шаг.

— Вы вступили в земли Великого Коцита, — вот так без приветствий и поклонов начался наш разговор.

— В курсе, — надеюсь, я достойно перехватил эстафету.

— Что забыли вы в этих благословенных льдом местах? — взгляд дьявола был очень хмурым и излишне гордым.

— Мозги, и не здесь, а дома, — прошептал я про себя. — Мы хотели бы отдать дань трепета и почтения, упав на колени у берегов Великого Коцита, — это я сказал уже вслух и сказал я именно то, что местная стража жаждала услышать.

Суровое лицо говорившего немного разгладилось, на губах появилась снисходительная улыбка, — это великая честь и, чтобы её добиться, вам придётся пройти нелёгкой дорогой.

Я застонал про себя. А я то своим грешным разумом уж подумал, что нелёгкие дороги остались где-то позади. Но нет, как оказалось, у порога всё лишь начинается заново.

— И где же эти дороги? — я старался быть спокойным. — Столь нелёгкие и столь желанные для нас.

— Следуйте за нами, — группа дьяволов с идиотской надменностью развернулась и размеренно двинулась в давно уже выбранном мной направлении.

По ходу движения один из них резко выдернул копьё из тела покинувшего этот холодный мир зверя. В свою очередь, проходя мимо, я невольно бросил взгляд на так спокойно и бесцельное убитое животное. И вновь мне показалось, что он не так уж опечален этим безрадостным событием. И этот вечный и неузнанный до поры сон станет для него вполне неплохим времяпрепровождением.

— Зачем? — Элати спрашивала не у меня и не у Стражей, она спрашивала у Коцита, и оставалось лишь догадываться, ответил ли ей местный хозяин.

А уже через полчаса мы вышли на высокий утес, за которым собственно и начинался истинный лёд Коцита. Высота утёса составляла не менее километра, и удобного спуска я, увы, в округе не различал. Правда, об удобном спуске речи и не велось.

— Лишь тот, чья душа чиста, тело крепко, а разум спокоен, может ступить на берега Коцита, — всё тот же дьявол начал заученно декламировать опереточную речь. — Многие шли, но немногие доходили. Теперь пришла и ваша очередь заслужить право преклонить колени перед Великим Льдом, — и в достойном слове жесте рука Стража метнулась в сторону, указывая на низкий заледеневший проход в скале. — Вот начало того пути, который или выведет вас к лику Великого Коцита, или подарит последний, холодный приют.

Да, перспектива, мягко говоря, оказалась сомнительной. Но, похоже, иной предлагать нам никто не спешил. Я хмуро и по возможности быстро взвешивал шансы. Лезть в неведомую дыру, по словам Стражей, предоставляющей малоощадящие шансы на выход, откровенно не хотелось. Однако отказ от предложенного и поиск собственного пути был связан с достаточными трудностями для того, чтобы откровенно загрузить.

К сожалению, силу сторожащих покой Коцита придурков я знал доподлинно и, слава благословенному пламени, не из собственного опыта. Однажды небольшой отряд Мастеров Огня Ордена Предвечного Пламени решил совершить экскурсию к ледяному озеру. И их, как и нас, встретили у кромки собратья сегодняшних стражей. Ну, а разве огонь когда-либо договориться со льдом. В итоге уйти, а вернее унести души с озера удалось лишь паре мастеров, а ведь силу адептов Предвечного Пламени знали все. После этого трагично-показательного конфликта связываться со слугами Коцита не желал более никто. И я не считал необходимым делать для себя каких-либо исключений из этого мудрого правила. Да и неужели ещё остались такие дороги, которые смогут меня остановить.

— Ну, тогда мы пойдём, — я жестом показал ангелу суть нашего дальнейшего движения, — счастливо оставаться.

— Стойте, — я нехотя повернулся на излишне властный голос Стража. — Пусть твой спутник покажет своё лицо.

— Он покажет его лишь Коциту, — я начал постепенно отступать к входу в пещеру.

— Но захочет ли Коцит видеть его? — сомнения, сомнения.

— Так спроси, — бросил я на ходу и, не желая более разговаривать на эту крайне чреватую для нас тему, быстрым шагом направился к вдруг ставшему гораздо более актуальным проходу. Элати отставала от меня на полвздоха.

Там оказалось холодно, скользко и необычно светло. Это оказались первые и самые верные впечатления от этого места. Пройдя в оскорбительный лаз, мы очутились в небольшой пещерке, полностью инкрустированной сверкающим льдом. Элати сразу же поскользнулась на отражающем наши тела полу, и я едва успел подхватить вскрикнувшего от неожиданности ангела.

А, в целом, обстановка была радикально аскетична, и из заслуживающих внимания объектов я нашёл только один, но впрочем именно тот, который и был нам нужен. Из пещеры отходил довольно широкий и изрядно блистающий проход, успокоено наклонённый вниз. Слава огню, он был один. Стараясь как можно более аккуратно ступать по обнажённому льду, мы со всей возможной невеликой скоростью устремились в этот безводный ручей, для того чтобы поскорее влиться в могучий Коцит.

Приятной прогулки, увы, не вышло с самого начала. Для того чтобы не упасть и не укатиться лбом в твёрдую стену, приходилось контролировать свой Путь практически каждую вторую секунду, а после этого управляться с Путём жрицы, уже несколько подрагивающей от не слишком сильно, но вполне настойчиво кусающегося мороза. Проход между тем постепенно расширялся и угаскивал потолок всё выше, превращаясь в большую и, если смотреть издали, весьма красивую дорогу. Вблизи же, увы, было сложно найти достаточно времени для лицезрения местных красот. А совсем скоро его стало ещё меньше. Нам невольно, но предсказуемо пришлось войти в контакт с первым местным обитателем.

Он сидел на корточках на узком выступе из стены, явившись на встречу, вероятно, из узкого лаза, расположенного рядом. Он, казалось, целиком состоял из льда. Его

полупрозрачное тело было худым, маленьким и резко контрастировало с большой и колоритной головой, которая еле держалась на короткой, хрупкой шее. Его большие глаза с вялым интересом смотрели на нас, длинные, похожие на сосульки клыки совершали неоднозначные кусательные движения, а изо рта его извергался поток коротких непонятных слов и звуков, вырывающихся под аккомпанемент режущего слух визгливого скрежета.

Прежде чем ударить, я замешкался на несколько непростительных секунд. Но уж больно необычный был Путь у этого любителя раздражающих монологов. Изощрённо тонкий и хрупкий он, тем не менее, предсказуемо не гнулся и не уступал в выборе дальнейшей дороги. По всему выходило, что его придётся ломать. Ломать сами основы теории Пути.

Как я уже смел заметить, секунды размышления оказались крайне непростительны для столь опытного мастера, как я. А вот мой ледяной изумитель вынес из них вероятно максимум того, на что был способен. В одно мгновение заставляющий морщиться скрежет сменился диким, пронзающим разум криком. Крик оглушил и развернул землю быстрее мысли. Я больно ударился головой о коварный лед, едва успевая почувствовать и осознать эту боль.

Парализующий вопль веселящимся эхом отражался от блистающих стен пещеры и в ключья рвал последние остатки самообладания. Чувство ориентации безвременно покинуло меня, причём даже не попрощавшись. Вокруг остались лишь лёд, боль и вкус крови на разбитых губах. И всё же я сумел нет, не ударить, скорее отмахнуться от этого заставляющего грызть ледяные стены крика. Правда, мне хватило и сил и ума для того, чтобы отмахнуться во все стороны.

Крик благословенно оборвался, сменившись градом ледяных осколков. Я с трудом и всевозможным достоинством поднялся. Уши всё ещё разрывало пульсирующей болью, а когда я дотронулся до раскалывающейся головы, то на руке остались пару капель крови. К некоторой несвоевременной зависти, Эллати выглядела гораздо лучше меня, исключая разве что прикушенных от всё той же новоприобретённой боли губ.

Осколки, аппетитно захрустевшие под ногами, являли собой вероятно последнее напоминание о нашем крикуне, что, честно говоря, не могло не радовать. С другой стороны, если его сородичей окажется здесь столько же, сколько осталось осколков, то мои бедные уши уже скоро закажут себе в меру скромный реквием.

— Мне тяжело стоять, мастер, — леди посмотрела на меня виновато-требовательным взглядом, — идём.

После подобного предложения мне ничего не оставалось, как подчиниться этому полуприказу-полумольбе, тем более что я вполне верил в слова ангела. Всегда тяжело стоять, когда тебя кто-нибудь настойчиво зовёт. А Коцит должен был звать крайне настойчиво.

Ещё несколько совсем недолгих секунд были проведены в почти безтревожной и в целом размеренной ходьбе, однако за очередным поворотом мои дальнейшие планы по схожему времяпрепровождению оказались нахально нарушены.

Мелькая десятками щупалец, оканчивающихся фантастического вида клешнями, длинными когтистыми пальцами, острыми шипами на волнительно круглых костяных шарах, в десятке метров от нас из абсолютно гладкой стены вылетело извивающееся ловким телом существо и, не успев ни дать рассмотреть себя более пристально, ни, что было более актуально, повторить судьбу своего встреченного нами приятеля, нырнуло в противоположный хитро блеснувший лёд, погрузившись в него, словно в ровную поверхность ленивой реки.

Ещё пара аккуратных шагов и с обманувшего доверие потолка неправильной формы капель упало ещё какое-то подобие неудавшейся жизни, без какой бы то ни было помощи разбившееся об улыбнувшийся пол на множество тончайших пластинок, на мгновение образовавших какой-то неясный символ, а после благополучно слившись с ледяной поверхностью.

Признаться, местная фауна окончательно меня заинтриговала и, учитывая их уже продемонстрированную хрупкость, заинтриговала без дикого биения сердца, что в наших и без того непростых условиях было крайне приятно. Однако, несмотря на все эти плюсы, шаг мой не стал менее осторожен, а помыслы менее решительны.

Очередной, выскочивший практически из-под ног обитатель пещер, имеющий в своём арсенале россыпь маленьких, шустро бегающих по телу глаз и большой обвисший, но, тем не менее, стопроцентно ледяной живот стал, наконец, долгожданным объектом приложения моей заскучавшей было силы. Не придумав ничего нового, он послушно рассыпался на порядком поднадоевшие уже льдинки, старающиеся прыгнуть под неаккуратный шаг.

— Глупая жизнь, глупая смерть, — Элати прервала своё неожиданно недолгое молчание, — да и жизнь ли? Интересно насколько они живые, мастер?

— Меня признаться более беспокоит, насколько они мёртвые, — я как всегда старался перестраховаться, — помедленнее, крылатая, дальше может быть слишком интересно.

И я сам порядком замедлил и без того не слишком резвый шаг. Впереди становилось слишком шумно. И шум этот не был наполнен ни радостью встречи, ни нетерпением страсти, он до высоких краёв был наполнен беспощадной битвой. А ещё через минуту мы имели сомнительное счастье лицезреть, что я, увы, не ошибся в своих предположениях.

Мы очутились на явно недостаточно высоком выступе, с которого начиналась средних размеров пещера, оказавшаяся почти полностью забитая разнообразными представителями местного зоопарка. И они не находили времени для того, чтобы стоять без дела. Они с явным и бездумным азартом убивали друг друга.

Насколько я мог судить по первым секундам вероятно совсем недавно разгоревшегося конфликта, здесь не было ни сторон, ни даже небольших фракций. Каждый был сам за себя и каждый хотел остаться последним. Я сильно сомневался, что в этой бойне есть какой-то тайный смысл, но она пробудила во мне некий извращённый интерес. Интерес не к самому процессу, но к его результату. Интерес к тому, кто же станет победителем в этом смертельном марафоне и какова всё же будет его награда, кроме сохранённой жизни. А разве и этого мало?

Я коротко взглянул на стоящую рядом жрицу и даже в её прохладном взоре разглядел искорки неприкрытого азарта. А после вновь направил свои глаза в самый центр разворачивающегося побоища. Тем более, что посмотреть явно было на что.

Глава 6. Коцит. Часть 2

Огромные, редко прощающие челюсти с хрустом закрылись на тонкой талии вытянутого во все стороны существа, щупальца которого с энтузиазмом душили невзрачного вида зверька с топоробразным хвостом, как раз в этот момент радостно опускающегося на огромный в полголовы глаз, удивлённо смотрящий на происходящее. Острые, массивные когти истерично и вполне успешно разрывали на мелкие льдинки грудь толстого, неторопливо топчущего чьё-то, уже безучастное к данному событию тело, существа. Чуть не успев выполнить своё несложное предназначение, когти остролобого обитателя пещер бессильно поникли в многозубой пасти, высунувшейся из живота их хозяина. Тяжёлый шипастый шар, венчающий длинный широкий хвост, теряющегося в суе битвы создания льда с прорывающимся сквозь общий шум рёвом опустился на спину, догрызающего своего недавнего и невезучего противника, смутно похожего на огромный кусок заплесневелого сыра, зверя.

В общем, заскучать мне оказалось весьма затруднительно. Тем более, что я, наконец, выбрал из общей толпы, алчно убивающих друг друга существ своего фаворита. Им оказался не очень большой, но невероятно ловкий экземпляр, имеющий в доказательство своей боеспособности две длинные, многосуставчатые руки с изящными и бессердечными клешнями на конце, а также четыре узких глаза, равномерно располагающиеся у него на голове, благодаря чему мой гладиатор был способен обзреть картину битвы целиком. Только при мне он уже убил не менее пяти оппонентов и теперь жадно тянул свои безжалостные руки к следующему. Становилось откровенно жаль, что мне, увы, не с кем заключить по всему выгодное пари. Повторно взглянув на леди, пришлось с сожалением констатировать, что её постепенно мрачнеющее лицо и стекленеющий взгляд были слабым подспорьем для пламени азарта.

За неимением лучшего варианта я решил спорить сам с собой и спустя всего несколько минут торжествовал победу, поскольку проиграл. Острейший шип, прикреплённый к извивающемуся фрагменту чьего-то безфартового для меня тела, с треском пронзил плечо моего бойца. Клешни четырёхглазого в тот же несчастливый миг перерубили этот живой канат, но вот воспользовавшийся моментом и в бешеном прыжке вгрызшийся в шею комок клыков оказался роковым. Мой недолгий герой упал на холодный пол и тут же был погребён под накинущимися на теперь уже лёгкую добычу врагами.

Медленно, но верно сражение подходило к концу. Всё проще становилось разглядеть отдельных участников этого непонятого боя. Всё чаще дело доходило до дуэлей, а не до общей свалки. Всё больше кусков безжизненного льда покрывало странно бескровный пол.

— Может, закончишь за них, мастер? — Элати явно не терпелось продолжить наш скользкий путь.

— Секунды, леди, немного секунд и мы проявим приемлемо благородства, дав им самим решить их непростой спор, — я всё же был твёрдо настроен увидеть недалёкий уже финал.

Жрица несколько гневно дёрнула рукой, но продолжать спор не стала, тем более что на боле битвы осталось чуть больше десятка обладателей разящих конечностей. А буквально через минуту в оскаленную морду изящно-псевдокрылатого воителя вонзился узкий костяной меч, предрекая окончание сражения. Его абсолютный победитель оказался

довольно таки невнятным существом с обломанными рогами и затравленным взглядом. Грустно осмотревшись вокруг и не найдя более себе соперников (нас он благополучно не заметил), местный чемпион, тоскливо прихрамывая, отправился к единственному, кроме уже нами пройденного, проходу в дальнейшие глубины пещер Коцита. Всё оказалось печально-тривиально — последнему выжившему достались скука и одиночество.

Я легко прыгнул с наших не слишком комфортабельных мест. Элати светлой тенью последовала за мной. Под ногами не смолкал гипнотизирующий хруст льда, который ещё недавно дрался, убивал и, в итоге, звеняще погиб.

Остановился я резко и по делу. За тонкой коркой льда ближайшей стены я увидел Путь. И если сложить все те Пути, которые я лицезрел за свою жизнь, а это было бы больше, чем лепестков огня в среднем по величине вулкане, то их суммарный размер вряд ли бы превысил размер этого образца. Гигантский Путь вальяжно раскинулся едва ли не на километр в ширину, а длина его безапелляционно терялась в смеющейся дали.

Нервно дёрнув плечами, я всё же принял волевое решение изучить этот почти бесконечный Путь поподробнее. Разумом я двинулся по его нескончаемой дороге, не находящей преград и запретов. Через несколько минут подобного движения я, пытаюсь немного разнообразить эту не самую весёлую прогулку, попробовал шевельнуть этот незримый колосс. К некоторому разочарованию, сделать мне этого не удалось, Путь оказался просто слишком тяжёл для любого внешнего давления.

Не менее получаса я продирался сквозь лёд и пространство, но мои старания, как ни странно, не упали в безвременную пропасть. Путь закончился примерно там, где и начался, нахально опоясывая сам Коцит. У меня было достаточно времени, чтобы как можно тщательнее познать этот Путь. А, познав его, я узнал и чуть меньше информации о его обладателе.

И самая лучшая новость заключалась в том, что его счастливый обладатель спал. Спал давно, уверенно и не слишком безмятежно. Он видел сны, много снов, много грёз и кошмаров и, видимо, был не настолько эгоистичен, чтобы держать эти сны в себе. Нет, он выплёскивал их наружу, создавая из своих видений новые грани реальности. Все те ледяные создания, увиденные нами на дорогах пещер Коцита, были лишь его сонливой фантазией. Видно кошмаров в его снах было всё же больше, чем грёз.

И не был ли его сонливой фантазией сам Коцит. И преклоняя колени перед ледяным озером, не преклоняли ли мы колени перед безумной игрой неведомого, спящего разума. А может и наоборот, именно близость Великого Коцита давало этому огромному существу такую власть над героями своих сновидений. Вопросов было много, а дорога всё так же одна. И по ней, увы, надо было идти и стараться не думать о том, что идёшь ты в чьём-то малоздоровом сне.

Очередной ледяной туннель щедро подарил нам не более десяти минут спокойствия. Неожиданно на блистающих стенах меланхолично появились большие, в полстены лица. Лица имели всё тот же арендованный у сна Путь и полное отсутствие агрессии. Красивые и уродливые, весёлые и грустные они были настолько мастерски вычерчены в оковах льда, что казались такими же живыми, как и наши. Кроме того, многие из них говорили.

Говорили быстро, почти захлёбываясь короткими, ничего незначащими словами, словно боясь не успеть сказать всего, что когда-либо знали. Говорили то ли нам, то ли себе, не делая пауз и не задавая вопросов.

— Ах, насколько, он был красив, насколько желанен, и как похож... — мне так и не удалось узнать, кто и на кого же похож объект страстных размышлений в меру красивой дьяволицы с тонкими бровями и несколько нервным ртом.

— Кровавое было время, кровавое... — сокрушался лысый старик с густыми усами и дёргающейся нижней губой.

— Гром, это был гром, только он мог...

— Он говорил — руби, и я рубил...

— Как всё это мило, как волшебное...

— Их было шестеро, второй был без глаз...

— Вот он, тот влюбленный в...

— Нет! Только не вниз, нет!

— Лети! Будь мёртв и свободен...

— Жаль, но было так чудно...

— Расскажи, молю расскажи...

— И я забыл, забыл и возненавидел...

Голоса сменялись друг за другом, превращаясь в единый, на удивление ритмичный поток, окутывающий наши шаги, и врываясь в наше сознание. Но, врываясь не врагом, а просто не слишком вежливым гостем, которого всегда можно было попросить выйти. И я просил и тоже не очень вежливо.

Постепенно ледяные лица перестали тревожить наш взгляд, а их уже несколько поднадоевшие голоса закономерно стихли за нашими спинами. Между тем, и этот светлый скользкий туннель неумолимо подходил к концу, и я уже различал недоумённо-тёмный силуэт выхода. Через несколько минут мы были уже у его порога.

— Гости!? У нас так давно не было гостей! Ах, как же я рада! — стоявшая у самого входа дьяволица, по местной традиции бескомпромиссно сверкающая льдом, приветливо и вожделенно улыбнулась нашему дуэту.

Признаться, такой радушной встречи я не ожидал. Да и никак не мог ожидать. Да и, честно говоря, я пока не был уверен, что стоит ожидать чего-то хорошего. Судя по напряжённой фигуре Эллати, она явно придерживалась того же разумного мнения. Но вот радостно протянувшая нам холодные ладони хозяйка была, к сожалению, искренне счастлива. Быстрым движением схватив нас за руки, она не обращая внимания ни на настороженные взгляды, ни на полуобнажённые мечи, потащила нас в глубь большого полутёмного зала. Её твёрдые пальцы не обжигали льдом, но дарили успокаивающую прохладу. Мне уже расхотелось её убивать, и я с грустью думал о подобной перспективе.

— Вы как раз успели к началу, — она даже не оборачивалась на двух непонятно откуда взявшихся незнакомцев, — ещё мгновение.

Тёмный зал взорвался слепящим, хохочущим светом. Свет озарил смеющиеся лица множества дьяволов, весело кричавших что-то друг другу. Сквозь сковавший их лёд проступал водопад неудержимых эмоций. Пышные платья и архаичные, но по-прежнему элегантные мундиры венчали тела собравшихся. И я не заметил ни одной хитрой улыбки, ни одного ласково-лживого взгляда, ни одного готового к бою клинка.

— Сегодня у нас праздник, возлюбленные гости! — ледяная дьяволица вновь повернулась к нам. — Сегодня в наших чертогах долгожданный ежежеланный бал! Сегодня наступает время незабытого веселья! Играй!

Подчиняясь её страстному зову, со всех сторон грянула граничащая с совершенством музыка. Дьяволица взяла меня под руку и, громко смеясь, закружила в чарующем танце. Уголком глаза я заметил, как Элати благоразумно отвергла аналогичное предложение высокого красивого дьявола, который неясно каким чувством узнал в этом скрывающемся под грязным плащом существе прекрасную, хоть и крылатую женщину.

— Ты плохо танцуешь, гость, — дьяволица всё ещё смеялась, поправляя мои действительно несколько неловкие движения (признаться, я никогда не был даже удовлетворительным танцором).

— Прошу простить, — я выдал свою самую саркастически-извиняющуюся улыбку.

— Сегодня не за что прощать, гость, сегодня ежежеланный бал, а значит, всё верно, — дьяволица вновь рассмеялась, обнажая привлекательно-острые зубы.

Я оглянулся вокруг себя. Везде и всюду, блистая и искрясь, кружили в нескончаемом танце смеющиеся пары, впрочем, иногда они просто счастливо улыбались. Музыка всё ускоряла темп, и в такт ей наши движения становились всё стремительнее и стремительнее. Дьяволица закрыла глаза и запрокинула голову, её алмазные волосы взметнулись сверкающим веером, на миг закрывая от меня половину зала.

— Такие балы случаются, когда ты только пожелаешь? — я с возросшим интересом взглянул на нашу гостеприимную хозяйку.

В ответ она снова рассмеялась, — такие балы случаются, когда пожелает любой из нас. И в любое время.

— И часто вы желаете их? — теперь я уже просто поддерживал разговор.

— Постоянно, гость, — она натянуто улыбнулась, — ведь больше желать нам, увы, нечего.

— Так значит, это всё, что у вас есть? — становилось немного не по себе от подобного жизненного однообразия.

— А ведь мы благодарны и за это, — ледяной хозяйке, по-моему, не слишком нравилось течение нашей беседы, но её вызывающий взгляд говорил, что она не переведет разговор к другой теме. — И ведь как только кончается время веселья, сердца наши замирают от страха бессмысленности собственного существования. И долгие, тёмные мгновения мы молим о новом глупом счастье. И кто-то из нас начинает желать его с особой страстью, сильнее всех вместе взятых, и тогда наступает новый ежежеланный бал.

— И разве никогда не хотелось что-либо изменить? — мы остановились вместе с затухающими звуками.

— Ты так и не понял, гость, — лицо дьяволицы будто пыталось сделаться печальным, но вдруг понимало, что сейчас для печали не время, — нам нечего хотеть, кроме того, что нам дозволено желать. Кроме того, что ты видишь сейчас. Так было и так будет. И среди нас нет героев, способных это изменить. Да и нужно ли что-то менять, если наши мгновения тоски сменяются часами счастья.

— Короткими часами, — я не смог сдержаться.

— Очень короткими, гость, — печаль всё наступала, бросая тень на улыбку моей партнёрши по танцу, — гораздо более короткими, чем некоторые секунды. И, может быть, когда-нибудь они станут короткими настолько, что мы перестанем их замечать. И тогда останется лишь тоска, — она отбросила в сторону мои руки. — Ты жесток, гость, ты отнимаешь последнее. А ведь его и так немного.

Издав тихий проклинаящий звук, ледяная дьяволица быстрым шагом отошла от меня к

другому, не заставившему себя ждать дьяволу, столь же ледяному, как и она. Я думал, что сейчас загремит очередной танец короткого счастья, но вместо этого толпа образовала в своём центре небольшой круг, в середине которого стояли два полураздетых дьявола. Кулаки их были сжаты, а в глазах неслась весёлая ненависть. По незримой команде они бросились друг на друга. Окружавшие их зрители радостно закричали, бойцы, словно стараясь не успеть, жестоко били лицо соперника. Во все стороны летела ледяная крошка, о защите ни один из них даже не помышлял. Я взглядом отыскал мою недавнюю собеседницу. Она стояла в первых рядах этой импровизированной арены, вскрикивала и азартно махала рукой, подбадривая своего фаворита.

— Тебе жаль их, мастер? — Элати, как и я, держалась на достаточном расстоянии от места здешних развлечений.

Я усмехнулся, — у меня была, пожалуй, слишком циничная жизнь, крылатая, для того чтобы я мог кого-то искренне жалеть, но, — я усмехнулся ещё раз, теперь уже более нервно, — оказаться в их шкурах я бы точно не хотел.

— А мне жаль, — леди передёрнула плечами, — их тела и души до краёв наполнены вечным льдом и им никогда не избавиться от этих оков. Ты думаешь, они сейчас счастливы? Нет, дьявол. Они просто выглядят счастливыми, просто дарят себе грёзы, в которых укачивают ускользящую надежду. Они просто мечтают о далёком счастье, стремясь воплотить его в реальность, но мы видим, что из этого получилось.

— Идём, крылатая, — я направился к одинокому проходу в противоположной нам стене зала, — у нас свои мечты, и я смею надеяться уж они то исполнятся.

Мы неумолимо неслись по захлёбывающемуся смехом ледяному желобу, вздрагивая на резких поворотах и пытаясь хоть как-то притормозить этот безумный полуполёт. Вернее, пытался только я, но и всего моего мастерства хватало лишь на то, чтобы не разбиться об очередную отражающую мой беспокойный взгляд стену.

Внезапно бешеная гонка кончилась. Мы с изрядным ускорением вылетели из трубы в потолке небольшой пещеры. Слава огню, я успел собраться, и приземлились мы вполне комфортно. Однако не менее желанного комфорта душевного достичь снова не удалось, — выходов в этой пещере не было. Я быстро взглянул вверх и к своей мгновенно возникшей тоске не увидел там и той скользкой дыры, из которой мы только что выпали.

— Но выход есть.

Резко обернувшись мы увидели маленькое, пухлое существо с острыми ироничными ушками и хитрым взглядом выразительных глаз. Существо довольно ехидно смотрело на нас, потирая свои короткие руки и даже подпрыгивая от едва сдерживаемого восторга по поводу нашего прибытия.

— Так покажи его, дружок, — я с силой вдавил в лёд единственное полезное в этой комнате создание.

— Нет, — он смешно помотал круглой головой, — сначала загадки. Ведь только разгадав загадку, можно идти дальше. Я всегда так считал, а всегда это слишком долго, чтобы теперь от этого отказываться.

— К твоему сожалению, у меня слишком мало времени для загадок и твоих принципов, — я ещё сильнее вдавил его в холодный пол. — Либо показываешь выход, либо умрёшь.

— А вот это вряд ли.

Оскорбительно довольный голос, раздавшийся сбоку, мало смутил меня. Через полмгновения его обладатель разделил судьбу первого обитателя этой ледяной клетки. Оглянувшись, я к своему удивлению увидел точно такое же существо. Вернее не такое же, а то же самое. Их Путь был един, а значит, они были одним существом. Существом, разум которого жил одновременно в двух телах.

— Бесполезно.

В трёх! Немного пафосный голос заставил меня пригвоздить ко льду ещё одно пухлое тело.

— Успокойся, ведь пора понять, что это бессмысленно, ведь это несложная загадка.

Я на автомате схватил и обладателя четвёртого голоса, но потом бессильно опустил руки. Со всех сторон на меня саркастически смотрели одинаковые существа, вернее опять же одно существо, но из сотен глаз. И было уже понятно, что они никогда не кончатся, а никогда, как изволил заметить толстый и многоодноликий, это ведь тоже очень долго. А это значило, что я просто не успею его убить. Прежде меня найдёт банальная смерть от старости.

— И много у тебя загадок, толстый, — я устало присел на плоский кусок льда. Элати оставалась стоять, нервно сжимая рукоятку меча.

— Но ведь это зависит от ответов, — многотельный любитель загадок, казалось, был искренне удивлён.

— Резонно, — я с трудом остановил убегающие в бездну меланхолии мысли, — начинай.

Глава 6. Коцит. Часть 3

Любитель загадок издал радостный звук. Слава огню, он опять предстал передо мной в одном теле. Остальные же неведомо как потерялись из поля зрения. Он довольно уселся на соседний кусок льда и весело подмигнул мне. Я предпочёл отделаться выражением саркастической скуки на лице.

— И вот моя первая загадка, — он на миг замолчал, словно подготавливая меня. — Зачем тебе то, что ты ищешь?

— Ты не знаешь, что я ищу, — эта загадка мне не понравилась.

— Не знаю я, — он утвердительно кивнул, — но знаешь ли ты? Ведь разве ты думал об этом, разве дал ответ самому себе. Разве не предпочёл дожидаться исполнения мечты и уже тогда попытаться понять, зачем она тебе нужна и нужна ли? Вот она, — его короткая рука устремилась в направлении Элати, — вот она знает, зачем ей то, что она ищет. Другой вопрос, — губы маленького оратора тронула улыбка, — что она может и ошибаться. Но ведь это не мешает ей быть уверенной в своей правоте. А ты, ты не знаешь и не хочешь знать. Но ты уже слишком далеко зашёл для того, чтобы свернуть. А тем более ответить. Да, первая загадка, увы, не удалась, — сделал он неожиданный вывод, — но, вот она, следующая. — Сколько ты готов отдать за то, чтобы закончить свою дорогу? — он выжидательно посмотрел на меня.

— Больше, чем льда на твоих щеках, — я постарался его не разочаровать, — а может и ещё больше.

— А если придётся отдать всё? — он как-то посерьёзnel.

— Я подумаю, — серьезен стал и я.

— Ведь ты отдашь всё? — он с замершим восторгом заглянул мне в глаза. — А если бы это было возможно, ты отдал бы и больше, — он помолчал. — Вот это и страшно, ты можешь отдать всё и не обрести ничего.

— Бывает, что нужно рискнуть, — я изобразил безумную улыбку, — рискнуть и если даже проиграть, то уже не жалеть и не кричать о втором шансе. А если выиграть, то рассмеяться и выбросить желанную победу, пока она ещё честна и влюблена в своего героя. Так не должно быть, но так бывает, и мы будем благословлять и проклинать за это. Ты слышишь меня, мастер загадок? Хочешь ли ты услышать меня?

— Последняя загадка, — вероятно, слышать меня он всё же не хотел. — Она для тебя, гостя с неба.

Мы разом схватились за мечи, услышав, что жалкий маскарад ангела раскрыт, но в глазах толстяка не было ни ненависти, ни угрозы, лишь всё тот же страстный профессиональный интерес, которым он наградил и меня.

— Хватит ли у тебя сил, светлолика? — его голос прозвучал необычно тихо.

Элати долго не отвечала. Откинув не нужный более капюшон и разбросав так и не потерявшее за долгие дни скитаний блеск серебро волос, она задумчиво гладила холодную стену. И ведь она действительно размышляла над этим малоясным вопросом. И для неё действительно было важно ответить на него верно. Было важно разгадать эту загадку.

— Не знаю, — она с грустной гордостью устремила свой взгляд поверх наших голов и повторила. — Не знаю.

— Ну, хоть эта загадка оказалась разгаданной, — толстяк удовлетворенно вздохнул, — и

теперь вам пора идти. И помните, — он поднял пухлый палец, — в мире много загадок, но разгадать, как правило, надо лишь одну. И тогда остальные окажутся не нужны и забыты. — Он внимательно взглянул на ангела, — поспеши, златоглазая, он ждёт.

Равнодушная стена треснула, раскрыв перед нами ещё одну холодную тропу. Слава огню, она оказалась последней. В нескольких десятках метров от нас вальяжно раскинулся Великий Коцит. Лицо ангела дёрнулось в страстном порыве, глаза загорелись, пальцы рук сплелись в душащих объятиях. С какой-то невероятной тяжестью она сделала первый неуверенный шаг. Покачиваясь и подавляя явное желание оглянуться, Элати приближалась к хранящему вечное молчание озеру. Я тревожно следовал за ней, держась на пару шагов позади.

Под ноги мне упал яростно скинутый плащ. Крылья леди расправились, их наполнила волнительная дрожь. Вслед за плащом последовал, оскорблено зазвеневший меч, за ним куртка и сапоги. Скоро Элати оказалась полностью обнажена. Замерев на несколько уже ничего не значащих секунд на самом краю, она бросилась в ледяные объятия Коцита.

Сделав пару коротких и верно лишних шагов по поверхности озера, она припала к нему всем свои жаждущим телом. Леди медленно ползла, лаская пальцами и губами вечный лёд Коцита. И передо мной предстало величайшее чудо в уже прожитой жизни. Непокколебимый Коцит таял под зовущим его телом ангела. Суровое озеро расступалось перед посланницей небес, не имея сил противостоять её безумному и чарующему желанию.

Прелестный стон ангела сотряс берега Коцита. Её руки устремились вниз, превращая лёд в воду, стараясь обнять и прижать ещё сильнее, чем сейчас. И Коцит дрогнул. Забывший, что такое время, лёд раскрыл своё ложе, нетерпеливо бросая в него крылатую избранницу. Белоснежные крылья дёрнулись в радостно-испуганном взмахе, и Коцит вновь затворил свои двери, забирая ангела под звенящий в предвкушении лёд.

— А знаешь, что я люблю ещё больше загадок? — недавний толстый знакомый нагло прервал мой чуть затянувшийся транс от созерцания развернувшейся перед моими глазами картины.

— Пожрать? — несмотря на явную риторичность вопроса, я всё же рискнул сделать некоторые предположения.

— Нет, — собеседник наградил меня недоумённо-сомнительным взглядом, — ещё больше я люблю ответы. И разве сейчас тебе не хочется найти ответ, что же творится по ту сторону льда. — Вот! — он правильно понял выражение моих дрогнувших глаз. — И поверь, мне хочется ещё больше. И мне дано право узнать. И я поделюсь этим правом с тобой. И не потому, что я добрый, — он двусмысленно подмигнул мне, — а потому, что вдвоём интереснее. Дай руку.

Я протянул любителю коллективных развлечений свою ладонь и ощутил странную тяжесть его маленькой руки. Взгляд мой задрожал и вдруг ринулся вперёд, пробивая ледяные преграды, стремясь разглядеть в этом царстве вечного холода горящее страстью тело ангела. И я увидел его, увидел и прижался, словно сам стал частицей Коцита. Леди плавно опускалась ко дну озера. Её тело кружилось и тянулось, пленяло и звало. С побелевших губ срывались стоны наслаждения и выкрики страха. Пьяные глаза пылали несвойственным ангелам огнём. Мокрые крылья обнимали дрожащее от холода и вожделения тело.

Сквозь нависшие над ангелом прозрачные стены проступали полуневидимые черты то ли лиц, то ли их странных пародий. Мелькали стремительные силуэты фантастических существ, проносились неузнанные слова и непонятые призывы. Видела ли она всё это, видел

ли я сам? Я никогда не узнаю правды, я потерял счёт минутам, я не мог оторваться и спросить, переспросить и не понять. Я словно сам был там, вместе с ней, с замершим сердцем ожидая развязки этого долгожданного свидания.

А развязка, по всей видимости, была близка или хотя бы относительно близка. Элати, что-то звеняще крича на языке Рая, приближалась ко дну Коцита. Никто не знал, насколько глубок Коцит и глубок ли. Никто не знал, есть ли у него дно, и оказалось, что есть. Это был всё тот же лёд, но лёд, который не таял в такт желаниям тела жрицы. Леди упала на него, разбросав свои руки и волосы. Губы её находились в постоянном движении, шепча одной ей известные слова. Глаза закрылись, сменившись подрагиванием век. Грудь неровно поднималась, плохо подстраиваясь, под рваный ритм бешено бьющегося сердца.

В мгновениях от ангела из казалось незыблемой тверди вынырнул острый кусок льда. Через несколько секунд таких кусков стало несколько десятков. Они заключили леди в холодную клетку, выбраться из которой казалось невозможным. Элати лежала лицом вверх, вновь открыв золотые глаза. Страсть прошла, сменившись усталостью и фатализмом. Она сделала всё, что могла и теперь ждала последней милости Коцита.

Куски льда, равнодушными стражами опоясывающие её тело, пришли в движение. Врезаясь друг в друга, они сливались в одно жёсткое покрывало, которое обрекающее накрывало ангела. Через минуту я мог разглядеть лишь её застывшее в испуганном ожидании лицо, а ещё через миг не стало и его. Коцит властно укрыл жрицу своим холодным одеялом.

Я долго смотрел на этот ледяной саркофаг, и, когда уже потерял последнюю неверную надежду снова увидеть мою крылатую спутницу, Коцит решил отпустить свою добычу. Одеяло льда, покрывающее Элати, начало медленно таять. Но я не увидел слёз исчезающего льда, а после того, как первые фрагменты ангельского тела начали представать передо мной, я понял почему.

Весь неумолимо тающий лёд не растекался в стороны, но погружался в тело всё ещё неподвижного ангела. Коцит входил в неё, не спрашивая разрешений и советов. Он оставлял в посланнице неба частицу самого себя, частицу самого Ада. Он навсегда оставлял в сердце ангела кусок безвременного льда. Он оставлял ей свою память, свою скорбь, свою непостижимую душу, свой замерзший смех. Он давал ей неизмеримо больше того, с чем можно просто продолжать жить. С этой роковой секунды у неё больше не было жизни, лишь та цель, та мечта, с которой она пришла к этим берегам и которая была благосклонно принята Великим Коцитом.

Глаза ангела резко распахнулись. И теперь вместо мягкого золота в них блистали алмазы льда. Она часто и глубоко задыхалась, непонимающе оглядываясь по сторонам. Я услышал её громкий, изрезанный крик. А в следующий миг её тело устремилось вверх на поверхность озера.

И в этот же миг мой взгляд швырнуло обратно. Я обернулся, но любителя ответов на чужие загадки больше не было рядом. Он тактично удалился в свои однообразные чертоги, получив от нашей встречи всё, что считал необходимым. А потом мне стало не до него.

Лёд Коцита взорвался, извергая из себя принявшего его суть ангела. Элати взлетела метров на десять вверх, раскинув крылья и не сдерживая рвущий душу крик. Она тяжело полуопустилась-полуупала на вновь застывшую в вечном раздумье поверхность Коцита.

Я по возможности мягко притянул дрожащую жрицу к себе и накинул на покрытые холодом плечи плащ.

— Вот и всё, крылатая, — я очень хотел в это верить, — вот и всё.

Она посмотрела на меня обрётёнными ледяными глазами и сделала слабую попытку улыбнуться. Попытка, увы, провалилась.

Я подал ей заранее собранную одежду и меч. Элати молча оделась и в изнеможении села, устремив свой взор на ставшее частью её озеро. Я не стал торопить, хотя крайне хотелось, наконец, убратся поближе к тем землям, где властвовал благословенный огонь. Но леди с избытком заслужила эти, наверное, лишние минуты одинокого прощания.

Когда она, наконец, встала, лишь одна слеза тяжёлой каплей упала на край Великого Коцита. Глубоко вздохнув и поправив преданно прильнувший к ней меч, жрица криво улыбнулась и какими-то пьяными глазами посмотрела на меня.

— А может, всё лишь началось, — тревожные морщины легли на её высокий лоб, — ведь до заката ещё так долго, а рассвет я, кажется, проспала. И ведь ещё многие отвернутся, если спросить их об этом. А может, я и сама отвернусь, а может и ударю. Ведь иногда становится так страшно. Ведь верно, мастер?

— Верно, крылатая, верно, — признаться, я мало понял из сказанного, — но, нам пора, здесь слишком много льда.

— Веди, мастер.

Это была длинная лестница. Неведомо кем вырезанные во льду ступени упрямо устремляли вверх и мы, соперничая с ними упрямством, поднимались всё выше и выше, вырываясь из-под тяжёлого взгляда Коцита. Разговаривать сейчас было не очень, да и, честно говоря, не очень хотелось. Все силы уходили на этот проклятый подъём, который должно быть был в дальнем родстве с вечностью. Но, только в дальнем, ибо в итоге кончился и он.

Я не сдержал торжествующего возгласа, когда мои ноги, наконец, ступили на более-менее безльдистую поверхность. Элати отделалась ещё одним тяжёлым вздохом. Заставив рвущееся вдаль тело отдохнуть десять коротких минут, я поспешил оставить лёд Коцита как можно дальше от моей и без того изрезанной души. Каждый шаг заставлял меня всё выше и увереннее поднимать усталую голову. Каждый шаг трепетно улыбался вместе с моим сердцем. Грустить и переживать будем потом, когда под ногами будет не лёд, а влюблённая во все дороги пыль.

— Стойте!

Громкий повелительный окрик резко развернул меня в сторону его, уже ненавистного мне хозяина. Рукояти мечей радостно легли в ладони. Разум привычно очистился, настраиваясь на очередную битву. Хотя до битвы дело доводить крайне не хотелось. К нам уверенным быстрым шагом приближались уже безприветливо знакомые Стражи льда.

— Стойте, — повторил, видимо, тот же дьявол, что и разговаривал с нами ранее. Они встали вокруг нас упругим полукругом, в руках опасно блестели все те же ледяные копьё.

— Стоим, — я всё ещё мечтал решить дело миром, вот только опыт говорил о том, что опять придётся убивать.

— Пускай твой спутник покажет лицо, — лицо самого говорившего было наполнено холодным и, как вероятно ему казалось, праведным гневом, — немедленно.

— Он показал его Коциту, и Коцит остался доволен, — я уже начал прощупывать холодные Пути Стражей.

— Коцит слишком милостив к оскорбляющим его величие, — копьё прицельно смотрели на нас. — Нам было дано право увидеть на его блистающе-вечном льду презренное

тело небесной твари. Пусть твой спутник покажет лицо!

Больше разговаривать было не о чем. Предрекаемый итог встречи ехидно плюнул мне под ноги. Их было пятеро. Пятеро слуг Великого Коцита, обладающие дарованной им силой, уверенные в своей правоте и в своей победе. Пятеро детей огня, в душах которых обитал лёд. Они разлетелись в стороны, словно всего этого никогда и не было. Их Пути поддались мне с той же покорностью, как и любые другие. Я не ожидал, что будет так просто, и как выяснилось через секунду, ожидал не зря.

Пронзающий морозом вихрь тараном ударил в грудь. И пришёл этот вихрь как раз с тех Путей, которые я так легко разбросал в стороны. Он сорвался с них разом, в последнее мгновение перед тем, как я собирался отпустить их. Этот вихрь не опрокинул, но пригвоздил меня к месту, парализуя и разрывая моё в миг заледеневшее тело на крохотные части. Но, как известно, вихрям свойственно непостоянство и меньше чем через минуту терзающий меня ураган унёсся искать себе другое развлечение. У меня же развлечений хватало и здесь.

Первый пришедший в себя после незапланированного полёта Страж, уже бежал ко мне, делая огромные прыжки и занося копьё для броска. Отбрасывать его снова я не рискнул, понимая, что если мне снова придётся застыть, то я стану не слишком опасным противником для остальных, ещё недобиравшихся до меня слуг Коцита.

Сверкающей молнией копьё устремилось мимо меня в стоявшую с обнажённым мечом и холодным блеском в глазах Элати. Я успевал только оглянуться. Копьё врезалось в грудь ангела, взорвавшись россыпью слепящих осколков и не оставив на жрице и следа своего пребывания. Оружие Коцита не могло причинить вреда его избраннице, той кому он отдал часть себя, той кому подарил свою душу и свои глаза.

Вероятно, факт такой явной неудачи изрядно смутил несостоявшегося метателя копий и он изумлённо остановился, не сводя глаз с осколков своего некогда грозного оружия. Эти замечательные секунды я употребил на то, чтобы подойти к Стражу на расстояние его смерти. Мечи, как всегда не подвели, щедро накормив их, дремлющую на остриях, ненасытную хозяйку.

Ледяные иглы впились мне в тело, еще когда клинки не завершили свой кровавый взмах. Лёд оскорблено ворвался мне в сердце, но сейчас там властвовала смерть и её боль была и сильнее и старше. Лёд отступил, проклиная и обещая вернуться. И, пожалуй, стоило принять его обещания всерьёз. Ещё двое Стражей быстро бежали к месту начавшейся схватки.

— Леди, — неожиданная неуязвимость ангела к оружию слуг ледяного озера пришлась весьма кстати, — лови!

Я устремил обоих уже изготовившихся для броска дьяволов прямо на грозно вращающийся клинок ангела. Первый из них, с глубоким шрамом на щеке прилетел как раз на него. Меч разрубил тело так и не осознавшего своего экстравагантного перемещения Стража на две слабо дёрнувшиеся части. Его кровь брызнула прямо в глаза второму, который проявил несколько больше хладнокровия и уже заносил копьё для смертельного удара. Элати не стала полагаться на защиту Коцита, её клинок принял на себя резкий выпад дьявола. Увы, это копьё, даже не треснуло, и они оба привычно закружились в весёлом танце битвы.

Всё это я наблюдал в том же терзающем ледяном оцепенении, что и несколько минут назад. И на этот раз было ещё больнее. Сердце резали безжалостным ножом сдержанно хохочущего мороза, не давая и нескольких секунд на желанную передышку. И почему-то предательски молчал подарок Риар-Шагота, на который я признаться возлагал некоторые надежды. Как видно, во владениях Коцита не было места для осколков пламени.

Когда я, наконец, пришёл в себя, то с сожалением увидел, что оставшиеся два Стража подобрались ко мне непозволительно близко. А поскольку Элати всё ещё сражалась с настойчивым в своей ненависти дьяволом, то с этими двумя разбираться предстояло исключительно мне. Можно было конечно снова отшвырнуть их на максимально возможное расстояние, но я не без оснований боялся, что следующей пытки хранящим их льдом мне, возможно, пережить не удастся.

Вместо их Путей я дёрнул свой, мгновенно оказываясь в непосредственной близости от их копий, прагматично не давая атаковать меня на расстоянии, резонно рассудив, что меня от прямого попадания такого копьё Коцит защитит вряд ли. Не сильно удивившись такому манёвру, Стражи почти синхронно сделали по быстрому выпад в мою сторону. Не без труда, но всё же моим клинкам удалось сдержать их воинственный порыв. Ледяной ветер вновь на секунду ворвался в моё тело, но на этот раз, слава огню, он был относительно терпимым. Правда, если схватка продлится больше нескольких минут, то мне вполне хватит и этого ветерка.

Вдруг внимание одного из врагов перенаправилось на что-то за моей спиной. Он, резко ушёл в сторону и бросился вперёд, заново нацеливая копьё для безжалостного броска. Как видно, ангел представлял для них гораздо больший интерес, нежели усталый Мастер Дорог, что, в общем, было вполне логично и в данной ситуации меня полностью устраивало.

Случайным взглядом мне удалось рассмотреть, что Элати благополучно расправилась с первым своим врагом и теперь довольно прохладно встречала следующего, который после потери разбившегося об ангела копьё, выхватил из ножен такой же ледяной меч. Но у меня была своя битва, и даже с учётом уполовинивания противников лёгкой она вряд ли планировалась.

Копьё, с щедро подаренной силой, ринулось в моё лицо, удар я отбил, но это был уже не первый отбитый удар, и каждый новый дарил всё больше замораживающей боли, а мне так и не удалось провести ни одной успешной контратаки. У Элати дела шли тоже не так успешно, как ранее, последний враг оказался редким мастером боя, который как минимум ни в чём не уступал жрице. Ситуация опасно устремлялась в тупик и мне не оставалось ничего другого, как вновь вспомнить, что я сам говорил толстому любителю загадок про риск. И сейчас наступал как раз тот момент, когда стоило рискнуть.

Возвав к Великому пламени, я дёрнул Путь моего врага. Тот упал, подставляя свою убелённую голову для финального удара. И перед тем, как уйти в заточение ледяной боли, я успел сделать ещё две вещи — пронестись завывающим клинком по шее Стража льда и в последнее исчезающее мгновение дёрнуть Путь второго дьявола, подставляя его грудь под карающий меч ангела.

Сердце разрывали и бросали его кровавые части на корм ледяным змеям. Душу продали в вечное рабство на каторгу замерзших цепей. Голову медленно разбивали тупым топором злого и пьяного мороза. Князь Холод давал бессрочный бал в моём теле. Я ещё чувствовал его равнодушный презрительный взгляд. Я ещё пытался бороться с его повелевающей дланью, по мановению которой в меня голодными зубами вцеплялся очередной его слуга. Я ещё понимал, что это бесполезно. Но кроме этой бесполезной борьбы у меня уже ничего не оставалось и я, ненавидя и плача, всё пытался и пытался встать с обмороженных коленей.

— Мастер!

Кто-то ещё звал меня. Кто-то ещё хотел, чтобы я вырвался из этих неумолимо

стягивающих сетей. Кто-то ещё чего-то хотел.

— Мастер!

Внезапно лицо Князя Холода дёрнулось в раздражительной гримасе. Он словно заслонялся от чего-то. От того единственного, что могло помешать ему вечно править во мне. Он проклинающе закричал и, в последний раз бросив на меня свой пронзающий взгляд, медленно повернулся спиной, с достоинством удаляясь из так и не захваченных чертогов моего тела.

— Мастер! Молю!

Я открыл глаза. Надо мной нависло заплаканное лицо Элати. Её слёзы, горячими каплями падали на мои щёки. Её бледные губы тронула неуверенная улыбка.

— Мастер, — она откинулась назад, смахивая новые слёзы и не пытаясь сдержать счастливого вздоха, — мастер.

Руку обожгло лёгкой болью. Эту боль я узнал сразу, и эта была самая приятная боль в моей полной боли жизни. В полуметре от моего одеревеневшего тела весело потрескивал небольшой костер, щедро рассыпая на меня свои смеющиеся искры. Великое Пламя снова было со мной и снова дарило, казалось, уже навсегда потерянную надежду. А раз было пламя, значит земли Коцита остались позади, и значит я ещё выпью за сожжение его проклятых льдов.

— А что, отлично прогулялись, крылатая, — я опёрся о ноющий локоть, поднося своё лицо как можно ближе к огню.

Элати нервно, но искренне рассмеялась, пряча свои последние слёзы в ладонях.

Я снова лёг на спину, закрывая глаза, на этот раз для того, чтобы отдать сну давно задержанную дань. Ведь завтра нас ждёт долгая дорога домой.

Глава 7. Лабиринт. Часть 1

Я сидел возле потухшего костра и хмуро размышлял о нашем дальнейшем передвижении теперь уже в обратную сторону. И размышления эти не были самыми простыми и приятными минутами в моей жизни. Да и до первой сотни им было куда как далеко. От первой сотни с конца.

На данный момент у меня выходило три дороги, и все три с удовлетворением плевали мне под ноги. Первая, та, по которой мы шли к Коциту, плевала яростней всех. Через земли отверженных и Некрополис второй раз я не пойду ни на каких условиях. На втором, в другой ситуации вполне приемлемом пути, сейчас нас алчно ждали Мастера Теней, изредка проверяя прочность тетивы своего арбалета. Третья же дорога была всем хороша, но для того, чтобы добраться по ней до нашей новой цели, пришлось бы потратить времени раз в пять больше, чем по двум остальным, что тоже не прибавляло ей очков. В связи с этими неутешительными условиями дальнейшего движения мне в голову, вдохновенно подмигивая, забирался ещё один вариант. Плох он был тем, что вновь приходилось изрядно рискнуть, но с другой стороны этим же он был и хорош. При благоприятных условиях мы могли оказаться в непосредственной близости от замка Нар-Дагора намного быстрее и с гораздо меньшей отдачей, чем в других случаях. Но вот если условия будут к нам менее снисходительны, то тогда нашим дальнейшим перспективам можно лишь посочувствовать.

Об этих дорогах знали давно пересчитанные сотни, взойти на них могли немногочисленные десятки, а вот достойно выйти лишь скромные единицы. И в этих единицах я, по собственному согласию, стоял первым номером.

У этого места не было утверждённого названия, каждый называл его так, как считал нужным. Лично я звал его Лабиринт, наверное потому, что это, вероятно, была единственная дорога, на которой я ещё мог заблудиться. Пока мог. Лабиринт представлял собой странное место (даже в сравнении с уже пройденными нами пределами). Он лежал вне граней знакомого с детства мира, являя в своих чертогах каскад фантазмагорических земель, обитатели которых были объединены каким-то общим, не всегда понятным лейтмотивом, от которого, в принципе, и зависела тяжесть условий пребывания на конкретном отрезке Лабиринта. И я ещё ни разу не встречал одного и того же отрезка. А в своё время, я не мало поскитался по этим порой крайне беспокойным местам. Его дороги могли как и за несколько часов провести на сотни километров в необходимую сторону, так и за десятки дней вывести туда, откуда всё начиналось. И всё же я опять был готов войти в царство коварного риска. К тому же ещё одним неоспоримым плюсом этих мест являлось, вероятно, полнейшее безразличие любых его обитателей к вызывающе-крылатому облику моей спутницы. Лабиринт был вне сетей этой первородной ненависти.

— Надо собрать дров, крылатая, — я решительно встал, взглядом уже предрекая участь ближайших деревьев. — Мне нужно много огня.

Пламя неудержимо рвалось вверх, призывно хохоча и окружая нас одним жарким, слепящим глаза кольцом. Уже несколько минут я стоял и пока безуспешно искал ту самую дорогу, которая должна была привести нас в Лабиринт. А искать её надо было именно в огне. По этой дороге надо было сделать всего лишь несколько шагов, но это будут явно непростые шаги. Дополнительная сложность заключалась в том, что мне подходила не

любая дорога, но лишь дорога для двоих. Сам бы я уже мог пройти в Лабиринт, но вот для того, чтобы провести туда Элати, приходилось уже в который раз отвергать предложенные пламенем варианты. Ещё ни разу я никого не проводил на эти тропы и сейчас мне было откровенно тяжело.

Становилось всё жарче, веселящийся огонь всё ближе подбирался к нам, стараясь заставить танцевать с ним в такт. Он уже почти начал испепеляющее ласкать моё лицо, когда мне, наконец, удалось за самый уносящийся край ухватить подходящую нам дорогу. Крепко схватив Элати за руку, я бросился в кипящее пламя, безапелляционно увлекая за собой несколько смущенного такой перспективой ангела. А потом были те самые несколько тяжёлых шагов и перед нашими глазами предстал Лабиринт.

Один из актёров выхватил бутафорский меч и с псевдовоинственным криком бросился на своего коллегу, лицо которого весьма натурально изобразило маску неприкрытого ужаса. Сложно было сказать, кто из них являлся положительным героем разворачивающейся истории, поскольку в итоге погибли оба. Уже умирая, испугавшийся актёр коварно вонзил в спину торжествующего меченосца довольно грубо сработанную копию кинжала. Честно говоря, заключительные аккорды этого спектакля оставили на сердце мало положительных впечатлений, но стоявшие рядом со мной зрители бешено заплодировали, выкрикивая короткие хвалебные оды в адрес актёров.

— Как тебе понравилось представление, леди? — я подхватил неуверенно озирающуюся Элати под руку и потянул вслед за собой, выводя из густой, несмолкающей толпы в более спокойное место. По крайней мере, я смел надеяться, что такое место здесь существует.

— Мне понравилось, что меня никто не жаждет убить, мастер, — казалось она была действительно удивлена. — А это лучшая новость за много недель.

— То ли ещё будет, крылатая, — я по традиции был менее оптимистичен, — то ли ещё будет.

Толпа, наконец, расступилась перед нами, открыв просторную улицу. Около роскошных домов, расположившихся по её краям, небольшими группками стояло местное население, о чём-то беззаботно болтая. Их лица были до краёв наполнены постоянно меняющимися эмоциями. Вот на лице одного застыл искренне-волнительный интерес к рассказу его собеседника, но рассказчик на миг оборачивается, и лицо его визави превращается в маску презрительной скуки, которая вновь сменяется интересом при возобновлении на секунду прерванного разговора. Вот лицо отчаянно размахивающего руками дьявола, полное праведной ярости и предрекающее немедленное возмездие, сменяется испуганной улыбкой, когда к группе присоединяется новый участник с холодным повелительным взглядом. Вот полный страсти и желания лик миловидной женщины превращается во владения усталой злости, когда ей достаётся пара монет от стоящего перед ней богато одетого дьявола.

Я узнавал эти метаморфозы, которые всегда присутствовали в любом обществе. Всегда кто-то лгал тому, кто хотел услышать эту ложь, и было уже неважно, насколько эта ложь походила на правду. Неважно, что иногда эту ложь не прикрывали даже лёгкой вуалью наигранной искренности. Важно было лишь услышать то, чего тебе хотелось, и закрыть на всё остальное довольные глаза. Но никогда ещё я не видел такого гротеска в этой игре. Будто у каждого уже были заготовлены сотни масок, которые делал не слишком старательный мастер. И маски эти здесь носили, лишь меняя, но не снимая никогда.

— И что дальше, мастер? — Элати с явной брезгливостью обозревала местный пейзаж и

его несколько странных обитателей.

— А дальше, крылатая, из тысяч ложных дорог, нам надо найти лишь одну верную и постараться прошагать по ней достаточно далеко, — и я уже начал искать её опытно-осторожным взглядом.

— Ну, здесь ложных дорог нам, по всей видимости, хватит с избытком, — брезгливость в голосе ангела разбавилась изрядным сожалением.

Я разделял её сожаление в полной мере. Если на каждой из этих дорог будет надета своя, конечно, лживая маска, то поиск дальнейшего пути может порядком затянуться. Но поскольку выбора у нас в любом случае не было, мы продолжили гулять по этой первой для нас частице Лабиринта, оказавшейся неясных пока размеров городом и городом, надо признать, довольно красивым.

Небольшие, уютные домики доброжелательно соседствовали с высокими многобашенными особняками, горделиво осматривающими свои и чужие владения. Нередкие таверны усердно, но ненавязчиво предлагали пройти в их хлебосольные покои. Тенистые парки манили кудрявыми головами деревьев.

И, конечно, же театры. Театров здесь было бесподобно много. С моей несколько дилетантской точки зрения все они были довольно похожи. Но даже мой неискушенный взор всегда находил какой-либо штрих, отличающий этот конкретный театр от остальных. Это могла быть красочная афиша, расположившийся рядом оркестрик или пара не обязательно прекрасных, но в любом случае оригинальных статуй. И всегда хотелось зайти именно в этот сад искусства, и всегда было немного жаль, проходя мимо.

Но была в этом городе одна особенность, которая роднила любой каприз местной архитектуры. На любой двери, будь то тяжёлые железные ворота, услужливо открытый вход в кабак или простая деревянная калитка, на любой из них была изображена маска. Иногда она смеялась, иногда плакала, иногда злилась, иногда изумлённо смотрела на зрителя, но была она всегда, будто предупреждая, что истину за этими дверями узнать изрядно нелегко.

И, несмотря на мои основные ни на миг не утихающие поиски, я старался найти время, чтобы рассмотреть эти маски поподробней. И если я смотрел слишком пристально, то возникало стойкое ощущение того, что маски смотрят на меня в ответ. Смотрят нахально и самоуверенно, смотрят как хозяева на ещё не пойманного раба. И чем дальше мы шли, тем больше таких взглядов упиралось мне и в грудь, и в спину, и тем больше мне хотелось, наконец, найти этот проклятый огнём выход. И тем более напрасны были мои старания.

Через пару часов я с тяжёлой ясностью понял, что нам просто необходим перерыв. К тому же откровенно и банально хотелось есть. Элати в кои то веки полностью разделяла мои устремления, и мы по обоюдному согласию решили пообедать в одной из местных таверн, благо золото в Лабиринте принимали с той же теплотой, что и в нормальном мире. Потратив ещё немного времени на дополнительное короткое совещание, мы выяснили, что тем самым желанным местом долгожданной трапезы станет первое же попавшееся на пути.

На пути же оно попало буквально через несколько безтревожных минут. С первого взгляда таверна производила вполне приятное впечатление. Это было двухэтажное, жёлто-красное здание с небольшим садиком у входа. Она носила, скорее всего типичное для этих мест, название — «Под маской вкуса» и встречало гостей круглой дверью, на которой была старательно нарисована толстая, облизывающаяся маска, нагло подмигнувшая мне пустым ленивым глазом.

Юная и несколько фривольно одетая официантка, с прелестной и откровенно

прилепленной улыбкой, услужливо поприветствовала нас в лучшем заведении города и проводила на (кто бы сомневался) лучшие в заведении места. С упитанного меню на меня радостно смотрела всё та же жирная маска.

Не долго ожидаемые блюда показались мне несколько странными. С одной стороны, они были довольно вкусны, особенно в сравнении со скудными трапезами последних дней, но с другой их вкус явно не соответствовал их виду. Проще говоря, они были больше красивее, чем вкусней. Причём намного красивее. Не особенно спеша, поев, мы решили перед уходом продегустировать местный грог и теперь лениво пили его маленькими глотками.

— Вы ведь не местные, верно?

Редкие моменты спокойствия были снова грубо прерваны, и никакого недоумения по этому поводу у меня уже давно не возникало. Вопрошающий оказался довольно старым и потрёпанным дьяволом в широкой шляпе и с тяжёлой трубкой в неизвестно как державших её зубах. Впрочем, трубку он тут же взял в морщинистую руку. Смотрел он, слава огню, без вражды, хотя в этом городе глаза могли и должны были соврать.

— Верно, — я решил уважить возраст нейтральным ответом.

— И как вам наш гостеприимный город? — старик с интересом посмотрел на нас.

— Чуть много масок, — я ответил ему твёрдым и ироничным взглядом, словно это место уже перестало быть для меня загадкой, хотя, видит пламя, это было, увы, не так.

— А ведь будет ещё больше, — разговорившийся дьявол без приглашения уселся на пустой стул и с сожалением проводил густой ароматный дым, вылетевший у него изо рта. — Ведь если не получается сбросить маску, всегда можно одеть сверху новую, а потом ещё и ещё. И, в конце концов, тебя уже не остаётся, на твоём месте весело пирует сонм торжествующих масок. И ведь иногда у тебя уже не хватает сил понять это.

— А сколько у тебя масок, уважаемый? — признаться меня мало тронули его откровения. Гораздо больше меня интересовали возможные выгоды от этой встречи.

— Шесть, — ответ был на удивление быстрый и чёткий, — у меня оказался своего рода иммунитет к их вседозволенной власти, поэтому я ещё не свалился погребённый под их хохочущей тяжестью. А иногда, — он поднял тонкий палец, — иногда я могу снимать их все, на несколько часов становясь таким, каким родился. И сейчас именно это время.

Я чуть пристальнее взгляделся в лицо старого дьявола. В нём действительно не было заметно тех показных чувств, которые фальшивыми монетами сверкали на лицах, видимых нами до сих пор. Обычное лицо, уставшего от часто несправедливой жизни, дьявола. Лицо того, кто остался недоволен этой жизнью.

— А раз так, быть может, ты расскажешь нам, как выйти из вашего чудного до поры города, — я пододвинул к старику свой, ещё толком, не начатый грог.

Мой неожиданный собеседник с удовольствием глотнул из горячей кружки и беззлобно усмехнулся. — Выйти легко, а вот уйти совсем непросто, ведь здесь на каждой дороге своя маска. И она тоже хочет быть востребованной, пускай и без особой нужды.

— И всё же, — я начал уже жалеть о почившем в горле старика гроге.

— Уйти можно, но сначала надо до конца понять, от чего вы собираетесь уходить, понять самую суть этого места. Понять и выбрать, и вот тогда уже будет гораздо проще.

— Продолжай.

Дьявол видимо почувствовал опасное нетерпение в моем голосе и, наконец, оторвался от кружки. — Сегодня маскарад, — он сомнительно пожевал губами, — сегодня маски

выходят из домов и душ. Сегодня их лицемерный праздник и они приглашают на него всех. И все придут, непременно придут. А вместе со всеми придёте и вы. И там вам откроются те дороги, которые вы ищете. Хороший грог, давно не пил, — прибавил он, медленно вставая со стула. — Ну, удачного вам маскарада, — он рассмеялся и, снова сунув в зубы свою огромную трубку, не спеша направился к выходу.

Около минуты мы сидели молча, переваривая услышанное. Потом Элати вздохнула и выжидающе посмотрела на меня. Я едва не вздрогнул, так и не успев привыкнуть к её новому ледяному взгляду.

— Я, наверное, надену маску ангела, — она улыбнулась краем рта. — А ты, мастер?

— Пожалуй, маску, до надвечных огней уставшего Хозяина Пути.

— Тебе пойдёт.

Задавать вопросы о том, как добраться до места проведения обещанного мероприятия нам не пришлось. Едва мы вышли из таверны, как тут же увидели пока ещё не слишком густой поток прохожих, с энтузиазмомдвигающихся в одну сторону. Не особенно раздумывая, мы поспешили влиться в их стройные ряды.

В образовавшейся толпе я спонтанно оказался рядом с дьяволом, обладающим хитрым взглядом и самоуверенной улыбкой. Победоносно воззрившись на меня, он картинно прищёлкнул пальцами. Одновременно с этим вторая его рука резко провела по лицу. Через мгновение я был награжден довольно злобным и предвкушающим кровавое развлечение взглядом. Не дожидаясь дебюта конфликта, я как можно незаметнее бросил ищущего приключений масконосца под ноги, не особо смутившихся этим фактом дьяволов.

Впрочем, по всей видимости, мне попался не самый удачный сосед. В основном же нас с ангелом окружали довольно дружелюбные, хотя и ни на миг не искренние лица. Многие показательно-весело смеялись, азартно переговариваясь друг с другом. Кто-то даже громко и ненатурально исполнял какую-то здешнюю песню. И у всех идущих с нами в руках были, скорее всего, чисто символические маски. И каждая из них являла собой настоящий шедевр местных мастеров. Тончайшей работы, отделанные золотом и драгоценными камнями, они были совершенны в своей лживой сущности. Они влекли к себе, укутывая и защищая от грубой и часто жестокой правды. Они говорили, что никогда не отвернутся от их счастливого обладателя. Они обещали и таинственно улыбались из-под тонких вуалей тающего сомнения. И на меня они смотрели с опасной заинтересованностью.

А вот на Элати, маски почти не обращали своего ярко-тёмного внимания. Лишь иногда случайно-манящий взор устремлялся в её сторону, но тут же встречался с оскалившимся льдом Коцита, снисходящим из алмазных глаз ангела. После этой встречи символы лицемерия отправлялись искать себе других, более доступных носителей.

Течение выбросило нас на огромную площадь. Она была полностью забита вливающимися со всех сторон жителями. По площади было раскидано несколько крупных шатров, верхушки которых венчали большие медленно поворачивающиеся маски. Они словно недремлющие стражи пламенно осматривали площадь, выискивая тех, кто мог нарушить великолепие маскарада.

И, вероятно, единственными, кто это мог сделать, были мы с леди. Помня это, я обречённо напрягся, когда взгляд одной из таких масок скользнул по моему лицу. Однако, к искреннему облегчению, мы не были удостоены звания девиантного элемента, и у нас появилось немного времени осмотреться.

А посмотреть было на что. В момент появления на площади, все участники маскарада одевали заботливо принесённые собой маски, радостно скрываясь под ними и заставляя весь мир верить в своё в нём отсутствие. Хохот и ласка, азарт и влюблённость, страсть и раздумья, гнев и печаль, алчность и ветреность. Здесь было всё, и всё это было ложью. Ложью, к которой стремились, которую получали и от которой уже не могли отказаться. Ложью, которая становилась единственно возможной истиной, которая вела тебя от рождения до смерти, и смерть была единственной, в ком ты мог быть уверен на этом пути.

— Пошли, крылатая, нам вроде бы надо что-то понять, а чтобы понять, надо увидеть. Увидеть, как можно больше, — я начал понемногу пробираться к центру площади, где вроде бы происходило какое-то действо.

— Но поверим мы ли тому, что увидим, мастер? — Элати сожалеющее посмотрела на немолодого уже дьявола, на лице которого по хозяйски расположилась маска беззаботного отупения.

— Давно кончилось то время, когда меня могли обмануть дороги, крылатая, — я ободряюще подмигнул ангелу, — теперь это уже моя прерогатива. И значит, мне больше не надо верить, для того чтобы идти по ним. Достаточно просто идти. А вера может бежать сзади в отчаянных попытках догнать мои шаги. И если она всё-таки не догонит, то это будет лишь её глупая боль.

— Мастер!

Я обернулся на не слишком тревожный окрик ангела, но увидел лишь раскрытую в злобном смехе маску очередного горожанина. Элати же нигде не было видно. Вероятно, неудержимая толпа разбила своей слепой струёй наш целеустремлённый дуэт. Происшествие было печальным, но отнюдь не критичным, и я продолжил свой путь к центру площади в оправданной надежде, что там и состоится необходимая встреча с временно потерянным ангелом.

Внезапно толпа немного расступилась, и прямо на меня выскочила молодая дьяволица в лукавой, откровенно подмигивающей маске. Мне уже почти понравилась это в целом милое создание, когда её рука вдруг молниеноснохватила что-то из-за спины и приложила к моему лицу. Это была маска.

Сложно сказать, за что отвечал этот конкретный экземпляр местной культуры. Но мне сразу стало очень хорошо. Неправдоподобно хорошо. Я сразу стал абсолютно уверен в своих желаниях, возможностях, целях. И я знал, что даже если проиграю, то сделаю это хорошо. Сделаю так, чтобы все заплодировали.

Я посмотрел вверх. Со знакомого шатра меня дружески приветствовал большой брат моей маски. А толпа снова подхватила меня и понесла в то самое место, в которое я перед этим так стремился. Только зачем? Я уже успел забыть зачем. Да и важно ли это. Разве важно то, что было до того, как я понял, наконец, суть этой жизни. И разве важно, что мне теперь придётся оставить за порогом моего нового дома. Разве это важно и разве это кому-то интересно.

Вокруг все были свои. И плевать, что каждый из нас хотел абсолютно разных вещей, стремился к разным чувствам и ощущениям. Мы все были частью одного большого спектакля. И мы все играли главные роли. И нам нечего было делить. Ведь каждый брал, что хотел, и никто ему не мешал. Ведь масок хватит на всех, а значит у нас всегда будет новая цель, новая мечта.

Мечта? Почему-то это слово оставило на душе ощущение сладкой тревоги. Такой

непривычной и такой ненужной в эти минуты. Такой чарующей и такой опасной для просыпающихся раздумий. Прочь, прочь, у меня нет ни времени, ни желания для этих дум. Тем более, я уже почти пришёл.

Глава 7. Лабиринт. Часть 2

На широкой сцене шла самозабвенная игра. Это был импровизированный спектакль, где каждый мог стать актёром, которому достанется та самая главная роль, о которой я так недавно и так влюблённо думал. Но, не думая более, я в высоком прыжке вскочил, на радостно скрипнувшие доски.

Передо мной оказался черноволосый дьявол с узкими глазами и тонкой шеей, цепко державший в жилистой руке картонный кинжал.

— Ты враг мой, потому лишь, что я зол, — в медленном пафосном выпаде мой визави попытался нанести мне смертельный укол.

Я легко перехватил его руку и расплющил смертоносный реквизит о его же впалую грудь. Дьявол изумлённо схватился за место удара и, весьма правдиво пошатнувшись, шумно упал на дрогнувшую сцену. Его яркая, немного болезненная маска начала быстро тускнеть, превращаясь из произведения искусства в серый кусок гипса, обложенного грубой тканью. Его тело неподвижно замерло на скорбящих досках сцены. Толпа взорвалась овациями. С нетерпеливым достоинством поклонившись, я окинул торжествующе-предвкушающим взглядом всю огромную сцену.

На каждом её участке любили и воевали, веселились и страдали, искали и находили. Я хотел быть там, вместе с ними, где всё просто и понятно, там, где ты всегда прав. Я радостно засмеялся и азартным шагом устремился к ближайшей группе актёров.

— Лишь семь шагов нас отделяют от богатств, оставленных случайным королём, — высокий мускулистый дьявол в ало-голубой, надменно-гневной маске указал нам на старый, грязно-серый сундук, одиноко стоящий на краю сцены.

Нас было пятеро, и мы наперегонки бросились к этому сосуду сокровищ, уже предвкушая их блеск и звон. Крышка с грохотом откинулась назад, золотой свет ослепил нас на долгое, жаль, что не вечное мгновение. Наши руки ринулись за долгожданной добычей. И было не важно, что вместо золота и изумрудов наших пальцев касаются лишь раскрашенные железки. Было не важно, что в итоге мы не получаем ничего. В этот момент каждый из нас был богаче любого короля. Обливаясь золотым дождём, мы были счастливы и беспечны. Мы владели всем, и никто не мог отобрать у нас эти мгновения. Никто, кроме нас самих.

Высокий дьявол, так любезно указавший нам путь к сокровищам, внезапно убрал руку за спину и явил оттуда изумлённому миру новую маску. Он быстро одел её, даже не удосуживаясь снять предыдущую. Теперь место надменности заняла воющая алчность. Его короткий меч коварно ударил в спину, сидевшего рядом дьявола, который успел почти зарыться в ласково улыбающееся ему золото.

Пронзённый дьявол упал, выпуская из омертвевших рук тяжёлые монеты. В этот же роковой миг маленький дьявол, вместе с которым мы так счастливо обнимались, радуясь обрётённому богатству, яростно бросился на меня, стараясь схватить за горло. Выхватить оружие я уже не успевал и, в связи с этим печальным фактом, последовал примеру моего неожиданного противника. Мы покатались по жёстким доскам душа друг друга руками и взглядами. Не знаю как со взглядами, но руки оказались сильнее у меня.

Поднявшись, я увидел, как актёр, у которого оказалась лишняя маска, повергает на землю ещё одного участника нашей маленькой экспедиции. Теперь нас оставалось лишь

двое. А ещё через минуту должен был остаться только один. Наши мечи показательно неуклюже устремились навстречу друг другу. Его маска была выше краёв наполнена воинственной жадностью. Своей я не видел, но вряд ли она уступала по эмоциональности моему сопернику.

Он был силён, ловок и полон грешных желаний. Он был уверен в своей, наверное, даже быстрой победе. Он смеялся, когда мне в очередной раз удавалось увернуться от его выпадов. Он знал, что это ненадолго, что лишь ещё одно мгновение отделяет его от золотого одиночества. И, наверное, я был в чём-то неправ, когда мой меч коснулся его сердца. Его маска на миг стала слепяще-удивлённой, а в следующее мгновение он с шумом упал, оставив мне случайно-долгожданные богатства.

Я вновь запустил алчущую руку в сундук. Блестящий водопад глухим перезвоном обласкал мне душу. Вот то, что подарит мне покой и наслаждение. Вот то, что осуществит все мои мечты.

Мечты? Но все ли? Ведь мечта, не рубиновый венец, чтобы её можно было купить. А если её можно купить, то разве это мечта. Разве это не просто ещё одно суетное желание. Ещё один каприз мающейся страсти. Ещё одна довольная улыбка, на миг заблестевшем лице. Разве мечта это не то, что ты никогда не найдёшь, но и никогда не примешь её отсутствия. И разве вульгарный звон монет сможет подарить её чарующую трель. Но разве об этом я должен думать в этот прекрасный, сверкающий миг. Прочь, глупые раздумья. Я утоплю этот мир в золоте.

— Казнить, он скучен и смешон, — я лениво взмахнул рукой, увешенной массивными кольцами.

Мольбы и слёзы быстро уступили своё незавидное место финальному хрипу, надоевшего мне пленника. Ещё одна бутафорская голова выгодно дополнила небольшой холмик из её предшественниц. Ещё одно кровавое развлечение вызвало мою снисходительную улыбку. Ещё один город пал под тяжестью моей суровой длани.

Я был властелином половины мира. У меня была величайшая армия со времён первого рассвета и дарованный мне гений управлять ею. Я был жесток и часто несправедлив. Я убивал и сжигал города, поработал целые народы. Меня боготворили и ненавидели. А боялись и те и другие. Я не знал поражений и неудач. Я не сомневался и не прощал. Моя власть была безгранична и беспрекословна.

Ещё час назад я бросал в бой свои сокрушающие легионы. Ещё час назад я вместе с ними яростно рубил непокорившегося мне врага. Мой меч, завывая, вспарывал их тела. Мой хохот гремел над полем битвы, воодушевляя моих воинов и обрекая противника. И стены неприступной крепости рушились, казалось лишь от одного моего, полного немилосердного огня взгляда.

Я встал с походного трона и, сделав пару неспешных шагов, обозрел лица окружающих меня дьяволов. Грязные лица. Тут было и хитрое раболепие, и показательная преданность, и сомнительные амбиции. Они все были моими слугами и кто-то принимал этот статус, кто-то терпел, кто-то ненавидел. Но не боролся никто. Никто из них не мог противиться моим, даже самым грешным приказам. Никто из них ни разу не сказал мне — нет. Это была цена моей победы, моего триумфа. Каждый из них хотел занять моё место, но каждый боялся даже думать об этом, даже мечтать.

Мечтать? Мечтать о власти, обрётённой сквозь кровь и слёзы? Мечтать карать и редко

миловать? Так неужели и это можно называть мечтой. Мечтой глупого и жестокого ребёнка, который часто бил других, потому, что был сильнее. Мечтой того, кто не нашёл в своей душе смеха ветра, шелеста травы, задумчивости огня. Так была ли это мечта, или всего лишь её грубая и по-своему жалкая пародия. Псевдомечта того, кто оказался неспособен мечтать о большем, чем власть над целым миром. Того, кто считал, что о большем мечтать нельзя. Но хватит глупых мыслей. Ведь осталось ещё так много земель, на которых ещё не слышали грохот моих обрекающих шагов.

— Засмейся! Славим вечный маскарад!

Толстый дьявол в хохочущей маске подтолкнул меня к краю сцены. Там уже собрались все участники сегодняшнего представления. Они кланялись, смеялись, хлопали друг друга по плечам. Их маски были полны пьяного торжества. Я встал рядом с ними. Толпа внизу бешено рукоплескала и выкрикивала слова восхищения. А мы кричали те же слова им. Великий маскарад был в самом разгаре.

Я не хотел спускаться вниз. И никто из нас этого не хотел. Наоборот, к нам лезли всё новые и новые маски. Они все хотели того же, что уже имели мы. Они тоже хотели найти и испытать эти мгновения богатства, власти, славы, счастья. Такого простого и понятного счастья. Счастья, которое всегда стоит к ним лицом.

— Но ведь не лицом, — мелькнула и вырвалась на свободу, крамольная мысль, — не лицом — маской.

В голове тревожно забили колокола. Яркий мир внезапно посерел, и озлобленно бросил в мою сторону досадливый взгляд. В моём распоряжении оказалось несколько секунд. Несколько секунд, в которые я увидел трепещущую тень истины. Истины, не покрытой липкой плёнкой лжи. Но тень ускользала, и водоворот маскарада снова приглашал меня смеяться и торжествовать. Я судорожно выискивал тот самый единственный шанс, который подарит мне освобождение. И я его нашёл.

В беснующейся толпе на миг проскользнуло лицо, лишённое маски. Бледное, ищущее лицо Элати. Её холодные глаза равнодушно скользнули по мне, не узнавая за овладевшей мной ложью. Но мне хватило и этой, крайне формальной поддержки. Рука моя изрядно дрогнула, но успела сорвать крепко цепляющуюся за лицо маску. Даже не посмотрев на раскрашенный лик, я бросил её в сразу переставшую казаться братской толпу. Но ведь даже враги, лучше подобных друзей.

— Леди! — я спрыгнул со сцены, равнодушно приземлившись на головы продолжающих веселье дьяволов. Я сразу оказался в кольце злобных взглядов, но это меня сейчас волновало меньше всего. Если понадобится я раскидаю по окрестностям всю эту площадь.

— Мастер! — Элати, не скрываясь, воспарила над толпой, в мгновение находя меня взглядом. Как странно она сейчас смотрелась, — её чистые белоснежные крылья над встревожено гудящим, разрисованным маскарадом.

Через несколько секунд мы уже стояли рядом. На лице ангела застыл не высказанный, но очевидный вопрос.

— Уходим, крылатая, — я поправил взволнованные мечи. — Я вроде нашёл дорогу.

Улицы города масок невосполнимо темнели. Великолепные дома провожали нас хмурым, осуждающим взглядом. Стук шагов по каменной мостовой влюблённо оттенял шум взбудораженного маскарада. И его хозяева были изрядно недовольны нашим поспешным

уходом.

Огромные, надзирающие маски словно отдали безмолвный приказ, и вся площадь устроила на нас странную охоту. Никто не хватался за меч и не посылал вдогонку меткую стрелу. Никто не кричал нам вслед проклятия и не старался схватить за руку. Вместо всей этой суеты они бросали в нас маски.

Срывая с лиц, выхватывая из карманов одежды, они бросали в нас самую суть этого гнилого мирка. И каждая из этих посланниц лжи старалась схватить моё лицо, мою душу, мои мысли. Я рубил их клинками, отводя взгляд и закрывая лицо, боясь, что если мне придётся одеть одну из них второй раз, то я могу уже и не вырваться из этого сладкого плена. Бесформенными кусками они падали мне под ноги, но на смену павшим уже летели сотни новых. Сотни соблазнов, сотни желаний, сотни обманов.

Элати, как и прежде, маски облетали стороной, не в силах ворваться в ледяную клетку её души. Её меч сверкал с не меньшей частотой, нежели мой, и казалось, что иногда было достаточно её холодного взгляда, для того чтобы очередной яростный лик отправился в небытие.

Ливень из масок постепенно прекращался, уступая своё место злему отчаянию властителей этих земель. Толпа расступалась перед лезвиями наших клинков и глаз. И уже у самого края площади я оглушил попавшегося под руку невысокого, тщедушного дьявола, который с криком бросил в меня одну из последних масок. Закинув его не слишком тяжёлое тело на плечо и оставив на потом изумлённый взгляд ангела, я сделал последний рывок и вырвался из объятий маскарада. И вырвался, вероятно, я один, — Элати даже не предложили этих объятий.

— Так зачем нам этот груз, мастер? — леди требовала от меня законных объяснений.

— А зачем, вообще, берут пленников, крылатая? — я свалил всё ещё оглушённого дьявола на дорогу. — Мне нужна информация.

Маскарад остался не далеко, но позади, погони видно не было, и я решил, что момент для быстрого допроса настал. Тем более, что вопрос у меня был всего лишь один. Несколько сильных ударов по щекам привели сразу застонавшего дьявола в чувство. Я прижал его к земле и сделал своё лицо как можно более грозным. Элати предусмотрительно опустила свой меч на его шею.

— Где лежат ваши мёртвые? — как ни печально это был сейчас единственный момент, который волновал меня.

— Мёртвые? — дьявол испуганно дёрнул головой, вернее попытался дёрнуть, меч ангела надёжно хранил свои рубежи.

— Да, мёртвые, такие же, каким станешь ты через секунду, если не ответишь, — я старался быть убедительным.

— Там! — видимо у меня получилось. — На краю города, всё время прямо.

— Долго идти? — вопрос был уже несколько лишним, но раз вырвался, то вырвался.

— Около часа, — дьявол мелко дрожал, вероятно, проворачивая в голове грустные варианты своих возможных перспектив.

— Отдыхай, — я послал полностью удовлетворившего мой интерес горожанина в очередной незапланированный сон.

— Зачем нам их мёртвые, мастер, — мой шаг был очень быстр, но всё же медленнее ожидаемого вопроса ангела.

— Это же легко, крылатая, — я не оборачивался, — нам нужна лишь одна дорога, и она

должна быть честной. А самая честная дорога, это дорога смерти, где бы она ни лежала. Уж ты-то должна была это запомнить. Не так давно это было.

— Кое-что не хочется запоминать, мастер, — похоже, жрица немного оскорбилась. — У меня и так довольно того, что уже нельзя забыть, как бы я этого не желала.

Дальше лишь лёгкий шелест наших шагов вторгался в звенящую тишину. Сумерки опустились на лживые улицы города-маскарада. И одни смотрящие отовсюду маски нарушали воцарившуюся гегемонию ночи. Они снова звали меня. Звали к простому и понятному, к минутам беззаботности, к часам праздности, к годам спокойного сна. Они больше не были злы, эти маски. Более того, они жалели меня, жалели мой вечный путь, мою нескончаемую борьбу. Они хотели помочь, но мог ли я принять эту преграждающую дорогу помощь? Мог ли я отдать им, всё то, ради чего жил и живу сейчас? Мог ли сам стать бездумной маской, за которой уже не будет ничего похожего на стремление. Стремление не к лучшему, но стремление вперёд. Вперёд, и пускай я неправ, но я буду идти, идти и бороться. А маску? Маску я успею надеть всегда, но вот хватит ли у меня после этого сил снять её, я не знал. Может и не хватит. А так я не рисковал даже в молодости.

— А ведь такой мир никогда не умрёт, мастер, — Элати прервала наше затянувшееся молчание, — ведь здесь никогда не будет ни войн, ни излишней ненависти и никаких сомнений.

— Верно, крылатая, — я с трудом отвёл взор от очередной маски, — но разве он нужен? Мир, где всё стоит на месте, где все делают лишь то, что им позволят, где нет места мечтам и дорогам. И разве не придёт когда-нибудь сюда кто-либо менее занятой, чем мы. И если ему хватит сил, разве он не перевернёт это перекращённое болото.

— Может и перевернёт, — леди неясно усмехнулась, — а может и останется здесь, чтобы забыть всё то, о чём он так долго и так больно мечтал.

Я промолчал. Моя мысль отвлеклась на вероятный финал нашего пути. Мы вышли к границе города. Дома послушно расступились, обнажив полное увядшей травы поле. Мы шли по этому клочку земли и я, увы, не находил никаких признаков местного кладбища. В голову начали лезть коварные мысли об очередном обмане, но вдруг поле закончилось, сменившись бескрайней пропастью. Наверное, ещё полчаса и в полной темноте я бы уже не заметил этой детали пригородного пейзажа. Но, видимо Великое Пламя решило подарить мне несколько искр удачи.

— А вот и их мёртвые, крылатая, — я подошёл к краю обрыва. — Всё верно, если нельзя надеть маску, то надо сделать так, что и надевать её было бы необязательно.

— И это и есть та самая дорога, мастер? — леди несколько неуверенно заглянула в подмигивающую бездну.

— Увы, крылатая, — почему-то я был уверен (наверное, потому, что был всё-таки Хозяином Пути), — бывают и такие дороги.

Я протянул ангелу свою руку. Та, обречённо вздохнув, сжала её холодной ладонью.

— Полетели.

Был маскарад влюбляюще-красивый,

Где сомневался я в огне и ветер врал.

Где масок плен на миг не затихал.

Где голоса — «мы лжём, пока мы живы».

Глава 7. Лабиринт. Часть 3

Ковёр из пожелтой листвы со всей возможной нежностью принял наши рухнувшие тела. Лёгкий ветерок поцеловал горячие лица, трель незнакомой птицы заставила отпустить сжатые до боли руки. Было светло и прохладно, маленький пушистый зверёк изумлённо взирал на нас с толстой морщинистой ветки. Я легко встал, присоединившись к уже поднявшейся Элати. В руках леди вертела подобранную палочку, на губах расцвела скромная улыбка.

— Пока мне нравится, — леди игриво бросила палочку в зверька и тот, издав короткий писк, исчез под густой кроной невысокого дерева.

— Пока это, увы, не так много, крылатая, — я уже выбирал пути для дальнейшего движения.

Внезапно сбоку раздался прерывающий минутную безмятежность шум. Из леса выскочило крупное, но явно травоядное животное и, мгновенно оглядевшись, устремилось в противоположном от нас направлении. Вслед за лесным зверем из скрывающей листвы выбежали два запыхавшихся дьявола. В руках у каждого из них было по большому, щедро украшенному изящной резьбой луку. Стрелы одновременно сорвались с тугой тетивы и также одновременно и безрезультатно воткнулись в землю.

— Опять! — один из них с короткой бородкой и несколько мутными глазами в раздражении швырнул лук на землю. — Который уже от нас сегодня уходит?

— Третий, — другой пониже и видимо пофлегматичнее скучаяще зевнул, — или пятый, и сдаётся мне следующий тоже оставит нас без своего мяса. А всё почему? — он академично поднял вверх толстый палец. — Потому что надо меньше пить.

Оба довольно рассмеялись и, уже разворачиваясь в обратный путь, внезапно заметили наш явно неместный дуэт. Впрочем, удивление их продлилось недолго и, слава огню, его окончание не было связано с обретением новых врагов. Наоборот, оба они искренне заулыбались и, беспечно размахивая руками, пошли в нашу сторону.

— Вот кому я всегда рад, так это новым лицам, — обладатель бороды приветственно поднял руку. — Ведь только узнав новое, понимаешь, как прекрасно было старое, — он заразительно рассмеялся.

— Шутит он, — второй дьявол протянул мне руку для пожатия.

Я охотно пожал его крепкую, но явно не боевую ладонь. Рука же ангела удостоилась галантного поцелуя. Второй дьявол, вдоволь отсмеявшись, проделал с нашими конечностями примерно ту же операцию.

— Ну и выпьем за встречу, — низкий дьявол отработанным движением достал из кармана куртки увесистую фляжку и, ловко открутив крышку, сделал большой глоток, подавая нам достойный пример.

Незнакомый алкоголь я предпочитал употреблять в осторожных дозах, в связи с чем мой глоток был порядком меньше. Но боялся я зря, — содержимое фляжки оказалось старым добрым вином, которое любили во всех уголках Ада, и как оказалось и за его пределами. Не слишком крепкое, но и не недостойно лёгкое оно чарующим ручьём пролилось по моему телу, оставив после себя лишь ощущение небольшой расслабленности. Судя по виду леди, она тоже нашла местное вино, вполне приемлемым для своего, смею предположить несколько утончённого вкуса. Второй же дьявол еле дождался, когда возжеленная фляжка

окажется в его руках, и теперь никак не мог от неё оторваться.

— Ну, вот и славно, — флегматик отобрал у своего друга заветную ёмкость и ещё более радушно, чем раньше, посмотрел на нас. — А теперь пойдём, продолжим в более спокойном месте.

— Что продолжим? — как мне показалось, мы так толком ничего и не начали.

— Как, что? — казалось, он искренне изумился. — Знакомство конечно. Ведь отличное вино, разве нет?

Пришлось признать, что вино и, правда, отличное, а поскольку никаких планов передвижений я составить пока не успел, то воспользоваться предложением местных обитателей было не самым плохим вариантом, тем более что они могли познакомить нас с этим располагающим к некоторому доверию местом, что было бы весьма кстати. Я быстро переглянулся с пожавшей плечами Элати и согласно кивнул, вызвав очередную волну радости.

Какое-то время мы довольно весело шагали по широкой тропе, передавая друг другу будто бездонную флягу и обмениваясь ничего не значащими словами. Минут через десять и так не слишком густой лес начал заметно редеть, открывая глазу манящие поляны и маленькие озёра.

Неожиданно под одним из низких раскидистых деревьев мы увидели лежащего в несколько неестественной позе дьявола. Автоматическая уверенность в том, что дьявол мёртв, сменилась некоторым облегчением, когда выяснилось, что тот всего лишь спит. Хотя спал он, надо отметить, с упорством мёртвого.

— Отличное вино! — бородатый дьявол весело захохотал и подмигнул нам, — и отличное место, сам сколько раз здесь дремал, подустав от веселья. Советую, — он снова засмеялся.

А ещё минут через пять мы вышли на вольготно раскинувшуюся поляну, полностью заставленную большими, широкими столами. А столы эти были щедро заняты дьяволами. Они пили, пели, спорили и играли в карты. Небольшой оркестрик наигрывал весёлую беззаботную мелодию, также не забывая прикладываться к большим глиняным кружкам. В центре поляны стояло огромное дерево, умело переделанное под полноценную таверну. Из её дверей то и дело выбегали служанки, разнося по столам пухлые бутылки с вином и дымящиеся тарелки.

— Пойдём внутрь, начинать надо там, где потише, — флегматик властным жестом указал нам на вновь хлопнувшие двери.

Мы с Элати согласно кивнули, а вот бородатый дьявол неожиданно замотал уже довольно пьяной головой и, указав на один из столов, где видимо сидели его знакомые, начал пробираться к радостно зовущим его дьяволам. Нимало не смутившись подобным маневром, невысокий дьявол уверенно повёл нас к ранее выбранной цели.

Круглые двери таверны гостеприимно распахнулись, и нам открылось просторное помещение с небольшими столиками и приглушённым светом. Здесь вместо весёлого оркестра играл печального вида пианист, правда, играл, насколько я мог судить, превосходно. Отправив меня с ангелом за один из дальних столов, наш новый знакомый унёсся к барной стойке, на ходу обещая угостить нас лучшим вином во всех известных ему мирах.

— Милое место, мастер, — леди не без удовольствия присела на похожий на пень стул, — и странно неплохая музыка, — она легко рассмеялась, обнажая белоснежные зубы.

Не успел я ответить на это объективное замечание, как флегматичный дьявол уже подсел к нам, принеся с собой большой кувшин очаровательно благоухающего вина. В мгновение разлив его по кружкам, он поднял свою.

— За встречу, кстати, меня зовут Мэйд, — и, не теряя более времени на разговоры, он жадными глотками устремился ко дну кружки.

В свою очередь, представившись, я также отдал дань уважения местным винокурам. А отдать было за что. Это вино оказалось и, правда, наверное лучшим, из всего, что я пил, а пил я в своё время очень и очень немало. Ласково-рвущей волной вино очистило разум от всех тревог и поисков, подсказывая, что наступило, наконец, время передохнуть от дорог и сражений. Я посмотрел на жрицу. Её алмазные глаза загадочно блеснули в полумраке комнаты. На лице играла уже немного полупьяная, задумчивая улыбка. Пальцы отбивали на кружке ритм в такт печальному пианисту. Немного оторвавшись от созерцания ангела, я понял, что Мэйд уже некоторое время ведёт со мной не такой уж и флегматичный монолог.

— И они говорят, что я пьян, — дьявол снисходительно усмехнулся. — Нет, я конечно пьян, но стоит ли это так называть. Стоит ли вкладывать в это слово столько презрения и непонимания. Стоит ли оскорблять, не зная и не попытавшись узнать. Ведь разве я пьян? Нет, я говорю себе — я свободен. Свободен от глупых норм и смешных запретов. Свободен от поисков никем ещё не найденного смысла и от пустоты в душе. Я свободен от всего и от этого предельно честен. Я говорю лишь то, что думаю, лишь то, что хочу сказать. И ведь не только говорю, но и делаю. И пускай я упаду, пускай что-то не смогу и не успею, но в эти минуты я буду просто честен. Честен с собой и с этим миром. Честен, потому что по другому было бы просто не верно. Ведь если у тебя есть шанс быть честным им надо воспользоваться? Ведь верно? А ведь такой шанс выпадает не так уж и часто, для того чтобы им брезговать. И неужели мои неверные шаги это такая уж высокая плата за пусть и краткую, но свободу, за пусть и нелогичную, но честность. А они говорят...

— Так пускай говорят, — я решил поддержать эту исповедь души, — пускай говорят, пускай смеются и оскорбляют. Ведь, если им не дано понять, разве есть в этом наша вина. И если их сил хватает лишь на то, чтобы затыкать свои уши, слыша наш искренний смех, не сами ли они стремятся к этому. И если они не хотят пожать наши руки, то, как можно говорить о том, что они правы. А если в их делах нет правды, то стоит ли вообще смотреть в их сторону? Стоит ли слушать их укоры и обвинения? Стоят ли их дороги того, чтобы мы прошли по ним? Так, что пускай говорят, приятель, и сами пускай это и слушают.

— Но ведь и вы часто не правы, — как ни странно, но леди также не удержалась от участия в развернувшейся беседе. — Ведь кроме свободы, вы получаете и ощущение безнаказанности, чувство вседозволенности и разве это уже будет той свободой, о которой мы говорим. Разве мало слёз принёс, в который раз лишней бокал вина? Разве мало раз мы жалели о том, что сделали вчера. Мало, мастер?

— Много, — и она тоже была права, — очень много, крылатая. Но стоило ли жалеть? Ведь я делал то, что хотел и мог ли я сделать лучше, чем сделал? Мог ли позволить себе сделать то, что желал? Мог ли хоть кто-нибудь из нас сделать это? Захотели бы мы это сделать?

— А нужно ли было это делать, мастер? — Элати схватила меня за руку. — Нужно ли, и если потом ты поймёшь, что нет? Поймёшь, что всё-таки ошибся? Поймёшь, что всё было зря. Что тогда, мастер?

Я промолчал. Я устал от этого в итоге бесконечного спора. Вино предсказуемо, хотя и

несколько торопясь, кончилось, и наш новый знакомый пошатывающейся походкой пошёл за очередной бутылкой. Огонь свечей игриво колебался, покорно кланяясь случайному ветерку. Пианист начал новую, медленную, затягивающую мелодию. Летящими, успокаивающими звуками она заполнила собой всё помещение. Несколько пар плавно закружили, отдаваясь влюбляющим звукам музыки.

— Танец, леди? — я протянул ангелу открытую ладонь.

Элати немного удивлённо посмотрела на меня, но согласно кивнула, и уже через несколько секунд мы медленно купались в прелестно-оживших нотах. Наши руки мягко сжимали друг друга, наши глаза, встретившись раз, уже не могли расстаться. Мне даже казалось, что я вижу сквозь бриллиантовый лёд прежнее нежное золото. Мы были пьяны, мы были честны и свободны. Наши губы сплелись в долгом жаждающем поцелуе. Мы забыли про наши долги и дороги, наши войны, рога и крылья. Я крепко сжал её плечи, не желая прерывать эту внезапную страсть даже на потерянный миг. Но Элати как-то обречённо отняла у меня свои ещё секунду назад безумные губы. Её глаза наполнила печаль и просьба о прощении. Её рука нежно проскользнула по моей щеке.

— Ты так и не понял, мастер, — леди захотела улыбнуться, но у неё ничего не получилось. — Так уж вышло, что и свою душу, и своё тело я отдала Великому Льду и боюсь, что уже навечно.

— Я перешагну вечность, — я не хотел той истины, которая устремилась на меня с её сожалеющих глаз.

— Я буду ждать, мастер, — жрица ловко вырвалась из моих рук и, сбрасывая на ходу тяжёлые слезы, отошла в глубь вдруг разом сгустившейся тени, — я буду ждать.

Я бессильно зарычал, до боли сжав кулаки и проклиная Небо, Пламя и Лёд. Я хотел вина, вина и беспомыслия.

Веселый несмолкающий шум, разбавленный довольно фальшивыми звуками порядком захмелевшего оркестра встретил меня, когда я вылетел из дверей таверны. Свои объятия открывал прохладный, но согревающий вечер. Я жадным взглядом обежал пьяные столы и, наконец, заимел счастье лицезреть моего бородатого знакомого. Прямым курсом я устремился к занятому им и его друзьями столу, от которого на всю поляну веяло очищающим грехом.

Я порывисто упал рядом с толстым дьяволом, впившимся в огромный кусок жареного мяса. Несколько секунд я находился в кольце недоумевающих взглядов, которые вполне могли перерасти во враждебные, но потом бородач всё же узнал моё хмурое лицо и, радостно поприветствовав, познакомил с остальными участниками застолья. Признаться, я не запомнил их имён, да и они вряд ли запомнили моё. Но разве это было важно. Важно было, что сейчас мы были вместе, были пьяны и свободны, важно, что мы до самых последних слов понимали друг друга.

Казалось, что никогда ещё мои кружки не были так полны и не пустели так быстро. Сколько лет прошло с тех пор, как я сидел так последний раз. Сидел среди неожиданных друзей, лица которых я завтра забуду, но за которых сегодня я был готов убивать и умирать. Где каждый был готов помочь избавиться от разъедающей моё сердце тоски.

— Коцит, — говорил я ему, — она говорит, что между нами лежат километра льда, — я сделал очередной глоток вина. — Быть может, но ведь она даже не попробовала их пройти, А я? Я ведь тоже не попробовал, а почему? А потому, что бесполезно, проще забыть её губы,

чем отодвинуть в сторону холод Коцита. Проще уйти, ведь всегда проще уйти. И почему мы всегда ищем простые дороги, дороги, на которых нет преград и перекрёстков. Дороги, которые мы точно пройдем. Даже я их ищу, — я схватил своего соседа за грубую куртку, — даже я, а ведь я могу пройти по любой дороге, веришь?

— Верю, — послушно кивал мой молчаливый собеседник, непослушной рукой наливая себе ещё вина, — а вот у меня был случай...

Я уже не слушал его слабо интересовавшего меня в тот момент рассказа. Я встал, и все ещё относительно уверенными движениями пересел поближе к бородатому дьяволу, который увлечённо предавался музицированию.

— Раск! — так звали моего недавнего знакомого, — Раск, дружище, а пойдём на охоту! Пойдём подстрелим себе свежего мяса, прольем горячую кровь, взбодрим сердца, забудем обо всём!

— На охоту! — радостно закричал пьяный дьявол. — Вот это слова настоящего мужчины! Все идём на охоту! За мной!

Несобранной толпой мы поднялись со своих мест и, похватав лежащие рядом луки, которые оказались у всех кроме меня, с криками и песнями отправились на новую забаву, которой так просило моё вновь раненое сердце.

Я нахально вырвал из чьих-то ослабевших ладоней длинный лук и, теперь уже натянув на него нетерпеливо ожидающую полёта стрелу, готовился пустить её в первую же жертву. Ещё не полностью стемнело, и я вполне мог разглядеть цель шагов за пятьдесят от себя. Но мы всё шли и шли, а добычи всё так и не было. В голове мелькнула запоздалая мысль, что если мы и дальше не прекратим орать и петь, то от свежего мяса придётся отказаться. Я позволил себе выразить эту неожиданно здравую мысль вслух, и все согласно замолчали на пару долгих минут, а потом, решив, что если зверь не идёт, так и огонь с ним, снова разразились оглушающим вечер шумом.

А ещё через минуту, мне всё надоело. И эта весёлая, глупая компания и заранее обречённая охота, и даже немного моя вновь давшая трещину жизнь. Последний раз взглянув на хохочущих очередной тупой шутке дьяволов, я резко свернул под спокойную невысокую зелень местных лесов.

Сначала я избавился от надоевшего лука, а потом и от не менее надоевших мыслей. Я просто шёл по мягким листьям, покорно спотыкаясь об ухмыляющиеся корни и с переменным успехом уворачиваясь от появляющихся из темноты веток. Какой Коцит? Какие ангелы? Пусть всё сгорит в безумном огне! Пусть передо мной вновь будет ещё одна дорога, которая не осудит и не откажет. Которая поймёт и примет, засмеётся и простит. И какая мне была разница, будет ли она простой или тяжёлой, будут ли меня на ней ласкать или бить, но ведь я знал, что пойду по ней при любом раскладе.

Ветки испуганно расступились, и передо мной открылось маленькое лесное озеро. Лёгкие волны маняще накатывались на пологий травянистый берег. На хрустальной глади мерцали последние осколки света. Лишь тихий, робкий плеск мелких рыбёшек нарушал покой этого вечера.

Едва успев сбросить одежду, я яростно нырнул в обжигающую разгоряченное тело воду. Исцеляющая прохлада ворвалась в плоть и душу, очищая и заставляя забыть. Я хохоча извергся из спасительной воды. Всё, всё в огонь! Отдайте мне мою жизнь, заберите у меня свои! Дайте мне идти куда я хочу! Пускай я завтра умру, но умру свободным! Да и зачем мне умирать? Ведь всё может быть так просто! Всё может быть так легко! Почему же этого

никто так и не поймёт?! Почему?!

Я закричал, исторгая из себя всю боль, все кровавые раны души, всю накопившуюся скорбь. Пусть все кричат вместе со мной! Пускай мы, наконец, окажемся правы! Когда же наступит этот миг?!

Дрожа, я выбрался на гостеприимную зелень и рухнул в неё, закрыв глаза и обнажив сердце. В лицо хлынул запах трав и растревоженной воды. Пересилив себя, я поднялся, оделся и достал верную трубку. Уже через минуту горький табачный дым знакомо наполнил мой рот. В душе наступил долгожданный покой. Всё в огонь, всё в бездну.

— Ты разбудил меня, дьявол.

Покой оказался недолог, но я даже не схватился за мечи. Показательно лениво я посмотрел на источник мягкого, свежего голоса. Я с трудом мог рассмотреть её лицо в наступивших сумерках, взгляду открылся лишь тонкий гибкий силуэт, в расслабленной позе лежавший на широком камне около берега. В нём чувствовалось и сила, и загадка, и немного нерастроченной боли, тщательно скрываемой, но изредка выбрасываемой наружу. Невероятно длинные волосы мягким ковром покрывали её обнажённое тело. Руки нежно играли с послушным её капризам ветром. Её Путь был лёгок и прост. Я окончательно расслабился.

— Ещё не время спать, милая, — я выпустил изо рта очередную порцию дыма. — Ночь только началась.

— Но я так мало сплю, — она изящно потянулась, — а теперь ещё меньше.

— Я скоро уйду, — грусть вновь начала заползать в сердце, — тогда и отоспишься.

— Но я не хочу, чтобы ты уходил, — она полуспрыгнула-полусползла с камня. — Развлеки меня, раз разбудил.

— Я не шут и не влюблён, — как прекрасен сегодня был дым. — С чего мне развлекать тебя, милая?

— Не влюблён? — она присела около меня. — А откуда тогда эта рана?

Её влажная ладонь опустилась мне на сердце, её лицо оказалось рядом с моим. Высокий лоб, огромные глаза, чуть впалые щёки, — прекрасное лицо. Но желал ли я его сейчас? Желал, но дай мне ещё пару минут, красавица.

— Она уже затянулась и вряд ли откроется вновь, — моя рука схватила её прохладную длань. — А ведь ночь только началась.

Она со смехом вырвалась из моей мягкой хватки и игриво отбежала на несколько шагов.

— Поймай меня, дьявол! — она снова засмеялась, оживляя сгустившуюся темноту.

Я коротко усмехнулся. Лёгким, осторожным движением я стремительно бросил длинноволосую незнакомку в свои уже избавившиеся от трубки руки. Я почувствовал, как её сердце возбуждённо задрожало. Пару раз тревожно взметнулись длинные ресницы. Её тонкие пальцы крепко сжали мои плечи.

— Кто ты, дьявол? — её тихий восторженно-испуганный голос сладким потоком взорвался в моей груди.

— Сегодня, я хозяин твоей ночи.

— Как славно, что ночь только началась.

Глава 7. Лабиринт. Часть 4

Я умиротворённо смотрел, как она выходила из замершего в темноте озера. Капли воды разлетелись пьяным ветром, когда она вскинула голову, раскидывая в стороны свои чарующие волосы. Глаза её были всё ещё удовлетворенно полуприкрыты, а губы ностальгически дрожали. Сбросив с бедра задержавшуюся каплю, она изящно легла в траву, с интересом заглядывая мне в глаза.

— Она красивая? — в вопросе не было ревности, лишь искреннее желание узнать.

— Ещё немного вина и я позволю себе сравнить её с твоей тенью, — я рассеянно бросил камень, поднявший в тихом озере каскад незапланированных брызг.

— Значит, очень красивая, — длинноволосая хитро улыбнулась. — Красивая и гордая. Как жаль, что она отказала.

— Мне больше жаль, что я трезвею, милая, — мне действительно было искренне жаль. — Я так не хочу трезветь.

— Всем нам когда-нибудь приходится трезветь, дьявол, — голос подарка ночи дрогнул, — и часто мы бы предпочли оставаться в пьяном неведении. Просто желать, просто смеяться, просто жить — жить секундой, мгновением. Не думать ни о чём, не сомневаться ни в одном поступке. Любить друзей и карать врагов, кричать и быть вечно правым. Но... — она поцеловала воздух, — это, наверное, было бы слишком легко и вероятно слишком быстро. Так может быть всё-таки надо иногда трезветь? А, дьявол?

— Но не сегодня, — я решительно встал. — Сегодня протрезветь меня не заставит само пламя. Извини, ласковая, мне пора.

— Весёлой ночи, дьявол, — она немного разочарованно обняла себя за плечи, — будешь рядом, заходи. Я попробую сделать тебя пьяным.

Я поднял руку в прощальном жесте, а потом деревья вновь раскрыли передо мной скрытую под вуалью ночи тропу.

— Кэй! Кэй, дружище! — Раск бешено размахивал руками, в одной из которых был уже догорающий факел, а в другой полупустая (хотя возможно и полуполная) бутылка с вином.

Я молча подошёл к искренне обрадованному дьяволу и, хитро подмигнув, ловко выхватил бутылку из его давно нетвёрдой руки. Каждый новый дурманящий поток радостно хохотал, оказываясь во мне. И пока этот хохот не перерос в неясный, разбивающий прибой я не смог отрываться от бутылки. К сожалению, к этому моменту она как раз подошла к концу, в связи с чем бородатый дьявол издал горестный вздох.

— Это была последняя бутылка, — он укоризненно посмотрел на меня.

— Значит, начнём пить заново, — я зашвырнул отслужившую своё бутылку в кусты. — Ведь нам для этого хватит и золота, и конечно жажды.

— И я как раз знаю одно весёлое место неподалёку, — бородач весело захохотал и хлопнул меня по плечу.

— Так сделаем его ещё веселее.

Как ни удивительно, но местный дьявол не ошибся в своих оптимистичных прогнозах по поводу сроков окончания нашего маленького путешествия. Уже минут через двадцать мы оказались в непосредственной близости от очередной древообразной таверны. Она была несколько меньше первой, уже отмеченной моим присутствием и вместо музыки оттуда

доносились пьяные крики. Чем хороши такие места, так это тем, что в них ты не боишься испортить царящую атмосферу своим пьяным поведением, так как другого там просто не предусматривалось.

— Отличное место, — знакомо отрекомендовал мне это подозрительное заведение мой партнёр по времяпрепровождению.

— Не сомневаюсь, — я решительным движением толкнул уже почти слетевшую с петель дверь.

Дверь привычно скрипнула, и мы оказались в тесноватом помещении, наполненном дымом, руганью и до краёв пьяными дьяволами. Раск неуверенно-вальяжной походкой завсегдатая начал пробираться к вероятно последнему свободному столу в зале. А после того, как мы, наконец, достигли этой заветной цели, пришлось долго и уныло выискивать свободного официанта. Здесь, вместо милой девушки, им оказался довольно вороватого вида парень со свежим шрамом на скуле.

Вино также вполне соответствовало местной системе ценностей. Кислое и в остальном довольно безвкусное оно, тем не менее было гораздо лучше пустой бутылки, которой мы обладали до этого. Сказав какой-то невнятный тост, мой компаньон с энтузиазмом начал дегустацию поданного нам алкоголя, а я немного огляделся, рассматривая местный контингент.

По-хорошему смотреть было не на что. Все представленные здесь дьяволы обладали достаточно скучными, хотя и довольными лицами. Женщин было не много, и, учитывая мою недавнюю встречу у озера, они также вызвали во мне минимум интереса. Единственное, что привлекло моё несколько рассеянное внимание, так это явно намечающаяся в одном из углов таверны драка.

Две небольшие группы дьяволов медленно поднимались из-за своих столов и выкрикивая недвусмысленные угрозы, явно собирались сходить друг с другом вплотную. Начал драку самый маленький и, как водится, самый крикливый дьявол, запустив увесистую кружку в голову своего оппонента.

Хрупкая плотина рухнула, и в воздухе замелькали яростные кулаки сцепившихся посетителей. А учитывая уже упомянутую мной тесноту, драка из локальной быстро переросла в практически всеобщую. В стороне от этого стихийного события остался только наш столик и естественно лишь благодаря мне. Даже у пьяного, у меня хватало мастерства отшвыривать любого подошедшего на неудовлетворяющее меня расстояние.

Говоря честно, подобные драки я крайне не любил. И не любил вероятно потому, что мягко говоря слабо владел приёмами рукопашного боя. В них у меня, как правило, не было никакой надобности. А вот мой недавний приятель всё порывался подняться и поучаствовать в веселье. Во избежание трагичных последствий приходилось мягко усаживать его обратно. После этого он удивлённо оглядывался и вновь припадал к всегда наполненной кружке.

Постепенно пьяное сражение начало стихать. Последние, самые азартные участники продолжали лениво и неопасно бить друг друга, но уже минут через пять умолкли и они. К этому же времени кончилось наше вино и мой интерес к этому, изрядно порушенному месту. Раск уже увлечённо спал, уронив голову на стол. Я решил не нарушать безапелляционный ход его сновидений. Вместо этого я кинул хозяину пару золотых монет, попросил присмотреть за моим другом и взял ещё одну бутылку вина.

— А ну стой, урод! — какой-то явно всё ещё не отошедший от пожара драки дьявол

нетвёрдо, но с достаточно очевидными намерениями пробирался ко мне.

— Догоняй, — я снисходительно усмехнулся и продолжил свой путь к выходу. Драться по прежнему не хотелось.

Обломок стула больно ударил в плечо, когда я был уже почти у самого выхода. Мои руки машинально легли на рукоятки мечей. К сожалению, этого хватило для того, чтобы приоткрыть двери, предрекая визит до поры дремавшей смерти. Мне по-прежнему не хотелось драться. Теперь мне хотелось убивать. Резко повернувшись, я увидел, что мой недоброжелатель уже обзавёлся небольшой армией своих сторонников. Ну, что ж так будет чуть честнее. Чуть-чуть.

Нагло улыбаясь, я устремился к ним спокойным и очень опасным, для понимающих, шагом. Но эти представители местного населения к когортам понимающих относились вряд ли.

— Вали, его! — огромный толстый дьявол широко замахнулся немаленькой лавкой, едва не задев при этом своих товарищей. На его лице горела искренняя и, в общем-то, не слишком злая улыбка. С этой улыбкой он и отправился в мёртвые земли. Остальные, не сразу осознав произошедшее, несогласованной толпой бросились на меня. Через десять секунд все они лежали с изумлёнными лицами, щедро заливая грязный пол багровой кровью. А смерть снова довольно хохотала на моих напившихся клинках.

Тихий, испуганный вскрик оторвал меня от созерцания этой картины. В семи шагах от меня стояла вульгарно одетая девушка, закрыв предавший её рот дрожащими руками. В её пьяных глазах роился разрывающий ужас. На меня медленно начало сниходить осознание сотворённого. Ведь я мог просто расшвырять их в разные стороны, как увядшие листья. Зачем мне были нужны их жизни? Или они были нужны не мне?

Я проклинаяще застонал, с брезгливостью кидая в ножны осквернённые не битвой, но казнью клинки. Я выбежал из затихшей в страхе таверны и яростно вломился в густые древесные заросли. Ветки хлестали меня по щекам, темнота отворачивала своё лицо, становясь ещё непроглядней. Я, Хозяин Пути, опустился до того, что стал палачом. Сердце плакало, вместо огрубевших глаз, душу рвало и кидало на осуждающие шипы. А где-то позади всё ещё саркастически смеялась над моим смятением так и не пожелавшая вновь заснуть смерть.

Сознание быстро и опечаленно гасло. Я уже слабо соображал куда и зачем я иду. Хотело прилечь и забыть про всё. Про что? Я уже ничего не помнил. Я хотел спать, хотел оказаться в лучшем месте, хотя чем плохо и это. Будто услышав мои неловкие мысли, длинный корень резко ударил по ногам. Я покорно упал, успев вдохнуть запах опавших листьев и вроде бы даже закрыть глаза.

Яркие свечи ревниво освещали прелестной работы картину, на которой был изображён чудный натюрморт. Серебряные приборы выгодно дополняли большую изящную тарелку с тонкими кусками мяса, от которых шёл благоухающий пар. Рядом стоял бокал нежно-розового вина.

Кроме меня в небольшой уютной комнате не было никого. Я не то, чтобы был сильно голоден, но не удержался от искушения отрезать небольшой кусок обещающего наслаждения мяса. На вкус оно действительно оказалось великолепно. А глоток прохладного вина только усилил молчаливую благодарность создателям этого кулинарного шедевра.

— Рад, что тебе понравилось, Кэй.

Я повернулся. Светясь благожелательной улыбкой, на меня смотрел проигравший мне желание дьявол. То, что я также проиграл ему желание, сознание пока старательно не замечало. За спиной его бесшумно закрылась неотличимая от стены дверь.

— Я то как рад, — прожевав мясо, я не удержался и сделал ещё один глоток из бокала. — Так, кто же первый?

— Могу уступить, — дьявол шумно упал в глубокое кресло и сделал рукой щедрый жест. — Начинай Кэй.

Я подозрительно посмотрел на своего собеседника. Что-то слишком быстро он согласился предоставить мне право первого слова. С другой стороны меня такой вариант полностью устраивал, в связи с чем искать какой-то скрытый мотив его действий представлялось довольно бессмысленным.

— Тогда вот моё желание, незнакомец, — я аккуратно поставил бокал на край стола. — Так уж вышло, что возле меня играет смерть, и я хотел бы, что бы она бросала своих козырей, чуть дальше, чем сейчас.

— Но разве, она не на твоей стороне, Кэй? — дьявол подался вперёд. — Точно на твоей, раз ты ещё жив. И какая разница, в какой близости от каждого из нас она будет играть, ведь в любом случае не убежать. Я знаю, — он ухмыльнулся, — я бегаю давно, давно и быстро. Но стоит мне чуть замедлить, как я уже чувствую её дыхание. Так может у тебя есть другое желание, Кэй?

— У меня много желаний, — я скучающим взглядом пробежался по стене комнаты и остановился на лице её хозяина, — и может быть есть и поважнее, но их я могу выполнить и сам. А вот как раз в этом, — я сожалеюще вздохнул, — мне, увы, нужна помощь.

— Отличный резон, Кэй, — дьявол несколько неприятно засмеялся, — отличный резон. Ну что ж, — он не спеша, поднялся, — я попробую исполнить твоё желание. Пойдём.

Он первый вышел из комнаты, оставив дверь открытой. Я не без тревоги последовал вслед за ним. Как оказалось, дверь выводила на открытую площадку, устланную белоснежным камнем. Исполнитель моего желания уверенно шёл к самому краю.

Мы остановились за несколько сантиметров до начала уходящей в бесконечность пропасти. По-прежнему слабо знакомый дьявол молча стоял, чуть покачиваясь и морща лоб. Казалось, он о чём-то сосредоточенно думал. Я надеялся, что как раз над моей проблемой.

— Смерть не надоевшая любовница, Кэй, — дьявол ещё ближе подступил к краю обрыва. — Её нельзя просто выставить за дверь, даже если этого очень хочется. Её придётся просить. Просить, умолять и падать перед ней на колени. И вот тогда она, быть может, нет, не смилостивившись, но устав от твоего нытья, уйдёт искать себе более весёлую компанию. Ты готов умолять, Кэй?

— А может, есть ещё вариант? — умолять я не хотел даже смерть.

— Есть, — дьявол задумчиво посмотрел на меня, — конечно, есть, просто я их не знаю. И так уж вышло, что спросить мне тоже не у кого. Но ведь у нас есть ещё немного времени, Кэй. Может быть, ты сам найдёшь их? А я помогу. В конце концов, ты, наверное, прав. Упасть на колени можно всегда. А вот встать с них уже может и не получиться.

— А если я отниму её игрушку? — я с вдохновлённым сарказмом посмотрел вниз. — Ведь она так к ней привыкла и вряд ли захочет расставаться.

— Это опасно, Кэй, это, прости за каламбур, смертельно опасно, — лёгкая жалость проскочила во взоре дьявол. — Стоит ли оскорблять её желания?

— А какая в итоге разница, незнакомец? — я немного натянуто засмеялся. — Она с

равным гостеприимством встречает и оскорбивших, и умоляющих. Я вроде никогда не слышал, чтобы у неё были фавориты.

— А если бы был шанс им стать? — огонь интереса зажегся во взоре покачивающегося на краю дьявола

— Жизнь против чести, — я глубоко вздохнул, — эту загадку хорошо решать у тёплого камина, с дымящейся трубкой в руке. И часто ответ будет неверен. А сейчас я просто бы предпочёл отсутствие смерти.

— Прелестный выбор, Кэй, — мой должник коротко хохотнул. — Ну так действуй, коли решил.

— И у меня будет право на следующее желание, — я хитро посмотрел на своего визави по пропасти.

— Увы, Кэй, увы, — дьявол довольно засмеялся, — согласись, я ведь сильно облегчил твой выбор. И ведь тебе кажется, что выбор верен. Быть может это и так.

Я разочарованно мотнул головой, но приходилось признать, что слова незнакомца сильно смахивали на правду. Так или иначе, но он всё же выполнил моё желание. А последний ход должен был быть за мной.

И я этот ход сделал. Я долго смотрел, как мои драгоценные клинки падали в раскрывшую пасть бездну. Слишком долго, они уже давно должны были затеряться во тьме, но их отверженный блеск всё ещё пронзал мои глаза. А потом я отвернулся.

В голову ударили обитой железом дубиной. Так показалось, а на самом деле я просто проснулся. И как ни печально, события прошлого дня я, хотя и с относительной точностью, но помнил. И идиотский флирт с ангелом, и непонятную встречу на озере, и резню в местном кабаке. А ещё я помнил, что если столько выпить, то следующий день будет крайне непрост. И в этом аспекте память меня не подвела в том числе.

Подняться на ноги мне удалось только с третьей неловкой попытки. Ещё пару минут ушло на попытки определить, где же я сейчас нахожусь, и только отточенные чувства опытного Мастера Дорог позволили мне это сделать с относительным успехом. С трудом пробираясь между густых лесных зарослей я, с поднимающимся волнением чувствовал какое-то изменение в собственных движениях. А ещё через секунду я с ужасом обнаружил, что о мои ноги больше не бьются элегантные ножны верных мечей.

Около часа я бродил по окрестностям, едва не крича от досады. Но вместе со временем приходило и странное облегчение. Я ещё помнил, кто выбрал эти мечи для своих увеселений. И теперь я не только терял, но и обретал. Обретал свободу самому решать убивать мне или просто отбить удар и отойти. Ведь ещё ночь назад такой возможности у меня не было. А мечи, мечи я найду новые, вот, правда, они уже, скорее всего, будут куда как хуже утерянных творений Алого кузнеца.

Я благополучно обошёл вчерашнюю залитую кровью таверну и удачно вышел прямо к месту нашего вчерашнего расставания с Эллати. С единственным желанием залиться до краёв холодной водой я ввалился в практически пустой зал. Опытная официантка тут же протянула в мои поддрагивающие руки ледяной кувшин. На долгую минуту я припал к нему, благодаря милостивое пламя за то, что оно всё ещё не забыло бедного дьявола.

Оторвавшись от опустошённого кувшина, я неосторожно оглянулся и увидел ангела. Вид у Эллати был несколько потрёпанный, во взгляде поселилась изрядная доля смущения, а бледные щёки стремительно алели.

— Бывает, крылатая, — я иронично усмехнулся, — и такое бывает.

— Как скажешь, мастер, — она явно испытала значительное облегчение. — Но разве я не слышала плеск воды?

Глава 7. Лабиринт. Часть 5

— А где твои клинки, дьявол? — изумлённый возглас жрицы застиг меня, когда мы уже подходили к цели нашей здешней дороги.

— Потерял, — я старался быть хладнокровным.

— Слава Небу! — Элати поймала мой гневный взгляд. — Извини, мастер, но ты ведь сам знаешь, что эти мечи были уже не твои.

Я промолчал. Перед нами открылось озеро, которое вчера подарило мне столько искренней страсти. Я постарался отогнать от себя приятные воспоминания. Мы приблизились к краю воды. Лёгкий ветерок шаловливо гнал на берег маленькие волны. Моя рука крепко сжала ладонь Элати.

— Вода очищает, крылатая, — я начал входить в послушно расступающееся озеро, — а нам сейчас явно надо немного очиститься. Нырять!

И уже в последнее мгновение моего пребывания на этом отрезке Лабиринта, до меня донёсся возбуждающе-знакомый и чуть завистливый голос.

— И, правда, прелестно красивая.

Прости, я пьян, да не всегда, но хоть сейчас
Да не тобой, — тобой потом не в этот раз
Пускай не прав, но вот ещё вина глоток
Со мной огонь, — огонь-дурак, огонь-игрок.

Камни больно врезались в ослабленное тело. Густая пыль заставила яростно чихнуть, а проклятия Элати несколько скрасили моё болезненное раздражение подобным приёмом. Я с трудом приподнялся и обозрел, куда нас закинуло на этот раз. Перед моим нестройным взором открылось довольно мрачное место. Какие-то серые развалины, редкая трава, несколько тёмных птиц, напряжённо кружащих неподалёку.

— Где мы, мастер? — Элати в этот день была явно подвижней меня и уже почти уверенно стояла на ногах, упоённо отряхивая серебро волос.

— Только пламя знает, крылатая, — места были не знакомые, — но, по опыту подозреваю, что оно не скажет.

— А как думаешь, — леди оценивающе приподняла бровь, — вон те ребята, согласятся просветить нас на этот счёт?

Я без особого энтузиазма повернул взгляд в отмеченную жрицей сторону. С ещё меньшим энтузиазмом я имел счастье лицезреть в этой грешной стороне небольшую стайку, алчно смотрящих на нас существ. Худые, низкого роста, с длинными обломанными клыками и грубо сделанными дубинками они производили довольно жалкое впечатление. И это чувство только усилилось, когда я оценил силу их Путей. Существа оживлённо переговаривались и всё ближе подбирались к нам, воинственно размахивая своим вызывающим улыбку оружием.

Я уже примеривался, как наиболее элегантно отправить эту местную компанию в последний полёт, когда сбоку вдруг раздался громкий топот, и на импровизированную арену ожидаемой короткой схватки, сидя на невиданном мной ранее звере, выскочил молодой дьявол с обнажённым мечом и вдохновлённым взором.

— Не бойтесь, несчастные! — его голос оказался, пожалуй, несколько тонок для такой пафосной фразы. — Я спасу вас!

К словам своим парень относился явно ответственно и по прошествии этой короткой тирады бросился в решительную атаку на в некотором недоумении замерших обладателей дубинок. Однако если он намеривался взять этих тщедушных ребят на испуг, то, увы, конкретно просчитался. Издав по короткому раздражённому воплю, они весело устремились на размахивающего мечом всадника. Одного противника нашему спасителю удалось довольно ловко рубануть сразу захмелевшей сталью, но остальные, как ни печально, стали при этом гораздо более осторожными. И теперь весь ансамбль упоённо кружил, стараясь выбрать подходящее место для удачного удара.

— Стареешь, мастер, — Элати скусающе оперлась на, как оказалось преждевременно обнажённый меч. — Тебя уже начинают спасать. И от кого!

— Сама стареешь, — я всё-таки соизволил встать на не слишком напрягшиеся от этого ноги. — Я мудрею.

— Тогда помог бы пареньку, дьявол, — жрица показательно отправила меч обратно в ножны. — Он мог бы стать неплохим проводником, если выживет, конечно.

Последнее замечание было довольно своевременным, так как взявшие нашего защитника в неровное кольцо существа уже, похоже, делили между собой его псевдодьявольское мясо. А поскольку проводник нам бы и, правда, не помешал, я решил последовать гуманному совету ангела и проявить некоторую инициативу.

Оставив одного клыкастого аборигена ради удовлетворения честолюбивых порывов азартно рубящего пустоту всадника, я без лишней суеты отправил остальных на свидание с несколько удивлёнными таким поворотом событий камнями. Через пару секунд оставшийся в одиночестве агрессор обескураженно подставился под более-менее умелый выпад нашего спасённого спасителя. После чего всадник издал торжествующий крик и, не спеша подъехал к нам, явно гордясь проделанной работой.

— Здесь опасные места, незнакомцы, — он изо всех сил старался казаться хладнокровным. — Вам сильно повезло, что я оказался рядом и отогнал этих тварей.

Я еле сдержал усмешку. Похоже, паренёк решил, что остальные участники сражения просто сбежали, ужаснувшись его разящего клинка.

— Спасибо тебе, воин, — Элати оказалась более тактична, — мы и правда немного заблудились, — леди изысканно улыбнулась. — Может быть, ты согласишься на время стать нашим поводырём в этих беспокойных землях.

— Я бы и рад, прекрасная незнакомка, — парень не слишком ловко поклонился, — но на мне лежит великая миссия, — он гордо поднял голову. — Я должен убить проклятого Чёрного герцога.

Вероятно, эти слова должны были ввести нас в благоговейный транс, поскольку потенциальный убийца Чёрного герцога (проклятого) воззрился на нас с оскорблённым недоумением. Видимо вышеупомянутый герцог был здесь довольно известной личностью, и как представлялось, вспоминали о нём с осязаемой долей печали. Элати устало посмотрела на меня. Я вздохнул.

— Позволь, мы на некоторое время составим тебе компанию на твоём более чем достойном пути, — в конце концов, эта дорога была ничем не хуже остальных, а помощь местного жителя могла оказаться совсем нелишней. — Не думаю, что мы станем для тебя обузой.

— Я не вижу у тебя оружия, незнакомец, — парень презрительно ухмыльнулся. — Разве может дьявол без оружия не стать для меня обузой.

— Не всё так просто, паренёк, — я начал потихоньку заводиться, — не суди, пока не узнаешь.

— Прошу тебя, храбрый воин, — горячая улыбка Элати составляла оригинальный контраст с холодным взглядом алмазных глаз, — наша признательность будет безмерна.

— Хорошо, — похоже, романтика юности не позволяла бросить даму в обществе дьявола без оружия, — вы можете идти со мной какое-то время, но предупреждаю сразу, — он положил ладонь на рукоятку меча. — Это может быть очень опасно.

— Мы понимаем, — леди привычно-обречённо вздохнула.

Уже около часа мы следовали за довольно безрезультатно старающимся задумчиво смотреть вдаль парнем. Пейзаж благополучно сменился на несколько более благожелательный. Чуть прибавилось света, зелени, а с ними и отсутствие тревог. К тому же наш новый приятель, окрестивший себя — Бриор, клятвенно гарантировал нам защиту от всех местных невзгод. Хотелось бы верить.

Между тем, мне, как ни странно, крайне импонировала та дорога, по которой мы шли. Казалось, что наш нежданный попутчик ведёт нас прямо к выходу из очередного витка Лабиринта, что, впрочем, меня вполне устраивало. Оставалось лишь бороться с всё более настырно подступающим желанием послать всё в пасть огню и спокойно подремать в наугад выбранной тени.

— Бриор, дружище, — я решил сделать попытку отвлечься от навязчивых желаний просветительской беседы, — а всё же, чем так провинился этот Чёрный герцог, и почему именно на тебя возложена столь почётная миссия по его ликвидации?

Местный дьявол наградил меня умеренно-гневным взглядом, но всё же решил снизить до ответа.

— Чёрный герцог — это тиран и убийца, всё зло в мире идёт от Чёрного герцога, все беды, все страдания, — его глаза яростно заблестели. — Много слёз было пролито его стараниями, много славных героев погибло от его руки. Но теперь пришёл конец его злодеяниям. Я отрублю его гнилую голову.

Я с сомнением посмотрел на дрожащего от собственных иллюзий парня. Если все выступающие против Чёрного Герцога герои были похожи на этого, то вряд ли его жизнь отличалась излишней тяжестью. Скорее всего, многие просто не добивались до своей вожделенной цели, находя окончание пути много раньше, как, к примеру, едва не произошло с нашим спутником. Мелькнула даже циничная мысль, что сам герцог и не знал, какие против него выдвигаются силы.

— А почему именно ты, Бриор? — мне действительно была интересна логика рассуждений молодого дьявола.

— Я Герой, — спина его стал ещё прямее, а взгляд ещё вдохновлённей.

— Это тебе кто сказал? — я не мог удержаться, несмотря на укоряющий взор ангела.

— Я всегда это знал, — саркастический вопрос ни на миг не смутил Бриора. — Я всегда знал, что когда наступит время, мне выпадет честь сразить Чёрного герцога.

— И как же ты узнал, что время наступило? — я не сдавался.

— Тебе не понять, Кэй, — казалось, взор его заглядывал за горизонт, так далеко он его устремил, — но поверь мне, каждый Герой знает, когда пришло время вершить своё

предназначение.

— Ясно... — в целом картинка выходила презабавная.

Нахально прерывая наш познавательный разговор, впереди раздались громкие крики. Объехав небольшую скалу, мы увидели группу дьяволов, которые весело связывали отчаянно кричащего соплеменника. Быстро закончив это нехитрое дело, они не слишком аккуратно бросили его на небольшую телегу и, не обращая внимания на наш маленький отряд, поехали по уходящей вбок дороге.

Признаться меня мало взволновали местные разборки. То же можно было сказать и о леди, глядя на её равнодушное лицо. Но вот наш обретенный Герой явно воспринял данную ситуацию близко к сердцу. Пришпорив своего неизвестной породы скакуна, он устремился к никуда не торопящимся дьяволам с явной целью сеять добро и справедливость. Обменявшись с Элати понимающими взглядами, мы поспешили за ним, чувствуя какие-то опекунские инстинкты.

Когда мы наконец добрались до места нечаянного randevu, то Бриор уже гневно гарцевал перед телегой, обнажив меч и сурово сдвинув не слишком густые брови. Неожиданно же остановленные дьяволы, вместо того, чтобы трястись в очевидном испуге и раскаянии, доставали своё простенькое, но при необходимом умении столь же опасное оружие. А один довольно расслабленно направил на нашего Героя заряженный арбалет.

— Отпустите его! — Бриор, казалось, не видел ни арбалета, ни других объективных преград. Перед ним была только цель, цель настоящего Героя — защитить и спасти. Спасти, не думая и не сомневаясь.

— Уйди, парень, — дьявол выразительно помахал арбалетом, — сами разберёмся.

Герой явно вознамерился подкрепить свои слова праведным делом, и вероятно так бы и не добрался до ничего ещё не подозревающего герцога, но я решил, что коль наши дороги совпадают, то я наверное тоже должен принять некоторое участие в обсуждении дальнейшей судьбы замершего на дне телеги в ожидании развязки дьявола.

— А в чём собственно претензия, приятель? — я довольно вальяжно подошёл к месту событий, нагло заглянув в телегу.

— Не твоё дело, — арбалет напряжённо уставился на меня.

— Да я в целом согласен, — я виновато развёл руками, — но так уж вышло.

Относительно грозный арбалет так и не успел выстрелить, вырвавшись из изумлённых рук, неожиданно прижатого к каменистой земле дьявола. Подле него легли и остальные пассажиры телеги. И ставя в этой сценке эффектную точку, в сантиметре от глаз, как нам показалось, главного в группе дьявола, вонзился блистающий меч ангела.

— И всё же я настаиваю, — я присел рядом с ним, продолжая держать все интересующие меня Пути.

— Резонный довод, — как оказалось местным жителям не чужды задатки самоиронии. — Этот урод, — вероятно, после этого должен был последовать жест в сторону связанного дьявола, — должен нам денег. Занял ещё полгода назад, а отдавать не спешит до сих пор. А когда мы решили простимулировать его в решении данного вопроса, он попытался сбежать. Но недалеко. Вот теперь везём обратно. Снова будем стимулировать.

Я подошёл к незадачливому должнику. Элати уже успела разрубить держащие его веревки, и теперь он старательно растирал руки, боязливо оглядываясь. Жертва праведного гнева оказалась довольно таки невзрачного и одновременно шального вида, так что я вполне мог предположить, что кара к нему применена достаточно правомерно.

— Что скажешь, жертва репрессий, — я устало посмотрел на него.

Он ответил так, как я и ожидал. Начал усердно и неумело врать. Через минуту неумолкаемой болтовни, из которой следовало, что он кристально честный дьявол и знать не знает этих разбойников, стало откровенно скучно. Я взглянул на леди. Та понимающе усмехнулась и поднесла к горлу разом замолкшего дьявола меч.

— Или скажешь правду, или умрёшь, — я вполне натурально зевнул.

Как оказалось через пару дрожащих секунд жить он хотел больше, чем врать. Несколько приуменьшив свою вину, он всё же подтвердил версию всё ещё не отпущенных мной дьяволов.

— Вот так, Бриор, — я посмотрел на нашего Героя. Вид надо сказать он имел удивлённо-оскорблённый. Вероятно, дьяволу без оружия, всё же удалось произвести на его молодой ум некоторое впечатление. И как было видно, он оставался не слишком согласен с ещё невысказанным мной, но вполне очевидным решением. Однако, потакать его желаниям я был точно не намерен.

— Идите куда шли, — я отпустил дьяволов. — И стимулируйте без фанатизма, — старший группы невысоко подлетел в воздух, — а то вдруг ещё встретимся.

Дьяволы быстро и с видимым облегчением отправились в дальнейший путь, а я снова обратил свой взор на нашего неудавшегося мстителя. Тот ответил мне гневным и непонимающим взглядом.

— Я хотел защитить слабого, — он буквально выплюнул мне в лицо эти поистине геройские слова.

— Похвальное желание, парень, — я посмотрел на удаляющуюся телегу, — только при этом надо помнить, что слабый не всегда прав. А точнее он довольно часто не прав, ведь слабый, как правило, не хочет быть правым, слабый желает быть сильным. Он тоже желает вершить, а не терпеть.

— А если ты сильный, значит и прав? — он буквально обвинял меня.

— Увы, — я усмехнулся, — это тоже вряд ли. Ведь сильному уже не нужна правда, он вполне может позволить себе лгать. И иногда эту ложь остаётся лишь терпеть.

— Я никогда не буду терпеть ложь, — очередной смешной идеал увенчал его пылающие глаза.

— Как угодно, — мне в целом было всё равно. — Но не лучше ли нам продолжить путь к мрачной цитадели Чёрного герцога. А то вдруг с ним что-нибудь случится.

Несколько минут в душе Бриора разум вёл отчаянную войну с эмоциями и в итоге, слава огню, победил. Как ни прискорбно, но дорога этого парня была сейчас и моей дорогой и сходить с неё было бы несколько неоправданно. Поэтому, я испытал некоторое облегчение, когда смущенный неожиданным поворотом событий Герой, надменно не обращая на нас пламенных глаз, решительно устремился вперёд — убивать Чёрного герцога.

— Слушай, мастер, — Элати пылливо посмотрела мне в глаза, — а почему здесь всем наплевать, что я ангел. Неужели не бросается в глаза.

— Точно не знаю, крылатая, — я устало вздохнул, — но в Аду долгое время циркулировала версия, что в Лабиринте мы видим лишь тех, кого готовы увидеть. Мы видим дьяволов, так как ожидали увидеть дьяволов, а кто они на самом деле нам никогда не узнать. Вот и они видят тех, кого легко может воспринять их разум. Видят своих сородичей.

— Удобно.

— Ещё удобнее.

Почти два часа мы взбивали дорожную пыль, наблюдая перед собой чрезмерно прямую спину нашего так и не сказавшего ни слова провожатого. Дорога не дарила нам особенного разнообразия, говорить было не о чем, а нормально размышлять в состоянии сильно ослабленном, после вчерашнего злоупотребления вином я не мог. В общем, особой радости, дорога к удивлению не дарила. Наверное, действительно старею.

Вдруг на горизонте возникло тёмное пятно. Через полчаса пятно приобрело довольно монументальные очертания, а ещё спустя не сильно затянувшееся время справа от нас вырос полуразвалившийся, но ещё имеющий какое-то подобие формы замок. На мой взгляд, ничего необычного в его серых стенах не было, однако Бриор заметно напрягся, пропорционально нашему приближению к этому творению местных зодчих.

— Что за камни, приятель? — интерес у меня надо сказать был довольно посредственный, но хотелось хоть как-то развлечься.

— Это не камни, — через несколько сомневающийся секунд наш Герой всё же снизошёл до ответа, — это руины Дворца Слёз. Здесь жил и творил свои злодеяния отец Чёрного герцога — его называли Повелитель слёз. Долгие годы по этим землям текла кровь, пока, наконец, не нашёлся Герой, созвавший под свои знамёна могучих воинов. Они разрушили проклятый дворец и убили его кровавого хозяина. Говорят, если пробраться в глубину этих мрачных коридоров, то там можно найти топоры Повелителя слёз, те самые, от которых погибло столько Героев. Но никто до сих пор не осмелился дотронуться до этого проклятого оружия.

— А что, говоришь хорошие топоры? — топоры я любил совсем чуть меньше мечей.

— Это было самое смертельное оружие на этой земле, — Бриор не заметил азарта в моих глазах. — Говорят, что свою силу Повелитель слёз черпал именно из них.

— Врут, скорее всего, — я уже увидел чёрное пятнышко входа в разрушенный дворец. — Но я думаю, стоит в этом убедиться. Ты как считаешь, крылатая?

— Стоит ли, мастер? — Элати явно не хотелось опасно задерживаться.

— Стоит, — я уже решил. Я действительно чувствовал себя немного ущербным без надёжной стали в руках. А тут неожиданно подвернулась возможность отхватить такой раритет. А в злую сущность оружия я не верил никогда. Ведь мои утерянные клинки тоже в общем то не были злы, просто у них была несколько другая система ценностей, априори несовпадающая с общепринятой.

— Ты собираешься войти туда?! — наш юный друг был явно ошарашен. — И взять эту проклятую сталь?!

— Разве поступок не достойный настоящего Героя? — я уже начал двигаться в выбранном направлении. — Войти в обители зла и отобрать у него его главный символ. А потом, — я на секунду обернулся, — потом рубить этим символом любого, не устраивающего наши добрые мечты, персонажа! А!?

Странно, но эта бредовая речь, похоже, заставила парня по-другому посмотреть на наше отклонение от выбранного курса. Всё ещё сомневаясь, он, тем не менее, слез со своего зверя и, ведя его на поводу, отправился за мной. Элати, лицезрея такую слаженность действий, оставалось только последовать нашему несколько безответственному примеру.

В седельной сумке у Бриора нашёлся кривоватый, но вполне рабочий факел, что окончательно уверило меня в радужных перспективах нашего предприятия. Подмигнув его весёлому пламени, я решительно вошёл под своды Дворца Слёз.

Внутри приятно не оказалось ничего интересного. Только серый потрескавшийся камень, пара вдребезги разбитых статуй и наводящая тоску паутина. Коридор, слава пламени, был только один и как показалось вполне проходимый. По нему не слишком обращая внимания на местные достопримечательности (за неимением) мы и продолжили свой путь. Коридор быстро кончился, сменившись чередой всё таких же беззаботно-безжизненных комнат, в которых нас также встречала только пыль и паутина. Мне даже стало немного скучно от такого успокаивающего однообразия.

— А где чудовища и призраки прошлого? — я обернулся на напряжённого Бриора. — Или их присутствие не обязательно?

— Откуда я знаю, — парень досадливо дёрнул щекой, — я тоже здесь впервые.

Внезапно в очередном проходе в соседнюю комнату явственно замерцал свет факелов. Ну вот, похоже, договорился. Сейчас начнём развлекаться. Потушив свой жезл огня и замедляя шаги, мы осторожно заглянули в освещённую комнату. И надо сказать увиденное сильно подняло моё, уже с утра пошатнувшееся, настроение.

На стенах комнаты действительно висело несколько весело достаточно ярких факелов. Их веселящий сердце свет призывно падал на небольшой столик, на котором вольготно лежали два средних размеров топора, которые вероятно и составляли предмет моих нынешних исканий. А рядом разместился ещё один стол, за которым уверенно расположился маленький толстый дьявол. Дьявол аппетитно что-то жевал, с изрядной периодичностью запуская большую ложку в не уступающую ей в эпитетах миску.

— Здорово! — я по-хозяйски вошёл в комнату, вопросительно поглядывая на толстяка.

— А!? Кто здесь!? — выроненная из дрогнувшей руки ложка оскорбленно зазвенела об каменный пол.

— Я здесь! — расслабленно ухмыляясь, я подошёл к прервавшему свою трапезу дьяволу. — А ты, что хранитель местных сокровищ?

— Нет, — дьявол явно испугался, — я так, просто. Обедаю.

— Вкусно? — я уже откровенно улыбался.

— Ничего вроде, — дьявол наоборот бледнел в такт моей улыбке.

— А почему дома не обедаешь?

— Да ну, — он как-то погрузился. — Дома жена, дети, — все бегают, орут. Разве можно в такой обстановке насладиться трапезой, — он с проснувшимся вызовом посмотрел на меня. — Вот и прихожу сюда. Здесь тихо, спокойно, атмосфера располагает. Поесть, покурить, подумать, да и поспать здесь тоже вполне хорошо. А вы сюда, зачем пришли? — друг всполошился он.

— Да, я за своим, — потеряв интерес к недовольному семейным шумом дьяволу, я подошёл к столу с топорами. — Сейчас уйдём. Ты ешь, не обращай внимания.

Дьявол послушно подобрал ложку, а я, наконец, смог вблизи насладиться моим новым оружием. А это, по всей видимости, было именно оно. Впервые я увидел топоры, которые показались мне красивее мечей. Широкие, но при этом изящные лезвия, идеальной длины рукояти, загадочные рисунки на обухе. Я с изрядным трепетом взял оружие слёз в руки. Наверное, всё же они действительно где-то унаследовали характер своего владельца, только вот не тот, о котором говорил мне местный герой. Я не почувствовал в них ни злости, ни ненависти, ни особой жажды крови и уж тем более приписанных им слёз. Нет, от них шла волна безумного веселья, веселья, которое должно охватывать воина, но не убийцу. У них не было цели убить, лишь насладиться схваткой, лишь засмеяться, врезаясь во врага, а умрёт он

или останется жить какая, в сущности, разница, ведь если он выживет, значит будет новая схватка, и это будет прекрасно.

Не удержавшись, я закружился в потенциально смертоносном танце, стремительно вращая своим новым оружием. Как и ожидалось, рукояти были более чем удобны, баланс идеален, а лезвия веселы и пьяны, пока что только ожиданием битвы. Но то ли ещё будет. Дорога ещё долгая.

Резко развернувшись, я метнул захлебывающийся смехом топор в каменную стену. Яростно лязгнув, лезвие вошло в холодный камень почти наполовину. Лишь с огромным трудом мне удалось вытащить его обратно. Топор довольно зазвенел, желая продолжения веселья, но для этого необходимо было найти врага более достойного, нежели равнодушная стена.

— Ну, вот и всё, — я вновь взмахнул новоприобретённым оружием. — Трелещи Чёрный герцог!

Глава 7. Лабиринт. Часть 6

Вечер неумолимо брал этот наивный мир за уже едва различимую уздечку. Отчаянно хотелось спокойно поужинать и провалиться, наконец, в пропасть ласкового сна. По лицу Элати было видно, что она также не отказалась бы от подобной перспективы. А вот наш юный друг, напротив всё также упрямо прокладывает себе путь в чёртоги бескрайней темноты.

— А что, Бриор, — я всё же решил попробовать, — нет ли здесь поблизости какого-нибудь чудного приюта для уставших скитальцев?

— Причём на много километров вокруг, — он даже не обернулся. — Да и не пристало Герою спать на мягкой постели.

— А, ну тогда действительно, — последний довод оказался, вероятно, решающим. — Слышала леди, у нас тут всё сурово. По-геройски.

Элати чуть слышно застонала.

Когда темнота стала нахально подсматривать мои мысли, я всё же решительно настоял на прекращении на сегодня наших явно затянувшихся передвижений. После этого переломного момента, через несколько минут довольно безмятежно затрепал веселящий костёр, а я, наконец, смог лечь и предаться мечтам о скором сне. Решив не оттягивать выполнения этого плана, я наскоро поел, императивно договорился, что дежурить буду последним и, наконец, мгновенно заснул под присмотром снисходительной ночи.

Казалось, прошла секунда, когда рука Элати мягко толкнула меня в плечо.

— Просыпайся, мастер, сегодня короткая ночь, — голос ангела был усталый, но довольный.

Я с сомнением поднялся, стараясь сдержать резонный порыв разума послать всё на милость огня и продолжить досматривать ускользающий сон. Сдержать не удалось, однако удалось уговорить его на время смириться с невозможностью такого продолжения. Тем более, что мне было чем заняться. За то время, которое было отведено на проклятое пламенем дежурство, я намеревался переделать свои не слишком актуальные сейчас ножны в надёжные петли для моих весёлых топоров. Дело представлялось не совсем простым, но вполне выполнимым, и я, окончательно переборов накатывающую сонливость, сел около костра и начал готовиться к этой явно не равноценной замене завтрака.

К моему удивлению Элати не бросилась в объятия сновидений, а осталась сидеть рядом со мной, задумчиво смотря на невысокое пламя. Огонь игриво отражался в её глазах, словно согревая их ледяной блеск. Пальцы ритмично постукивали по чуть приоткрытым губам. Дыхание было плавным и умиротворённым.

— Странно, — её шепот еле донёсся до меня, — у нас в Раю другой огонь, холоднее что ли, или просто дальше. А может просто другой? Как думаешь, мастер?

— Я думаю, что у вас в Раю дрянь, а не огонь, — я решил проявить давно уже задремавший патриотизм, — так что наслаждайся, крылатая, пока ещё есть такая возможность.

— Так, мы ведь сейчас тоже не в Аду, — леди коротко усмехнулась.

— Не в Аду, но близко, — я был непреклонен. — Про огоньс Ашзар поговоришь, когда встретитесь.

— Мастер, — Элати как-то смущённо улыбнулась, — ты извини, что так получилось. Я

про вчерашний вечер. Я ведь правда хотела. Просто, — улыбка стала знакомо-грустной, — просто действительно не могла.

— Да, интересный мог получиться прецедент, — напоминания о прошедшем странно дёрнуло моё сердце. — А вот нужный ли?

— Раз хотели, значит нужный, — леди как-то уж слишком пристально смотрела на меня. — Я ведь и сейчас хочу.

— Но не можешь.

— Не могу.

— Тогда забудь, — я вернулся к своим пока ещё довольно бесформенным поделкам. — Иди спать, крылатая, — у героев сон короткий.

Я еле успел закончить и с гордостью осмотреть свою ночную работу, когда Бриор встал и активно начал собираться в продолжение своего похода за головой Чёрного герцога. В связи с этим печальным событием, пришлось и нам с ангелом, едва перекусив, устремляться вслед за таким ответственным Героем, чья дорога так неоправданно стала и нашей. А дорога эта, как оказалось, через несколько часов уже подходила к своему логическому завершению.

— За тем мостом начинаются земли Чёрного герцога, — Бриор волнительно указал на вполне себе симпатичный мостик, пересекающий небольшую весёлую речку.

— То есть Чёрное герцогство, — я изобразил как можно более ненавидящую гримасу.

— Да, — у парня явно было плохо с юмором.

— Ну, тогда вперёд, Герой, — я торжественно взглянул на него. — Тиран должен быть смущён и повержен.

Молодой дьявол явно воспринял мои слова близко к сердцу и, резко выдохнув, решительно поскакал к мосту. Нам с Элати еле удалось отговорить его от одиночного продолжения великой миссии. Но, в конце концов, он всё же согласился, что цель оправдывает средства. Нам с ангелом, увы, достались не слишком почётные звания средств.

Надо сказать в землях Чёрного Герцога оказалось довольно мило. Не было ни развешенных на ветвях трупов, ни белеющих на земле костей, ни стонов ограбленных и обиженных. Вместо них радостно пели птицы и счастливо распускались бутоны цветов. В общем, никаких следов зла и коварства.

— Слушай, Бриор, а ты уверен, что мы туда приехали, — я, честно говоря, и вправду начал сомневаться, — больно здесь спокойно.

— Это всё лишь иллюзия, — ничто не могло сбить нашего героя с выбранного курса. — Так он заманивает в свои сети новые жертвы.

— А, тогда понятно, — а я уже приготовился поворачивать обратно.

Между тем обогнув очередную беззаботно шелестящую рошу, мы увидели первых подданных местного чёрного правителя. Ими оказались не меньше десяти крепких и совсем не плохо вооружённых дьяволов, довольно беспечно расположившихся в прохладной тени деревьев. Дьяволы оживлённо о чём-то беседовали, передавая друг другу объёмистую бутылку. Пришлось приблизиться к ним на довольно близкое расстояние, прежде чем на нас соизволили обратить рассеянное внимание.

— Смотрите мужики, опять Герой едет, — явно расстроенный этим фактом дьявол с сожалением отложил полупустую бутылку и потянул из ножен широкий меч.

— Уже второй за неделю, да ещё с компанией.

— Эх, только задремал.

— Да ладно, тут дел то.

— Только давайте быстро, а не как в прошлый раз, целый час за ним гоняться.

— Какой-то он совсем молодой, может и сам уедет?

— Не, не уедет. Они же все тупые как камни, всегда надо объяснять.

— Ну, попробовать всё же надо.

Седой дьявол, который, по всей видимости, был в этой бригаде за старшего, не спеша, вышел на середину дороги и поднял руку в тормозящем жесте.

— Валил бы ты, парень, отсюда, — дьявол почти с жалостью смотрел на гневно воззрившегося на него Бриора. — Здесь Герои долго не живут.

— А Герои нигде долго не живут, — останавливая в зародыше срывающуюся тираду Бриора, я поспешил выйти на первый план намечающихся переговоров, — именно поэтому сегодня с вами я. — Сражаюсь не по правилам, бью лежачего, в спину и пленных не беру, — признаться, я немного приукрасил собственную кровожадность, но это ведь лишь для пользы дела. — Так что на этот раз Герой пройдет, — последнюю фразу я нарочно сказал очень серьёзно.

— А это мы сейчас проверим, — дьявол явно не спешил сдавать позиции, хотя я, впрочем, и не сильно на это рассчитывал.

Волнительную секунду я размышлял над тем, не стоит ли мне, наконец, опробовать свои топоры в деле и пришёл к печальному выводу, что их время ещё не настало. Я знал, что справлюсь со всей этой стаей меньше чем за пару секунд, а значит, это снова будет не битва, но казнь, а топоры жаждали именно битвы. Так что справляться видимо придётся старыми проверенными средствами.

Ещё толком не успевшие достать оружие дьяволы разлетелись в разные стороны, впрочем, я старался, чтобы их траектории не стали фатальными. Стоять остался лишь имевший право голоса предводитель, который удивленно и обескуражено наблюдал за полётом своих бойцов. Но трусом он явно не был, поскольку упрямо застыл на своём месте, грустно смотря мне в глаза.

— Неужели тебе платят столько золота, что ради него ты готов умереть, — я решил уважить достойное поведение противника и попробовать снова договориться.

Вероятно, Чёрный герцог оказался не настолько щедр, так как дьявол обречённо махнул рукой и понуро пошёл подбирать своих стонущих товарищей. Как оказалось у него было ещё одно неоспоримое достоинство — дураком он не был также. Я же в свою очередь жестом предложил моим спутникам двигаться дальше. По моим ощущениям до главного злодея всего это участка Лабиринта оставалось всего ничего.

— Что загрустил, парень? — я заметил, что нашим Героем овладели какие-то скорбные думы.

— Ты ведь тоже Герой? — он как-то завистливо посмотрел на меня, — только гораздо сильнее и храбрее меня. Я бы не смог с ними со всеми справиться, — вероятно, это признание стоило ему недешево.

— Да, нет, Бриор, — я усмехнулся. — Герой это ведь не сила твоего меча, это состояние души. Спасать, защищать, не отступать — я всего этого не умею, а ведь без этого Герой не Герой. Ведь верно.

— Верно, — Бриор с недоумением смотрел на меня.

— Ну вот, значит у нас тут один Герой, — я подмигнул парню. — А быстрый меч дело наживное.

В связи с отсутствием каких-либо дополнительных преград на нашем праведном пути, мы уже через пару часов смогли лицезреть долгожданную цитадель зла. Она представляла собой большой, но, тем не менее, уютно смотрящийся дом из светлого камня. Вокруг был разбит лучащийся красками сад, в котором весело играла стайка детей. Пожилая дьяволица с любовью наблюдала за их забавами.

— Наследники зла, — прокомментировал я эту картину, — играют в деспотизм и тиранию.

— Мы точно туда пришли, Бриор? — теперь засомневалась и Элати. — Мне кажется или здесь всё действительно немного не так, как задумывалось?

— Чёрный герцог живёт здесь, — Бриор упрямо двигался к массивным доброжелательно приоткрытым дверям.

— Ну, здесь, так здесь, — приходилось учитывать мнение местного жителя. — А давай я схожу на разведку, чтобы тебе потом не искать его по всему дому. А ты постой пока здесь. Леди, ты ведь составишь компанию Герою? Конечно, составишь. Я быстро.

И не дожидаясь ответа на моё предложение, я быстро вошёл в обиталище Чёрного ли герцога. В том, что Элати не даст пареньку последовать за мной, я не сомневался. Теперь оставалось лишь найти предмет вожделенных поисков всех местных Героев. И в этом, вероятно, мне сможет помочь неожиданно выскочивший из-за угла весьма довольного вида дьявол.

— Где хозяин!? — я сделал по возможности страшное лицо, и настроение дьявола резко ухудшилось. — Веди! — обитатель цитадели зла явно не отличался излишней героичностью и, что-то неуверенно пробормотав, послушно повёл меня к владельцу этого логова тьмы. Я еле успевал за его торопливыми шагами. Наконец мы оказались возле самого обычно вида двери, и дрожащий палец дьявола указывал именно на неё. Я ещё раз грозно взглянул на своего бледного проводника и как можно более нагло распахнул не слишком тяжёлую дверь.

— Не ждали! — за дверью обнаружилась небольшая комнатка, половину которой занимал огромный стол. У стола стояло не уступающее ему по масштабам кресло. А в кресле сидел уже довольно немолодой дьявол, увлечённо курящий затейливую трубку и как-то недоверчиво разглядывая меня своими серыми глазами.

— Герой!? — в его голосе слышалось больше изумления, чем страха. Вернее страха в нём не слышалось вовсе.

— Чёрный герцог!? — я признаться тоже был несколько удивлён.

— Чёрный-пречёрный, — он с тяжёлым вздохом начал подниматься из кресла, в руках его неожиданно блеснул довольно грозный для этих мест меч. — А ещё я хоть и старый, но Мастер Войны, хотя ты вряд ли знаешь, что это такое. Но, клянусь огнём, узнаешь ты это крайне скоро.

— Спокойно, земляк, — вот теперь я действительно удивился, — я сам, в общем, тоже не совсем Герой.

— Как забросило сюда, сам не помню, — начал свой рассказ Нират-Бар, более известный местным обитателям под именем Чёрный герцог, — ну, а выбраться, увы, не смог, — я понимающе кивнул. — Пришлось как-то обустроиваться на новом месте. Народ здесь надо сказать довольно бездарный, талантов особых не имеет, вот я решил подняться немного. Крови, конечно, наверное, пролил многовато, зато и взял в итоге прилично.

Хватило и на землю, и на дом, и на маленькую гвардию, — он ностальгически вздохнул. — И тут, когда уже всё вроде пришло в норму, заявляется ко мне какой-то парень и заявляет, что он значит Герой, а я Чёрный герцог — злодей, продавший душу тьме. И что он меня сейчас убьёт и положит конец моим злодеяниям, — старый Мастер Войны покрутил пальцем у виска. — Нет, я, конечно, повторюсь крови пролил изрядно, но причём здесь тьма, нужда заставила. Паренек, к сожалению, оказался невменяемым, так что пришлось его отправить в другие миры, — он выразительно погладил свой меч. — А потом они стали являться едва ли не каждый месяц и все такие же, как и первый — все Герои и все без мозгов. Ну, не резать же мне их всех. Даже жалко как-то, молодые парни. Вот я и нанял специальных людей, чтобы они отправляли всех желающих отрубить голову Чёрному герцогу в куда-нибудь подальше, но желательно живых. Но тебя я смотрю, они не сильно остановили, — я виновато развёл руками. Нират-Бар усмехнулся и продолжил, — так, что я давно уже не имел счастье лично встречать местных Героев. И ещё бы столько же не имел. А сколько бак про меня придумали, — дьявол засмеялся, — говорят, даже где-то здесь мой отец похоронен и зовут его Повелитель слёз. Нет, ну как можно такой бред выдумать, — отсмеявшись, он замолчал, пристально глядя на меня спокойными глазами. — А ты то зачем пришёл, Кэй?

— Да я так, проездом, — я начал с неохотой подниматься из зовущего остаться кресла. — И, пожалуй, мне уже пора, — я чувствовал, что дорога Бриора перестала быть моей и вновь надо выбирать другой путь. — Храни тебя пламя, мастер.

— Вот и всё, Бриор, я убил Чёрного герцога, — я изо всех сил старался придать своему голосу торжественность. — Больше он не будет сеять вокруг себя зло и страдания. Теперь мир сможет вздохнуть спокойно. Извини, что не отдал это право тебе, — я виновато вздохнул, — но уж слишком большая ненависть вспылала во мне при одном его виде.

— Значит всё? — парень сам не знал радоваться ему или расстраиваться.

— Да всё, — я положил ему руку на плечо. — Теперь ты можешь возвращаться домой и сказать, что исполнил свою великую миссию. Теперь ты настоящий Герой.

Мы долго провожали задумчивыми взглядами это смешного парня. Героя. Защитника слабых. Победителя Чёрного герцога.

— Как жаль, что он скоро умрёт, — ледяная слеза блеснула во взоре Элати.

— А ведь правда жаль, крылатая, — я тяжело вздохнул. — Но уж так вышло, что мир не любит героев. А порой и ненавидит. Но нам пора, леди. Пошли.

— Куда теперь, мастер.

— Теперь уже всё равно, вот хотя бы за ту тень.

Честный взгляд, верный путь. Что ещё? Зачем другое?

Свет любви, враг во тьме. Что ещё желать?

И к чему, сомнений грех? Лучше пригласим героя,

Будет он своим мечом бардов вдохновлять.

Мокрая грязь неприятно скользнула по щеке, холодный ветер, казалось, пытался добраться до самого сердца, мелкий презрительный дождь неистово барабанил по лицу. Вокруг всё было покрыто серой дымкой, в которой что-то беспрестанно шевелилось. Вдали раздавались неясные, но малопривлекательные крики. Короче, мне здесь сразу не

понравилось.

— Великое Небо! — Элати с гневом оглядывала свои испачканные грязью крылья. — Я так понимаю, что мы вновь немного ошиблись дорогой.

— А может даже и не немного, — раскрасить в розовый цвет местные красоты никак не представлялось возможным.

Внезапно из окружавших нас сумерек выскочил невероятно тощий дьявол с непропорционально длинными руками и абсолютно безумным взглядом. Не надевая наше присутствие своим сомнительным вниманием, он, что-то безостановочно бормоча и тоскливо подвывая, бросился в одном ему ведомом направлении.

Решив воспользоваться, хотя бы таким невеликим шансом узнать наше месторасположение, я дёрнул бормочущего дьявола на себя. Тот, как показалось, не особенно удивившись, продолжил шептать свои бессвязные речи, но уже мне в лицо. Сильно его встряхнув и тем самым заставив взять перерыв в нескончаемом монологе, я, наконец, получил желанную возможность задать интересующий меня вопрос.

— Где мы!? — я ещё раз встряхнул дьявола. — Отвечай или умрёшь.

Вероятно, эти волшебные слова были действительны во всех мирах, так как взор дьявола немного прояснился, хотя страха, увы, в нём так и не оказалось.

— Вы? Вы там же, где и я. А где я? Я там же, где и вы. Мы все лишь в одном шаге от выхода, но мы его никогда не найдём. Нет! Никогда! Никогда не найдём выход, как навсегда забыли вход. Забыли мы — забыл и он. Забыл нас. Навсегда! Но, — он мелко задрожал, — но я ещё поищу, меня ещё не догнали, — дьявол начал затравленно озираться. — Но догонят, догонят и выпьют мою кровь, выпьют мою душу, закроют мои глаза. Мне надо бежать! Бежать! — он начал неистово рвать своё тело в обречённых попытках вырваться из-под моей хватки.

Поняв, что большего от этой потенциальной жертвы неведомых сил добиться будет тяжело, я выбросил его обратно, в клубящийся туман. Вскоре его шальное бормотание стихло вдали. Я с тяжелым вздохом посмотрел в противоположное направление. Сейчас придётся делать то, что я не любил практически больше всего в жизни — идти наугад. С другой стороны, если верить нашему несостоявшемуся гиду, мы ведь всего лишь в шаге от выхода и желательно рассчитывать, что это может быть шаг в любую сторону.

— Пойдём, крылатая, — я обнажил замершие в предвкушении топоры, — и я очень тебя прошу — готовься к худшему.

— Всегда, — меч леди уже давно был предрасположен к бою.

Глава 7. Лабиринт. Часть 7

Не успели мы пройти и ста метров, как рядом с нами словно распахнулось окно. Туман рассыпался в разные стороны, а на нас уставилась большая, кричаще-синяя птичья голова, венчающая вполне дьявольское тело. Приоткрыв длинный узкий клюв, дьяволоптица издала хриплый обличающий звук и, как-то сразу после этого загрузив, мгновенно затерялась в снова окутавшем пространство тумане.

— Видишь, как нас здесь встречают, крылатая, — я поудобнее перехватил изнывающие от скуки топоры.

— К сожалению, — леди явно была не в восторге от увиденного. Впрочем, я вполне одобрял её вкус в этом вопросе.

Через пять минут настороженной ходьбы мы упёрлись в обросшую мхом стену, высоту которой скрывал всё тот же не достаточно редкий туман. После короткого совещания мы выяснили, что Элати на свой страх и риск воспарит как можно выше и принесёт для нас более точные данные параметров местной архитектуры. Решение было одобрено единогласно при одном воздержавшимся.

Проклиная сквозь зубы свою невесёлую долю, Элати бросила на меня не слишком добрый взгляд и воспарила на поиски местных вершин. Сворачивать не хотелось и если эта стена имеет более-менее разумные пределы, то её вполне можно будет преодолеть без вреда для собственного драгоценного здоровья. Я едва успел проводить унёсшегося вверх ангела по традиции задумчивым взглядом, как меня уже отвлекли для новой беседы.

— А покурить, покурить, не богат ли? — на меня снизу вверх хитро-жалобно смотрел старый безногий дьявол, довольно уверенно сидящий на грубой деревянной каталке. В руке он сжимал явно доживающую свои последние дни, треснувшую в нескольких местах трубку, которой призывно махал у меня перед глазами. — Табачку, табачку бы мне. Давно я уже табачка хорошего не курил, так что и плохому рад буду. Выручи друг, сил нет — одни желания. А я уж заплачу, чем смогу. Хотя, честно говоря, могу я немного, но зато от души. Угости, а?

Всё это он выпалил на одном дыхании, жадно ощупывая взглядом мои карманы, словно выискивая вожаденный табак. Думал я, в общем, не долго — табака ещё хватало, а вот информации нет. А этот вроде был более здравомыслящим, чем предыдущий осведомитель. Я набрал в руку до сих пор душистого табака и в меру щедро отсыпал в подставленные ладони безногого. Тот благодарно закачал головой и в миг забил едва не выроненную от спешки трубку. После этого он запустил руку под свою каталку и неожиданно выудил оттуда алеющий уголёк. Через несколько секунд он уже алчно затягивался лучшим табаком Ада, блаженно прикрывая глаза.

— Услуга за услугу, приятель? — я дождался его быстрого утвердительного кивка и продолжил, — Где мы?

— Откуда я знаю, — он недоумённо воззрился на меня, — здесь же руку свою с трудом разглядишь. Надо чуть подальше пройти, там светлее, там увидим, там поймём. Но ведь надо ещё пройти, а это бывает не просто. Я уже вряд ли дойду. А вот ты обязательно попробуй. Главное не забывай, что выход есть, даже если уже не видно дороги. Ведь не обязательно видеть, чтобы знать, хотя это конечно совсем не плохо. Ну, прощай, спасибо за табак.

В скорости отступления он вполне мог соперничать со своими двуногими сородичами.

По крайней мере, уже через пару секунд я перестал замечать его низкий силуэт, облепленный туманом и дымом. Впрочем, шелест ангельских крыльев отвлек меня от продолжения этих бесцельных раздумий. Элати, тяжело дыша, приземлилась рядом со мной, едва устояв при этом на стройных ногах.

— Нет там прохода, мастер, — она всё ещё не могла отдышаться. — Сплошная стена, и её конец это похоже не то, о чём мы можем мечтать.

— Ну и огонь с ней, — сказать, что я сильно расстроился, было бы очевидной ложью, — значит пойдём низом.

Я со всей возможной натянутой уверенностью направился в сторону, так недавно принявшую моего безногого собеседника. Вроде там должно стать светлее. Было бы неплохо, учитывая, что видимость была лишь в районе пяти метров. А это не совсем то расстояние, которое необходимо для элементарного комфорта.

А через минут десять обнаружилось, что табак я потратил не напрасно. Медленно, но неотвратимо туман стал редеть, открывая взгляду новые пространства. К сожалению ничего хорошего мне увидеть так и не довелось. Вместо поразившей бы сердце картины двери с надписью — «Выход», шагах в десяти от меня, откуда-то сверху опустилась гигантская бледная рука. Она погрозила нам грязным кривым пальцем, а потом встала на все свои пять конечностей в позе готового к броску ящера. Самое прискорбное в данной ситуации было то, что я напрочь не видел её Пути. Его просто не было, как будто рука была давно и надёжно мёртвой. Но для мёртвой она была явно чересчур подвижна и эмоциональна.

Внезапно по еле виднеющемуся в вышине предплечью, упоённо хохоча, полусбежал-полусъехал самый обычный с виду дьявол. В одной руке он держал угрожающих размеров чекан, а в другой изящный чёрный цветок. А вслед за этим воином-флористом с вершин руки стали появляться его коллеги по цветочной роте. Цветы у всех были разные, но все они были чёрные и изысканно красивые. И каждый цветок дополняло грозное оружие. По всему выходило, что мне, наконец, удастся испытать свои оскорблённо дремлющие топоры.

— Может, начнём, крылатая? — топоры бешено завращались в моих руках. — Или ты ждешь, когда они тебе на коленях преподнесут этот потенциальный гербарий?

— Просто не хотелось показаться невежливой, мастер, — она крутанула свой меч. — Хотя, наверное, о подобных мелочах думать уже поздно.

Я специально не хотел бить по Путиям вставших срывающимся с места полукругом дьяволов. Хотя так, конечно же, было бы проще. Но мои новые братья по войне требовали честной схватки. Взгляд на взгляд, сталь на сталь, жизнь на жизнь. И я, наверное, несколько поспешно решил уважить этот глупый, но сладкий каприз, тем более, что всегда сохранялась возможность перейти к более прагматичным способам ведения боя.

Сверкающим мгновением мой топор вырвался из руки и вонзился в лоб одному из дьяволов, прорубив его более чем до половины. В следующий миг выпавший из ослабевших пальцев цветок громко и жалобно закричал. Лишь Великое Пламя знает, как цветок мог кричать, но он именно кричал, кричал весь тот недолгий срок, который летел до земли. А, коснувшись мокрой грязи, щедро покрывающей землю, он обречённо затих, увядая на глазах.

Всё это продолжалось не более пары секунд, за которые цветочные воины уже успели сорваться со своих мест. В рычащем приветствии они были удостоены чести скрестить с нами клинки.

Увернувшись от тяжёлого шестопера, я удачно отмахнулся, врезавшись топором в легко поддавшийся, несмотря на броню, бок и в длинном кувырке оказался рядом с уже

попробовавшим местной крови топором. И ему она явно пришлась по вкусу. С леденящим рёвом мой пьяный битвой дуэт рассекал железо, плоть, кости и немного воздуха.

Над головой мелькнул широкий изогнутый меч, рядом с рукой прошло блеснувшее остротой копьё, в сантиметре от лица пронеслась дробящая сам воздух булава. Я сильно и, наверное, совсем неоправданно рисковал, но светлый огонь как же мне в этот момент было весело. Как давно я уже не получал удовольствия от простой схватки. Когда не надо много думать и сожалеть. Когда всё мгновенно и просто. Когда прав тот, кто остался стоять, и никто не упрекнёт его в ошибке. Потому, что некому будет упрекнуть.

Между тем цветы продолжали кричать. Кричать неистово и искренне. Случайно я заметил, как Элати в изящном выпад срубила несколько пальцев с держащий цветок руки дьявола. На этот раз закричали оба — и дьявол, и цветок. А в следующую секунду дьявол упал на землю, и упал он мёртвым. И умер он не от огорчения из-за потерянных пальцев, а от утраты связи с цветком. Утраты даже на мгновение.

Присмотревшись повнимательнее, я увидел, что у них был один Путь, один на двоих. Связь их была крайне непрочна, но до предела фатальна. Простой отрыв одного от другого даже на миг означал смерть обоих. Это был странный, неестественный, но в тоже время какой-то неуловимо благородный симбиоз.

Я вонзил свой топор в грудь последнего дьявола. Элати уже победно встряхивала свои грязно-серебряные волосы. Последние отчаянные крики застывали в прохладном воздухе. Топоры довольно облизывали свои окровавленные щёки. Первый их бой в моих руках явно удался.

Я вновь перевёл подозрительный взгляд на отбивающую бессвязный такт руку. Та же, увидев бесславную кончину своих эмиссаров, изобразила упругий прыжок и исчезла из виду. А на том месте, где она располагалась, остался стоять чудовищных размеров дьявол, который от сапог до длинных волос был буквально усеян теми самыми чёрными цветами. В его руках не было оружия, только цветы, выглядящие одновременно нежно и почему-то очень опасно.

Этот представитель местного Ордена Цветов выглядел более чем серьёзно, в связи с чем я решил более не пренебрегать своими профилирующими способностями. Его Путь предстал передо мной тонкой, но крепкой паутиной. Даже я с трудом мог отличить Путь самого дьявола от Путей цепляющихся за него цветов. Но, различив его, я всё же ударил. Ударил сильно и наверняка. Но, увы, это вызвало лишь лёгкий толчок в сторону. Не сильно расстроившись, я дёрнул Путь наугад выбранного цветка. К некоторому удивлению эффект оказался примерно таким же. Разгадка такой неуступчивости в общем оказалась проста. Дёргая один Путь, мне невольно приходилось прилагать усилия, как если бы я одновременно работал с несколькими сотнями Путей. И Путей не самых слабых. Ну что ж, вероятно в очередной раз всё придётся решать весёлой сталью.

— Отличный букет, а, крылатая? — я, не спеша, пошёл вперёд. — Не отставай, а то я оборву его один.

— Да хоть оборвись, — огрызнулась, видимо уже навоевавшаяся леди. Однако, противореча своим словам, зашагала со мной в одной шеренге.

Цветочный воин между тем задумчиво улыбнулся и пошёл нам на встречу. И вот, когда до первого стального взмаха, оставались пересчитанные заранее мгновения, дьявол вдруг легко выбросил вперёд свои длинные толстые руки. Тысячи чёрных лепестков гневно-разбуженной стаей слетели с его, тут же потерявшегося в их плавно-бешенном метании, тела.

Лепестки бросились на нас, укутывая серо-мерцающим одеялом. И это одеяло было, увы, не мягким. Каждый дотянувшийся до меня лепесток нестерпимо обжигал, а порой и жестко резал обнажённую кожу. В голову ударил сладкий дурманящий запах, в рот попала заставляющая кашлять пыльца, глаза наполнились слезами. Я бросился в сторону, но лепестки, словно туча голодных насекомых, не отставали от меня ни на миг. А возможно их просто было так много, что мне уже, увы, не было суждено дотянуться до спасительного края этой жалящей клетки.

Я уже начал терять некоторые небезосновательные надежды на благополучное завершение наших странствий, но вдруг очередная порция нацелившихся на моё лицо обрывков цветов отлетела в сторону, гонимая лёгким порывом непонятно откуда взявшегося здесь ветра. Следующий куда уже более мощный порыв отогнал от меня уже почти всю приблизившую меня к панике компанию. А ветер всё дул и дул, разгоняя чёрные лепестки во всех известных направлениях.

Я обернулся. Шагах в двадцати от меня, гневно парила Элати. Сильными, широкими взмахами её крылья неумолимо гнали прочь чёрные осколки местной флоры. Смертоносные лепестки, словно испуганные птицы, суетливо разлетались во все стороны, не в силах парировать яростные аккорды ангельских крыльев.

Мои лёгкие упоённо заглатывали вновь относительно чистый воздух, а мой взгляд азартно искал нашего цветочного рыцаря. Сложно было что-либо разглядеть в хороводе метаящихся лепестков, но в этот раз мне наконец-то повезло. На мгновение в чёрно-цветочном вихре промелькнули недоумённо-зелёные глаза. Этого мгновения мне хватило с избытком. Памятуя о том, что сдвинуть нашего врага-флориста с места крайне не просто, я решил не быть слишком требовательным и подойти самому.

Я с силой дёрнул свой Путь, в доли секунды притягивая себя к любителю цветов. В голову вновь ударил приторно-сладкий аромат чёрных бутонов, но мой топор уже нёсся к своей, заранее определённой цели. Я ударил туда, где было меньше всего едва не доконавших меня лепестков — по ногам. Взревев, сталь весело рубанула по незащищённому колену, вызвав у моего противника обескураженный крик. Он обреченно упал на покрытую цветами землю, а в следующий миг мой топор опустил на приютившую чёрный венец голову.

— Светлеет, мастер.

Элати явно устала от нескончаемого тумана. Уже несколько часов мы продирались сквозь его всё истончающиеся, но исчезающие нити. И вот, наконец, белые волокна начали потихоньку покидать наше общество. А впереди неторопливо выростала очередная стена, на этот раз не слишком высокая и к тому же имеющая вполне приемлемый проход.

— Зайдём, крылатая? — вопрос был исключительно риторический. Леди, вероятно, понимала это так же хорошо и не удостоила меня ответом. Впрочем, я на него и не рассчитывал.

Мы вошли под холодные своды просторной арки и, преодолев несколько десятков метров, вышли на небольшую и действительно относительно светлую площадь. К некоторому сожалению, мы оказались не одиноки в своём присутствии на ней. Более того, как виделось, мы чуть не опоздали, хотя не лучше ли бы было опоздать?

На площади шла казнь. В центре стоял грубо сделанный эшафот, на котором находились два дьявола. Один обречённо положил увенчанную редееющими волосами голову на широкую

колоду, а другой с чёрной повязкой на лице меланхолично точил огромный топор с пятнами ржавчины на лезвии. Оба хранили умиротворенное молчание, словно заранее обо всём договорились и теперь не хотели оскорблять разговорами разворачивающийся ритуал.

Столь же молчаливыми были и немногочисленные зрители, в расслабленных позах стоящие вокруг эшафота. Взгляды их были лишены всякой заинтересованности в происходящем, но, несмотря на это, эти же взгляды были безапелляционно прикованы к участникам действия.

Наконец меланхоличный палач прекратил точить орудие казни и теперь оценивающе смотрел на обнажённую шею своего подопечного. Слегка дотронувшись острым лезвием до кожи обречённого, он поднял над головой топор и резко бросил его вниз. С глухим стуком отрубленная голова упала с эшафота и покатилась к ногам зрителей. Те же задумчиво смотрели на неё и, как казалось, не собирались расходиться удовлетворённые увиденным зрелищем.

— И зачем он вспомнил?

Оглянувшись, мы увидели немолодого, высокого дьявола, который недоумённо качал своей седой головой. В глаза бросилась его чересчур богатая одежда и пару перстней с огромными драгоценными камнями. Его взор был прикован к пустым глазам отрубленной головы. Впрочем, он довольно быстро перевёл его на своих невольных слушателей, — на нас.

— Ведь все давно забыли, а он вспомнил, — дьявол осуждающе взмахнул рукой, — и что в итоге? Правильно, — он одобрительно кивнул ангелу, — всё как всегда. В итоге выяснилось, что вспомнил зря. А ведь как радовался, когда, наконец, обрёл эту роковую память. Как смеялся над нами, сколько пошлых шуток слетело с его языка. А мы ведь в начале даже его не поняли. Казалось бы, ну вспомнил и вспомнил, что ж с того. Но ведь там где вспомнил один, вполне могут вспомнить и другие. Нет, ну я же прав? — дождавшись моего утвердительно-равнодушного кивка, он продолжил. — А других ведь может оказаться достаточно для того, чтобы они вспомнили что-то ещё, а потом ещё и ещё. А это, на мой взгляд, уже многовато. Но мне кажется, он всё же понял, что не прав. И он не осуждал нас. И даже в чём-то согласился. Но, наверное, уже было слишком поздно. Вы как считаете?

— Наверное, — я не сильно вник в перипетии местных взаимоотношений. — А не подскажите, как поскорее забыть это место?

— Надо бежать, — он немного взволнованно посмотрел на меня, — отсюда надо бежать и ни в коем случае не оглядываться. И я бы вам настоятельно советовал бежать уже сейчас, пока ещё не поздно. К тому же, вас уже зовут.

Я посмотрел в указанную им сторону. Из противоположной арки выглядывала печально знакомая нам рука. Резковатыми движениями она манила к себе. Манила настойчиво и нетерпеливо.

— Беги, — не любящий вспоминать дьявол легко подтолкнул меня, — надо.

Глава 7. Лабиринт. Часть 8

Честно говоря, бежать в объятия огромной, абсолютно нереальной руки совершенно не хотелось, но я почему-то понимал, что дьявол прав и что сейчас вариант у нас только один. Пока один, а скоро их не будет вообще.

Бежать я, правда, всё равно не стал, но шаги мои были достаточно поспешны. Стараясь не замечать сомневающих в моей благонадёжности ангельских взглядов, я прошёл мимо печально сидящего палача и прямым курсом направился к манящей руке. Впрочем, как только я оказался шагах в десяти от входа в арку, рука как-то суетливо исчезла в её довольно тёмном проёме. Послав в огонь тревоги и сомнения, я решительно ввалился вслед за ней.

Арка благополучно вывела нас на темноватую, но вполне просматриваемую аллею. Серые камни дороги равнодушно взирали на нас снизу вверх. Высокие, лишённые листьев деревья тихо шептались между собой, не обращая на нас драгоценных капель своего внимания. В конце аллеи стояла рука, нетерпеливо барабанила пальцами по оскорблённым вскрикивающим камням. Увидев, что мы, наконец, пришли, она отбила последний безумный аккорд и призывающее скрылась за одним из деревьев.

— Куда мы идём, мастер? — голос у леди был довольно злой.

— К сожалению, крылатая, здесь важно не куда, а откуда, — я с грустью посмотрел на хмурую дорогу. — Не отставай.

Вряд ли эта аллея пользовалась успехом у местных влюблённых и ищущих уединений для раздумий. Здесь явно было не место для любви и светлых мыслей. Здесь вообще было не место для прогулок. Атмосфера не враждебности, но ощутимого раздражения нашим невольным визитом наполнила окрестности. Звуки шагов казались слишком громкими, а мысли чересчур тревожными. Деревья прекратили шептаться и теперь напряжённо нависали над нашими головами.

Внезапно из-за одного тёмно-серого изрезанного морщинами ствола выглянуло большое узкое лицо неясной видовой принадлежности. Лицо усталое и печальное. Оно искательно посмотрело на нас, и добавило к своему облику остальные части тела. Почёсывая украшенную редкими волосками голову, на дорогу вышел странный субъект в рваном ниспадающем до земли халате, из карманов которого выглядывали корешки книг. Он остановился напротив нас, пряча глаза и нервно переминаясь с ноги на ногу.

— Ну? — я откровенно торопился.

Длиннолицый бросил на меня полугневный взгляд и шумно задышал, вероятно готовясь для ответной речи. Слава огню, эта подготовка не заняла много времени.

— А вы знаете, как здесь скучно? — он вопросительно пробежался глазами по нашим лицам и, видимо не найдя там понимания, продолжил. — А я знаю. И знаете почему? Потому что я бездарность. Я не смог сделать ничего, для того чтобы здесь стало весело. Просто не смог придумать.

— Дай пройти, — не хватало мне только душевных излияний от затосковавших аборигенов.

— Да я разве держу, — он ещё больше погрузился, но тут же вновь оживился. — У меня ведь было столько идей. Столько гениальных идей. Вернее это тогда казалось, что гениальных. А всё превратилось вот во что. Грязь, туман и сонм недоделанных персонажей.

— Каких персонажей? — вопрос пронёсся сквозь мысли и коварно вырвался вслух.

— Недоделанных, — он утраченно вздохнул, — какая-то рука, какие-то цветы. И не осталось места ни для любви, ни для покоя.

— Ты о чём, приятель? — я даже представить не мог, что это место может стать ещё более непривлекательным.

— О чём?! О чём?! Вот о чём! — он начал вытаскивать из своих объёмистых карманов потрёпанные книги и с чувством бросать их себе под ноги. — Вот она! Вся моя жизнь! Все мои мечты! Все бессонные ночи! Вот она! — он широким жестом обвёл рукой окружающий пейзаж, — Нравится?!

— Не уверен, — я дипломатично пожал плечами. Внезапная догадка ударила в голову. — Так это твоя работа?!

— Моя, — длиннолицый горестно кивнул. — Я ведь даже переписывал. Сколько раз я переписывал, а так ничего и не вышло. Сколько раз я думал, что на этот раз всё будет иначе, но нет. Нет! Нет! Нет! — он начал топтать свои неудавшиеся шедевры. — Всё это зря, вся жизнь зря. Я ведь даже конец ещё не придумал, — он как-то резко успокоился и начал собирать несколько свою помятую литературу, — а может, никогда и не придумаю.

Он печально вздохнул и с гордой тоской уставился на что-то над нашими головами. Свои книги он бережно держал в руках, и я с какой-то очевидностью понял, что он никогда от них не откажется. Пускай всё, что он написал, не стоило ни бумаги, ни взоров, которые на неё опускались (опускались ли?). Пускай он знал, что никто никогда не оценит его творение. Но разве можно сказать, что он создавал его зря. Ведь он мечтал, он грезил, он улыбался, когда находил, как ему тогда казалось, ту самую мысль, именно ту идею, которая перевернёт всё и навсегда. И даже сейчас, понимая, что проиграл, понимая, что его дорога так и не стала нужна и прекрасна, он всё же в глубине своей исстрадавшейся души верил, что его рукой двигала великая истина. И пусть он умрёт без наград и славы, он умрёт с чувством, что сделал неизмеримо больше, чем все те, кто презрительно обходил стороной его глупый и безталантливый мир. Ведь он хотел сделать чудо, и неужели он виноват в том, что так ничего не вышло. Ведь он был так счастливо уверен в своей правоте. И всегда, на самом краю бездонной пропасти его души будет смущенно топтаться обречённая надежда. И ведь она так никогда и не сделает последний роковой шаг.

— Послушай, дружище, — меня признаться, всё же больше волновали более приземлённые материи, — нам тут один из твоих... персонажей сказал, что надо бежать. Не наврал ли?

— Нет, — создатель этого безумного мирка вынырнул из своих тоскливых раздумий, — нет, не наврал. Бежать действительно надо и чем быстрее, тем лучше, — он как-то нехорошо улыбнулся. — А то вдруг придумаю таки конец, и тогда бежать будет уже точно некуда. А ведь как будет хотеться.

— А тропинку не покажешь? — мелькнула отчаянная мысль, что может хоть сам автор знает, где здесь верный путь.

Он довольно равнодушно посмотрел на меня. — Откуда мне знать? Я не умею бегать.

— Ну, тогда дай пройти, — я бегать умел и желал.

Длиннолицый несколько обиженно дёрнул щекой, опустил голову и, не прощаясь, побрёл в глубь аллеи творить и искренне сожалеть о сотворённом. Его закутанная в халат фигура медленно и печально скрылась между тёмными безликими деревьями.

— Вот так, крылатая, — я продолжил свое, увы, необходимое бегство, предлагая ангелу последовать моему единственно верному примеру — он написал, а нам разгребать.

Минут через десять аллея завершилась довольно надёжной с виду лестницей, решительно уносящейся вверх. Я попытался дотянуться взглядом до её конца и, как ни странно, мне это удалось. Высоко, но достижимо маящим маячком горел маленький квадрат дрожащего света. Дорога к этому свету заняла довольно значительный срок, но как и всё остальное она предсказуемо завершилась.

По ушам ударило метающимся шумом, глаза резанул яркий свет, который через секунду сменился пронзающей тьмой. А на смену тьме вновь пришёл свет. Мы оказались в огромной комнате, до откровенной тесноты забитой дьяволами. Они все что-то кричали, о чём-то просили, чего-то требовали. У некоторых на лицах была паника, у других наивная надежда, у третьих роковая решимость. Они подбегали друг к другу, о чём-то спрашивали и не получали ответа. Кто-то плакал, кто-то безумно смеялся.

Взъерошенный дьявол с огнём отчаяния в глазах метнул на нас дикий взгляд и через мгновение уже хватал меня за одежду, искательно заглядывая в лицо.

— А вы, вы знаете? Вы знаете, как мне убежать? Я так долго бегу, — он застонал, — я так устал! Ведь мне никто не показывал дороги. Никто не помогал. Никто не подавал руки, когда я падал.

— Аналогично, — признаться мне уже порядком надоело всеобщее местное нытьё по поводу своих нескончаемых печалей.

— Тогда пойдём вместе! Да, вместе! — он крепко схватил меня за руку. — Эй, дорогу! Дорогу! Мы должны бежать! Дорогу нам!

Он тянул меня за собой, расталкивая стоящих на нашем пути дьяволов и продолжая громогласно кричать. Поскольку у меня не было даже приблизительного плана каких-либо дальнейших действий, я умеренно-послушно следовал за своим неожиданным провожатым, настойчиво увлекая за собой ангела. Создавалось стойкое ощущение, что этот беглец уже не первый раз ведёт кого-то этим маршрутом. Минусом было то, что насколько я мог понять, сбежать по этой дороге у него не получилось, несмотря на все старания. Однако я крайне рассчитывал, что, то, что не получилось у сотворённого писателем-неудачником дьявола, с достаточной вероятностью может пройти у вполне реального Хозяина Пути.

Не менее двадцати минут мы рассекали суетливую толпу, прежде чем перед нами открылся новый пейзаж. В одной из стен комнаты расположился просторный проём, который выводил всех желающих и достигших на широкий каменный мост, держащий на своих могучих плечах значительную часть местного населения.

Атмосфера здесь была примерно аналогична только что увиденной, за исключением одного с моей точки зрения существенного нюанса. В связи с тем, что перил у моста не имелось даже формальных, каждое лишнее неудачное движение грозило неминуемым падением, с пламя знает какой высоты. На моих несколько ошалевших от происходящего глазах, один из участников всеобщего бегства, пытаясь обогнуть суетящихся впереди дьяволов, оступился и, на мгновение зависнув над бездной, рухнул вниз, крича и извиваясь. Произведённый им эффект равнялся паре скупающих взглядов, уныло проводивших его в последний путь.

— Быстрее, быстрее! — между тем наш компаньон и не думал сбавлять набранный темп, — Уже близко! Но вот потом! Но сначала дойти!

Он продолжал немилосердно работать плечами, локтями, а порой и кулаками прокладывая нам узкую, но надёжную тропу вперёд. Неожиданно я понял, что

автоматически помогаю ему, отталкивая Пути окружающих нас дьяволов. И к сожалению не могу поручиться, что это не привело к нескольким летальным исходам. Ведь перил, как я уже замечал, у моста не было.

Не менее получаса мы продирались сквозь густую, несмолкающую толпу, а потом вдруг резко остановились. Мост кончился. И кончился он, увы, тревожной пустотой. У строителей явно было несколько своеобразное чувство юмора. До противоположного края было не менее ста метров над пропастью. На последних метрах недоделанного моста, как и везде, толпилась куча дьяволов. Однако здесь было значительно тише, чем в уже пройденных местах. Дьяволы неуверенно топтались на самом краю, вождельно смотря на противоположную сторону и со страхом заглядывая вниз.

Неожиданно на недостижимой стороне появилась уже почти родная нам рука и сделала знакомый манящий жест. Словно повинувшись этому молчаливому приказу один из дьяволов, безумно оглядевшись, пронзительно закричал и, раскинув руки, бросился через пропасть. Через минуту его полный отчаянной надежды крик смолк в тёмных глубинах провала. Рука же осталась спокойно стоять, не делая больше попыток пригласить кого-либо на свою сторону.

— А теперь нам надо научиться летать, — наш проводник оглядел нас восторженным взглядом. — Просто научиться летать.

— А что, крылатая, — я невольно усмехнулся, — похоже нам, наконец, повезло. Придётся делать то, на что мы более-менее способны.

— Так сделаем это, мастер? — леди уже скинула грязный плащ, обнажив свои заблеставшие белизной крылья

— А я? Я ведь с вами? — местный беглец жалобно заглядывал нам в глаза. — Я так давно бегу, я так устал. Я так хочу летать.

— Можно и с нами, — я решил вознаградить дьявола за невольно оказанную им помощь. — Бери разбег, приятель.

Мы вместе устремились к роковому для прочих краю. Не посмевав оскорбить полёт Элати своим вмешательством, я с силой рванул Путь увязавшегося с нами дьявола, не забыв конечно и про свой собственный. Мы опьянённо взмыли над нещадящей бездной. Позади раздались крики и проклятия, а впереди рука весело хлопнула пару раз об задрожавшую землю, будто аплодируя нам. Завершив предполагаемые овации, несоразмерная конечность торопливо отступила в нависающую сбоку тень.

Благополучно преодолев необходимые метры, мы довольно удачно приземлились на каменистую поверхность «той стороны». Захваченный мной дьявол неверящими глазами огляделся вокруг и радостно закричал.

— Я умею летать! Я умею летать! — он скакал и смеялся, размахивая руками и широко раскрывая рот. — Летать! А теперь, — он восторженно посмотрел в пропасть и повернулся к нам, — теперь мы побежим дальше.

— Побежим, — я задумчиво смотрел вперёд на проход между голых скал, — обязательно побежим, только уже не так дружно, — тащить этого парня за собой всю оставшуюся дорогу я точно не собирался. — Ты беги первый, а мы чуть попозже.

Сначала он недоумённо посмотрел на меня, а потом, будто что-то про себя решив, хитро подмигнул и, весело хохоча, побежал вперёд. Через полминуты его звонкие шаги затихли, и мы снова остались вдвоём. Элати с сожалением вновь накрыла свои крылья, вероятно, уже до пьяных огней надоевшим ей плащом и вопросительно-требовательно воззрилась на меня.

— Идём, крылатая, идём, — а ведь так хотелось присесть, — фактически бежим.

Проход в скалах вёл нас извилистой и скучно тропой. Не было ни кричащих дьяволов, ни враждебных оскалов, ни дурно пахнущих цветов. Только мы и камень. К сожалению, такая идиллия продлилась не так долго. Скалы начали постепенно смыкаться над нашими головами, одновременно расширяя дорогу. В итоге через час мы уже шли в очередной безразмерной пещере, в которую, слава огню, ещё проникали лёгкие лучики света. И вот когда я уже окончательно заскучал, откуда-то сверху прямо перед нами спрыгнула наша путеводная рука.

Она иронично-безглазо уставилась на нас, заставляя тревожно готовиться к худшему. Меня по-прежнему крайне смущало отсутствие у неё хоть какого-либо подобия Пути. Такого не могло быть даже в этом, насквозь идиотском мире. Если нет Пути у неё, значит она мертва, и значит кто-то ей просто управляет. Кто-то, кого всегда скрывает тень. Кто-то умный и одинокий. Я быстро и педантично начал обшаривать окрестности в поисках этого безликого кукловода и неожиданно для самого себя нашёл. Где-то высоко, куда не доставал ни взгляд, ни свет я зацепился за вполне обыкновенный Путь. Мне показалось, что в этот момент его обладатель как раз хотел что-то предпринять, касаясь нашей очередной встречи, но на этот раз я решил оставить дебют за собой.

С изумлённым криком, шагах в десяти от нас упал маленький, вычурно одетый субъект, круглое лицо которого было полностью покрыто жёсткими рыжими волосами. Я гуманно несколько смягчил его падение, и, в связи с моей добротой, волосатый отделался небольшими ушибами и чуть большим испугом. Он резво вскочил на ноги и несколько обескуражено поглядел на нас. У него оказался на удивление мягкий понимающий взгляд. При его падении пугающая рука обмякла и безвольно завалилась на бок.

— Добрый день, — он неуклюже поклонился. — Разрешите представиться, я Критик. Я помогаю бежать.

— И как успехи? — я не спешил отпускать его Путь.

— Плохо, — он огорчённо вздохнул, — ведь чтобы бежать, надо быть очень сильным, иногда гораздо сильнее, чем для того чтобы остаться. И, увы, не все это понимают. А некоторые и осуждают. Но я не сдаюсь, — он гордо вскинул голову. — Ведь если сдамся я, тогда вообще никто не убежит, даже вы.

— Ты за меня не решай, борода, — очень я это не любил. — Знаешь, как убежать — говори, нет — отойди с дороги, пока я тебя не подвинул.

— Я ни за кого не решаю, — Критик обиженно всплеснул короткими руками. — Я просто могу посоветовать. А разве кто-нибудь ещё был против хорошего совета? Ведь даже ты не против.

— Так знаешь или нет? — я, конечно, был не против совета, но умолять о нём точно не собирался.

— Знаю, — он задумчиво посмотрел на лениво развалившуюся руку, — конечно, знаю, ведь я сам почти убежал, но потом понял, что мне, увы, бежать как раз не куда. И тогда пришлось вернуться. А возвращаться всегда так обидно, особенно когда уже почти схватил приз, — он заметно погрузтел. — Но когда у кого-нибудь получается убежать с моей помощью, я всегда радуюсь, как будто убежал вместе с ним. И тогда я смеюсь. Но, к сожалению, я смеюсь очень редко.

— Сейчас у тебя появился шанс захохотать во весь голос, — я, наконец, отпустил его Путь. — Только скажи куда и можешь начинать смеяться.

— Пошли, — он махнул рукой и неторопливыми шагами устремился в глубь пещеры.

Его смешная фигура маячила перед нами не менее трёх долгих тёмных часов. Его маленькие руки проламывали камни, находя новые тропы в обречённых тупиках. Его спокойный голос рассказывал нам о своей нелёгкой дороге и о тех, кому он всё-таки подарил счастье бегства. А потом он остановился в узком, странно подрагивающем коридоре и вытянул свою руку вперёд.

— Бегите туда, — его лицо озарилось искренним счастьем, — там ещё есть к чему бежать.

Я благодарно кивнул волосатому коротышке и посмотрел на устало прикрывшую глаза Элати.

— Побежали, крылатая.

Ты заблудился и бежал, не догонял, не успевал

И ветер пьяный всё кричал, чтоб ты упал.

И нет дверей, лишь темнота, проклятий стая, смех шута

Но ты беги, ведь сзади пустота.

Глава 8. Перекрёстки. Часть 1

Я, не сдерживая чувств, прикоснулся руками к родной земле. Мы снова были в Аду и, по-моему, даже Элати была рада этому относительно счастливому для неё факту. Мы смогли вырваться из цепких лап Лабиринта, и теперь я победно оглядывал знакомые места. А места действительно были приятно знакомыми. Отсюда до замка Нар-Дагора оставалось не более недели пути. И пути, который при классических раскладах не должен был обременить нас дополнительными трудностями. Но что-то я уже давно не держал в руках классических раскладов.

— Всё, крылатая, — я удовлетворённо потянулся, — больше никаких Лабиринтов, только прямые дороги.

— Что-то ты слишком оптимистичен, дьявол, — леди привычно скрыла серебро волос под широким капюшоном.

— Это эмоции, крылатая, — я пристально посмотрел вдаль. — Позволь мне немного эмоций.

Я даже не жалел об отсутствии какого-нибудь незатейливого транспорта, так приятно было вновь шагать по знакомым с юности местам. До ворот моего замка мы могли добраться отсюда дней за пять, и я с трудом подавил в себе это почти ностальгическое желание. Дело было ещё не закончено, и ни на шаг не отстающая от меня, замотанная в плащ фигура напоминала об этом с излишней периодичностью.

Мой взгляд оторвался от манящих далей и практически заострился на группе всадников, не торопливо двигающихся нам навстречу. Судя по богатым одеждам, уверенному виду и явно породистым ящерам, местная аристократия вышла на послеобеденную прогулку. Вернее, сегмент аристократии представлял только скачущий впереди всадник, остальные же, скорее всего, были положенной по статусу свитой и охраной.

Через несколько минут группа оказалась в нескольких метрах от нас. Я встретился взглядом с задумчивой дьяволицей, восседающей на переднем ящере. Тонкие брови дьяволицы удивлённо взлетели вверх, карминовые глаза полыхнули знакомым огнём. Ящер недовольно рыкнул, когда наездница резко и уверенно остановила его лёгкую поступь.

— Кэй? — сердце невольно вздрогнуло, когда я вновь услышал, так и не забытый за эти годы, глубокий бархатный голос.

— Шали, — все, что когда-то было, вновь набросилось на меня тонкой, но так и не порванной цепью, заставляя губы снова и снова шептать её имя.

Княгиня Шалер, моя Шали. Годы сделали её только прекрасней. Её великолепные волосы цвета дразнящего пламени, казалось, стали ещё гуще и пышнее, и мне снова захотелось зарыть в них лицо, вдыхая аромат юного огня. Её губы, утратившие лёгкий налёт наивности, снова звали целовать их с ещё нерастраченной страстью. Её руки опять манили меня своей яростной теплотой. Шали, — первая и последняя женщина, которую я любил, люблю, и вероятно буду любить до самого конца.

Это было давно. Тогда молодой и не слишком богатый Мастер Дорог до безумия влюбился в единственную дочь Верховного Магистра Ордена Искусств. Конечно, её отец отказал ему не только в любви, но и даже в мечтах. И конечно ему было абсолютно плевать

на любые запреты.

Началось всё с того, что я нагло явился на роскошный бал, который давал Аргат-Шор (отец Шалер) в честь дня рождения своей любимой дочери. Не без труда преодолев кордоны личной стражи Магистра, я увидел, как она танцевала с каким-то франтом из Ордена Войны. Через секунду партнёр больно наступил ей на ногу и был с гневом отлучён от общества молодой княгини. Заставив ещё одного тут же направившегося к ней дьявола обидно подвернуть ногу, я, набравшись храбрости, сам предложил Шалер танец. Своенравная княгиня в порыве веселья не отказала влюблённому в неё дьяволу. Наш первый разговор я помнил слово в слово.

— Ты плохо танцуешь, — она недоумённо скривила прекрасные губы. — Зачем ты пришёл на бал?

— Мне было по дороге, — вряд ли Шалер впечатлил бы очередной комплимент.

— По дороге куда?

— По дороге к тебе, — я всё же не сдержался.

— И что же ты от меня хочешь? — она игриво вскинула брови.

— Хочу, чтобы ты научила меня танцевать.

— Мои уроки дорого стоят, — Шалер лукаво улыбнулась.

— Я заплачу вдвойне.

— Ты так богат?

— Я слишком хочу танцевать, — мои руки несколько сильнее, чем нужно, сжали её талию.

— Осторожней, гость, — она не прервала танца, — я ещё не согласилась.

— И в чём же дело? — я вплотную придвинулся к ней.

— Предположим, в нём, — она взглядом указала на так не вовремя подвернувшего ногу дьявола, сейчас с еле сдерживаемым гневом наблюдавшим за нашим кружением.

— Он хорошо танцует?

— Лучше тебя.

— А так? — я чуть приподнял её над полом, и несколько секунд она парила, не прекращая нашего танца.

— Ты Мастер Дорог? — её глаза восхищённо засверкали.

— Я Мастер Дорог, — никогда ни до, ни после этого момента я не произносил эти слова с такой удовлетворенностью.

— Разве тебя приглашали, незнакомец, — злой, оскорблённый голос грубо прервал так удачно складывающуюся для меня беседу.

А потом всё было как в книгах. Дуэль, победа и восхищённый взгляд карминовых глаз. Я не запомнил ни гнева Аргат-Шора, ни проклятий и обещаний возмездия Мастеров Войны, собрата которых я тогда не убил, но изрядно ранил, ни недовольства знати. Я помнил лишь эти глаза. Глаза, которые обещали и исполнили своё обещание.

Мы любили и расставались. Расставались лишь для того, чтобы снова полюбить с ещё большей страстью. Я отдавал ей всё, и она не просила о большем. Я потерял счёт тем дуэлям, в которых мне пришлось отстаивать и свою, и её честь. Я потерял счёт ночам и поцелуям, шёпоту и стонам. Я не хотел считать.

А потом, тихим вечером, когда я стоял на стене замка Ордена и мечтал о её руках, ко мне подошёл Дагар-Дэй и сказал лишь одну фразу.

— Пришло время выбирать, ученик.

Учитель ушёл, а я не мог сдержать полный отчаяния крик. Не мог простить его простых слов, потому что слишком хорошо их понял. И слишком хорошо понял, что он прав, что выбирать придётся и выбирать сейчас.

В тот вечер я не пошёл к Шалер. Я вышел на тёмную дорогу и долго бесцельно брёл, не пряча от ночи слёз и проклятий. В ту ночь я выбрал и тысячи раз пожалел о своем выборе. В ту ночь я отказался от самого дорогого, что было в моей жизни. В ту ночь я стал истинным Мастером Дорог.

— Ты постарел, Кэй, — Шалер легко спрыгнула с седла.

— А ты стала лишь прекраснее, — ничего лучшего я не придумал.

— Зачем ты тогда ушёл? — в её глазах появились разрывающие мою душу слёзы.

— Не спрашивай, Шали, — я не мог отвести от неё глаз, — не спрашивай.

— А зачем вернулся? — её горячие пальцы скользнули по моей щеке.

— Мне было по дороге, — наши губы сплелись также яростно, как и вечность назад. Наверное, стоило пройти все эти мириады дорог, для того чтобы снова ощутить жар её поцелуя.

Я с трудом оторвался от её зовущего тела. Она с ласковым гневом смотрела на меня и проклиная, и прощая одновременно.

— Кто твой спутник? — Шалер перевела взгляд на закутанную в плащ Элати.

— Он предпочитает оставаться инкогнито.

— Он или она? — Шалер всегда была крайне ревнива

— Как твои дела, Шали? — я грубо, но решительно увёл разговор из опасного русла.

— Бывало и лучше, Кэй, — её лицо вдруг посерьёзнело. — Мне жаль твой Орден.

Я хладнокровно кивнул. Мы помолчали.

— А помнишь? — княгиня резко оживилась. — Помнишь, сколько раз ты дрался из-за меня, — дождавшись моей утвердительной усмешки, Шалер продолжила. — А, может, сразишься ещё раз, — она не просила, она благосклонно предлагала, — по старой памяти?

— Надоедливый поклонник? — в наличие у Шалер поклонников я не сомневался.

— Буквально узурпатор, Кэй, — она гневно махнула рукой. — Своими силами мне, увы, не справиться.

— Убить? — мне не понравилась фраза про узурпатора.

— Да, — она умела быть жестокой.

— И кто же этот неосмотрительный дьявол, — я коснулся рукой холодной рукояти топора.

— Каф-Завар, — Шалер выжидательно посмотрела на меня.

— Главный грешник? — признаться, я был изрядно удивлён.

Шалер медленно кивнула, всё также пристально смотря мне в глаза. И если она боялась увидеть в них дрожь, то боялась напрасно. Хотя теоретически новость была не из приятных. Дуэль видимо назревала весёлая.

Каф-Завар Верховный Магистр Ордена Греха был не самой приятной фигурой в землях Ада. Да и его, нередко проклятый пламенем Орден был местом мало похожим на мои мечты. Хотя мечты его адептов он оправдывал в полной мере. Каждый пришедший в Орден должен был навсегда отдать порывы своей души ради увеселений плоти. И несмотря на дикость сказанного, Орден никогда не знал нужды в новых братьях, которым хотелось всё и сразу. Хотелось самых примитивных и самых сладких радостей жизни, и ради них они с

оскорбительной лёгкостью отказывались от чистой любви, от искренней дружбы, от радости духовного поиска. После того как они перешагивали порог Ордена, у них по-прежнему могли быть и друзья и любовь, но всё это отныне было покрыто серой копотью греха.

Вполне очевидно, что такой Орден не смог бы долго продержаться в суровых условиях Ада, если бы его адепты не обладали своей, грешной силой. Мастера Греха обладали способностью перевоплощаться в странных и смертоносных существ. Этих существ называли Слуги греха, и они в полной мере были похожи на грехи своих хозяев. Мастера Греха сохраняли необходимый контроль над своим разумом и получали в свои руки огромные боевые возможности. Даже Мастера Войны признавали их призванную из неведомых пределов силу. Источник этой силы был, как водится, главной тайной Ордена и на общее обсуждение так и не вышел.

— Ну, так, как Кэй, поможешь? — а вот теперь она уже просила, и кем бы я был, если бы отказал ей в этой смешной для влюблённого просьбе.

— Назначь время, Шали, — я взял её руку, — просто назначь время.

— До моего замка отсюда не более часа, Кэй, — её ногти сладко царапали мою ладонь. — Он со своим табором остановился у его стен.

— Дай мне мгновения, Шали, — я с неохотой убрал её руку, — мне надо переговорить с моим спутником. Я скоро.

— Жди меня здесь два дня, крылатая, — я давал Элати последние наставления перед вынужденным расставанием. — Если не вернусь, что вряд ли, иди по этой дороге дней пять, а потом будет отличный поворот, который выведет тебя прямо к Замку Трёхрогого.

— А ты оказывается не такой бесчувственный, каким стараешься казаться, мастер, — Элати не скрывала насмешливую улыбку.

— Все мы не такие, леди, — я поднял руку в прощании, — но уж какие есть.

И оставив ангела в укромной пещере, подальше от ненужных глаз и ушей я, как и много лет назад, поспешил на очередную схватку по одному слову своей возлюбленной.

Замок Шалер стоял у берега неглубокой реки на небольшой возвышенности. Замок строили лучшие архитекторы Ордена Искусств, и обычно он холодно блистал изяществом и благородством. Но сегодня, увы, был не тот день.

В нескольких десятках метров от высоких стен замка разбили свои золоченые шатры адепты греха. Это была разноликая, безвкусная толпа, от которой исходил вульгарный несмолкаемый шум. Здесь пели, кричали, ссорились и громко неестественно смеялись. Здесь не знали ни этикета, ни вежливости. Туман греха повис над когда-то ясным полем, чья трава так часто оплетала наши влюблённые тела. Я почувствовал как в мой разум уверенной походкой замаршировали эмиссары холодного гнева. Как смел этот сброд оскорблять своим присутствием столь светлое для моей памяти место.

— Каф обещал, что не уйдёт, пока я не соглашусь с ним поужинать, — Шалер с брезгливостью смотрела на свой новый пейзаж. — Уже месяц стоит, сожги его пламя. Посвящает мне бездарные стихи и клянётся, что я стану его.

— Ну, с клятвой он поспешил, — я уже искал свою цель, — придётся не сдержаться.

— Ты так уверен, Кэй, — княгиня ласково коснулась моей руки, — он всё же Верховный Магистр.

— Он труп! — ярость говорила за меня. — Это моя клятва. Это слово Хозяина Пути.

Мы уже подходили к первому широкому, чёрно-алому шатру с причудливой вышивкой серебряными нитями. Из него, чрезмерно громко смеясь, вывалился большой, тучный дьявол, одетый в одни просторные, тонкой работы штаны. Его рука на удивление уверенно выливая вино из узкогорлого кувшина себе в рот. Кувшин, расплёскивая вино, полетел на землю, а дьявол к моим ногам. Лёжа на земле, он непонимающим взглядом смотрел на нашу пару.

— Где Каф-Завар? — я решил направить его мысли в нужное для меня русло.

— Да, кто ты такой?! — дьявол попытался встать. Увы, эта попытка не увенчалась успехом.

Я присел перед его дёргающейся в тщетных усилиях встать фигурой. Мой топор флегматично пронёсся рядом с его ухом.

— Это простой вопрос, грешник, — я старался быть спокойным. — Но ответить на него надо предельно верно.

Или мой собеседник был слишком пьян, или изрядно глуп, а скорее и то и другое, но он пренебрёг моим недвусмысленным советом и вместо ответа решил показать мне, на что способен Слуга греха. Несмотря на отсутствие у его Пути даже намёка на свободу, тело дьявола начало стремительно изменяться. Ожиревшие руки на глазах покрылись неестественно огромными мускулами, рога удлинлись, на руках появились устрашающие когти. Через пару секунд пьяный, толстый дьявол превратился в идеального воина, которому не нужно было другого оружия, кроме собственного тела, который одним своим видом мог обратить противника в бегство. Другой вопрос, что, конечно, не любого противника.

Но даже для меня эта метаморфоза не прошла бесследно. Давление усилилось, сдерживать непрекращающиеся попытки вцепиться мне в горло стало на порядок сложнее.

— Говори! — я сделал последнюю попытку образумить Мастера Греха. Но и она, увы, оказалась тщетна. Вместо желанных для меня слов, из груди дьявола вырывалось лишь дикое рычание. Подождав из вежливости несколько секунд, я зашвырнул грешника так далеко, как только смог. И вряд ли после этого у него сохранились шансы на дальнейшую беззаботную жизнь. Ну, по крайней мере, теперь и у Каф-Завара появился формальный повод для дуэли со мной. Хотя это мало облегчало дело.

— Подожди здесь, Шали, — я в очередной раз едва удержался от желанного поцелуя. — Не хочу оскорблять твои глаза.

— Удачи, Кэй, — Шалер свой поцелуй сдерживать не стала.

Я решительно вошёл в кольцо кричащих красками шатров. Каф-Завара я видел всего несколько раз, да и то не слишком вглядывался в его грешное лицо, так что мне при любом раскладе требовалось немного помощи. Как нельзя кстати, из невысокого жёлто-голубого шатра выбежала полуголая дьяволица с глупой улыбкой и усталыми глазами. Через мгновение она оказалась рядом со мной.

— Где Каф-Завар, милая, — я как можно ласковей посмотрел в её потрёпанное лицо.

— Каф-Завар? — дьяволица удивлённо приоткрыла рот. — Не знаю, был где-то здесь или где-то там, — она неопределённо махнула рукой.

— А точнее, — я позволил себе немного раздражения — поиски затягивались.

— Да пошёл ты! — дьяволица неожиданно передумала вести со мной беседу. — Агар! Фаш! Помогите!

Я несильно оттолкнул бесполезную более грешницу и задумчиво посмотрел на, выбежавших из того же шатра защитников несговорчивой дамы. Надо отметить оба дьявола

выглядели не слишком пьяно и даже довольно опасно. Их единственным и в перспективе роковым минусом должен был стать чрезмерный апломб уже заранее разъярённых глаз.

Вероятно, оба моих новых визави были отнюдь не дураки и возможно даже занимали относительно высокое место в иерархии Ордена, так как правильно оценили и мою крайне спокойную позу и чуть саркастический взгляд. Они, не обращая внимания на кровавые призывы всё ещё лежащей на земле дьяволицы, остановились шагах в пяти, кидая на меня оценивающие взгляды.

— Ты что-то хотел, незнакомец? — один из них чуть выдвинулся вперёд, бросая случайный взор на мои, не считающие нужным прятаться топоры.

— Мне нужен Каф-Завар, — я уже устал просить об этой простой с моей точки зрения услуге.

— Зачем тебе Верховный Магистр? — разговор ожидался непростым.

— Это личное, грешник, — я устало повёл плечами. — Личное и срочное.

— Магистр занят, незнакомец, — дьявол выглядел несколько оскорблённым, — или говоришь мне, или можешь убираться отсюда до выжженных огнём земель.

— Вот тебе третий вариант, грешник, — моя рука легла на рукоятку топора. — Или я через минуту увижу Каф-Завара, или ты умрёшь.

Они были быстры. Быстры и очень опасны. Не сговариваясь, они одновременно прыгнули на меня, уже в полёте меняя свою форму. И если от лика предыдущего Слуги греха противник должен был бежать, то сейчас он должен был умереть на месте от страха и отчаяния.

Полуметровые клыки в считанных сантиметрах пронеслись от моих рук, в лицо ударило тяжёлое обжигающее дыхание, два сильных, упругих тела приземлились за своей потенциальной жертвой, недоумевая, почему их выверенный бросок не увенчался успехом. Вряд ли их размышления продолжались более доли секунды, но разве я просил о большем?

Мой топор высек весёлые искры из черепа ближайшего Слуги греха, не причинив тому сколь либо серьёзного ущерба. Второй удар оказался более удачен — тяжёлое лезвие жадно вонзилось в слабо в отличие от головы защищенное бедро грешника. Ногу я, увы, не перерубил, но хромоту и болевой шок своему врагу обеспечил. Следующий и завершающий удар пришлось на некоторое время отложить, так как второй Мастер Греха уже практически вонзал свои клыки мне в затылок. Развернувшись с наивозможной быстротой, я увидел перед собой смертоносный оскал хрипящего от ярости зверя. Его когти успели оставить на моей щеке алый след, прежде чем он врезался в один из спящих взгляд шатров.

Обрушив град хохочущих ударов на своего уже раненого врага, я вполне успешно справился с половиной своих проблем, а со второй намеревался справиться в самое ближайшее время. И тут внезапно оказалось, что проблем у меня гораздо больше. Повыскакивав из своих шатров и образовав рваное кольцо, на меня неслись несколько десятков Слуг греха. Слава огню, все они явно уступали в силе первым двум моим противникам, но количество, увы, также имело если не решающее, то уж точно рекомендательное значение.

Через несколько секунд на меня уже прыгнул первый из этой плеяды грешных героев. Он явно был ещё совсем молод, на это указывали и его Путь и ещё не полностью грешный внешний вид. Наверное, именно из-за своего возраста он прыгнул первым. Бойцы поопытнее знают — первые умирают почти всегда. И сегодня из этого правила не нашлось исключений. Мой топор весело рубанул дьявола по открывшейся на миг шее, заставляя навсегда

отказаться от столь любимых им грехов. Как я уже отмечал, бойцы ко мне бежали в большинстве своём довольно посредственные, так что мне удачно удалось замкнуть на сражённом парне не менее десятка Путей.

— Стойте!

Громкий голос довольно уверенно затормозил мои новые жертвы, хотя, наверное, немалую лепту в эту спешную остановку внесла и печальная участь их товарищей. Учитывая резкие изменения на поле боя, я встал в расслабленную позу и стал ждать продолжения.

Из редкой толпы адептов греха прихрамывая, вышел тот самый мастер, которому удалось оставить на моём лице свой след. Облик он снова имел вполне дьявольский. Взгляд его был злой, но понимающий. Понимающий, что проиграл. И понимающий, что придётся всё же ответить на заданный ранее вопрос.

— Каф-Завара сейчас здесь нет, — сказано это было с изрядным сожалением, — как тебе уже сказали, он занят и отъехал по срочному делу. Он вернётся завтра утром. И вероятно очень захочет тебя увидеть, — дьявол проклинаяще оскалился.

— Передай Каф-Завару, его желал видеть Кэй-Сагор, — я развернулся к Мастеру Греха спиной. — Пусть ждёт меня на этом месте, завтра я приду снова.

Даже уходя, я услышал, как заскрипели зубы оскорблённого грешника.

— Кэй! — Шалер бросилась ко мне. — Ты ранен?

— Это было бы лишнее, Шали, — я подмигнул княгине. — Это чужая и это грешная кровь.

— Ты убил его? — в её голосе боролись надежда и недоверием.

— К сожалению Каф-Завар не соизволил отметить своим присутствием сегодняшнее веселье. Но мы заочно договорились на завтра. Тогда и решим наш маленький спор.

— Я уже жалею, что втравила тебя в это, Кэй, — она и правда выглядела виноватой. — Может Каф поймёт намёк и уйдёт сам.

— Нет, Шали, — я засмеялся, — я убью его. Этого хочешь ты, а значит и я.

Княгиня смущённо улыбнулась и задумчиво посмотрела вдаль.

— Сегодня чудесная ночь, Кэй, — руки Шалер ласково обняли мою шею. — В такие ночи я часто вспоминала о тех временах, когда мы влюблены и неразлучны.

— Прости, Шали, — слова давались мне с трудом, — я не мог по другому. Просто не мог.

— Наверное, мне никогда не понять этого, Кэй, — она не размыкала рук. — И мне не зачем прощать то, чего я не понимаю. Но, ночи стали так коротки, — её губы прильнули к моим. — А ведь тебе ещё надо поспать перед боем.

А после слова были бы смешны.

Глава 8. Перекрёстки. Часть 2

— Кэй-Сагор! — оглушающий рёв немилосердно разбудил меня на самой интересной ноте такого недолгого сна. Впрочем, о его скоротечности я как раз не жалел. Я заставил себя сесть на необозримой кровати и дослушать речь невидимого, но с лёгкостью определяемого оратора.

— Ты хотел меня видеть, Кэй-Сагор!? — от этого громоподобного голоса едва не трескались окна. — Ну так выходи и посмотри, бродяга! Это будет последнее, что ты увидишь в своей завершающей бег жизни.

Итак, можно было сделать достаточно очевидный вывод, что вчера меня не обманули, и Каф-Завар действительно приехал к своей потрёпанной свите. И теперь он ожидаемо жаждал немедленной встречи со мной. Несмотря на то, что Магистр Ордена Греха явно торопился начать наш отложенный разговор, одевался я без особой спешки. Шалер печально созерцала мои утренние сборы.

— Возвращайся с победой, мастер, — большего я не прошу, — она всегда провожала меня на очередную дуэль этими словами. И я всегда возвращался с тем, что ей было нужно.

— Не засыпай без меня, — я всегда так ей отвечал. Мы оба невольно улыбнулись, вспоминая те давние влюблённые мгновения. А через несколько минут я уже выходил из ворот замка на залитую рассветом траву. По бросаемым на меня со всех сторон взглядам виделось, что скоро место рассвета займёт кровь. Оставалось только договориться чья. Ну что ж, собственно за этим я и пришёл.

Каф-Завара я увидел сразу. Высокий, изящный дьявол с тонкими чертами лица, он был мало похож на Магистра самого дикого Ордена Ада, но я уже давно никого не судил по внешности. И в случае с Каф-Заваром это было предельно верно. О его втором, грешном облике в Аду ходило огромное количество легенд и даже если лишь треть из них была полуправдой, картина вырисовывалась впечатляющая. Правда, я никогда не страдал излишней впечатлительностью и смотрел сейчас в гневно-багровые глаза Кафа без всякого пиетета. Внезапно мне показалось, что в окружившей нас толпе проскользнуло когда-то знакомое мне лицо. И, увы, совсем не радостно знакомое. Но на долгие воспоминания времени у меня, к сожалению, не было. Каф-Завар как раз хотел мне что-то сказать. Но ждать было немного лень, и я сказал первый.

— Здорово, грешник, — я сонно взъерошил волосы. — Как ты уже понял у меня к тебе дело и затягивать с ним я не намерен.

— Говори, — к моему искреннему удивлению Каф-Завару почти удалось обрести так необходимое сейчас хладнокровие.

— Ты оскорбил мою женщину, Каф, — я фаталистично взмахнул рукой, как бы давая понять, что выбора у меня особого не было, — и это оскорбление ты смоешь кровью.

— Твоей!

— Давай без шаблонов, Каф, — я запоздало вспомнил, что начал с них сам. — Выбирай время и место.

— Я выбрал, — он опасно улыбнулся.

— Ну, тогда начали, грешник, — топоры весело прыгнули в мои руки.

Он не ответил. И не стал излишне торопиться с началом. Он был опытным бойцом. Призвав Слугу греха, он за мгновение превратился в ухмыляющуюся предвкушающим

оскалом смерть. Осталось только разобраться, кому она достанется.

В отличие от ранее видимых мной Мастеров Греха его вторая сущность не представляла собой перекачанное и перенасыщенной острыми выступами форму. Каф-Завар почти не прибавил от своих изначальных размеров. Однако тело его недобро заблестело багряной чешуёй, руки удлинились и на концах их образовались костяные лезвия, а позади появился увенчанный, усеянным шипами шаром, хвост. Он алчно взглянул на меня уже другими болезненно-синими глазами и сделал издевательски-приглашающий жест.

Ну что ж, начать я мог и сам. И в дебюте, разумеется, счёл необходимым проверить на прочность его Путь. И Путь его, увы, достойно прошёл проверку. От моего незримого выпада Магистр почти припал на одно колено, но именно почти. Не сильно расстроившись я сделал ещё одну, усиленную попытку пошатнуть грешника. И на этот раз это мне почти удалось. Едва не упав, Каф-Завар вероятно расценил, что больше выжидать нет смысла и, предупреждая третий удар, молниеносно устремился в область моего сердца, бешено вращая перед собой костяными кинжалами.

Тактика для Мастеров Греха была довольно классическая, и к ней я был вполне готов. Не совсем я оказался готов лишь к скорости атаки. Недооценка противника обошлась мне в одно легко, но обидно раненное плечо и довольное рычание Каф-Завара. Под следующий удар я уже успел подставить зазвеневшее лезвие топора, и мы на некоторое время закружили в кровожадном танце войны. Магистр был намного быстрее меня, но это преимущество сходило на нет, так как ему постоянно приходилось спотыкаться на казалось бы ровной земле.

В одну из таких локальных неудач мне удалось с силой рубануть его по рёбрам. Пронзающая камень сталь с трудом и стонами на несколько недостойных сантиметров вошла в оказавшуюся крайне прочной чешую. Магистр резко отшатнулся, на траву упали пару капель густой крови, рана на глазах начала закрываться. Но всё же он подарил мне почти полторы секунды, а это при нынешних расценках было куда как щедро. Я дважды с силой толкнул его в сторону раненного бока. Он ожидаемо не упал, но рука его рефлекторно дёрнулась к уже почти затянувшейся ране. Большого мне было не надо. Мой топор радостно вонзился в эту длинную и крайне опасную конечность.

Следующие пять-шесть минут Каф-Завар яростно, но безнадежно отбивался. Я успел нанести ему ещё пару чувствительных ударов и теперь взгляд грешника отражал уже не рокошующий гнев, но злую усталость. Злую даже не на меня, но на себя. Злую за то, что не смог, за то, что проиграл. Проиграл, хотя был абсолютно уверен в победе. И теперь понимал, что поставил на эту победу слишком многое и что совсем не готов платить за такое неожиданное поражение. Но теперь его голос уже не учитывался.

Я с некоторым опасением, начал прислушиваться к окружающей нас толпе адептов греха. Мне крайне не хотелось бы, после окончания моего первого боя, сейчас же начинать следующий, со всеми желающими отомстить за смерть своего Магистра. Мои глаза пару раз заинтересованно скользнули по жадно наблюдавшим за схваткой лицам. И выражение этих лиц заставило меня забыть о возможной угрозе. Это был не Орден Войны, где за смерть своего брата мстили долго и упорно, это был Орден Греха, где не было ни братьев, ни праведной мести. И сейчас смерть своего Магистра они расценивали, лишь как редкий шанс обрести ранее принадлежавшие ему власть и богатство. Многие из них уже открыто хотели, чтобы Каф-Завар погиб. И мне, увы, приходилось изо всех сил потворствовать их низменным желаниям.

— Стой! — Каф-Завар неловко отпрыгнул чуть в сторону. Тяжёлое дыхание и явная замедленность реакции говорили, что грешник решил пойти на переговоры. — Я сдаюсь.

— Не интересуется, — я нанёс новый, пошатнувший дьявола удар.

— Не убивай! — тело грешника вновь приобрело свои естественные очертания. Из ран с новой силой полилась кровь, глаза и голос умоляли.

— Извини.

Топор с урчанием разрубил череп Каф-Завара пополам, провозглашая конец дуэли. Кроме этого окончание боя было ознаменовано гробовым молчанием немного смущённых зрителей. Я медленно обвёл их всё ещё горящими жаждой крови глазами.

— Кто-то ещё? — по отражающим ужас взглядам я понял, что больше желающих не будет. — А раз нет, тогда я буду терпеть ваше присутствие в этих землях ещё один час. А после, — я нехорошо улыбнулся, — после я сам начну выбирать себе противников.

Для того, чтобы собрать всё раскиданное по поляне имущество Ордена Греха и спокойно удалиться в свои чертоги, времени у дьяволов было маловато, в связи с чем скорость сборов оказалась даже выше моих самых светлых ожиданий. Через несколько минут я уже находился в приятном одиночестве. Вернее почти в одиночестве. Шагах в десяти от меня стояла пара дьяволов, терпеливо дожидавшаяся и вновь моего внимания. Я бросил на них раздражённый взгляд. И снова оказался разочарован моей непростой дорогой.

Один из них казался мне смутно знакомым, но кто он я вспомнить не мог, да и не слишком стремился. Все мои мысли заняла вторая фигура. Это был тот самый дьявол, которого я увидел перед схваткой с Каф-Заваром. Тогда я не успел его узнать, зато сейчас я искренне жалел, что увидел его снова. Это был Лираз-Дар, Старший Мастер Теней, и как я полагал мой заклятый враг (вряд ли он забыл то унижение, которому я его подверг при нашей первой и по совместительству последней встрече).

— Вот и свиделись, Кэй-Сагор, — Мастер Теней был расслаблен и холоден.

— Ты не услышал меня в прошлый раз, тень? — я решил дать себе небольшую передышку перед очередной намечающейся дракой.

— У меня новое предложение, — убийца по-прежнему был расслаблен.

— Ты думаешь, я отвечу на него иначе? — я уже почти отдохнул.

— Возможно, — Лираз-Дар легко подтолкнул в спину стоящего рядом с ним дьявола.

Тот медленно поднял свою лохматую голову и посмотрел на меня полными вины глазами.

— Прости, мастер, — он словно хотел встать на колени, — прости нас.

И тут я вспомнил. Вспомнил и эту лохматую голову и чуть неуверенный голос. Вспомнил и не поверил своей памяти. Я не помнил его имени, но я помнил, как пару раз учил его основам искусства Пути. Это был один из учеников нашего Ордена. Один из тех, кто, как я думал, навсегда остался лежать в Пурпурных холмах.

— Ученик?! — мой разум с трудом мог справиться с нахлынувшими на него эмоциями.

— Верно, Кэй-Сагор, — Мастер Теней вновь вышел вперёд, — это один из братьев твоего Ордена. И теперь у тебя есть выбор, мастер, — дьявол ядовито улыбнулся. — Либо ты отдаёшь нам, сам знаешь кого, либо он и ещё десяток его и твоих заново обрётённых собратьев умрут. У тебя есть пять минут. Выбирай, Хозяин Пути.

Последние слова он произнёс с особенной издёвкой и, как мне виделось, зря. Это было как минимум непрофессионально. И ещё более непрофессионально было давать мне такой узкий спектр решений. Поневоле приходилось измысливать что-либо ещё, хоть в чём-то

устраивающее меня лично.

— Ты знаешь, где их держат, ученик? — по понурому виду моего брата я понял, что Мастер Теней не лгал насчёт заложников.

Вероятно, парень уловил что-то в моём ровном голосе. Голова его вновь поднялась, а взгляд из потерянного стал решительным. — Здесь недалеко, мастер, я доведу.

Видимо, старый убийца понял что такая, казалось бы, верная схема дала внеплановую трещину. Рука его устремилась вниз — за обязательным при подобном образе жизни арбалетом или кинжалом, но было уже поздно. Резко дёрнув Мастера Теней на себя, я подарил его затылку страстное randevu с мгновенно влюбившимся лезвием моего топора.

— Недалеко говоришь, — я задумчиво повернулся к восторженно смотрящему на меня лохматому дьяволу. — Ну, раз так, веди, ученик.

— Спасибо, Кэй, — Шалер рассеянно смотрела в распахнутое весёлым ветром окно. Это была твоя лучшая дуэль.

— Шали... — как мне было тяжёло смотреть в это обрамляющее горизонт окно.

— Молчи, Кэй, — она всё понимала. — Тебе вновь надо идти. И вновь я не та причина, для того чтобы остаться. Ты сам не знаешь, как жесток, Кэй-Сагор, — в её глазах блеснули алмазы слёз.

— Прости, Шали, — как проклинал я себя в этот момент.

— Но ты вернёшься? — она порывисто обернулась и пронзила меня лучами своих глаз. — Ты вернёшься, Кэй?

— Прости, — оттуда, куда я шёл, назад дороги не было.

— Сожги тебя пламя, Кэй-Сагор! — я не успел отбить её полный бессильной ярости взгляд. — Иди своей проклятой дорогой!

— Прощай, Шали, — я печально развернулся и вышел за высокие, изящные двери её подарившей мне столько счастья спальни. Позади осталась та, за которую я без сомнений отдал бы жизнь, и та, которой я эту же жизнь подарил бы без остатка. И я сам не знал, зачем снова делаю тот выбор, который будет мучить меня до самого конца. И всё же мои ноги сами вели своего хозяина всё дальше от пьянящих губ, ласкающих рук и навечно оставивших на сердце рваный ожог карминовых глаз.

Я уже почти дошёл до снисходящей к выходу из замка лестницы, когда до меня донёсся полный любви и печали голос.

— Я буду ждать, Кэй.

— Как тебя зовут, ученик — я обернулся к преданно смотрящему на меня дьяволу.

— Гор-Фазар, мастер, — парень неловко улыбнулся, — Гор.

— Пойдём, Гор, — я невесело посмотрел вдаль. — А по дороге расскажи, как так случилось, что я ничего не знал о моих братьях. Не знал, несмотря на все старания.

По словам ученика, нам предстояло не больше дня пути по умиротворённым холмам местных земель. А в недалёкой перспективе мы должны были оказаться у входа в некие подземные туннели, в которых Мастера Теней и разместили свой временный штаб. Где-то там под прицелами арбалетов сейчас бились сердца двенадцати адептов Ордена Дорог, двенадцать моих братьев — учеников и подмастерьев, которые стали новым козырем в игре Ордена Теней. Козырем, который я не мог предугадать.

— Мы боялись твоего гнева, мастер, мы... — Гор запнулся. — В той битве мы сбежали

с поля боя. Мы испугались смерти, мастер, — он не смотрел мне в глаза, — мы предали Орден, мы недостойны были вновь стоять рядом с тобой. И когда война закончилась, мы ушли в одну глухую деревню и жили там, пока нас не нашли тени.

— Как они вас нашли? — другие вопросы были сейчас для меня слишком болезненными.

— Случайно, мастер, — ученик вздохнул, — один из них возвращался с задания через нашу деревню и, наверное, увидел как мы работаем с Путиями. Он ушёл, а через неделю появился вновь, и с ним было ещё три десятка убийц. У нас не было выбора.

Сбежали с поля боя. Да и огонь бы с ним. Они же тогда были совсем молоды, совсем неопытны и конечно им хотелось жить. И как я мог не простить их за эту понятную слабость. За простое желание жить. Желание, которое они поставили выше долга и кто скажет, что они были не правы. И разве был бы мой гнев долгов и жесток? И кто виноват, что я встретил их так поздно? Наверное, только я сам.

— А мы сможем теперь возродить Орден, мастер? — Гор, озарённый новой идеей, восторженно смотрел на меня. — И всё будет как раньше!

— Не знаю, ученик, — я был менее оптимистичен. — Слишком многое изменилось, слишком многое было потеряно и слишком мало было обретено взамен. Слишком разные у нас сейчас дороги.

Через несколько часов совместного пути нам пришлось пересечь широкий тракт, по которому то и дело проезжали щедро нагруженные повозки. Глаза случайно остановились на одной из них, рядом с которой шёл плечистый дьявол, о чём-то весело болтая с возницей. На возницу мне было абсолютно наплевать, но вот дьявол показался крайне знакомым. Дело осложнялось тем, что лица его я не видел. Наконец дьявол соизволил повернуть свою гладко выбритую голову, наши глаза встретились. А потом дьявол заулыбался, радостно махнул мне рукой и пошёл к нам на встречу.

Я не мог сдержать ответной улыбки. Своей знаменитой танцующей походкой к нам быстро приближался князь Раш-Диор — бретёр, шулер, бабник, пьяница, а по совместительству, наверное, единственный, кого я хоть и с натяжкой, но мог назвать другом.

— Кэй!

— Раш!

Мы сжали друг друга в объятиях.

Мы познакомились уже после войны в процессе моего очередного дикого загула. Тогда мы гуляли в одном небольшом городке и вдвоём разогнали всю местную банду, которая, как мне показалось, оскорбила мои в тот момент неловкие шаги. Раш-Диор был безудержно весёлым, вспыльчивым и невероятно везучим. Его любили женщины, карты и сталь. А он любил их ещё сильнее. Мы не виделись уже несколько лет, и я был искренне рад нашей встрече.

— А у тебя усталый взгляд, Кэй, — Раш понимающе рассмеялся. — Не надоело бродить по своим дорогам?

— Надоело, Раш, — я позволил себе усмешку, — но боюсь, что больше я ничего не умею.

— Ну, раз надоело, поехали ко мне, — он весело подмигнул мне, — выпьем, вспомним, а?

— Я бы и рад дружище, — я сделал огорчённый жест, — но у меня крайне срочные

дела.

— Да у тебя с самой войны дел не было, Кэй? — князь сделал удивлённое лицо. — Откуда вдруг?

Я вкратце обрисовал ему сложившуюся ситуацию, не упоминая, разумеется, Элати. В конце моего рассказа лицо Раша приняло хитрое выражение.

— А что, Кэй, — он погладил рукоять своей сабли, — не сходить ли мне с вами? А то я признаться немного заскучал, сидя в своём замке. Вот, даже погулять вышел.

— Пошли, — предупредить Раш-Диора об опасности было довольно глупо, особенно учитывая, что тот был вполне опытным Мастером Войны, — кстати, как дела в Ордене.

— А! — князь взмахнул рукой. — Выгнали меня из Ордена.

— Как выгнали? — мне не надо было прикидываться удивлённым. Не в правилах Ордена Войны было выгонять проверенных мастеров, даже за серьёзные проступки. — Ты, что плюнул Гарот-Азвару в суп.

— Практически, — Раш ностальгически улыбнулся. — Я убил его племянника.

— За что?

— Женщина.

— Ясно, — ситуация оказалась до боли знакомая.

Глава 8. Перекрёстки. Часть 3

— Всё, ещё полкилометра и мы будем на месте, — Гор внимательно смотрел между двух высоких холмов. — Но вход, скорее всего, охраняют и смогут предупредить о нашем приближении остальных.

— Тогда давай немного осмотримся, ученик, вход может быть и не один, — исходя из собственного опыта, я знал, так бывало в большинстве случаев. Другой вопрос, что не каждый вход можно было легко найти. Но из того же опыта думалось, что я, скорее всего, смогу обеспечить успех этого предприятия.

Однако прошло не меньше часа, а потенциальный второй вход так и оставался, скрыт от наших глаз. Я уже начал склоняться к мысли плюнуть на осторожность и попытаться прорваться по главной аллее, как вдруг заметил в кустах едва различимое шевеление. Я рефлекторно дёрнул на себя объект этого шевеления и перед нами предстало маленькое, грязное существо с кривыми рогами и бегающим взглядом, — подземный бес.

Подземные бесы были, на мой взгляд, были самыми беззаботными существами Ада. Не обделенные отсутствием даже не очень острого ума, любых амбиций и практически напрочь лишённые страха подземные бесы вполне себе счастливо жили в тех местах, на которые более никто не претендовал — собственно под землёй. И если на поверхности, на которую бесы изредка выбирались, они не представляли никакой опасности, то в подземных пределах они обладали своей собственной силой. Силой, которая могла поспорить почти с любым противником. И Орден Теней вполне попадал под понятие — почти.

Бес смотрел на нас с нескрываемым любопытством и лёгкой опаской. Его большие глаза нагло и беззлобно заглядывали нам в лица. И надо сказать, я был рад этой встрече. При должной аккуратности она сулила нам неплохие перспективы.

— Как тебя зовут, бес? — подземные бесы хоть и криво, но вполне достойно разговаривали на основном языке Ада.

— Брез, — бес заинтересованно посмотрел на меня. — А тебя?

— Кэй, — я присел на корточки оказываясь с ним на одном уровне. — Послушай Брез, недавно к вам пришли дьяволы, верно.

— Верно, — Брез осторожно дотронулся до моего колена, — плохие дьяволы, многих убили. Глупо.

— Глупо, — я согласно кивнул. Хотя думал я отнюдь по-другому. С политической точки зрения, сделать себе подземную базу было вполне разумной идеей и она, увы, стоила нескольких десятков подземных жизней. Но для подземного беса любое убийство было глупостью по сути. И сейчас было самое время с ним согласиться. — Мы можем помочь вам избавиться от них. И ваши земли снова станут спокойны.

— Это было бы хорошо, — бес с необычной для его племени серьёзностью посмотрел на меня.

— Ты знаешь, где они находятся, Брез? — подземным бесам необходимо было подсказывать ход вроде бы элементарной беседы.

Бес кивнул.

— Ты можешь незаметно провести нас к ним?

Ещё один кивок.

— Ну, так веди, сожги тебя пламя! — Раш всегда был нетерпелив.

Как ни странно, но это гневный возглас возымел, наконец, необходимое понимание подземного жителя. Он снова флегматично кивнул и быстро задвигал своими маленькими ногами, увлекая нас за собой.

Не прошло и пяти минут, как мы уже стояли у входа в узкий лаз, при виде которого хотелось идти под стрелы теней. Брез нисколько не смущённый нашей двоякой реакцией на этот пропуск вниз, первым ловко пролез внутрь, принимая как должное то, что мы проследуем за ним. И за неимением лучшего последовать, увы, пришлось. Тихо ругаясь и проклиная небольшие размеры местных жителей, нам с огромным трудом всё же удалось оказаться с другой стороны. К этому времени, каждый был покрыт плотным слоем грязи, и, в связи с этим, на данный момент нас вполне можно было принять за бесов-переростков.

— Признаться, я не так представлял себе наше карающее появление в логове теней, — Раш со скорбью разглядывал свою когда-то изысканную одежду.

— Важно не появиться, но уйти, — я был более практичен, — и уйти желательно в расширенном составе. Брез, — я повернулся к бесу, — иди помедленнее (по своим нормам бесы могли передвигаться с поразительной скоростью).

Бес утвердительно кивнул и действительно засеменял во вполне приемлемом темпе. Он вёл нас по узкому и низкому туннелю, естественно освещаемому фосфоресцирующими червями, живущими здесь в огромных количествах. Их бледно-голубой призрачный свет тускло, но надёжно освещал местные красоты. Хотя как раз о красотах речь пока вести было рано.

— А долго идти, Брез? — Раш-Диор в очередной раз зацепился своей длинной, тонкой саблей за земляную стену. — А то я уже признаться заскучал без весёлой компании.

— Не время сейчас смеяться, Раш, — я взял на себя смелость ответить за беса. — Смеяться будем потом, если будем.

— Ты умный мужик, Кэй, — князь зацепился даже за такую возможность поболтать, — но сейчас не прав. Время для смеха есть всегда, и его не так сложно увидеть. Другой вопрос, что мы не всегда им пользуемся, потому что часто просто устаём от него. И тогда откровенно хочется погрузиться. Знаешь, иногда так всё надоедает — женщины, друзья, дуэли, даже карты. И хочется просто сесть на берегу реки с треснутым бокалом вина и вечно гаснущей трубкой. И просто сидеть и грустить. Грустить, потому что становится скучно смеяться. Но я замечал, — его голос снова стал весёлым, — что грустить надоедает ещё быстрее.

— Дай пламя, сегодня нам совсем не придётся грустить, — я обернулся к замыкающему нашу процессию Рашу. — И пускай мы устанем смеяться.

— Стойте, — Брез поднял маленькую руку, — там кто-то есть.

— Тени? — мы уже выхватывали оружие.

— Нет, — голос беса был заинтересованно-тревожным, — кто-то другой, совсем другой.

— Интересно, какие планы у этого совсем другого? — князь уже желал схватки. — Может, спросим?

— Мы можем его обойти? — я как раз наоборот хотел оттянуть неминуемое кровопролитие до последнего.

— Мы можем пойти по другой дороге, — бес неуверенно шагнул вперёд, — но обойти его мы не сможем.

— Ну, вот и славно, — Раш, похоже, действительно был рад, — не люблю сворачивать.

— Брез, — я нагнулся к бесу и со всей серьёзностью посмотрел ему в глаза, — как только поймёшь где он, скажи мне, понял?

— Я могу не успеть, — бес покачал головой. — Он очень быстрый.

— Откуда ты знаешь?

— Его уже нет в том месте.

— Испугался, — подвёл резюме Раш-Диор. — Да я бы сейчас и сам себя испугался, в таком-то виде.

— Значит, путь свободен, — я уже устал от нерешительности.

— Пока, да.

— Ну и кого мы ждём, мой маленький бес?! — князь снова выбрал верные слова для мотивации подземного жителя на движение.

Не менее получаса мы пробирались по заставляющим склонять головы и сгибать спины туннелям. Не менее получаса нам пришлось выслушивать непрекращающееся нытьё Раша по поводу одолевающей его скуки. И я был невероятно рад, когда, наконец, в пределах нашей досягаемости от этой скуки появилось долгожданное лекарство.

— Там дьяволы, — Брез показал за очередной поворот. — Двое.

Как этому подземному жителю удавалось с такой точностью определять местонахождение и количество интересующих нас субъектов, мне признаться понять было тяжело. Это как раз и была часть той силы, которой владели подземные бесы. И если бы они использовали эту силу в полной мере, вряд ли Мастерам Теней удалось бы так удачно воплотить в жизнь свои захватнические планы. Но на свою беду, подземные бесы страдали повальным пацифизмом, что делало их идеальными противниками.

Около полуминуты ушло у меня на поиски двух Путей. А ещё через несколько секунд рядом с нашими ногами валялись двое убийц. Они были без сознания, так как я предпочёл сначала погасить их вероятный крик тяжёлым ударом об землю, а уже потом провести с ними, возможно, заинтересующую нас беседу.

Через пару минут дьяволы пришли в себя, и каждый с некоторым сожалением обнаружил сталь у себя на горле. Тени старались держаться с достоинством, что в их положении было довольно затруднительно. Тем более что меня они, похоже, узнали.

— Как дела, парни? — Раш наконец-то лучился удовольствием. — Не против, что мы вас потревожили?

Ответом ему было ожидаемое, в общем, молчание. Мой топор с хрустом вонзился в череп одного из них. Второй откровенно вздрогнул, когда на его лицо брызнула горячая кровь. Я флегматично присел около него.

— Сколько вас? — я взвесил топор в руке.

Надо отдать Ордену Теней должное. Своих адептов он воспитывал крайне умело. Я видел, как на лице у ещё в целом молодого дьявола страх яростно борется с долгом и честью, которые, увы, были и у убийц. И страх если и не проигрывал, то уж точно имел такую возможность в ближайшем будущем.

— Я всё равно всех убью, тень, — я задумчиво глядел поверх его головы. — Вы, наверное, не понимаете, как дорого то, что уже когда-то потерял. Не понимаете, что это не козырь, это тот самый неправильный ход, который становится роковым. Но, если ты мне поможешь, я оставлю тебя жить, — слово Хозяина Пути.

А потом я не меньше минуты смотрел, как страх в его глазах всё отступает и отступает. Внезапно я позавидовал ему, у него был Орден, за который он не боялся умереть. У него

было что-то выше жизни, что давно и возможно безвозвратно потерянное для меня. Дальше говорить было бессмысленно. Его смерть была лёгкой.

— Суров ты, Кэй, — Раш-Диор убрал свою саблю в ножны. — А справедлив ли?

— Ты ведь всё понимаешь, Раш, — я устало поднялся. — Пошли, Брез, сколько их он так и не сказал, но я подозреваю, что больше двух.

— Там опять то существо, — бес осторожно выглянул за угол.

— И что оно делает? — признаться мне уже до огня надоело находиться рядом с двумя трупами.

— Не знаю, — подземный житель пожал худыми плечами и уточнил. — Не понимаю.

— Ну тогда пошли разбираться, — я как можно более нагло вышел в новый тоннель. Рядом со мной мгновенно оказался Раш-Диор. Я усмехнулся. О том чтобы сравниться с наглости с князем, можно было только мечтать. Тот шагал как на параде своего Ордена, с обнаженной в нетерпении саблей и как можно более высокомерным взглядом. Отличный психологический приём, когда враг начинает считать, что для тебя он всего лишь пыль. Вот, правда, что-то мне подсказывало, что на этот раз это не тот враг.

В связи с этим я отвлёкся от колоритной фигуры моего друга и со всей ответственностью приступил к поискам нашего непонятого и, увы, пока не видимого, потенциального противника. Вернее даже не его самого, но его Пути, что для меня было гораздо более актуально.

Возможно, мне повезло, а возможно не повезло срывающемуся во тьме туннеля существу, а, скорее всего, произошло и то, и другое. Только так я мог объяснить, что мне всё-таки удалось схватить его Путь. Схватить и едва не отпустить, настолько он был чужд всему, что я видел ранее.

Я так и не увидел его. Не увидел, даже когда уже он оказался в моей относительной власти. Это было, словно провести чёрным по чёрному. Ты знаешь, что проведена новая черта, но увидеть её не в твоих силах. Похожая ситуация происходила и сейчас — я знал, что держу этот Путь, но глаза мои застилала тьма.

И, тем не менее, я со всей подаренной мне Великим Пламенем силой рванул этот Путь на себя. И в последний момент, уже когда его обладатель должен был по примеру многих упасть к моим ногам, Путь рванули назад. Рванул не его владелец, но кто-то третий. Кто-то держащий этот Путь на длинном, но поводке. Кто-то удивлённый и вероятно встревоженный моими действиями.

Через пять минут мне стало даже жаль это так и не показавшее своего лика существо. Все эти минуты оно металось из стороны в сторону, повинувшись двум не уступающим друг другу волям. Воле Хозяина Пути и воле Хозяина Поводка. И всё же, в итоге, наверное, сказался опыт. Я к подобным дуэлям привык уже давно, а для моего невидимого соперника это был вполне возможно первый прецедент. Поводок лопнул, и около нас взметнув рыхлую землю упал мерцающий силуэт.

Постепенно из блистающего призрака, существо превращалось во вполне материальную конструкцию. И она было прекрасна. Прекрасна яростной, стремительной красотой. Длинное белоснежное тело, огромные ясно-янтарные глаза, в которых сейчас проносились финальные, всегда неожиданные мгновения и две пары изящных полурук-полулап, алчущие в последнем желании не схватить, но обнять. Это существо было рождено для служения своему господину и сейчас, оторвавшись от поводка хозяина, оно теряло сам смысл своего существования. Оно умирало, так как не видело более смысла жить.

— Они идут, — Брез вскинул своё покрытое грязью лицо. — Они сильно расстроены.

— Много? — ещё двоих я бы, наверное, выдержал.

— Не знаю, — бес помотал головой, — но больше, чем нас.

Это было плохо. Проверять боевые качества неясно откуда взявшихся созданий представлялось крайне не желательным. А ещё более не желательно было оказаться в непосредственной близости с их таинственным хозяином. В таких случаях идеальным планом становится бегство.

— Сможем убежать? — я с надеждой взглянул на беса.

— Попробуем, — тот решительно кивнул и пошёл к ближайшей стене. Нам ничего не оставалось, как последовать за ним.

Маленький бес всем своим телом прижался к холодной и грязной земле, вдавливая пальцы в стену. Он ласково потёрся щекой о сырую поверхность и что-то быстро и восторженно зашептал. Так прошло около пяти секунд, а потом он просто пошёл вперёд. Пошёл так, как будто и не было километров и тонн бездушной земли, пошёл как по широкой тропинке в знакомом лесу. Сделав несколько шагов, бес обернулся и махнул нам рукой. Обречённо вздохнув, я направился вслед за ним. Остальные отстали от меня не намного.

Признаться, я был готов, что придётся буквально зубами прогрызть себе дорогу в этом сотворённом туннеле, но земля услужливо расступалась перед нами и столь же услужливо и бескомпромиссно смыкалась позади нас. Мы словно находились в движущемся воздушном мешке, и приходило неприятное понимание того, что если этот мешок лопнет, то выбраться, скорее всего, уже не удастся.

— Мы ведь друзья, да, Брез? — Раш с печальной иронией отразил мои собственные мысли.

— Не знаю, — бес не повернулся. — Вы пришли убивать.

— Это не я — это он, — князь с идиотским видом ткнул пальцем в мою сторону.

— Заткнись, Раш, — я при всём желании не мог поддержать этой шутки, — сейчас снова время грустить.

— Что-то оно зачастило, — бывший Мастер Войны явно остался несколько разочарован отсутствием восторгов по поводу собственного остроумия, но, слава огню, замолчал.

— Догоняют, — бес встревожено обернулся для того, чтобы увидеть всю ту же равнодушную землю.

— Не уйти? — надо сказать, я был несколько разочарован

— Они быстрее, — Брез виновато вздохнул.

— Тогда, выведи нас из этой клетки, туда, где мы снова сможем убивать, — вероятно, я был несколько резок, но хладнокровие уверенно оставляло пределы моего разума.

— Зачем убивать?

— Затем, чтобы жить, — я нетерпеливо сжал рукоять топора.

— Разве жизнь стоит смерти? — бес с интересом посмотрел мне в глаза.

— Смотря чья. Моя — стоит.

А минут через пять мы уже стояли на выбранной нашим провожатым импровизированной арене. Это было что-то похожее на частую сеть коротких коридоров, которая растянулась на несколько квадратных километров. Здесь можно было прятаться и убегать, нападать из-за угла и гордо стоять на перекрестии туннелей. Здесь действительно могла выйти славная битва. И, к сожалению, она неотвратимо надвигалась.

— Они пришли, — Брез печально смотрел прямо перед собой.

Я уже и сам почувствовал мельтешение невидимых Путей где-то там, куда не дотягивался голубоватый свет червей. И, увы, похоже, их действительно было больше, чем нас. За несколько секунд мне удалось найти не менее трёх невидимых Путей, а, сколько же их проскользнуло мимо меня. Я решил начать с трёх.

— Раш, руби всё, что движется, — я спиной почувствовал азартную улыбку князя. — Гор, — без фанатизма, сможешь, помогай, не сможешь, — даже не пытайся, — я щёлкнул пальцами. — Начали!

Глава 8. Перекрёстки. Часть 4

Наверное, за время прогулки до Коцита, я научился быстро приспосабливаться к незапланированным ситуациям и экзотическим врагам, и сейчас это пришлось как нельзя кстати. С холодной яростью я дёрнул на себя одновременно все три захваченных Пути. Хозяин поводков, вероятно, не ожидал от меня подобного коварства и не успел одинаково достойно ответить на мою атаку. Два поводка он с честью удержал, но вот третий обреченно лопнул, предрекая очередную янтарноглазую смерть.

Похоже, мне сильно удалось разозлить невидимого координатора. В следующее мгновение я увидел сначала призрачный оскал у своего лица и почти сразу запевшую сталь, вполне успешно рвущую эфемерное тело. У Раш-Диора, возможно, был самый быстрый клинок в Ордене Войны, а значит и во всём Аду.

— Не время грустить, Кэй! — князь превратился в маленький вихрь. — Вот сейчас точно не время!

Ну что ж, это был тот редкий случай, когда я был полностью согласен со своим другом. Излишняя грусть сейчас могла слишком дорого обойтись. Я с трудом, но заставил себя безумно улыбнуться и, бешено завертев топорами, бросился в бой. В пламя пошли все хитроумные планы и тактические выкладки. Всё было как много лет назад. Я, Раш и всё ещё на что-то надеющиеся враги. Так пусть же их надежды умрут вместе с ними.

Мерцающий каскад полунезримых тел, прикосновение которых дарило оглушающие ноты режущей боли, сверкание хохочущей стали, ругань Раш-Диора и будто различимые звон вновь и вновь рвущихся поводков. Всё смешалось, всё слилось в один гремящий и безжалостный ураган. Их действительно было много, но гораздо меньше, чем бесконечно. Их выпады оказались, отнюдь, не так жестоки и опасны, как представлялось ранее, а их загадочный хозяин, встречи с которым мне так хотелось избежать, без особых уговоров предоставлял нам эту счастлившую возможность.

А потом всё резко прекратилось. На земле, вокруг нас, осталось лежать не менее десятка белоснежных зверей, а остальные, подчиняясь не услышанному нами приказу, оставили так неудачно сложившуюся для них битву.

— Вот это драка, Кэй! — окровавленный, но невероятно довольный князь сделал пару запоздалых выпадов в сторону предполагаемого противника. — А ведь мы ещё даже не дошли до теней!

— Вот это как раз и беспокоит, — я с облегчением нашёл глазами ученика и беса (и слава огню нашёл живыми). — Представляется, что дойти уже будет удачей. А ведь там тоже ожидается непростая беседа. Кстати, ты не ранен?

— Откуда я знаю? — Раш казалось, был искренне удивлён. — Я же не лекарь.

Решив, что смертельно раненый не станет пренебрегать просьбами о помощи ради очередной несколько лишней шутке, я замучено посмотрел на печально осматривающего поле боя беса.

— Они ушли, Брез? — вопрос этот меня крайне беспокоил. Не знаю, улыбнётся ли нам удача два раза подряд. Мне ли не знать, что для удачи это слишком много.

— Да, — подземный житель довольно флегматично воспринял этот факт, — недалеко, но ушли.

— Слава огню! — я перевёл дыхание. — Всё-таки тени заняли очередь первыми. Идём

дальше, Брез.

— С какой стороны пойдём, — бес как-то резко перешёл на деловой тон. Видя моё несколько недоумённое лицо, он пояснил. — Там два входа.

— Хорошо бы с двух, Кэй, — Раш хитро прищурился. — Тебя они, скорее всего, ждут, а вот меня уж точно нет.

Насколько я знал, досконально Раш разбирался только в двух вещах — в картах и тактике малых боевых групп, так что к его совету скорее всего стоило прислушаться. Я вопросительно посмотрел на князя, ожидая дальнейших разъяснений. Впрочем, они оказались не слишком сложны.

— Всё просто, Кэй. Ты — начинаешь, я — страхую, — князь весело ухмыльнулся. — Как в том паршивом городишке, помнишь? — я ухмыльнулся в ответ. Я помнил.

Через несколько минут, мы уже полностью определились с дальнейшим планом. Брез, Раш и Гор двигались по более длинной и запутанной дороге, в то время как мне, по словам беса, предстояла короткая и практически безмятежная прогулка, сопряжённая правда с огромным количеством поворотов и ответвлений. Подавляя некоторые сомнения, пришлось вспомнить о том, что я всё же Мастер Дорог и решительно двинуться в назначенную мне темноту. По прибытии я должен был смиренно ожидать сигнала Раша и только потом начинать действовать. И да поможет нам Великое Пламя.

Я с трудом сдержал свой первый порыв и не бросился к моим скорбно сидящим на холодной земле братьям. Их было двенадцать. Двенадцать, самых дорогих мне когда-то дьяволов. Тех, кого я, казалось, навсегда потерял. Они не были связаны, но, судя по грустным взглядам и скованным движениям, находились на срывающемся прицеле, не умеющих промахиваться арбалетов. Самих же стрелков я, увы, не видел. Хотя случайно наткнулся в темноте на пару явно дьявольских Путей. Так что у меня было с чего начать. Теперь оставалось лишь дождаться Раша.

— У тебя интересная дорога, дьявол.

Как же я ненавидел, когда за моей спиной слышались вот такие, казалось бы, ничего незначащие фразы, сказанные спокойным и даже немного скучающим голосом. Я резко развернулся. На меня с еле заметным любопытством смотрела пара до боли знакомых глаз. Больше двух десятков таких же больших печально-янтарных глаз я уже заставил сегодня закрыться и готов был с удовольствием сделать это снова. К сожалению на этот раз сделать это оказалось гораздо более проблематично. Вместо, пускай и невидимого, но всё же более-менее классического Пути я обнаружил тугой клубок Путей, нити от которого устремлялись во все стороны. Не знаю, сколько в этом клубке было дорог, но он оказался для меня абсолютно неподъёмным, и это внушало неподдельное уважение. Судя по всему, передо мной стоял (а может, сидел), загадочный хозяин нагло порванных мной поводков. И, похоже, у него был ко мне разговор.

— Ты кто такой? — я решил начать с сути.

— Я Наблюдатель, — глаза улыбнулись. — Иногда кажется, что на нас кто-то пристально смотрит. Мы поворачиваемся, но никого не находим. Не находим меня.

— Твои звери? — я надеялся, он поймёт.

— Мои, — он понял, — мои гончие. Они ищут, на что можно было бы взглянуть. За всем ведь не уследишь.

— И моя кровь показалось им как раз достойной твоего взора?

— Ну, ты ведь сам начал, дьявол, — его взгляд стал недоумённым. — Чего ты ожидал? У них ведь тоже есть чувства.

— Сжигал я их чувства, — я повернулся к Наблюдателю спиной. — Так, ты думаешь, будет интересно?

— С тобой вообще последнее время интересно, дьявол.

— Я, пожалуй, что знаю парочку мест повеселее.

— А с чего ты решил, что меня там нет, Кэй?

— Резонно, — то, что янтарноглазому известно моё имя я воспринял философски. — А может поможешь, раз уж я такой занятный тип?

— Увы, — в голосе Наблюдателя не было сожаления, — я не вмешиваюсь, я лишь наблюдаю.

— И тебе всё равно, кто останется валяться в пыли?

— В принципе, да.

— Везёт тебе, безликий, — я отыскал ещё несколько вражеских Путей, — ты никогда не плачешь. Но часто ли ты смеёшься?

— Не бывает монет с одной стороной, Кэй.

— Может, ты их просто ещё не видел.

— А может, уже и не увижу.

— Ну, не стоит отчаиваться, — ещё пара Путей легла в мои объятия.

Продолжения беседы не последовало. Я уже было, хотел обернуться к своему одинаково ко всем равнодушному собеседнику, но моё внимание оторвала другая, гораздо более актуальная на данный момент картина. Раш-Диор наконец-то подал обещанный сигнал. Правда, сделал он это несколько экстравагантно. Наплевав на изначальную схему действий, князь лично решил сделать первый выпад.

Не обращая внимания на предвкушено вонзившийся возле его ног арбалетный болт, Раш пьяной походкой выбредал на середину маленькой пещерки. Пьяная походка, учитывая многолетнюю практику в этом направлении, получалась у него очень достойно. А сопровождающие бессвязные выкрики придавали ей особую органичность. Ещё один болт вошёл в землю в сантиметре от его ноги. Это предупреждение Раш, несмотря на весь свой псевдохмельной апломб, воспринял. Он остановился, в нерешительности обводя взглядом окружающий его тусклый пейзаж.

— Какого огня! Где я?! — какой актёр пропал в моём старом друге. Правда, ампула у этого актёра было довольно узкое.

Больше всего я боялся, что вместо ответа, он получит болт в сердце, но Мастера Теней редко убивали тех, за кого им не платили. Они считали это излишней тратой денег. Из голубоватой темноты появились два пока ещё не учтенных мной дьявола. В руках у них были предполагаемые арбалеты, а выражении глаз я, увы, не видел. Но мне казалось, что оно довольно расслабленное.

— Ты не там, где тебе рады, незнакомец, — один из дьяволов ткнул заряженным арбалетом в плечо князя. — Ищи себе другое место для покоя.

Раш начал медленно поворачиваться вокруг себя, движения стали плавными, а глаза засверкали опасным блеском. Его сабля, словно сама вылетела из ножен, рассекая лица подошедших необоснованно близко теней пополам. И одновременно с этим раздался его громкий и обращённый явно ко мне выкрик.

— Двадцать семь!

Единственное чего я не понял из этой информации, так это учёл ли он только что убитых им дьяволов. Впрочем, в данный момент мне об этом гадать было некогда. Из названных двадцати семи, в моём непосредственном распоряжении находилось тринадцать. И искать оставшуюся часть было откровенно некогда. Все тринадцать, неукрывшихся от меня, Мастеров Теней менее чем через секунду после крика князя уже оказались в непосредственной от него близости, беря на себя печальную роль живого щита от оскалившейся стали. И роль эту играть им пришлось недолго.

У оставшихся без моего внимания убийц руки не дрогнули. Сливающийся похоронный звон полутора десятков арбалетов оказался последним, что слышало подавляющее большинство моих подопечных. Неутомимый князь вонзил свой клинок в грудь одного чудом избавленного от летящей смерти дьявола и через мгновение был отправлен мной в более безопасное место. Между тем хлопок от выстрелов стал достаточным для меня поводом явить перед своим взором недостающих до комплекта теней. Через несколько минут всё было закончено. В подземном мире наступила тишина. Впрочем, ненадолго.

— Нет, я ведь хорош, а, Кэй?! — Раш даже подпрыгнул от возбуждения. — Да я лишь на карат хуже самого Пламени!

Но в этот момент мне было не до детских радостей друга. В нескольких шагах от ликовавшего князя поднимались с равнодушной земли мои братья. Они недоверчиво и немного виновато смотрели на меня. Они помнили меня, а вот я не помнил из них никого. Хотя, быть может, во всём виновата проклятая темнота.

— Мастер!

Отчаянный крик, вылетевший из-за моей спины, сменился ледяным клацаньем арбалета и последовавшим за ним захлёбывающимся стоном. Я развернулся, хватая не учтённый ранее Путь. Передо мной с тяжёлым болтом в груди лежал Гор. Его взгляд уносился за порог жизни, а губы изогнулись в болезненной улыбке. Он умирал счастливым. Он смог спасти своего мастера.

Стало больно. Возможно, даже больнее чем последнему Мастеру Теней, голову которого я разрубил своим топором. Хотелось кричать, хотелось плакать и впервые за долгие, долгие годы хотелось пожалеть, что в этот раз смерть выбрала не меня. Но наверное за те же годы я стал слишком циничен. Мне удалось удержать в себе и первое, и второе, и третье. И я не знал, радоваться ли мне этому или проклинать своё как выяснилось жестокое сердце. Оставалось лишь тупо слушать, как где-то в темноте горько вздохнул подземный бес.

— Что дальше, мастер? — один из учеников с вопросительной тревогой смотрел на меня.

Я ждал и боялся этого вопроса. А ещё больше я боялся на него отвечать. Ответить на него значило предать свой Орден. Но ответить по-другому я уже не мог.

Я молчал. Мы полукольцом стояли над свежевырытой могилой, в которую наши руки опустили брата дорог. Пара кратких речей, несколько искренних слёз. Вот и всё, что досталось от нас Гор-Фазару. Но разве он требовал большего. И разве смогли бы мы ему это дать, если бы он всё-таки потребовал.

— Мастер!?! — это был уже другой голос.

Я поднял голову. Они все смотрели на меня. Смотрели с надеждой и лёгким, дрожащим страхом за эту надежду. Надежду, которую мне предстояло сжечь.

— Дальше? — слова с трудом протискивались мимо губ. — Дальше снова дорога. И у

каждого она своя.

— А, Орден?! — это уже было похоже на обвинение.

— Орден?! — внезапно я разозлился, — Орден?! А где вы были, когда ещё всё могло быть возвращено. Когда я искал и желал найти. Когда я грезил, как Орден Дорог восстанет из праха. Сидели в своей норе?! Боялись высунуть оттуда свои побледневшие лица?! Кто виноват, что грёзы проходят?! И иногда навсегда, — я перевёл дыхание. — Лёгких вам путей, братья.

— Куда же ты идёшь, дружище? — Раш-Диор, пошевелил ясным огнём вцепившиеся в палку угли. — И ждут ли тебя там?

— Там никого не ждут, Раш, — я выбил пепел из докуренной трубки. Закончились последние граммы табака, но сегодня это было, пожалуй, наименьшей моей печалью. — Там и так слишком мало места.

— Думаешь, протолкнёшься? — князь непривычно задумчиво посмотрел мне в глаза.

— Уже поздно думать, друг, — я лёг на усталую спину, — пора спать.

Раш-Диор не ответил, рассеянно смотря в ночь. Мне оставалось лишь закрыть истосковавшиеся сегодня по слёзам глаза и на такие краткие мгновения сна забыть про обволакивающую душу тоску. Забыть, для того чтобы так скоро вспомнить.

С князем я попрощался за пару километров от места, где осталась в нетерпеливых раздумьях небесную леди. Прощание было коротким и искренним, что меня полностью устраивало. Пара дней, отведенных ангелу на ожидание, давно иссякли. И признаться я с некоторой тревогой подходил к входу в пещеру.

И тревога моя подтвердилась в полной мере — Элати не было. Проклянув нетерпеливую жрицу, я перешёл на свой самый быстрый шаг в надежде догнать мою решившуюся на одинокий переход спутницу. И, слава огню, через пару часов мне удалось это сделать. Не особенно спеша, леди довольно уверенно двигалась в верно выбранную сторону, предусмотрительно придерживая капюшон под порывами дразнящего ветра.

— Как прошло? — Элати как будто и не обрадовалась моему появлению.

— По-разному, — вдаваться в подробности я по традиции не намеревался. — Ты лучше скажи, какого огня...

— Кэй! Стой! Совсем забыл! Кэй!

Я обречённо обернулся. К нам стремительно приближался крупный ящер, на котором яростно размахивал руками Раш-Диор.

— Совсем забыл, — князь уже хотел донести до моих ушей, что же он забыл, но его внимание было отвлечено закутанной в плащ фигурой. — Это ведь женщина, Кэй!? — он хитро посмотрел на меня. — Познакомь же нас! — что ж, когда дело касалось женщин, Раша обмануть было крайне сложно.

— Она не хочет, друг, — я покачал головой, — поверь мне.

— Ну не хочет, как хочет, — князь как-то слишком быстро сдался и, лихо спрыгнув с ящера, подошёл к нам. — Ты лучше взгляни туда.

Я послушно посмотрел в указанную им сторону. Туда же устремилась и голова жрицы. А потом я услышал одновременный вскрик ангела и изумлённое рычание Раша. Мой друг не удержался от искушения и скинул презираемый им капюшон. И теперь его залитые гневом глаза метались между мной и уже обнажившей меч Элати.

— Какого огня, Кэй! — он выхватил свою саблю, — Ангел! Это ангел, Кэй! Что ты делаешь рядом с ней! Почему она ещё жива!

Ещё до завершения последнего возгласа его клинок устремился в грудь Элати. Я с некоторым трудом оттолкнул князя и встал между ним и леди.

— Всё не так просто, Ращ, — я грустно посмотрел на него и повторил, — всё не так просто.

— Опомнись, Кэй! — князь сделал ещё одну попытку прорваться, но снова оказался на исходной позиции. — Что здесь сложного!? Что сложного в том, чтобы убить ангела!? Расскажи мне, Кэй! Расскажи! Я докажу, что ты не прав!

— Успокойся, — с каждой секундой моя душа отягощалась всё большей печалью.

— Сожги тебя пламя, Кэй! Кого ты прикрываешь! Клянусь огнём, если ты не отойдешь, я убью тебя!

— И я, возможно, был бы тебе за это благодарен, — я смотрел себе под ноги. — Но не в этот раз.

Князь закричал и сделал неуловимый выпад. Я был лишь чуть быстрее его. Ращ-Диор упал в пыль, но тут же вскочил снова. Он падал, вставал, с яростью бросался в бой и снова падал. Я мог бы отбросить его и подальше, но какой-то внутренний блок не давал мне это сделать. Я как-то по-детски верил, что всё ещё может обойтись. Но вера, как всегда, оказалась напрасна.

Наверное, я чересчур глубоко погрузился в свои печаль и надежду, а может ярость Раща оказалась слишком сильна, но в одной из его диких атак, клинок князя нашёл моё плечо. Потом я вспоминал, что отреагировал на боль. Мой топор ударил быстрее мысли. А через мгновение, я с ужасом смотрел в мертвеющие глаза своего друга. И в этих глазах я не находил прощения. Только ненависть и непонимание. Непонимание того, как дьявол мог предать ради ангела. И если бы я сам смог понять это.

Я упал на колени перед навсегда замолчавшим телом Ращ-Диора. Я плакал, плакал не слезами, но душой. Плакал обо всём, что потерял, потерял навсегда. Передо мной обрекающим хороводом проносились лица Раща, Шалер, Гора. Моя любовь, мой долг, мой единственный друг. Я оставил их всех позади. Оставил, чтобы уже никогда не вернуться. Не вернуться и не забыть. Проклятый карлик во льдах Коцита был прав — я отдал всё.

Глава 9. Слово Трёхрогого. Часть 1

Этот шум мне сразу не понравился. В нём было слишком много ещё только чуть слышной ярости и холодной усмешки стали. Слишком много того, отчего я уже так устал. Но он был уже близко, слишком близко и слишком по пути, чтобы пренебречь им.

Я тяжело вздохнул. Вечером мы должны были уже стоять у ворот замка Нар-Дагора. И я сильно рассчитывал именно на такой исход нашего предприятия. И вот теперь этот шум. Он доносился из-за угла хорошо знакомого мне трактира, который я одно время нередко посещал. Раздался резкий щёлчок, а сразу за ним предсмертный стон. Воздух наполнили крики несдерживаемой ненависти.

Участвовать в этом пока ещё только слышимом конфликте я, разумеется, не собирался, но взглянуть, пожалуй, был обязан. Уж слишком всё это не походило на будничную схватку двух деревенских банд. Сойдя с дороги, мы зашли в, так кстати, расположенный поблизости густой кустарник. А ещё через минуту перед нами открылась очередная картина бескомпромиссной битвы. Битвы, в которую я, увы, обязан был вступить.

Их было не менее полутора десятка. Полтора десятка Мастеров Войны с обнажёнными клинками и предрекающими лицами. Полтора десятка тех, для кого схватка стала самой жизнью. Они гневным кольцом окружали изящную фигуру, у ног которой уже лежали несколько их братьев. И одинокий воин вряд ли собирался останавливаться на достигнутом. И воина этого я, по всей видимости, знал.

Княгиня Ашзар была в ярости. С вождельных половиной Ада губ срывалось обрекающее рычание, глаза стонали от жажды крови, волосы цвета бездны рвались безумным ураганом. В каждой руке у дьяволицы было по длинному, тонкому кнуту. И по всей их жестокой поверхности разливалось хохочущее пламя.

Вероятно, я как раз застал секунду передышки. Но секунда безвозвратно прошла, и ей на смену вновь пришёл гремящий поток бешеной схватки. Ашзар затанцевала. По-другому это было назвать сложно. Кнуты завертелись и запели. Таящийся на них огонь радостно замерцал, предвкушая новые встречи. Стремительное плетение кнутов образовали вокруг княгини непреодолимую преграду.

И Мастера Войны не спешили к её истокам. Несмотря на явную преданность Ордену фанатиками они не были и не стремились подороже продать свою жизнь. Однако прямая атака не оставляла им иного выбора и они разумно предпочли ей планомерную осаду. Осаду, с которой Ашзар была решительно не согласна. Кнут княгини с криками счастья зацепил недостаточно осторожного дьявола. Хлёсткий удар по лицу не подарил ему покоя смерти, но из боя вывел с роковой вероятностью. Рука другого, обожжённая свистящим огнём, уронила оскорблённо лязгнувший меч, а попутно и когда-то так уверенно державшие его пальцы.

И всё же кольцо медленно, но верно сжималось. Ашзар явно устала отбивать неспешные, но крайне профессиональные атаки Мастеров Войны. Затравленного взгляда от княгини они вряд ли бы дождались, но вот щека дьяволицы дернулась, пожалуй, с излишней нервозностью. И хотя адепты Ордена Войны были во многом последними, с кем бы я желал вступить в бой, отдавать Ашзар на очевидную гибель мне хотелось ещё меньше. Всё же договор я заключал именно с ней, да и, признаться, княгиня мне просто нравилась.

Все оставшиеся на ногах Мастера Войны резко оступились. Не скажу, что это мне далось легко (слабых мужчин вокруг Ашзар не было никогда), но своей цели я добился.

Несколько дьяволов откровенно упали, кто-то почти галантно припал на колено, кто-то просто неосторожно покачнулся. В таком сражении это было равноценно поражению. Кнуты предвкушающе взвыли, и пара самых неудачливых дьяволов безвозвратно отлетели в сторону, благоухая обуглившейся плотью. А потом я ударил ещё раз.

К чести братьев войны о бегстве не помыслил ни один. Вряд ли до конца осознавая причину своих незапланированных падений, они, тем не менее, до конца старались забрать из рук Ашвар её пламенную жизнь. Минут через пять упал последний из них, и только тогда я позволил себе выйти из нашего хрупкого убежища, разумно рассудив, что в открытый конфликт с Орденом Войны вступать мне пока рановато.

Ашвар последний раз издала короткое победное рычание, откинула назад волосы, а потом её пламенный взгляд, отмеченный лёгким удивлением, остановился на мне.

— Кэй! — как мне показалось, этой встрече она обрадовалась. — А вот сегодня ты как раз вовремя, — она хотела сказать что-то ещё, но тут её взор метнулся к откинувшей капюшон Элати. — Сестра! — вот теперь княгиня была рада по-настоящему.

Через секунду дьяволица уже обнимала еле заметно улыбающуюся леди. А потом Ашвар посмотрела в алмазные глаза жрицы.

— Великое Пламя, — она нежно дотронулась до щеки ангела, — как же тебе тяжело. Как же ты ещё идёшь, Эли?

— Ашвар, — не любил я сентиментальных бесед, — насколько я понимаю Гарот-Азвар зол. Но отчего же?

— Они узнали, Кэй, — княгиня повернулась и очень серьёзно посмотрела на меня. — Орден Войны заявил о нашем предательстве. И слишком многие из Мастеров Огня сейчас находятся в оправданных сомнениях. Боюсь, в нашем Ордене скоро начнётся своя схватка.

— И что по этому поводу думает Трёхрогий? — его мнение было в сложившейся ситуации весьма важно.

Ашвар грустно посмотрела мне в глаза, — Нар-Дагор мёртв, Кэй. Его убили два дня назад.

— Мёртв! — вот этого я точно не ожидал. — И кто же теперь Верховный Магистр?

Ашвар криво усмехнулась. — Вместо Магистра у нас как минимум пять претендентов, хотя реальные шансы имеют, наверное, лишь двое.

— А ты? — в амбициях княгини я не сомневался.

— Я? — Ашвар показала острые зубы, — я среди тех, у кого, увы, шансов на успех крайне немного. Многие открыто требуют выгнать меня из Ордена. Слава огню, у меня пока ещё достаточно влияния, чтобы вовремя затыкать им рты.

— Да мне, в целом, не слишком интересны ваши политические игры, — я показательно лениво посмотрел вдаль. — Мне гораздо больше интересно, кто заплатит за мою работу, — прозвучало, наверное, цинично, но ответ мне нужен был абсолютно чёткий и недвусмысленный.

— Тайну пути он забрал с собой, мастер, — я думаю, Ашвар поняла, что это неправильный ответ ещё раньше, чем закончила фразу. — Но! — она протестующее вскинула руку. — Слово Трёхрогого всегда было нерушимо. Он видел дальше нас, Кэй, он должен был предугадать такой расклад. Ты должен зайти в его покои, и я уверена, там ты найдёшь то, что ищёшь.

— Я зайду в его покои, Ашвар, — я продолжал смотреть в сторону, — но, клянусь, если я не найду там того, что укажет мне путь, — я равнодушно посмотрел в глаза княгини. — Я

схожу к Коциту ещё раз. Для того, чтобы зарыть в его проклятом льду вас обоих.

Ашзар промолчала. Она понимала, что я не шутил и не пугал. Мастер Дорог всегда получал свою плату. Так было и так будет. И никто ещё не смел рассудить иначе.

— Мы войдём туда вместе, Кэй, — дьяволица быстро пришла в себя. — Тем более, что нам в любом случае необходимо попасть в замок. Правда, сейчас это не так просто. Орден Войны взял его в подобие осады. Гарот-Азвар пока сомневается в целесообразности штурма, и думаю вполне обоснованно — прольются алые моря. Но ему нужно показать, что именно он хозяин положения, вот и стоит.

— Признаться, мне не очень хочется прорываться сквозь строй Мастеров Войны, — это я знал абсолютно точно.

— Я думаю, обойдёмся без этого, — Ашзар прищурилась. — Здесь недалеко есть тайный подземный ход в замок, — о нём знают лишь несколько дьяволов. В том числе и я.

— Так веди же, княгиня, — наконец-то я услышал что-то позитивное.

Ашзар вновь подошла к Элати. Та уже снова накинута настолько уже ненавистный ей капюшон. Дьяволица прижала её голову к своей. До меня донёсся её ласковый шёпот. — Ещё немного, сестра, ещё немного.

Ящеры, купленные у хозяина трактира, не были ни быстрыми, ни послушными. Но после нескольких месяцев блужданий по неласковым дорогам езда на них казалась почти наслаждением. Ашзар уверенно ехала впереди, изредка оглядываясь на молчаливую леди. А я заглядывал за горизонт и старался не думать, что буду делать, если Нар-Дагор так и не оставил мне никаких подсказок. Получалось, правда, плохо. А потом мои мысли вошли в новое русло. Гораздо более практичное. Нам навстречу скакали не менее трёх десятков всадников. И, судя по всему, цели у них были не самые дружественные.

Оставив Элати позади, я подъехал к Ашзар. Княгиня была напряжена и в глазах её стояла откровенная тревога. И тревога была явно небезосновательной. Идеальным боевым строем к нам неотвратимо приближался отряд Мастеров Войны. А во главе его на крупном, хищно оскалившемся ящере восседал мой старый знакомый — правая рука Гарот-Азвара, князь Азар-Тор.

Несмотря на долгие годы, князь сразу узнал меня. Узнал и, похоже, несколько огорчился моему присутствию в этих краях. Я его понимал, никто в здравом уме не хотел иметь в качестве врага Хозяина Пути. Тем не менее, князь вежливо мне кивнул, показательно не обращая внимания на Ашзар. Я постарался ответить тем же.

— Пойдем, поговорим, Кэй, — Азар-Тор устало спустился с ящера. — Мне кажется, нам есть, что обсудить.

Я согласно вздохнул и, не спеша, пошёл вслед вздымающему пыль Мастеру Войны. Разговор представлялся непростым.

— Как дела, Кэй? — Азар-Тор присел на небольшой камень метрах в тридцати от отряда.

— Средне, — я сел рядом. — Табаком не угостишь? — откровенно хотелось курить, а мои запасы ожидаемо подошли к концу.

Князь щедрой рукой протянул мне свой кисет. Мы оба раскурили трубки. Пару минут прошло в умиротворённом молчании. Никому не хотелось начинать этот разговор первому. Наконец Мастер Войны всё же решил, что это его прерогатива и с сожалением вытащил мундштук изо рта.

— Рядом с Ашзар та, о которой я думаю? — слова дались ему отнюдь не легко.

— Я не знаю, о чём ты думаешь, Азар, и не хочу знать, — я выпустил тучку ароматного дыма. — Кстати, хороший табак.

— Да, неплохой, — князь несколько секунд рассматривал землю. — Я всегда уважал тебя, Кэй. Но я боюсь, сейчас ты преступил черту.

— Ты же понимаешь, что обратно её я уже не перейду, — трубка уютно грелась в руке, — слишком долго я её перешагивал.

— Подумай, Кэй, — Азар-Тор тяжело вздохнул, — ситуация располагает к новым решениям.

— Заканчивай, князь, — я несколько нервно встал. — Неужели ты и, правда, думаешь, что я отступлю?

Мастер Войны посмотрел на меня печальным взглядом, — так ведь и мне уже не свернуть, Кэй. А кстати, — он тоже поднялся и почти весело подмигнул мне, — как думаешь, кто пойдёт дальше?

— Я, — мне казалось, ответ был очевиден.

— Увы, и я так считаю, — князь ухмыльнулся. — Ты пойдёшь дальше, но вот ангел останется лежать в этой пыли. Уж, на это сил у нас хватит.

Я раздражённо сжал кулак. Азар-Тор был неприятно прав. Вести бой на два фронта мне будет крайне тяжело. Один князь задержит меня не менее чем на минуту, а за это время мечи братьев войны вполне могли успеть найти сердце жрицы, а заодно и Ашзар.

— Всё бы тебе воевать, Азар, — я снова расстроено сел. — Не надоело?

— Сегодня показалось, что надоело, — князь яростно запыхтел трубкой. — У меня ведь уже внуки, Кэй. И, клянусь огнём, они любят своего деда.

— Так может ради них? — я пристально посмотрел на старого воина. — Ведь моя рука не дрогнет.

— Вряд ли, Кэй, — он покачал седеющей головой, — вряд ли.

Мы снова помолчали.

— А ведь ты мой должник, Азар, — я покатал во рту тугое облачко дыма. — Ты, а за тобой и весь Ад. Или, быть может, ты считаешь, что один забытый пламенем ящер это достойная плата за прах моих братьев, который до сих пор раскидан по Пурпурным холмам. Что скажешь, Азар? — я взглянул ему в глаза. — Может, пришла пора вернуть долг?

Азар-Тор явно не ожидал подобного предложения. Секундное непонимание на его лице сменилось тяжёлым осознанием того, что простой выбор между жизнью и долгом саркастически засмеялся и убежал куда-то в туман. Теперь напротив одного долга стоял другой, старше и выше. Неизмеримо выше. Князь со злостью выбил трубку.

— Я всегда плачу свои долги, Кэй, — он глубоко вздохнул и резко поднялся — и сейчас мне действительно есть за что заплатить. Проезжай, мастер, мы не помешаем твоему пути. Но помни, — он гневно взглянул на меня, — с этих пор мы квиты. И в следующий раз...

— Квиты!?! — я был взбешён, — Квиты!?! Да я не получил и сотой доли того, что мне должны. И помни ты, — я чуть не толкнул князя. — Я ещё спрошу свой долг и с тебя, и с Гарот-Азвара, и с каждого рогатого в этих пламенеющих землях. И вы все мне заплатите. Все и за всё.

Не прощаясь, я пошёл к тревожно вззирающей на меня Ашзар. Аналогичного взора Элати я, слава огню, не увидел. Без суеты взобравшись на ящера, я, наверное, даже с некоторым апломбом посмотрел на возбужденно ожидающих возвращения своего командира дьяволов.

Новость, принесённая князем, явно не понравилась уже срывающимся в бой Мастерам Войны. Кто-то даже попробовал спорить, но Азар-Тор одним взглядом укротил дерзнувшего. Дисциплина в Ордене Войны всегда была на высоте.

Мы проехали прямо сквозь строй хмурых воинов, не дожидаясь пока они сами освободят нам дорогу. Через сотню метров Ашзар весело оглянулась назад.

— А ты отлично провёл переговоры, мастер, — она щёлкнула кнутом. — А я уже приготовилась карать волей Предвечного Пламени.

— Не снижай готовности, пламенноликая, — я позволил себе лёгкий комплимент, — следующий отряд может не оказаться столь сговорчивым.

— Да мы уже приехали, Кэй, — княгиня простёрла свою руку во вполне обозримую даль. — Видишь тот холмик?

Холмик, признаться, я рассмотрел с некоторым трудом. Кто бы не маскировал этот вход, делал он это на очень высоком уровне. Догадаться о двуличности указанного холмика не представлялось возможным.

Ашзар элегантно соскочила с ящера. Кнуты снова яростно взвились в её руках. На минуту фигуру дьяволицы скрыли пыль и мелкие комья земли. А после того как поднятый княгиней фейерверк улегся, мы стали созерцателями компактного железного люка, украшенного большим узорчатым кольцом. Ашзар лукаво посмотрела на меня.

— Поднимешь, Кэй? — она иронично улыбнулась. — Или помочь?

— Надо будет помочь — поможешь, — я с сомнениями подошёл к люку.

Сомнения оказались не совсем беспочвенными. Железо оказалось тяжело и неподатливо. Однако во мне проснулась неожиданно юная гордость и я, чуть и не разрывая напополам свои мышцы, всё же смог откинуть назад застонавшую крышку люка. Снизу на нас бросился спёртый, тоскующий воздух. Элати невольно отшатнулась.

— Здесь долго никто не ходил, — Ашзар заглянула вниз, — и возможно они были правы.

И не теряя более времени, княгиня прыгнула в темноту. Я галантно пропустил вперёд леди, придал безыдейно топчущимся ящерам необходимое ускорение и нырнул вслед за своими спутницами, успевая при этом предусмотрительно захлопнуть люк.

Внизу оказалось несколько светлее, чем я ожидал. Я бы даже сказал изрядно светлее. Каждые десять пятнадцать метров в заплесневевших стенах располагались небольшие углубления, в которых устало подрагивал бледный огонь.

— Мне послышалось, ты сказала, что сюда давно никто не спускался, — я вопросительно кивнул на взъерошенное нашим визитом пламя.

— Опомнись, Кэй, — Ашзар оскорблённо прошла мимо меня, — это пламя творили Мастера Огня. Оно горело, горит и будет гореть, когда твоя память уже и не намекнёт на эти минуты.

— Поглядим.

Я ещё раз недоверчиво взглянул на созидательное начало Ордена Предвечного Пламени и последовал вслед за гордо шагающей княгиней и несколько апатично бредущей за ней Элати.

Дальнейшая дорога вплоть до замка Трехрогого представлялась довольно скучной процедурой. Весь невысокий туннель состоял из потрескавшегося от времени камня и не дрогнувшего под натиском лет огня. Впрочем данная ситуация устраивала меня в полной

мере. Давно мне уже не выпадали такие вот скучные прогулки. Погрузившись в свои мысли, я немного потерял связь с темноватой реальностью и сначала даже не понял, что уже не вижу перед собой своих спутниц. Вместо этого из-за спины раздавались их недоумённо-зовущие голоса. Я даже хотел обернуться, но потом передумал. Мне показалось, что это того не стоит. Потом моей руке стало горячо. Я с удивлением посмотрел на рвущийся из неё огонь. При виде гневного пламени мне снова неудержимо захотелось повернуться. И я уже почти сделал это, когда увидел Её лицо.

Она была окружена яркими, волнительными цветами. В Её глазах отражались мудрость и прощение. Её едва заметная полуулыбка дарила покой и умиротворённость. Она открывала большие прозрачные двери. Двери в другой мир. Мир без войн и ненависти. Мир, где достаточно было засмеяться, чтобы почувствовать себя счастливым. Мир, который я не ждал.

Глава 9. Слово Трёхрогого. Часть 2

— Как здесь тихо, — это были первые мои слова, произнесённые в новой реальности, — разве так бывает?

— Ты хочешь тишины, и я дарю тебе тишину, — Она наклонила набок свою совершенную голову, — а, когда ты снова захочешь шума, ты уйдёшь.

— И ты будешь согласна, — я сделал пару нетвёрдых шагов.

— Я буду скорбеть, — Она нервно дёрнула губами, — но я с покорностью приму твоё решение.

— Прости, если мне всё же придётся это сделать, — я ещё сам не знал, чего точно хочу.

— Ты должен понимать, что мне будет очень больно, — Она пристально посмотрела мне в глаза.

— Боль проходит, — я отвёл взгляд.

— Так разве от этого она становится легче? — Она печально улыбнулась. — Пойдём, я покажу тебе земли покоя.

Я удивлённо смотрел по сторонам. Впервые в жизни я не видел смерти. Не ощущал её привычного дыхания, которое изредка раздражает нас, но чаще остаётся самоуверенно незамеченным. Не думал, что вот сейчас из-за скошенного угла покажется её понимающая улыбка. Было легко и свободно, просто и правильно. Я обернулся к Ней.

— Почему ты позволила мне войти, — я схватил и зажал в ладони веселящийся ветерок.

— Мне показалось, что ты достоин, — Её рука усеяла наш путь россыпью изумрудных искр, — у тебя была слишком страшная дорога.

— Но я ещё не дошёл до её конца, — ветерок вырвался на свободу.

— Быть может и не стоит, — Её губы напряглись, — ведь ты так устал.

— Устал, — я согласно кивнул, — но разве это причина для остановки.

— Для кого как, — мне показалось, Ей неудержимо захотелось закричать. — Почему ты решил, что для тебя нет?

— Просто решил, — я подобрал бирюзовый камень, — а потом уже не было времени передумывать.

— Но ты ведь даже не искал этого времени, — Она всё-таки закричала, почти завывала — громко, лающе, — ты слишком уверен, что прав.

— Мне просто наплевать, — камень рассыпался, подобно песочным часам, — прав я или нет. Ведь тот, кто скажет, что я не прав, скорее всего ошибётся в причинах, а с тем, кто поддержит, скучно идти рядом. Это тот выбор, который лучше не делать. Лучше отвернуться и забыть про то, что тебе его предложили, — я высоко подпрыгнул в погоне за ускользящим поворотом.

— А, может быть, ты просто поверишь, — Она схватила меня за плечо, — хотя бы один раз. На одну секунду забудешь про то, что все лгут, и потом вдруг окажется, что их стало гораздо меньше. И, может быть, ты улыбнёшься.

На прозрачной тропе несколько мелодий сливались в торжественный вальс. Вдалеке за ниспадающим горизонтом кто-то подумал о листьях. О том, что их плач прекраснее их веселья и стоит ли грустить за все ветви или, быть может, только за ту, что просит о том. Чарующий блеск не слепил, но ласкал. Чуть пьяные ноты пленяли изысканностью ритма. Влюбленная вьюга проносилась мимо, едва касаясь меня своим мягким, пушистым хвостом.

Так хотелось поверить. Поверить тому, кто знает лучше и искренней, тому, кто вдруг, да и скажет то, что ты так долго искал. Тому, кто просит об этой вере.

— Мне надо подумать, — я отдёргнул набежавший туман. — Ты дашь мне время?

— Сколько потребуется, — Она остановилась. — Иди, решай и пусть ты всё же сделаешь выбор.

Я рассеянно кивнул и толкнул нетерпеливо подрагивающие створки. Я сел на берегу в секунде от веселящихся волн и стал упрямо рассматривать перламутровое дно. Думать не хотелось. Наверное, я слишком много думал за эту жизнь. Слишком много и слишком бесцельно. К чему же ещё одна лишняя, снова лишняя мысль.

Он вынырнул, хохоча и целуя взбудораженную воду. У него были длинные, рано поседевшие волосы и бледный извилистый шрам на лице. А ещё у него была пара широких, отливающих серебром крыльев. Я посмотрел в призрачные глаза ангела. Странно улыбнувшись, он сел рядом со мной.

— Она терпелива, — он стряхнул непослушную каплю, — но даже Она не любит ждать.

— Но мне действительно нужно подумать, — я зачерпнул рукой охапку убегающей воды. Её вкус напомнил мне сон.

— Тебе нужно увидеть, — ангел снова улыбнулся, — тогда думать станет уже не о чем.

— Покажи, — я проснулся.

— Тогда бежим, — он хлопнул меня по плечу и сорвался с места.

Бегал он явно быстрее меня. Он часто оборачивался и что-то кричал, а я думал только о том, как сберечь дыхание. А он всё звал и звал моё бешено бьющееся сердце ускорять и без того неудержимый бег. Мимо нас мелькали усталые рассветы и потерянные ветры. Постепенно я привык к сумасшедшему темпу моего спутника и смог немного оглядеться. Я успел заметить несколько тончайших струн и пару осколков золочёных надежд, а потом ангел резко остановился. Я поспешил последовать его без сомнения мудрому примеру.

Мы оказались в огромной комнате, почти зале. В центре комнаты стояло изящное трюмо, а перед ним расслабленно сидела едва ли перешедшая порог влюблённой юности дьяволица. Она повернула к нам своё сверкающее грёзами лицо и приветливо улыбнулась.

— Я не ждала вас, — она снова повернулась к зеркалу, — но я, пожалуй, рада.

— Он сомневается, — ангел подошёл к дьяволице и присел возле неё. — Разве мы сомневались?

— А разве нам стоило сомневаться? — дьяволица подбежала к широкому распахнутому окну и свесила вниз ноги. — Наши сомнения это ошибка, а его, — она коротко взглянула мне в глаза, — его сомнения это боль. Но он привык к ней, хотя и страдает.

— Давай покажем, — ангел воспарил под высокий потолок.

— Давай, — дьяволица вновь подошла к трюмо и несколько секунд придирчиво разглядывала своё безупречное отражение. — Ты готов? — она несколько неуверенно посмотрела на меня.

— Кто знает, — я пожал плечами.

— Значит, проверим, — ангел подошёл к окну, жадно заглядывая вниз. Неожиданно он распахнул зазвеневшие крылья и шагнул вперёд. На пару секунд он завис в воздухе и качнул головой, приглашая меня последовать вслед за ним. Дьяволица протянула мне свою маленькую ладонь.

— Не бойся, — она понимающе посмотрела мне в душу, — не оскорбляй Её.

Я шагнул в раскрытое окно. Дьяволица не отпускала мою дрогнувшую руку. Мы долго и

медленно падали. Она смеялась, а я губами ловил её пьянящий смех. Чуть впереди опять что-то кричал ритмично взмахивающий крыльями ангел. Мне показалось, он счастлив или, по крайней мере, будет счастлив через одно ускользающее мгновение. А потом я, наконец, увидел то, что мне так настойчиво хотели показать.

Там было очень светло, столько света я не видел ещё никогда и как-то сразу понял, что больше никогда и не увижу. Просто свет, ничего лишнего, ничего мешающего совершенству. Он обнял меня как старого друга, как своего заплутавшего и, конечно, прощенного сына. Обнял как равного, хотя сравниться с ним не смог бы никто и никогда. Свет наполнил теплом и спокойным счастьем. Он вошёл в моё растрёпанное сердце, бережно укрывая его ласковым одеялом. Он так хотел стать частью меня, так хотел, чтобы я влился в его волшебное королевство. И, конечно, я был готов отдать ему всё, о чём он попросит. Отдать за одно его прикосновение, за один поцелуй, я готов был умолять его об этом. Но он не требовал от меня просьб, он раскрывал свои объятия, чтобы навсегда забрать меня в своё безтревожное беспределье.

Я закричал. Свергающее покой и тишину пламя исторгалось из моей руки. На смену теплоте пришёл яростно обжигающий жар. На смену счастью презрение к самой его сути. Я подавил очередной рвущийся к недостижимым высотам крик и замутненным взглядом нашёл своих недавних спутников. На их лицах дрожало изумление, пополам с искренним испугом.

— Зачем? — дьяволица, казалось, сейчас заплачет.

— Как ты смеешь!? — ангел гневно взмахнул рукой. — Как ты смеешь отказаться от величайшего счастья!?

— Не знаю, — я поморщился от несмолкаемой боли, — наверное, я хочу идти дальше. Куда-то где счастье лишь остановка и остановка краткая.

— Куда? — Её лицо было печально, в глазах блистали искры слёз. — Я открываю двери туда, куда самому никогда не войти. Я дарю вечный мир. Вечный! — Её голос сорвался на истерзанный крик. Дальше уже нет ничего, а позади остались только грязь и пыль. На что ты меняешь вечное счастье, вечную любовь, вечный свет? На что?!

— Это не вечность, — я стряхнул обуглившуюся кожу, — это её замершее навсегда мгновение. Мгновение, в котором нет смерти, но есть ли в нём жизнь? И чем эта жизнь так уж отличается от смерти? — мне становилось скучно. — И я не говорю, что это мгновение неверно и некрасиво. Нет, оно прекрасно, оно действительно лучшее, что я видел в своей жизни, и уж точно лучше того, что я видел в жизнях других. Но, — боль утихла, обещая обязательно вернуться, — я хочу больше.

— Больше, чем что?! — в Её глазах поселился непонимающий гнев.

— Больше, чем мы можем придумать, — свет начал меркнуть.

— Этого тебе не даст никто, — Её гнев ушел, вновь сменившись прощающей печалью.

— Не даст, — я попробовал улыбнуться, — придётся брать самому.

— Тебе придётся проклинать свой выбор, — она хватала лучики света, пытаясь остановить его неудержимое отступление.

— Придётся — проклянусь, — я уже стоял на пороге.

— Прощай, — Она беззвучно рыдала, разбивая свои надежды на мелкие осколки. Странно, но я не чувствовал жалости. Я закрыл дверь.

Я стоял в равнодушной пустоте, тщетно стараясь найти хоть какое-либо подобие дороги.

Но пустота на то и пустота, чтобы этих дорог не было. А поскольку стоять было довольно рискованно, я решил идти, пренебрегая отсутствием дорог. Получалось плохо, но сейчас это был максимум, на который я оказался способен. Пейзаж в силу определённых причин не поражал воображение разнообразием, и одинокая фигура, лениво бредущая мне навстречу, заняла всё моё накопившееся внимание.

Она была печальна и прозрачна. В руке мой неожиданный бездорожный визави нес маленькую мерцающую арфу. Он упрямо смотрел себе под ноги и заметил меня, лишь в тот момент, когда до нашего столкновения оставались считанные шаги. Мы оба замерли, с напряжённым интересом разглядывая друг друга. Не знаю насколько его заинтересовали мои рога, а вот я нашёл, что стоящий передо мной явно лишён налёта тривиальности. У него не было лица.

— Ты ищешь дорогу, — он не спрашивал, он и так знал ответ. В связи с этим специфическим знанием моего разговорчивого собеседника, я не стал отвечать, предпочитая дожидаться продолжения.

— Ноты ушёл из места, откуда нет дорог, — безликий наклонил лишенную волос голову, — они там просто без надобности. Оттуда ещё никто не уходил.

Я продолжил настойчиво молчать.

— Так что заканчивай искать и начинай создавать, — он провёл пальцами по едва заметным струнам. Раздался тихий, одинокий мотив.

— Создавать... — я впервые подумал о такой возможности. Было в этом что-то величественное, что-то для избранных, для тех, кому априори скучно лежащее перед их взглядом, что-то чего я до сих пор никогда не делал. Но, видимо, пришло и моё время.

— Я подскажу, — безликий ещё раз ударил по струнам. — Чем скорее ты уйдёшь, тем лучше. Здесь слишком тесно для двоих. Пойдём.

За неимением лучшего я послушно пошёл вслед неожиданно поспешно удаляющемуся от места нашей встречи любителю абсолютного одиночества. Правда, шёл он недолго. Сыграв очередной короткий мотив, безликий остановился, немного потоптался на месте и с подкупающей уверенностью указал на место в нескольких метрах от себя.

— Отличное начало, — он несколько секунд любовался своим выбором. — Нравится? — он явно ожидал моего ответа.

— Да, ничего, — я решил полностью довериться любителю незатейливых нот.

— Так, начинай, — кажется, он уже начал проявлять нетерпение.

Я сделал первый шаг. Он был тяжелым, неловким и занял половину вечности, но я его сделал. Я хотел уже перейти ко второму, когда позади послышалось краткое резюме моих усилий.

— Плохо.

— Почему? — я не спешил возвращаться на исходную позицию.

— Долго, — струны обвиняющее запели. — Это будет слишком длинная дорога, надо легче, надо не ступить, взлететь.

— А может нырнуть, — когда Хозяину Пути делают замечания, касающиеся дорог, это, по меньшей мере, оскорбительно.

— Утонешь, — что ж, собеседник у меня был достойный. — Смотри.

Он снова ударил по струнам. На этот раз со всей силой. Мне показалось, что они сейчас порвутся, но он бил снова и снова выводя грубовато-изящный ритм, странную уводящую мелодию. Он просто стоял и играл, а перед ним выстилалась пульсирующая в такт нотам

дорога. Она вводила куда-то вверх, куда-то, где для меня уже не было места. Безликий последний раз ударил по струнам. Дорога выгнулась раненым ветром и уступила место хозяйке-пустоте.

— Как-то так, — похоже, мой спутник был доволен своими талантами. — Попробуй.

У меня не было арфы. А даже если бы и была, то я вряд ли выжал из неё больше пары загубленных нот. Я плохо пел и совершенно не умел танцевать. И крыльев у меня не было. Иными словами взлететь мне было не так просто. Единственное, чем я располагал, так это клочком Предвечного Огня, засеявшего в моей ладони. И насколько я понимал ситуацию, это был мой единственный шанс.

Я закрыл глаза. Я глубоко вздохнул и мысленно вошёл в клокочущий костёр. Я шёл в этом нескончаемом пожаре, ловя шальные искры и обжигаясь о цветы огня. Я не сомневался и не сворачивал. Пламя само расступалось передо мной, приветливо наклоняя голову.

Я стряхнул с ресниц пепел и открыл глаза. Передо мной лежала дорога. Бесконечного пожара так и не вышло, но к этому я и не стремился. Мне было достаточно немногого. Достаточно и позволено.

Она была узкая и неровная. Усеянная вмятинами и местами заросшая пустотой. Но она была прекрасна. Моя первая сотворенная дорога. Путь, который я сделал сам и лишь для себя. Теперь меня можно было звать не только Хозяин, но и Творец Пути. Я улыбнулся — широко и искренне.

— Так себе дорога, — нежданный учитель как, оказалось, был несколько иного мнения о моих способностях создателя, — грубовато, сумбурно, но в целом для первого раза сойдёт. Осталось только по ней пройти, а это уже несколько сложнее.

— Я умею ходить по дорогам, — мне уже порядком надоело, что все здесь считают меня абсолютным дилетантом.

— Ну, так иди, — безликий вяло дотронулся до струн, — а я посмотрю.

Крайне хотелось спросить, чем конкретно собирается смотреть на моё передвижение обладатель арфы, но я всё же предпочёл промолчать, памятуя о возможных дальнейших советах обитателя пустоты.

Первый шаг оказался необычайно лёгким. Я действительно словно взлетел, я даже обернулся, но крыльев за спиной так и не увидел.

— Внимательнее.

Я стал абсолютно согласен со своим наставником — здесь было слишком тесно для нас двоих. Его полный хорошо скрываемого превосходства голос за не слишком продолжительный период наших взаимоотношений надоел мне больше, чем все мои неудавшиеся дороги вместе взятые. А особенно злило то, что он был в который раз прав. Я отвлёкся и упал.

Упал и обжёгся. Не от огня, от обиды. Я чувствовал себя ребёнком, которому снится сон. Не страшный, но надоевший до огненных слёз. Очень хотелось проснуться, но, к сожалению, я не спал. Так что мне оставалось только вставать и идти вперёд. Идти, для того чтобы падать вновь, и вновь безнадежно выслушивать объективную критику. И каждый раз падать было всё больнее и больнее.

— Не спеши.

— Мягче.

— Настойчивей.

— Если ты думаешь, что падение это тоже дорога, то эта мысль несколько ошибочна.

— Да быстрее же.

Я не перечил. Я не выпускал на волю свою усталую злость. Я упрямо поднимался и шёл. Я даже не проклинал что-либо, хотя очень хотелось. Хотелось разбить безликую голову, хотелось лечь отдохнуть, хотелось курить и лениво смотреть на закат. Но, увы, я не мог позволить себе ничего из того, что так хотелось, и всё упрямей и тяжелее передвигал давно уже занывшие ноги по невесело усмехающемуся огню.

— Почти.

Мне показалось или я действительно расслышал в голосе арфиста намёк на одобрение. Так или иначе, стоило это, по всей видимости, дорогого, хотя мне думалось, что я в полной мере заслужил этот аналог венцов и фанфар. Впервые за много часов (или столетий) я поднял глаза. Пустота кончалась. Не слишком охотно, без суеты и треволнений, но кончалась.

Я обернулся к расслабленно стоящему безликому музыканту — первому моему учителю со времён гибели Ордена Дорог. Злость уходила, сменяясь искренней благодарностью. Так было и так будет — мы ненавидим своих учителей, пока не достигнем чего-либо, благодаря их урокам. И как нам бывает жаль, если это происходит слишком поздно.

— Спасибо, — мне почти захотелось обнять этого одинокого скитальца.

— И тебе, — он сорвал со струн пару ветреных нот и пояснил, — за то, что не задержался.

Я появился почти в том же месте, в котором и потерял некоторую связь с реальностью. Громко выдохнув, я наткнулся на своих, так не галантно оставленных спутниц. В их глазах роился несколько обескураживший меня ужас.

— Никогда больше так не делай, Кэй, — хриплый шёпот Ашзар стал продолжением её взгляда, — никогда.

Элати промолчала, но казалось, будто алмазы её глаз дали трещину. Я устало посмотрел в прекрасные испуганные лица.

— Я закрыл двери, — на секунду стало грустно, — и ключа мне не дали.

— В пламя ключи и двери, Кэй, — Ашзар быстро приходила в себя, — мы почти пришли. Нар-Дагор жил высоко и пробираться нам придётся крайне осторожно. Все Мастера Огня сейчас слишком возбуждены, для того чтобы спокойно созерцать наш марш. И прошу тебя, Кэй, попробуй без лишней крови, — она печально провела ладонью по глазам, — это всё-таки мои братья.

Глава 9. Слово Трёхрогого. Часть 3

В подвалах Ордена Предвечного Пламени было сухо и тепло. Я с возросшим уважением посмотрел на бескомпромиссно проклинующую пыль Ашзар. Этой густой и меланхоличной пылью были щедро усыпаны роскошные волосы дьяволицы. Элати же от подобной участи спас, давно ставший ей заклятым другом капюшон. Я терпеливо ждал, когда княгиня закончит заново становиться неотразимой. Наконец она завершила этот непростой процесс и раздражённым взглядом посмотрела на меня.

— Ты не против, если я поведу, Кэй. — она с трудом сохраняла хладнокровие. — Боюсь, что эти дороги мне знакомы лучше.

— Только осторожней, — я выразительно посмотрел на Ашзар. — Если я оступлюсь, то могу и не упасть.

Княгиня наградила меня надменно-оскорблённым взором и легко распахнула перед собой казавшуюся довольно тяжёлой дверь. Не особенно утруждая себя даже самой элементарной разведкой, она почти скупающе направилась в выбранную сторону. В итоге нам с Элати ничего не оставалось, кроме как последовать за уверенным шагом дьяволицы.

Дорога до обещанных мне покоев Нар-Дагора, по всей видимости, была не близкой и, чтобы попасть в него, возникала необходимость прогуляться практически по всему замку. Впрочем, на этот раз относительная длительность дороги была мне только в некоторую радость. Ну или по крайней мере не вызвала каких-либо отрицательных эмоций, учитывая то, что прогулка по замку Нар-Дагора представляла из себя достаточно увлекательное мероприятие.

Уж чем-чем, а необъятными запасами золота, принадлежащего Ордену, бывший Верховный Магистр пользоваться не стеснялся. Коридоры были устланы роскошными коврами, стены увешаны картинами древних мастеров и усеянным драгоценными камнями оружием. А какие на этих стенах были подсвечники.

Неожиданно на одной из картин я увидел знакомое лицо. С одного из череды портретов на меня с мудрой отрешённостью, сквозь дерзкое пламя взирал Риар-Шагот. Несколько секунд я напряжённо смотрел в его мастерски выписанные глаза. Увидев мою странную заинтересованность бывшими Верховными Магистрами Ордена Предвечного Пламени Ашзар нетерпеливо остановилась и недоумённо выгнула тонкую бровь.

— Откуда столько ностальгии, Кэй? — ей, похоже, действительно было интересно. — На мой взгляд, вполне заурядный портрет.

— Да так, — я уже отвёл глаза, — навеяло.

— Что тебе мог навеять Риар-Шагот? — Ашзар подозрительно смотрела на меня. — Вроде не встречались.

Шутка была не такой плохой, но я даже не попытался улыбнуться. Я спокойно молчал, пока княгине, наконец, не надоело ждать моего ответа, а произошло это достаточно быстро. Дьяволица на секунду устало прикрыла глаза и вновь устремилась к вожделенному окончанию нашего променада.

Вдруг из-за очередного угла, размеренной походкой вышел уже не молодой, флегматично вззирающий на мир дьявол. Он несколько удивлённо уставился на нашу маленькую, но крайне целеустремлённую группу. Однако взгляд его стремительно прояснился, когда он в полной мере рассмотрел предводительницу нашего отряда.

— Княгиня, — он склонился над благосклонно протянутой для поцелуя рукой, — слава огню, я вовремя встретил вас.

— В чём дело, Шал, — Ашзар всем видом показывала, что желает продолжить свой, так некстати, прерванный путь. И в этом я был с ней полностью согласен.

— Хэл-Авар, — этого имени было достаточно, для того, чтобы дьяволица тревожно нахмурилась. — Боюсь, что он решил прибегнуть к крайним мерам. Сейчас почти половина Ордена встала на его сторону. Слишком многие жаждут вашей крови, княгиня. — При этих словах он нервно посмотрел на наши с ангелом фигуры. Я даже хотел улыбнуться старику, но в последний момент передумал.

— Он здесь? — Ашзар искренне не понравились известия.

— Да, — старик скорбно опустил голову.

— Спасибо, Шал, — дьяволица ласково улыбнулась своему собеседнику, — иди, будет не слишком удобно, если нас увидят вместе.

Дьявол ещё раз поцеловал протянутую руку и, утратив недавнюю вальяжность, устремился в противоположную нам сторону. Я же выжидательно посмотрел на Ашзар. Долго ждать она не заставила.

— Враги не спят, Кэй, — она вполголоса выругалась, — никогда не спят. Хэл-Авар главный претендент на титул Верховного Магистра и самый яростный мой обвинитель. И вероятно теперь он намерен действовать более чем решительно. И, если верить Шалу, Хэл уже где-то поблизости, — Ашзар закончила и теперь настала её очередь выжидательного взгляда.

— Сейчас нам по дороге, — я не имел привычки бросать своих спутников, пусть даже они и не были мне друзьями, — а на общей дороге и враги общие.

— Спасибо, — княгиня благодарно кивнула. Ей явно не слишком желалось в одиночку встречать своих озверевших от обоснованных подозрений в предательстве конкурентов, — я думаю в свете последних новостей стоит ускорить шаг.

К всеобщему сожалению ускоренный шаг лишь отсрочил безрадостную встречу с алчущими крови Мастерами Огня. Первое randevu произошло на четвёртом этаже замка в момент, когда я не без восхищения бросал убегающий взгляд на великолепную и явно вполне ещё действующую алебарду, показательно небрежно прислоненную к стене.

Три явно чего-то упрямо выискивающих дьявола, слишком быстро для спокойного созерцания возникли из-за крайне необходимого нам поворота. И на этот раз я среагировал только вторым. Кнут Ашзар огненной змеей ужалил лицо одного из соискателей. Тот беззвучно и безпротестно упал в ленивые объятия ковра. У следующего дьявола, увы, хватило времени ускользнуть от второго, чуть запоздавшего кнута княгини, а третий и вовсе набрался дерзости и атаковал. Огненный коготь уже вырывался из вытянутой руки Мастера Огня, громогласно провозглашая своё желание рвать и жечь. Встреча с ним не сулила Ашзар ничего приятного, и в связи с этим я подумал, что моё вмешательство станет достаточно своевременным.

Дьявол резко упал, увлекая за собой оружие огня. Его закономерную попытку встать я прервал той самой приглянувшейся мне алебардой, которую вонзил ему в затылок. На этом моя помощь и завершилась. Последний Мастер Огня уже падал, не в силах уклониться от жестоких ударов огненных кнутов. В общем, всё прошло довольно успешно.

— Первые искры, Кэй, — княгиня нехотя сматывала кнуты, — главное не попасть в

костёр.

— Мы уже давно в костре, Ашзар, — я печально посмотрел на дьяволицу, — и теперь главное из него выбраться.

Княгиня неопределённо ухмыльнулась и быстрым шагом вновь повела нас к заветной цели. Следующие два этажа принесли нам лишь одного до углей перепугавшегося от щелчка кнутов дьявола, который был благосклонно отпущен княгиней бежать и надеяться. Дьявол безропотно последовал ее, несомненно, мудрому совету. А вот уже через пять минут у нас, как оказалось, было запланировано гораздо менее приятное свидание.

Их было семеро. И выглядели они очень серьёзно. На лицах не было ни часто таких ошибочных победных улыбок, ни сомнений в пламенных взглядах. Они были готовы убивать, а при необходимости и умирать. Вот только, по всей видимости, необходимости этой добиться было непросто.

Впереди стоял невысокий крепкий дьявол в пурпурном плаще. Его глаза сверкали откровенной ненавистью, но так же и вполне понятным расчётом. Вероятно Ашзар всё же несколько преуменьшила свои шансы на огненный трон. Азарт во взгляде дьявола вальсировал неподдельный.

— Здравствуй, Ашзар, — дьявол чуть склонил голову. — Сожалею, что мы видимся при подобных обстоятельствах.

— Сожалею, что мы вообще знакомы, Хэл, — княгиня холодно обвела взглядом всю компанию.

— Тогда, скоро твоё сожаление закончится, — дьявол внимательно осмотрел нас с Эллати, — и боюсь, что твоих спутников тоже.

Ашзар хотела что-то яростно возразить, но я жестом остановил её. Теперь мне тоже захотелось принять участие в беседе. Я сделал пару шагов вперёд и показательно лениво взглянул на Хэл-Авара.

— Ты знаешь, кто я? — мне было действительно интересно.

— И кто же? — он пренебрежительно посмотрел на меня, и на этот раз в его словах проскользнула нотка откровенной самоуверенности.

— Меня зовут Кэй-Сагор, — я улыбнулся.

На лице наследника Нар-Дагора проступила откровенная досада. В этот момент он стал очень похож на Азар-Тора в нашу последнюю встречу. Увы, я не вписывался ни в чьи кровожадные планы. Хэл-Авар несколько секунд довольно злобно сверлил меня пылающим взглядом и скрипнул крепкими зубами.

— Ты можешь идти, — вероятно, нам обоим показалась, что это была слабая попытка.

— Только после тебя, — впрочем, моя попытка была не лучше.

Ударили мы одновременно. Меня довольно чувствительно опалило оскаленным огнем, вырвавшимся из руки Хэл-Авара за долю мгновения до того, как его спина практически прилипла к без меры твёрдой стене замка. Стоит ли говорить о том, что каждый из нас остался крайне неудовлетворен дебютом. Но у нас обоих ещё хватало времени исправить своё настроение.

Из руки Мастера Огня выскочил пламенный клинок. Эта лёгкая трансформация словно послужила сигналом для остальных участников запланированного сражения. Ослепительно блеснули кнуты Ашзар, воздух затрещал от жара десятков смертельных обличий Великого Пламени. Грозный шелест расправляемых крыльев ангела перекрыл алчущие небесной крови крики. Я поудобней перехватил рукоятки топоров. Всё начиналось заново.

В первые минуты я запомнил лишь нестерпимый жар, терзающий тело. Помимо Хэл-Авара лишить меня жизни захотели ещё двое дьяволов, и сейчас я с трудом сводил ход боя к неровной ничьей. Оставшиеся Мастера Огня оказались заняты что-то яростно выкрикивающей Ашвар и молчаливо блистающей мечом Элати. И заняты они, похоже, были надолго.

Позабыв или скорее презрев элементарные правила защиты, на меня прыгнул обладатель самого перекошенного лица, которое я когда-либо имел несчастье созерцать, безумно размахивая при этом широким огненным серпом. И учитывая, что его собратья по огню только что отправились в, к сожалению, совсем недолгий полёт, я никак не смог пренебречь возможностью немного убавить число своих противников.

Я лишился, наверное, половины своих не слишком бережно но, тем не менее, уверенно хранимых волос, но и цену за их гибель я взял самую высокую. Мастер Огня коротко вскрикнул и задёргался на полу, извергая фонтаны крови из разрубленной грудной клетки. Впрочем, возможности наблюдать за его последними мгновениями в этой откровенно неудавшейся жизни я не имел. И на это у меня были вполне серьёзные причины.

Я еле успел уклониться от прямого попадания оскаленной огненной пасти, которую исторг из себя Хэл-Авар. Обжигающие зубы предвкушающе клацнули в предельной близости от моего вздрогнувшего сердца. Одежда неуверенно задымилась, а настроение снова ухудшилось, тем более что клыки огня явно не собирались прекращать свою столь тревожную для меня деятельность.

Своевременно решив, что сражаться стоит с причиной, а не с последствиями, я в очередной раз с силой ударил по напряжённому застывшему Мастеру Огня, благо второй союзник Хэл-Авара ещё как минимум секунд десять был для меня не слишком опасен. Вот только удар всё равно вышел не столь сокрушительным как планировался.

Если мой огнеликий противник и покачнулся, то я этого не увидел, а потом такая роскошь, как пристальный взгляд стала для меня беспредельно дорога. По Пути Хэл-Авара прошла волна кричащего пламени, накатившая на меня подобно пьяному шторму. Меня словно подожгли изнутри. Ноги подкосились, я упал не в силах потушить рвущее плоть пламя. Я снова услышал роковой скрежет огненных клыков, а чуть правее победные голоса Мастеров Огня. Но даже несмотря на явную ущербность моей позиции, я всё же оставался Хозяином Пути, а значит до победы было куда как далеко. До чужой победы.

Сквозь боль и отчаяние я всё же нашёл два стремительно приближающихся ко мне Пути. Вероятно, их обладатели были не слишком готовы к очередному выпадку с моей стороны, в связи с чем я смог себя поздравить с маленьким успехом. У меня появилось несколько дополнительных секунд, которые мне необходимо было использовать с как можно большим энтузиазмом.

Я встал. И мне крайне не хочется вспоминать, сколько я вытерпел ради этого простого действия. Но, увы, это было необходимо. И первыми, кто бросился встречать моё потенциально триумфальное возвращение на местную арену, стали уже уставшие от небрежения их присутствием завывающие клыки огня.

Действовал я скорее больше по интуиции, чем по велению разума. С другой стороны, веления разума призывали меня погибнуть в самом ближайшем будущем, а интуиция оставляла некоторые шансы на продолжение этой пародии жизни. Я выбросил вперёд левую руку. Руку, которая милостью первого Верховного Магистра Ордена Предвечного Пламени уже не раз спасала мою грешную душу.

За мгновение до того как обжигающие зубы сомкнулись на лице, из моей ладони гневно и яростно полыхнуло столь злым и весёлым огнём, что по сравнению с ним всё уже испытанное, казалось ласковой теплотой. Огненная пасть остановилась в нескольких сантиметрах от меня не в силах преодолеть этот устремившийся к ней барьер. Словно прожигающей цепью я связал нависшую надо мной сущность, отрывая её волю от воли Хэл-Авара и подчиняя своей. Держать её подле себя особого смысла не имела, и я изо всех сил швырнул покорный огонь в ближайшего ко мне дьявола. У того не нашлось панацеи против бешено лязгающих клыков, и уже через секунду он был объят хохочущим пламенем, нашедшим, наконец, себе достойную добычу.

Я судорожно перевёл дыхание. Мне уже крайне надоели местные танцы, но, судя по выражению лица старины Хэла, всё ещё только начиналось. Клинок огня вырос из его руки метра на три и теперь откровенно требовал к себе самого пристального внимания. А я, пожалуй, был слишком хорошо воспитан для того, чтобы отказать ему в этом. От первого взмаха меня спасла лишь его поспешность, а вот второго я сделать уже не дал.

Я не стал толкать, бросать и пытаться уронить своего врага. Сделать всё это с Мастером Огня такого уровня было крайне непросто. Поэтому я решил сделать всё несколько изящней. Я его просто развернул. На несколько, алчно загоревшихся мгновений его спина оказалась в полной моей власти. И этой властью я воспользовался в изрядной мере. Влюблённо взыв, мой топор весело вонзился в затылок Хэл-Авара. Тот недоумённо повернулся, неуклюже взмахнул рукой и обречённо упал, заливая бесценные ковры своей столь неожиданной кровью.

На пару секунд я прикрыл глаза, пытаюсь справиться с бессечно накатившей слабостью. И как мне не хотелось лечь и заснуть, накрывшись одеялом отрешённости, я сквозь пульсирующий туман помнил, что где-то рядом с не меньшей устремлённостью сражаются мои спутницы. А помнить об этом мне помогали частые щелчки кнутов Ашвар и хмурый звон меча Элати. Я открыл глаза.

Впрочем, как оказалось их бой проходил довольно успешно. Два Мастера Огня уже валялись на полу, у одного лицо было обуглено, а у другого рассечено. Правда, оставшиеся явно не спешили последовать примеру своих братьев по Ордену. Тяжело вздохнув, я ещё одну томительную минуту способствовал ускорению этого процесса. Слава огню, минуты оказалось достаточно.

Ашвар нервно расхохоталась, автоматически продолжая щёлкать кнутом. Элати бессильно прислонилась к стене, опираясь на окровавленный меч. На несколько почти счастливых минут воцарилась умиротворённая тишина, прерываемая общим хриплым дыханием. Первой в себя пришла княгиня. Свернув кнуты и встряхнув опалёнными волосами, она благодарно посмотрела на меня.

— Спасибо, мастер, — Ашвар откровенно была рада итогам сражения. А хитрый блеск в глазах дьяволицы довольно прозрачно намекал на личность следующего Верховного Магистра Ордена.

— Сочтёмся, — я уже давно не занимался благотворительностью.

Ашвар серьёзно кивнула, принимая моё право требовать назначенную в будущем цену.

— Как дела, крылатая? — я подошёл к вытирающему меч ангелу. — Где же тот день, в который мы сможем прекратить очищать нашу сталь от крови?

Она удивлённо посмотрела на меня. После встречи с Ашвар мы не сказали друг другу и слова, как будто и не было тех месяцев тяжелейшего пути, за которые мы стали почти близки.

— А ты веришь, что он придёт, мастер? — леди швырнула меч в ножны. — Или просто хочешь, чтобы поверила я?

— Я хочу, чтобы мы все смогли во что-то верить, — я отвернулся от жрицы. — Но это потом, а сейчас, — я взглянул на княгиню, — веди, Ашзар, мы вроде почти пришли.

Глава 9. Слово Трёхрогого. Часть 4

На этот раз ожидания меня не обманули. Не прошло и десяти минут беспрепятственного движения строго вверх и мы остановились перед большой, окованной золотом дверью. На двери рубинами была выложена эмблема Ордена Предвечного Пламени, — три лепестка мудрого и гневного огня.

— Открывай, Ашзар, — я испытывал вполне понятное нетерпение.

Княгиня немного напряжённо вздохнула и достала из глубин своей одежды длинный тонкий ключ. Через несколько секунд раздался тихий мелодичный звук. Ашзар лёгким движением распахнула двери.

— Заходи, Кэй, — она отступила, пропуская меня вперёд, — я надеюсь, ты найдёшь то, что ищешь.

— К сожалению, в таких вопросах надежды мало, — я медленно переступил порог покоев Трёхрогого, — но за неимением лучшего возьмём и её.

Что и говорить, кем-кем, а аскетом Нар-Дагор точно не был. Всё что я видел в замке досих пор решительно меркло перед властной и отнюдь не вульгарной роскошью этого места. Потолок уносился вверх, заставляя сгибаться под тяжестью своих сводов. Изысканные стеллажи огромной библиотеки собрали в себе, казалось, половину запасов литературы Ада, массивная мебель звала насладиться своими формами. Здесь была всего лишь пара картин, но это было одно из лучших, что я когда-либо видел. И ещё здесь был огонь.

Огонь рвался со всех сторон, принимая самые причудливые формы. Весёлый и ленивый, жестокий и милосердный, влюбленный и одинокий. Огонь был рад нашему приходу и ненавидел нас за это. Огонь был самой сутью этих чертогов. Вряд ли кто-то в Аду знал об огне больше, чем Нар-Дагор, и кто знает, появиться ли такой после него.

Я обернулся к замершей на пороге княгине и вопросительно посмотрел на неё. Всё-таки её интерес в этом деле был не меньше, а может быть и больше моего. Правильно угадав смысл моего взгляда, она уверенно прошествовала мимо меня. Нам с Элати вновь досталась второстепенная роль попугачиков. Впрочем, на этот раз наш путь был довольно скоротечен. Свернув в еле видимый проём между стеллажами, мы оказались в небольшой комнате, в которой было лишь пара тяжёлых стульев и небольшой стол. Сердце моё замерло. На столе лежал небрежно брошенный лист бумаги.

— Везёт нам сегодня, Кэй, — Ашвар, похоже, обрадовалась не меньше меня.

Я медленно подошёл к столу. Помимо вышеупомянутого листка на нём лежала рассыпанная колода карт и отделанная сапфирами трубка. Трубка чуть заметно дымилась. В голове всплыла легенда о том, что трубка Трёхрогого не гаснет никогда. Но для легенд у меня будет ещё довольно времени. Я постыдно дрожащими руками взял клочок бумаги, который должен был подарить мне мечту. Перед глазами замелькал суровый почерк Нар-Дагора.

Я смотрю на игры огня, и тревога снисходит ко мне из своих серых пределов. Я закрываю глаза и вижу лишь пустоту. Я украл много времени, и теперь мне говорят, что пора отдавать украденное. Готов ли я? Да. Но у меня ещё остался последний долг, и моя честь требует возратить его, не оглядываясь на сроки.

Я не знаю, кто прочтёт эти строки, но поймёт лишь один. Тот, кто знает цену своим

делам и моим словам. Тот, кто пожелал высшей награды. Тот, кто достоин её. И лишь он один пройдёт по той дороге, которую я укажу. Лишь тот, в ком живёт истинное пламя, раздвинет пределы и взойдёт на вершину. Пусть Великое Пламя подскажет путь к назначенным тобой ответам.

Не густо. Я хмуро огляделся по сторонам. Пламени и здесь было достаточно, но вот подсказывать мне дальнейшую дорогу оно почему-то не спешило. Рука тоже молчала, да и мне сказать было нечего. Как ни прискорбно, но мне снова была нужна помощь Ашзар.

— Я слышала, — княгиня быстро пробежала глазами записку и нахмурила прелестные брови, — у Нар-Дагора была секретная лаборатория, которую никто никогда не видел. Если мы где и найдём интересующие тебя ответы, так только там.

— И где же она? — вопрос был явно глупый, но ничего лучше я на тот момент придумать не смог.

— Пламя знает! — Ашзар досадливо выругалась. Похоже, моя компания уже начала надоедать княгине, но она понимала, что просто так я не уйду. — Но, — дьяволица быстро взяла себя в руки, — но она где-то рядом. Где-то здесь. Нар-Дагор был очень честолюбив, Кэй, и если он говорит про Великое Пламя, значит оно где-то рядом, где-то подле него, ибо в последнее время он уже не отделял себя от огня. Он хотел слиться с ним, стать частью Великого Пламени. Стать тем, кем был Риар-Шагот. Только Риар-Шагот был Побратимом огня, а Трёхрогий хотел стать его хозяином. Хозяином огня.

— Отличная перспектива, — я с новым интересом начал осматривать исторгающие огонь стены. — Ну и которое из них самое великое?

— Самое великое то, что не смотрит на нас, Кэй, — Ашзар вышла из маленькой комнаты и медленно пошла вдоль одного из стеллажей, украшенного очаровательными статуэтками. — Ему скучно смотреть на наши глупые игры, скучно видеть алчный блеск наших глаз. Оно так хочет уйти, но ему суждено жить среди нашей суеты. И такое пламя легко увидеть, Кэй. Легко не для тебя, легко для Мастера Огня.

— Ты видишь, Ашзар? — княгиня явно знала, о чём говорила.

— Я вижу, Кэй.

Дьяволица в задумчивости остановилась возле тонкого ручейка огня, ласково обнимающего одну из статуэток. Её пальцы нежно дотронулись до дрогнувшего от прикосновения пламени. Её губы что-то тихо прошептали. Её глаза закрылись для того, чтобы через мгновение распахнуться и отразить гремящий пожар, открывающий перед нами высокие, надменные двери в истинные чертоги того, кто хотел стать Хозяином огня.

— Кажется нам туда, — княгиня восторженно смотрела в открытые огнём двери. — Ты не против, если мы пойдём с тобой, Кэй? Кто знает, где тебе ещё пригодятся мои услуги, — она вопросительно выгнула бровь.

Я согласно кивнул, памятуя о том, что услуги княгини действительно могут быть более чем востребованы и возможно в самом ближайшем времени. Тем не менее, в раскрывшиеся в гостеприимном нетерпении двери я вошёл первым. К моему удивлению на узкой, дерзкой спиралью уходящей вниз лестнице огня было крайне немного. Его лепестков вполне хватало, чтобы осветить наш усталый путь, но не более того. А ведь я уже успел привыкнуть к целым хороводам пламени, заботливо собранного Трёхрогим в своих чертогах.

Возможно, как раз в связи с этим спуск оказался долгим и скучным. Вероятно Нар-Дагор стремился к абсолютному уединению и не жалел для этого времени. Ни своего, ни,

увы, чужого. Весёлые огоньки, беззаботно прыгающие по раскалённым от их частых прикосновений стенам, провожали нас насмешливыми взглядами и рассыпали перед нашими шагами сонм испуганных искр.

Наконец я сошёл с последней ступени этой бездонно-утомительной лестницы. Передо мной открылся небольшой, увенчанный приглашающим проёмом коридор. Но только я успел сделать пару облегчённых шагов, как из манившего своей шириной проёма обманчиво ленивой, грациозной походкой вышел изящный, незнакомый мне зверь. И всё бы ничего, вот только зверь этот целиком состоял из блистающих крыльев мечущегося пламени.

Его Путь был дорогой огня, — дорогой, которую мне переходить, отнюдь не хотелось. Зверь не проявлял агрессии, но почему-то было ясно, что он здесь находится совсем не для декора. Заранее обжигаясь, я с грустью приготовился тушить этот переливающийся пожар.

— Постой, Кэй. Дай мне.

Ашзар плавно вышла у меня из-за спины. В руке княгини уже тянулся смертоносной змеей любимый кнут. В походке сквозил интерес и азарт. Я не видел глаз Ашзар, но был уверен, что в них танцует веселье.

Огненный зверь не отпускал от дьяволицы настороженного взгляда. Его тонкий, длинный хвост угрожающе ударил об пол. Ухмыльнувшись эхом щёлкнул пламенеющий кнут, рассекая воздух в нескольких сантиметрах от морды домашнего любимца Трёхрогого.

Зверь зарычал. Так рычит костер, в который бросили сухой хворост, — яростно, предвкушающе. Огненное тело бросилось на упруго покачивающуюся Ашзар и, не пролетев и мгновения, с жалобным стоном упало на каменный пол, сбитое жестоким ударом кнута. Эта довольно тривиальная процедура повторилась раз пять, а потом зверь покорно склонил голову перед гордо стоящей княгиней. Пламя его утратило дерзость и блеск, превратившись в тихие угли, готовые согреть, но не жечь. Дьяволица бестрепетно опустила свою ухоженную ладонь на широкий лоб укрощенного зверя.

— У меня дома такой же, — она обернулась и лукаво подмигнула мне, — только симпатичней.

Ашзар первой вступила под низкие своды таинственной лаборатории Нар-Дагора. Пока мы с Элати следовали её обязательному примеру княгиня уже почти по-хозяйски осматривала местные натюрморты. Присоединился я к ней с неподдельным энтузиазмом. Честно говоря, мне уже несколько надоело искать тот единственный ответ, который меня на данный момент волновал.

В первые же секунды нашим общим вниманием завладела не самая экзотическая, но, безусловно, самая яркая деталь интерьера. Это было большое, идеально-овальное зеркало. Вместо рамы его окружал ореол задумчивого и, честно говоря, уже несколько приевшегося огня. И мне выпала вероятная честь посмотреть в это творение Великого Пламени.

У меня было усталое лицо. Усталое, но странно влюблённое, как будто я не замечал этой усталости. Или просто не хотел замечать. Не хотел смотреть вниз, на утомлённые ходьбой ноги. Только вперёд, только за горизонт. Туда, где кончается видимая для моих, таких слепых в этот миг глаз дорога. Кончается лишь затем, чтобы дожидаться, когда я, наконец, догоню её страстные порывы. Когда я, наконец, пойму её извилистые взгляды. Пойму и обниму её дрожащими руками.

И эта дорога дымчатой лентой отражалась в моих слишком трезвых в этот миг глазах. Я уже видел её, уже мечтал о ней, уже падал от истощения в её саркастическую пыль. На её мерцающей поверхности прорастали извивающиеся от неги листья огня. Они смеялись и

сожалели, что я вновь не пришёл на их вечерний хоровод. Они звали и ласкали. Мне оставался лишь шаг. Проклятый вечно-последний шаг.

Рядом с моим лицом появилось другое — дерзкое, гордое, уверенное. В зеркале Ашзар показалась мне ещё прекраснее, чем была на самом деле. В алых глазах рвался к вершинам мятежный огонь. Опалённые недавней схваткой волосы тяжёлыми прядями окаймляли изящный овал лица. И я видел, как перед ней из гремящего пламени восстаёт своя дорога.

Дорога не вдаль — дорога наверх. Туда, где уже нет тесноты и конкурентов, туда, где никто не посмотрит на тебя сверху. Туда, где само Великое Пламя улыбнётся тебе, улыбкой равного. И я видел, как княгиня с лёгкостью юного ветра поднимается всё выше и выше. А внизу стоят тысячи тех, кто надеется, что вот сейчас она оступится и упадёт, но их надежды рассыпаются вместе с их ветхими душами, разбиваются с их падшими сердцами.

Вдруг, между двух костров бросили осколок забытого временем льда. Между нами холодным сиянием возник лик ангела. Бледные губы были тревожно приоткрыты, меланхоличные пальцы нервно касались заснеженных щёк. Алмазные глаза с роковым спокойствием смотрели на что-то за гранью добра, зла и веры. Я не видел её дороги. Она была слишком хрупка, и мой неловкий взгляд мог навсегда разрушить её шепчущиеся опоры.

Глаза Элати безумно сверкнули. С испуганным звоном по огненному зеркалу прошла пьяная трещина. Через мгновение их были уже сотни. А через два зеркала взорвалось пламенными брызгами, украшая каменный пол сонмом крошечных островков отражённого огня.

— Тяжёлый у тебя взгляд, крылатая, — я печально взглянул на разлетевшиеся по всей комнате осколки.

— Слишком много огня, — Элати с трудом выбросила в воздух короткую цепочку слов. — Мне больно, мастер.

— Потерпи, сестра, — Ашзар ласково погладила её по руке.

— Конечно, — леди грустно улыбнулась, — я потерплю. Опять.

— Не стой, Кэй, — дьяволица почти с ненавистью посмотрела на меня, — ищи быстрее. Здесь действительно слишком много огня.

Что ж с этим утверждением спорить было достаточно сложно — огня здесь действительно хватало. И в каком именно пламенном цветке стоило искать давно утомившие меня ответы, я представлял крайне слабо. Оставалось возложить все эти обжигающие цветы к милостивым стопам тривиальной надежды.

— Зачем тебе всё-таки эта дорога, Кэй? — Ашзар благосклонно решила оказать мне посильную помощь в потенциально затянувшихся поисках.

— Мне нужны все дороги, по которым я ещё не ходил, Ашзар, — я рассеянно повертел в руках очередной, подобный маленькому вулкану канделябр, — а по этой я не ходил уже слишком давно, чтобы остаться к ней равнодушным.

— А ты уверен, что у тебя хватит времени пройти по ней? — дьяволица отвернулась от привлёкшей её ищущий взгляд статуи.

— За тем и иду, — я иронично взглянул на княгиню, — за тем и иду. А разве тебе никогда не хотелось увидеть Предвечное Пламя, а, Ашзар? — я остановился, пронзительно глядя на дьяволицу. — Никогда не хотелось рискнуть?

— Хотелось, мастер, хотелось, — Ашзар гордо прошествовала мимо меня, равнодушно осматривая дальние стены, — пока не выросла, пока не перестала верить в сказки, — в её голосе прорезалась странная злость.

— Сказки?! — я бешено улыбнулся. — Сказки?! Это сказки твоего Ордена, Ашвар! Это сказки Риар-Шагота и Нар-Дагора, Это сказки, за которые я шёл своей самой безумной самой жестокой дорогой. Это сказки, в которые не верят просто потому, что боятся. Ты боишься, Ашвар? Боишься?!

Княгиня резко развернулась в мою сторону. Лицо её пылало от гнева, рука яростно поглаживала рукоять кнута, губы исказились в проклинающем оскале. Несколько секунд мы напряжённо смотрели друг другу в сверкающие глаза, а потом Ашвар неожиданно опустила голову.

— Боюсь, — её хриплый, опустевший голос еле донёлся до моих ушей, — боюсь, Кэй. И Нар-Дагор тоже боялся. И ты начнёшь бояться, когда подойдёшь поближе. Если подойдёшь.

— Но, он пойдёт сквозь страх, сестра, — Элати вышла из-за моей спины, отрывисто дыша и болезненно проводя по лбу рукой. — Он не остановится, — алмазы глаз лихорадочно блестели, — он может испугаться, упасть, потерять, но остановиться он не может. Он просто не умеет, — леди издала короткий, сумасшедший смешок. — Не умеет и не хочет учиться этой простой науке. За всю свою жизнь он смог выучить только одну вещь, — надо идти. А всё остальное можно оставить в равнодушной пыли. Ведь так, мастер? — она снова попробовала засмеяться, но её грудь скрутил глухой кашель.

— Какого огня, Кэй, — Ашвар закрыла затуманенные глаза, — ты что, действительно просто боишься остановиться?

— Может просто не хочу, — я снова приступил к всё менее активным поискам, — хотя твой вариант, наверное, не хуже.

— И всё же, Кэй...

— Тихо! — я резко взмахнул рукой, — кажется, я нашёл.

Это было что-то вроде камина. Только камина размером с маленькое поле. И высотой с него же. Пламя здесь было необычайно спокойно. Не послушно спокойно, но задумчиво спокойно. Так спокоен тот, кому уже некуда торопиться в этой жизни. Тот, кто может позволить себе самую лучшую мелодию на свете — мелодию тишины.

Откуда-то издалека, из затягивающей глубины этой огненной поляны ко мне приближалась высокая, величественная фигура. Она была неотделима от окружающего её обжигающего моря, и только одна деталь помогала отличить её от ходячего костра. Устремлёнными вверх сполохами огненную голову венчали три пламенеющих рога. Отрешённым, чуть насмешливым взглядом на меня смотрел Великий князь Нар-Дагор.

— Упрямый ты дьявол, Кэй-Сагор, — он остановился в нескольких кипящих жаром метрах от меня, — и смерть тебе не повод.

— Верховный!

— Великий князь!

Ашвар и Элати низко склонили свои непокорные головы, приветствуя того, кто уже не должен был ступать по этой земле. Их радостное удивление было столь искренним, что мне даже стало несколько стыдно за свой легкий кивок, которым я решил поприветствовать Трёхрогого.

— Леди, — Нар-Дагор посмотрел в глаза поднявшей голову Элати, — мне никогда не понять твоей боли и никогда не вымолить прощение за неё. Но знай, — он властным жестом остановил срывающиеся слова ангела, — знай, что нет ничего выше той жертвы, которую ты принесла ради всех нас. Ничего выше, ничего чище, ничего искреннее. И в мире нет награды достойной тебя, светлолика. В мире нет никого, кто был бы достоин стоять рядом с тобой.

Весь мир должен опуститься пред тобой на колени и пусть же я буду первым.

Возможно, первый и последний раз Великий князь Нар-Дагор преклонил перед кем-то колени. Его пылающая голова наклонилась и несколько долгих секунд смиренно смотрела в пол. Вслед за ним изящной тенью склонилась колени Ашвар. Я же вновь решил ограничиться полублагодарным кивком, и на этот раз мне действительно было стыдно.

— Храни её, Ашвар, — Трёхрогий вновь возвышался над нами, — её и Орден, — он почти весело подмигнул дьяволице. — А теперь, — его лицо вновь стало суровым, — оставьте нас. У меня мало времени, а нам непременно нужно успеть, верно, мастер?

— Вернее, только пламя, — я стряхнул со лба неожиданно выступивший пот.

Даже после смерти Нар-Дагора слушались беспрекословно. Не прошло и минуты, а уже никто не смел прервать начало нашей беседы.

— Ты твёрдо решил, Кэй? — Трёхрогий пристально смотрел на меня. — Никогда не поздно повернуть.

— Поздно, князь, — я не отводил глаз, — я опоздал на долгие годы.

— Сегодня хватит и секунд, — Нар-Дагор прищурил пламенные глаза, — обратной дороги уже не будет.

— Обратная мне не нужна, — становилось жарко, — у тебя вроде было мало времени, князь.

— Верно, — Трёхрогий вытянул вперёд руку. — Подойди, мастер.

Я с сомнением посмотрел на разделяющую нас реку огня. Для Нар-Дагора она с недавних пор была манящим домом, но мне казалась как раз той преградой, которую лучше обойти. Я перевёл свой колеблющийся взгляд на Великого князя.

— Подойди!

Голос Трёхрогого громовым раскатом накрыл мои вялые сомнения. В хаосе бушующего огня я на краткое мгновение увидел очертания дрожащей дороги. Для меня этого было более, чем достаточно. Я шагнул в покорно расступившееся пламя. Через несколько мгновений я при желании уже мог коснуться одного из трёх знаменитых рогов.

— Твоя плата, мастер, — голос Нар-Дагора был официален и сух. — Руку!

Я протянул ему раскрытую ладонь. Ту самую, которая уже была отмечена прикосновением Риар-Шагота. Огромная длань Великого князя жёстко стиснула мои застонавшие пальцы. А в следующий миг я не закричал только потому, что боль не позволила мне даже этого. А упасть мне не позволил Трёхрогий.

Всё моё тело превратилось в огненный цветок. Цветок, который безжалостно срывают для того, чтобы бросить его с обрыва и посмотреть, как станет с ним играть пьяный ветер. И в тот миг, когда этот цветок уже уносился в забытую даль, Нар-Дагор отпустил мою руку.

Меня швырнуло назад, за край огня и боли. Рука безжалостно разрывалась на части, тело выгибалось дугой от слишком медленно заживающих ожогов. Я не мог встать и с трудом ловил короткие вздохи. Но на моём обожженном лице мерцала полная яростной прелюдии счастья улыбка. Теперь я знал, теперь я видел, и теперь я желал ещё больше.

— Иди, Кэй-Сагор! — голос Трёхрогого исчезал в рёве обезумевшего огня. — Иди и не жалея, когда обернёшься!

— Ну, вот и всё, Кэй, — Ашвар криво улыбнулась. — В расчёте?

— В расчёте, княгиня, — улыбнуться в ответ у меня не получилось, — высоких тебе дорог.

— Прощай, мастер, — Элати грустно смотрела на меня сверкающими алмазами глаз, — спасибо тебе. Спасибо за всё.

— Удачи, крылатая, — я последний раз взглянул на белоснежные крылья, — и да хранит тебя Великое Пламя.

Я отвернулся и сделал пару неверных шагов. Позади не звало ничего, что могло бы остановить меня хоть на миг. Я безумно усмехнулся в багровый, гневно-молодой закат и ловко поймал ответную усмешку. Мне оставалась последняя дорога. Дорога к Предвечному Пламени.

Глава 10. Дорога к Предвечному Пламени. Часть 1

Я со злостью выплюнул жёсткий песок, вновь с упрямством влюблённого залетевший мне в рот. Я так и не смог привыкнуть к его назойливому присутствию во всех уголках моего, сонм веков назад отдохавшего тела, несмотря на почти недельное сосуществование. Что и говорить, эта была не лучшая неделя в моей совсем не лучшей жизни.

Моя очередная дорога широким жестом пересекала далеко не самый узкий участок Рубиновой пустыни, — самого нескончаемого хранилища песка во всем Аду, и я был не слишком рад подобным тропам. Дороги пустынь считались наиболее сложными и наименее практичными из всех существующих. Мастера Дорог никогда не любили их исчезающих силуэтов и излишне хитрых усмешек. И в этом отношении я был показательным Мастером Дорог.

Однако особого выбора у меня не было. Трёхрогий подарил мне лишь одну дорогу, и сворачивать с неё я был не намерен. Левая рука в очередной раз кольнула резкой, не падающей болью. Эта боль стала моим верным спутником, с того момента как я узнал тайну моего последнего пути. Она не улыбалась и не прощала. Она не давала мне остановиться ни на миг, принуждая идти вперёд, жертвовать едой и сном, падать от усталости и проклинать себя за то, что снова встал. Она была моим жестоким хозяином, но она также оставалась моей единственной надеждой. С обреченной уверенностью я знал, что когда эта боль пройдёт, я умру.

Я остановился и несколько манящих секунд просто вдыхал густой, душный воздух пустыни. Хотелось пить, но воды у меня было уже крайне мало и приходилось покорно мириться с дополнительным дискомфортом.

Неожиданно в лицо ударил порыв лёгкого, нездешнего ветра. Такой ветер должен петь в широких полях и волшебных рощах. Его чистоте и прохладе не было места в этих выжженных землях, его смех звучал здесь слишком одиноко, слишком неестественно. Я изумлённо принял его бескорыстное дыхание, продлив свою плановую остановку почти на минуту. А когда я, сожалея о жестокости времени, сделал новый первый шаг к зовущей меня мечте, то надоедливо-желтый песок взметнулся молящей волной, и на нём проступило два коротких слова.

«Не уходи».

Никак не ожидая подобного предложения, исходящего от равнодушной пустыни, я в нерешительности остановился. Тем временем песок закружился в бесхитростном танце, и я смог стать счастливым читателем нового послания.

«Побудь ещё в моей клетке».

— Клетке? — интересно кому был в итоге адресован этот вопрос. Так или иначе, но я был услышан.

«Ведь я был так свободен».

Ветер вокруг меня попробовал превратиться в локальный ураган. Он срывал с места горсти песка, закручивая их в бешеном хороводе. Постепенно песочный веер вокруг меня начал приобретать вполне конкретные очертания. Передо мной несколько неловко, но упорно вырастал гротескный песочный дьявол. Вероятно, в связи с желанием достичь наибольшей устойчивости, вместо ног у дьявола был своеобразный постамент, ни на секунду не прекращающий своего текучего движения.

«Зачем»?

Ответа на этот явно востребованный вопрос я не знал. Да и честно говоря, мне было решительно всё равно, зачем злой гений заточил в неведомую пока клетку моего ещё более неведомого собеседника. Ситуация осложнялась ещё и тем, что я никак не мог поймать Пути того, кто стоял передо мной в обличье дьявола, истекая плачущим песком.

И снова меня опалило свежим потоком украденного с далёких равнин ветра. Он ворвался под одежду, заставляя вспомнить, что есть на свете ещё места, в которых можно не страдать от жары. Он отрезвил замутненные мысли, предлагая заново посмотреть за горизонт. И он рассказал мне о том, кто встал передо мной, приняв эту глупую, тяжёлую форму. Я смотрел в нарисованные на песке глаза, заточённого в темницу пространства ветра. Смотрел в глаза того, для которого была одна цель — свобода. И для него это, наверное, было хуже смерти, хотя знал ли он о том, что такое смерть? Зачем смерть тому, кто не помнит, где он был секунду назад. Не помнит, потому что для него это было слишком давно.

Я мысленно усмехнулся, на такую жестокость мог пойти только тот, кто любил, и был отвергнут. А может, мой новый знакомый и не заметил, что его любили. Да и разве смогла бы любовь заменить ему свободу. И кем же была та, кто смогла заточить за эти жалкие решётки веселый полёт этого узника.

— Ты не заметил её, — я грустно смотрел на волнующийся песок, — и возможно ей было так же больно, как и тебе сейчас. Быть может, она ещё смотрит на тебя. Так ответь ей, и кто знает, быть может, она подарит тебе былую свободу.

«Она не придёт».

Вот и всё. И кто знает почему. Потому ли, что ненависть оказалась сильнее любви или потому, что время просто устало ждать и вычеркнуло отверженную из списков живых. И сможет ли кто-нибудь, кроме неё, дать желанную свободу тому, кто стоял передо мной?

— Позови другую, — рука отчаянно запульсировала болью. Я слишком долго стоял и каждый считал своим долгом напомнить об этом. — Если долго кричать, всегда кто-нибудь придёт. Прощай.

«Не уходи».

Он пытался схватить меня за рукава одежды. Он бил в лицо, плакал и умолял. Он был слишком одинок для того, чтобы быть гордым. Но он был ещё слишком молод для того, чтобы перестать быть свободным. Свободным не в пространстве, но где-то внутри. И он не мог принять иного расклада. Не мог и не хотел.

Он проклинал меня, когда я покидал скорбные границы его клетки. Я и не ожидал другого. Когда уходит надежда, её место занимает боль, а боль всегда лучше с кем-нибудь разделить. Но тут он не угадал. У меня и без заёмной, боли лилось через край и для чужой места, пожалуй, уже не находилось. Я перестал думать о нём уже через пару минут.

Передо мной вырастал уже третий за час мираж. Хоть я и крайне негативно относился к дорогам песка, но в одно время походить по ним пришлось изрядно, так что мираж от реальности я мог отличить без особых осложнений. Они все были достаточно банальны — вода, листва, прохлада, а иногда и ласковые глаза, призывно смотрящие на тебя. И они все заставляли в очередной раз обречённо отступать.

Последние несколько дней, каждый неровный шаг давался со всё возрастающим трудом. Силы кончались пропорционально запасу воды, а он уже почти иссяк. Со мной осталась

лишь боль, — боль которую не с кем было разделить. Я в очередной раз упал на горячий песок. И на этот раз подняться самому у меня не получилось. Мне пришлось с грустью нащупывать свой отяжелевший Путь итаким унижительным способом ставить себя на ноги.

— Устал?

Я почти руками приподнял стальные веки. Передо мной усмехалась Шалер. Она расслабленно полулежала в нескольких метрах от меня. Её лицо то пропадало, то вновь проступало сквозь туман моего взгляда.

— Шали? — слова, словно острые осколки резали мои губы.

— Признай, что ошибся, Кэй, — она лениво перевернулась на спину, — в который раз ошибся.

— Нет, — рука в очередной раз стрельнула болью.

— Нет?!

Я медленно повернул голову. Лёгкой, издевающейся походкой ко мне шёл Раш-Диор. Он был обнажен по пояс, на груди алела недавняя рана, а в руке князь держал бутылку с прохладным вином.

— А раз нет, так выпей со мной, Кэй, — он протянул мне бутылку. Я попробовал схватить желанный сосуд, но у меня ничего не вышло. Я снова упал на жёсткий песок. Над головой послышался саркастический смех.

— Ошибся, дружище, ошибся, — Раш присел возле меня и сделал долгий глоток. — Вино оно не врёт.

— Вот так загадка.

К князю прыгающим шагом подошёл толстый любитель ответов с берегов Коцита. На мгновение жара сменилась пронзающим морозом, а потом накрыла меня с новой нещадящей силой. Ледяной карлик с удовольствием принял протянутую ему бутылку.

— И почему же ты так уверен, что твой ответ верный? — его глоток не уступал глотку князя. — Ведь слишком многим не нравится твой выбор.

— Они не понимают, — вина, как мне хотелось вина.

— Не понимают? — карлик усмехнулся. — А ты? Ты понимаешь?

— Да.

— Ты же сжигаешь себя, Кэй, — лицо Шалер склонилось надо мной. Сжигаешь свою душу, своё сердце этим грешным знанием. Вернись, просто вернись, просто забудь.

— Я не могу, — я поднял руку, чтобы дотронуться до волнующих губ, но они лёгкой тенью ускользнула от моих умоляющих попыток.

— Скорее не хочешь, — место Шалер занял ледяной гость, — а почему не хочешь? Может ты дурак?

— Нет! Кэй, не дурак, — Раш весело хохотнул, — просто он смотрит в другую сторону. А на той стороне нет никого кто сказал бы ему, что он не прав. Потому что там никто не смотрит в глаза. Посмотри мне в глаза, друг.

Я пытался поймать его требовательные, чуть пьяные глаза, но он странно уворачивался от моего отчаявшегося взгляда. Я почувствовал, как мой взор закрывают редкие слёзы.

— Раш.

— Я слышу тебя, Кэй, но я не вижу тебя. Наверное, я закрыл глаза. Наверное, мне больно смотреть. Если когда-нибудь найдёшь меня, открой мои глаза. Они всё ещё хотят света. Хорошо, друг?

— Конечно, Раш. Конечно.

— Не обещай, если не уверен.

Глухой властный голос сорвал туман с моих глаз. Мимо неторопливо шествовал Риар-Шагот, грозно взирая на замершую от его шагов пустыню. Там, где он ступал, загорался песок. Великое пламя нигде не покидало своего брата.

— Не иди, если не уверен, — он не смотрел на меня, не желая тратить свой утомлённый временем взгляд.

— Я уверен, — я попробовал встать. Но встать удалось только на колени.

— Тогда не слушай, — Риар-Шагот на миг остановился, — не слушай, просто иди.

Побратим огня медленно уходил за край надоевших глаз, а я так и не смог последовать его совету. Глаза закрывались, а песок манил шёлковым покрывалом. Мне едва хватало сил, для того чтобы не отправиться в свой последний сон.

— Непростая дорога, ученик.

Дагар-Дэй задумчиво пропускал ручейки песка сквозь мозолистые пальцы. Его глаза были умиротворённо закрыты, его Путь был спокоен и чист. Он был тем, кем хотел быть я. И сейчас, как никогда.

— У меня пожалуй была проще. Она просто началась и просто закончилась. Впрочем, начинать всегда просто, а вот конец, — он зачерпнул ещё горсть песка, — конец всегда тяжёл. Конец всегда не такой, каким он виделся в начале. И именно в конце мы понимаем верность выбранного пути. И как нам порой бывает страшно оттого, что мы пришли совсем не туда, куда хотели.

— Поверь мне, учитель, — я закашлялся от попавшего в горло песка, — прошу тебя, поверь.

— Чужая вера может сделать тебя необыкновенно сильным, ученик, — старый дьявол печально вздохнул, — но она может жестоко обмануть. И тогда ты можешь уже не встать. Никогда.

— Но ведь своей иногда бывает так мало, — я всё ещё стоял на коленях, — слишком мало.

— Но это лучшее, что ты можешь дать себе, Кэй, — Дагар-Дэй с неохотой поднялся. — Так что держись за неё крепко.

— Вставай, мастер.

Я с трудом повернул голову. Возле меня, плавно взмахивая белоснежными крыльями, парила Элати. На её прелестно-бледном лице играла всепрощающая улыбка, а её видевшие слишком много боли глаза снова сверкали чарующим золотом. Она беспечно рассмеялась и протянула безупречную ладонь.

— Вставай, дьявол, — тебе надо идти.

Неожиданно стало легко. Легко не телу, легко душе, легко глазам, легко позабытым на жару мыслям. Я дотронулся до протянутой ладони. Элати весело подмигнула и, нежно взмахнув крыльями, воспарила ещё выше, поднимая меня в такт этому взмаху.

— Красивые глаза, крылатая, — я уже почти прямо стоял на ногах.

Леди не ответила. Её всесветлый силуэт поднимался всё выше и выше, пока не исчез, потерявшись от моего полуслеплого взгляда. Я опустил голову, мне действительно нужно было идти. Дорога усмехнулась, когда я решил напомнить ей об этом. Рука отозвалась знакомой болью, песок хитро оскалился и попробовал засыпать мои сапоги. Я вздохнул. Оставалось надеяться, что это была его последняя победа.

Нет, это точно был не мираж. Слишком весело звенела смеющаяся вода, слишком изумрудными были листья деревьев и, в конце концов, чересчур долго я наблюдал эту манящую картину. Я слышал, что в Рубиновой пустыни сохранилось два-три оазиса, но, честно говоря, не слишком верил этим разговорам. Два-три это было крайне много для этих мест, но вот один, как выяснилось в данный момент, всё же имелся в наличии. И это было, пожалуй, чуть ли ни самым приятным сюрпризом в моей жизни.

Заметили меня, только когда я уже был в непосредственной близости от ласково шелестящей травы. И судя по откровенно удивлённым, а где-то даже испуганным взглядам, гостей здесь встречали более чем редко. Однако это меня сейчас волновало меньше всего. В условиях тотальной экономии воды, развернувшийся передо мной небольшой пруд с каймой из ленивой зелени выглядел более чем привлекательно.

— Долго шёл?

Я поднял мокрую голову и одурманенным обилием влаги взглядом посмотрел на присевшего рядом со мной дьявола. Дьявол был уже давно не молод, но в длинных волосах чернее подземной ночи не было ни одного седого волоска. Дьявол с искренним интересом смотрел на меня. В его глазах застыла какая-то давняя грусть, но он старательно прятал её за беззаботно вздернутыми бровями.

— Мне показалось, что гораздо дольше, чем нужно, — не в силах сдержаться я снова опустил голову в воду.

— Уже лет десять здесь не было ни одного дьявола, — похоже, я не ошибся в своих предположениях. — Я даже рад, что ты пришёл, но вот будешь ли рад ты.

— А у меня есть повод расстраиваться? — я затаил дыхание, ожидая ответа. Мне очень не хотелось расстраиваться в очередной, давно уже лишней раз.

— Может, и нет, — дьявол флегматично пожал плечами, — но может стать и иначе.

— Не люблю загадок, — я уже стоял, готовый отправить весь этот оазис на корм вечно голодному огню, — расскажи поподробней.

— Искупайся, поешь и выпей столько воды, сколько в тебя влезет, а потом мы поговорим, — дьявол встал и взмахом руки пригласил следовать за собой. Отказывать в таких просьбах я не привык. Я едва не обгонял своего не слишком торопливого проводника.

Я сделал всё, что мне советовал Аран-Кэр (так звали снизошедшего до разговора со мной дьявола), который являлся местным старостой. Я до судорожного озноба плавал и нырял в прелестно-холодной воде щедрого ко мне водоёма, а потом с откровенной жадностью поглощал еду, приготовленную боязливо смотрящими на меня обитательницами оазиса, запивая всё это местным лёгким вином.

И вот, когда я сытый и довольный расположился в густой тени одного из раскидистых деревьев на краю заботливо принявшей меня деревни и расслабленно набивал трубку душистым табаком из своевременно пополненных запасов, ко мне тихо подсел Аран-Кэр. Он благосклонно принял предложенный мной табак, и не спеша забил им свою потемневшую от времени трубку с длинным чубуком.

— Так вот, Кэй, — довольно нейтральное начало мне почему-то сразу не понравилось, — мы давно здесь живём и любим эти суровые земли. А даже если бы не любили идти нам уже, пожалуй, некуда. В этой связи приходится терпеть наших соседей.

— Соседей? — это слово я никогда не любил.

— Они приходят в самые тёмные ночи, Кэй, — я с тоской посмотрел на неотвратно приближающийся закат. — Никто никогда не видел их лиц и не слышал их голосов. Иногда

они просто уходят, а иногда забирают с собой одного из нас. Они никогда не забирают навечно и те, кто ушёл, всегда возвращаются домой. Но спать по ночам они уже не могут. И очень редко смеются.

— И вас это устраивает? — картинка вырисовывалась страшноватая.

Аран-Кэр грустно усмехнулся. — Давно, несколько десятилетий назад, мы пробовали начать против них войну. Но, — усмешка погасла, — у нас ничего не вышло и после той ночи многие кого я любил, сошли с ума. И многие навсегда ушли в безжалостные пески. Больше мы не пытались противиться их присутствию на нашей земле. Тем более, что приходят они редко, два-три раза в год. А забирают с собой ещё реже, — он тяжело вздохнул. — Так что думай сам, Кэй-Сагор, хочешь ли ты провести здесь ночь.

Я вздохнул. Да, до этого момента я очень хотел, наконец, нормально поспать, тем более что спутница — боль, кажется, увидела, что мне нужна хотя бы крохотная передышка и сократила своё несколько обременительное для меня присутствие до вполне приемлемых размеров. Однако, как и предрекалось, мои идеалистические желания были грубо растоптаны суровой прозой жизни. С другой стороны у меня проснулось стойкое и абсолютно идиотское чувство, что два-три раза в год это вполне приемлемая доля риска для того, чтобы поспать в тепле и уюте. А ведь перед сном будет ещё и ужин.

Я понимал, что это будет крайне неверное решение, но ничего не мог с собой поделать. Впервые за много лет я откровенно поддался своей слабости. Неторопливо выдохнув ароматный дым, я меланхолично посмотрел на край убегающего горизонта. Горизонт чуть пьяно подмигнул. Я перевел взгляд на старосту.

— Я уйду завтра.

Аран-Кэр не стал меня отговаривать от возможно показавшегося чуть поспешным решением, в связи с чем я получил редкую возможность спокойно докурить трубку, обильно поужинать и с комфортом лечь на относительно мягкой кровати в вежливо предоставленном мне для ночлега домике.

Глаза послушно закрывались, в голове растекался приятный туман. Мысли текли ленивой рекой, не спеша и не прорываясь вперёд. Сон довольно накидывался на меня, и я не мог дать ему даже подобия отпора.

Глава 10. Дорога к Предвечному Пламени. Часть 2

Я проснулся от назойливого шёпота, беспокойно шедшего с внешней стороны моего хрупкого убежища. Я не разбирал странных, заплетающих слов, да и не стремился к пониманию их таинственного смысла. Вместо этого я беззвучно застонал. Этот шёпот явно исходил не от вздумавших попутать далёкого гостя детей. В нём не было ни капли игры или мнимой угрозы. Только непонятное нетерпение вперемешку с болезненной дрожью. Шёпот тревожной волной прошёл мимо меня и ритмично затих через несколько недремлющих секунд.

Сон уныло ушёл, обиженно оборачиваясь на так неожиданно прогнавшего его дьявола. Я отвечал сну виноватым взглядом, но собственная безопасность была для меня гораздо важнее даже самых лучших сновидений. Я по возможности тихо встал и осторожно подошёл к неплотно закрытой двери. Она пронзительно скрипнула, когда я наивно решил выглянуть наружу.

В пустыне была глубокая ночь. Пожалуй, слишком глубокая для того, чтобы беззаботно прогуливаться в ней. Слишком велика была вероятность провалиться на всю её безжалостную глубину. Не закрывая за собой дверь, я более-менее самоотверженно пошёл вдоль стены домика, вслед за исчезнувшим шёпотом. Сложно сказать, почему я не остался в доме, наверное, потому что всегда боялся умереть в постели, во сне, так и не узнав последних мгновений, так и не посмотрев в глаза своему палачу.

Неожиданно сзади зашептали. Я резко обернулся, пытаюсь ударить на звук, но в связи с отсутствием какой-либо реакции пришлось сделать неутешительный вывод о том, что до цели мой удар не добрался. Только ночь вновь смотрела на меня своим единственным чёрным и может быть даже влюблённым глазом.

В лицо ударил душный ветер сонной пустыни. Кто-то стоял напротив меня, прячась во тьме, как смертном саване. Я не стал ждать его приветствия. Повинуясь давно уже не подводившему чутью, я рванул на себя Путь неведомого создания.

На мгновение я успел ощутить его удивительно мягкие, но в то же время неприятно скользкие очертания. А потом ночную тишину нарушил дикий, кошмарный крик. Это был крик неподдельного ужаса, смешанного с безумной ненавистью и искренним изумлением. Крик оглушил, заставил вздрогнуть и замереть против собственной воли.

Путь я не отпустил. Он вырвался сам. И не потому что я плохо держал или у меня был слишком сильный противник, нет. Просто это действительно был очень скользкий Путь. Я не смог зацепиться за него даже на то, более чем краткое, время, которое требовалось для любого серьёзного воздействия. Путь эмиссара ночиизвивающейся змеёй выскочил из поля моего зрения и исчез в расхохотавшейся тьме. К сожалению, поддержать её довольный смех я не мог при всём желании. Хотя вот желания как раз и не было.

Я несколько затравленно огляделся по сторонам. Изо всех скрывающихся под антрацитовым покрывалом углов раздавался еле слышный, но от этого только более чёткий рассерженно-хмурый шёпот. Он окутывал меня незримым облаком, заставляя проклинать ту секунду, в которую показалось, что мне снова повезёт. Стоило признать, что запас везения я истратил давно и надёжно.

Я попробовал ещё раз схватить так и не явивших своего лица потенциальных противников. Кольнула саркастическая мысль о том, что не прояви я излишнюю

инициативу, они так и могли остаться в разряде потенциальных, и после некоторых обоснованных тревожений я вполне мог отправиться досматривать столь редкий сон. Однако по здравому размышлению сделал я всё верно. С относительно юных лет я навсегда запомнил, что побеждает, как правило, тот, кто бьёт первым, просто потому, что у него сразу на один удар больше.

С другой стороны этим ударом надо было ещё и попасть. А вот здесь как раз у меня вырисовывались некоторые проблемы. Попасть никак не получалось. Редкие пойманные на ощупь Пути издевательски выворачивались из-под моего (а ведь совсем не давно казалось такого совершенного) контроля, сопровождаемые неистовыми криками своих не желающих знакомиться хозяев.

Минут пять подобного времяпрепровождения вполне хватило, чтобы я осознал его полнейшую бесперспективность. Я прекратил свои с каждой секундой всё более жалкие попытки, и напряжённо замер, буравя ночь взволнованным взором. Ночь ответила тихим, неприятно-удовлетворенным смешком. Сзади раздался знакомый, чуть нервный шёпот. Я резко обернулся. Шёпот всё равно раздавался сзади.

Стало беспредельно неудобно. Крайне захотелось вернуться в возможно ещё тёплую постель и пусть беспокойно, но заснуть, однако что-то мне подсказывало, что так легко эта ночь для меня не кончится. Я достал из петель своевременно взятые с собой топоры. Как ни печально, но они могли вполне пригодиться в самые ближайшие минуты. Их уверенная тяжесть несколько улучшила моё затосковавшее настроение, хотя до полного умиротворения было ещё очень далеко.

Кто-то заплакал. Обиженно, злобно, предрекающее. Это был не плач, это было проклятие, причём проклятие, явно нацеленное на меня. И оно медленно приближалось. Я почувствовал острую необходимость оказаться как можно дальше от этого разъедающего душу плача. Но как только я сделал наивный шаг в попытке отдалиться от издающей эти режущие сердца звуки сущности, вокруг меня зашептали с новой, какой-то болезненно-возбуждённой силой.

Едва отличимый от самой тьмы силуэт оскорбительно хлопнул меня по руке. Я отреагировал мгновенно, но, как и прежде, мне не удалось добиться ничего, кроме нового разбивающего слух крика. Я дёрнулся в сторону и получил ещё один хлопок, на этот раз между лопаток. И снова был крик. На третий раз я решил пожертвовать самонадеянностью в пользу откровенной грубости и после очередного приводящего к дрожащему дискомфорту касания резко ударил топором в маску темноты, которая закрывала моего врага.

Я попал. Топор проскочил через предполагаемую плоть ночного гостя, словно сквозь воду, вызвав на этот раз не крик, но недоумённый стон, нисходящий до жалобного шипения. Интересно, ранил я его или убил. Оба исхода таили в себе, как плюсы, так и минусы, и почему-то минусы в любом случае были больше плюсов.

Несколько смолкший в последние секунды плач взорвался яростным рыданием прямо перед моим лицом. Ночь расступилась, и я смог несколько неторопливых мгновений созерцать лик, уже до краев доставшего меня плакальщика. И, видит пламя, это было отнюдь не лучшее зрелище в моей жизни.

В его рассеянных глазах ровными бликами сияла пустота. Его длинный, тонкогубый рот был широко раскрыт, обнажая мелкие острые зубы. Он улыбался. Улыбался и плакал. Он смотрел сквозь меня в наступающую со всех сторон темноту и тянул к моей груди свои тонкие, полуночные руки.

Мгновения оцепенения сменились бешеным действием. Топоры завывали так, что плач пустоглазого растворился в их боевой песне. Оба лезвия одновременно опустились на с виду хрупкие плечи моего визави. Больше всего я боялся, что гневная сталь просто пройдёт сквозь не прекращающее рыдать существо, не причинив тому даже морального ущерба. А его, похожие на шёлковые нити, руки дотронуться до моего сердца. Но как оказалось, сталь уравнивает всех.

Раздался брезгливый рвущийся звук и издав последний жалостливый аккорд плакальщик безвольно упал. Вот только упал он совсем не в ту сторону, в какую бы мне хотелось. Он упал на меня.

Меня как будто бы обняло болото. Обняло ласково, страстно, но не чтобы обнять, а чтобы утянуть. Голова закружилась, ноги потеряли и те остатки стойкости, которыми удивляли меня последние минуты. Топоры, седеющими листьями, выпали из рук. А ещё стало страшно. От этого съедающего разум и душу страха я испытывал почти физическую боль. Я опустился на одно колено, из последних сил борясь с яростно наскакивающей паникой.

Вокруг снова зашептали. Как-то неприятно-радостно, с визгливыми нотками, грязно касаясь отголосками моих горячих щёк. На лицо легла мягкая, душащая ладонь. С каждой секундой ночь становилась всё темнее. Я упал на тёплую землю, жадно хватая ртом сгустившийся воздух. Воздух оставался безучастен к моим судорожным порывам и презрительно бросал мне крохи своих неисчислимых богатств.

А потом я поплыл. Медленно, плавно, без суеты и волнений. Я засыпал в крепко и нежно держащих меня объятиях тёмных пределов. Но сон мой был неспокоен. Это был самый страшный, самый кошмарный сон в моей жизни. В этом, проклятом огнём, сие у меня извлекали саму душу и рубили её тупыми, хохочущими топорами на рваные осколки. В нём вынимали мои глаза и заставляли их смотреть на мою свежевырытую могилу. В нём мои слабеющие ноги вели к краю пропасти, в которой разверзлась алчущая моей плоти пасть.

Вдруг перед глазами полыхнуло блистающим пламенем. Завывающие крики стали достойным аккомпанементом для вновь решившей выйти на сцену рассекающей боли в левой руке. Я чуть не захлебнулся хлынувшим в лёгкие воздухом. Хотелось кричать, но сил на это уже не осталось. Мягкая перина сменилась жёстким песком. Я с заранее запланированной тоской открыл глаза. В них успокаивающим маршем прошествовал пролог рассвета. Боль не стихала, но на этот раз я ей был даже рад. Я сел и огляделся. Деревня осталась где-то за безжалостным горизонтом. Вокруг меня лежал лишь песок и когда-то так настойчиво шепчущий пепел.

Владения Рубиновой пустыни медленно, но верно подходили к концу. Верилось с трудом, но чёткая полоска относительно свежей травы в нескольких километрах от старта моего азартного взора, заставляла верить даже в казалось невыполнимое. Пески нехотя отпускали меня, но цена за это была заплачена с моей точки зрения несколько чрезмерная. И самой тяжёлой потерей были мои весёлые топоры. Они так и остались оскорблённо лежать в центре столь роковой для меня деревушки, затерянной на безбрежных просторах безжалостного песка. И теперь из оружия у меня остался лишь старый нож, используемый в основном для редкой в последнее время трапезы.

Но эта без всякой иронии невосполнимая утрата была, увы, не единственным негативным последствием моей явно напрасной остановки в уже не раз и не ласково упомянутой деревни. Как и предупреждал меня местный староста, по ночам я спать

перестал. Мне банально было страшно. Теперь отсыпался я днём, а ночью продолжал свой уставший от меня путь. Перестраиваться под подобный график существования было несколько болезненно, но иного выхода я, увы, не находил. Оставалось надеяться, что этот навязчивый страх является лишь временным явлением. Хотя надеждам, даже самым посредственным, я давно не доверял.

Пока я предавался невесёлым размышлениям, ноги, наконец, долгожданно достигли самых дальних кордонов песочного королевства. Передо мной с упрямой гордостью встал странный, какой-то чужой для взгляда лес. Он состоял из низких, раскидистых деревьев, до краёв полных пьяно-золотой, ласково-рыжей и нежно-багряной листвой. Несколько минут я в приятном изумлении смотрел на его непривычную для моих глаз красоту. Больше времени для остановки я себе позволить, увы, не мог. Боль подгоняла лучше сонма богатых трофеев.

Я вступил под широкие своды местной флоры, достаточно равнодушно задевающие мои грязные от песка волосы. Вместо привычного пения птиц, в этом лесу раздавался лукавый шелест и чуть наивный мелодичный звон. Внезапно одно дерево словно шагнуло в сторону, и я оказался лицом к небольшой холмистой поляне. И на поляне этой меня по все видимости ждали. Я обречённо попытался схватиться за несуществующие топоры. Их было немного, и они казались мне смутно знакомыми. Один из них сделал взволнованное танцующее движение. И в этот момент память изумлённо открыла мне тайну нашей предыдущей встречи. Тонкие руки, салатовые волосы, светло-зеленая кожа, плавные, влюблённые жесты. Это всё я видел в так и незабытом Некрополисе, на одной из картин, которые мне пришлось принести в дар Мёртвым князьям.

Вот только глаза, глаза были другими. На картине в них смеялась счастливая зелень, а в этих глазах я увидел грязное болото. И на самом дне этой бездны сиял роковой факел жестокой и безвременной мести. И сейчас эти, топящие даже самую робкую улыбку глаза смотрели прямо на меня. Наверное, надо было что-то сказать, но в данный момент я был слишком ошарашен столь нежданной встречей, для того чтобы непринужденно начать легко прогнозируемую беседу. Оставалось надеяться на инициативу здешних хозяев. И на этот раз моим надеждам суждено было исполниться.

— Дьявол, — акцент был страшный, но произнесено было чётко и уверенно, — ты снова пришёл.

— Да я вроде первый раз здесь, — я неожиданно начал оправдываться.

— Ты или другой, — взявший на себе переговоры болотноглазый не отрывал от меня тяжёлого взора, — вы все здесь чужие.

А вот это он сказал очень точно. Я действительно чувствовал себя здесь абсолютно чужим. Таким чужим я не чувствовал себя ни в Некрополисе, ни в Лабиринте и даже лёд Коцита показался бы мне сейчас родным домом. Я несколько неуверенно огляделся. Вокруг было очень красиво и я не чувствовал ни малейшей опасности, но эта красота была явно не для моих глаз, а опасности меня просто не достаивали.

— Я скоро уйду, — оправдываться уже надоело, но я почему-то чувствовал себя виноватым.

— Если сможешь уйти, — губы существа тронул блеснувший злобой оскал.

Эх, как же мне в этот миг было жаль потерянных топоров. Но, слава огню, я и без хохочущей стали был кое на что способен. Я резко и яростно коснулся их Путей, коснулся лишь затем, чтобы тут же отпустить. Эти дороги были не в моей власти. Я просто не мог их постичь, просто не мог осознать их извилистых направлений, их затаенной глубины, их

печальных, не замечающих меня жестов. Я бессильно опустил руки. Впервые в жизни я почувствовал себя абсолютно незащищённым.

Он подошёл ко мне почти вплотную. Его взгляд презирал и ненавидел. Но вот смерти, той, которая, как казалось, уже протянула ко мне свою холодную ладонь, я в этом взгляде не увидел. Наверное, он понял мои, суетливые в этот момент мысли. А, поняв, надменно усмехнулся.

— Мы не умеем, дьявол, — он медленно отходил от меня. — Не умеем убивать, не умеем вести скорбные караваны во владения смерти, но, — усмешка стала неотвратимо жестокой, — мы обязательно научимся. И вот тогда, — в болоте глаз заиграла безумная гроза, — тогда вы вспомните. Вспомните и ужаснётесь. Ужаснётесь не от содеянного, но от предрешённого. Вы будете кричать и стенать, но наши сердца и руки не дрогнут. А ты, — он отвернулся, — ты на другой земле дьявол, на чужой земле. И наши дороги не приведут тебя к цели. Ты вечно будешь бродить по ним, спотыкаясь и моля о помощи. А труп твой найдут только черви.

Надо отметить, что на этот раз меня проняло по-настоящему. Я задрожал, ноги неуверенно сделали постыдный шаг назад, глаза испуганно забегали. Мне пришлось, раз пять напомнить себе о том, что я не юная заблудившаяся дьяволица, а опытный Мастер Дорог, который идёт к цели всей своей жизни. И пройти ему осталось не так и много. В итоге мне всё же удалось сменить испуганный взгляд на хмурый и более-менее устойчиво встать на ноги.

— Были чужие, станут мои, — сейчас уверенность в собственных силах мог спасти только откровенный апломб. — Не было ещё той дороги, которая не назвала бы меня своим хозяином.

Болотноглазый засмеялся. Нагло, хитро, пугающе. А через мгновение засмеялись остальные. Их смех был похож на звон бездарно поднесённой к губам флейты. Он так же мог бы быть прекрасен, и он был прекрасен, но это было слишком давно, чтобы я мог вспомнить. И слишком недавно, чтобы они могли забыть.

Боль в руке усилилась. Мне надо было идти. Идти по отвернувшемуся от меня Пути. И лишь Великое Пламя знает, чего мне будет стоить заглянуть ему в глаза.

Костёр горел плохо. Как-то непривычно вяло и ненадёжно. В этой связи я даже не стал забивать не лишнюю сейчас трубку. Драгоценный в дороге табак не хотелось переводить зря. Настроение было, как после только что проигранной битвы — предсмертное.

Весь день я шёл этими проклятыми огнём тропами. Весь день я пытался прорваться сквозь кривляющийся строй местных обиженных ростом деревьев. Весь день за мной наблюдали грязно-болотные глаза. Наблюдали со злой насмешкой и холодным торжеством. Весь день я пытался уйти. Но день остался позади, а уйти я смог только в обескураженное уныние.

Откровенно хотелось спать, но с некоторых уже упомянутых пор ночь для этого была не лучшим спутником, а идти я уже, пожалуй, не мог. В темноте мой поход вполне возможно оказаться бы роковым. В этой связи, всё что мне на данный момент оставалось, так это апатичной расслабленности взирать на ленивые переливы томящегося огня, а попутно активно настраивать себя на оптимистичный лад. Пока выходило достаточно посредственно.

— Почему ты не спишь?

Я обернулся, не особенно при этом торопясь. У одного из загадочно мерцающих в темноте деревьев, стоял, на первый взгляд, не самый худший представитель местного населения. А скорее не стоял, а стояла. Что-то в облике представшего передо мной существа говорило о его явной принадлежности к прекрасным, желанным и часто крайне коварным. Оно было как-то ещё изящней, ещё загадочней, чем те, кто уже оказал мне сомнительную честь невесёлой беседы. Хотя акцент её был ещё хуже уже услышанного.

— Не люблю плохих снов, — я снова отвернулся к так толком и не разгоревшемуся костру.

— А мне иногда кажется, что даже самые плохие сны лучше любой реальности, — ночная гостья плавно опустилась на землю напротив меня, дав шанс рассмотреть её получше.

И вновь в память бросились воспоминания о той загубленной картине и на этот раз с ещё большей силой. Казалось, на меня смотрела сестра той, что я видел долгие дни назад в глубинах Некрополиса. Даже её глаза ещё сохраняли то влюблённое во всё живое веселье. Грязный туман пока лишь легко коснулся их своим гнилым крылом. И на меня она смотрела не как на врага. Правда и на дружбу особых иллюзий не сохранялось, но меня вполне устраивал и заинтересованный нейтралитет.

— Кто вы? — я пошевелил палкой, совсем затосковавшие угли.

— Вы забыли, — она покачала чарующей головой, — а нам, наверное, не забыть никогда.

Она замолчала, равнодушно глядя в явно опасаящийся её взгляда костёр. Я уже настроился на мысль о том, что остаток ночи пройдёт в умиротворенной тишине, однако зелёноглазая видимо решила снизить до некоторых объяснений.

— Я помню, что смеялась, — она не отрывала глаз от огня, — я была совсем юна и запредельно счастлива. Тогда это казалось таким обычным. В тот день я впервые увидела огонь, — её голос немного задрожал, — в тот день я впервые обожглась. И тогда мой смех смолк. А на смену ему пришел безумный хохот пламени, — она помолчала. — Ты видел пески, дьявол?

Я коротко кивнул, несколько завороченный звуками её глубокого печального голоса.

— Раньше там были сады, в которых мы играли и любили, — она закрыла глаза, словно вспоминая те далёкие, невозвращенные времена, — а потом туда пришёл огонь. И мы согласны были жить рядом с его гневом, вот только он считал лишним мириться с нашим прощением, — зеленоглазая чуть слышно застонала. — Нас сжигали, дьявол. Наши земли, наши тела, наши души. Сжигали те, кому мы доверили свои улыбки. Ты всё ещё не помнишь, дьявол?

Мне показалось или грязи в её глаза стало больше? Почему-то я думал именно об этом. О том, что скоро её глаза станут таким же болотом, как и глаза её соплеменников. Странно, но мне было больно так думать.

— Ты никогда не уйдёшь отсюда, дьявол, — она встала, последний раз холодно взглянув на сжавшийся костёр. — Ты не найдёшь дороги из наших пределов, а если и найдёшь, то не увидишь. К ни го ед . нет

Её тонкий силуэт давно растаял в усмешке ночи, а я всё боролся с панической мыслью о тупом и бессмысленном бегстве. Бегстве в никуда, бегстве не ради цели, но ради отчаяния. Я и не заметил, как на моё подрагивающее плечо опустилась пламенеющая ладонь рассвета. Время мыслей прошло, уступив своё ленивое место времени дорог. Дорог, по которым я не должен был ходить.

Несмотря на явную актуальность быстрых и решительных действий, этот день я предпочёл начать с, наконец, догнавшего меня сна. Сон оказался коротким, нервным и абсолютно безрадостным. Но, тем не менее, он принёс некоторое успокоение в близлежащих минутах. Успокоение, которое, увы, было слишком быстро подорвано.

Начал я с того, что попробовал взлететь над лесом и осмотреть его возможные границы. Но на этот раз у меня ничего не вышло. Я просто не смог. В этих землях, даже мой собственный Путь оказался мне неподвластен. В связи с этим мне пришлось срочно справляться с волнами накатывающей тоски, а также переходить к более классическому способу перемещения.

Час довольно бесцельной ходьбы занял у меня две трети вечности сомнений. Дороги здесь были. Дороги я эти видел и ходить по ним мог. Вот только вели они не туда, куда я хотел. Казалось я всё глубже и глубже погружаюсь в паутину троп и тропинок этих неведомых лесов. Пару раз я даже упал на рассмеявшуюся землю. Подниматься было нелегко. Особенно в моральном плане.

К сожалению, эти достаточно обидные для Мастера Дорог падения переросли в некоторую совсем невесёлую традицию. И вероятно именно на неё ссылался очередной, коварно выросший на моём пути, непомерно толстый для такого хрупкого дерева корень. На этот раз падение оказалось более чувствительным, так как рядом с выбранной мной дорогой чёрно-зелёной пастью зиял, как мне вскоре показалось, несколько глубокий овраг. Моих печально угасших способностей ещё хватило на то, чтобы чуть смягчить рассекающее воздух падение, но вот выбирать мне похоже предстояло самыми примитивными методами.

Я встал, без особого энтузиазма отряхнул одежду, которая к этому времени была уже слишком грязной, чтобы мои действия могли как-нибудь повлиять на итоговый результат, и вынужденно осмотрелся. И как показал беглый осмотр, пейзаж передо мной разворачивался не самый воодушевляющий.

После минутного раздумья я решил, что слишком устал для исключительно крутых склонов приютившего меня оврага. А, учитывая, то, что на данный момент мне было в

принципе всё равно, куда направить свои явно чрезмерно задержавшиеся здесь шаги, я решил пройтись по уходящей вдаль оврага узкой тропинке, теряющейся в окружении бирюзового кустарника.

Я задумчиво отмерял своими несколько загрустившими ногами длину укывшего землю ковра из злато-алых листьев, когда вдруг услышал чью-то лёгкую уверенную поступь. Я обречённо остановился и в некоторой нерешительности огляделся по сторонам. Нерешительность исходила, прежде всего, из того факта, что если кто-то всё же захочет воспрепятствовать моим дальнейшим поискам, то никаких особых аргументов для поддержки своего мнения на этот счет я предложить не смогу. При моей остановке шаги так же затихли, что, впрочем, не вселяло в меня никакой радости.

— Какого огня! — я устало сел на землю. — Чего тебе надо?

— У тебя, скорее всего, этого нет.

Кустарник раздвинулся, и передо мной предстала явно крайне неординарная личность. Я бы наверное никогда не осмелился показаться в обществе в такой шляпе. Да и оранжево-пьяные штаны были бы, как мне показалось, не самой удачной частью любого гардероба. А вот кинжал мне понравился. Длинный, широкий, с серебряной гардой, он мог украсить любые, даже самые богатые ножны. Жаль только, что кинжал этот находился в чужих руках. Руках, украшенных старыми шрамами и жестокими ожогами. Руках крепких и не слишком дружелюбных. Утешало в эту секунду только одно. Это были руки дьявола.

— Здорово, земляк, — я автоматически проверил его Путь и уже не удивился полученному результату. А вернее его отсутствию.

— Земляк? — дьявол усмехнулся, от чего его гигантская шляпа пришла в неловкое движение. — Это вряд ли. Земля-то как раз может и позволит, но вот время — время нет. Это было слишком давно, слишком многое надо вернуть. А кто это будет делать? — он вопросительно посмотрел на меня и, будто усмотрев ответ в моём лишённом энтузиазма взгляде, утвердительно кивнул. — Правильно никто.

— Ну и чем тогда займёмся? — признаться, мне было абсолютно наплевать на наше территориальное родство. Гораздо больше меня занимали возможные плюсы нашей встречи. О более вероятных минусах я пока старательно не думал.

— Предлагай, — широкий жест дьявола меня несколько воодушевил.

— Ну, раз так, — я сделал опереточно-довольное лицо, — давай вместе найдём мне дорогу в родной Ад.

— Ты хочешь уйти, — неужели он был разочарован. — А зачем тогда пришёл?

— Пьяный был, — я саркастически посмотрел на своего собеседника, — да и темно было.

— Ясно, — дьявол понимающе усмехнулся. — Местных видел?

— Видел, — я удручённо кивнул, — но их советы мне не слишком помогли.

— Да ну? — дьявол расхохотался, но тут же посерьёзнул. — Но это были правильные советы. Для тебя здесь нет дорог, а выход, — он долгожданно убрал кинжал в мерцающие драгоценными камнями ножны, — выход он всегда есть. Вот только сможешь ли ты его найти? На этот вопрос не ответит никто, и ты в том числе.

— Значит, совместных поисков не выйдёт? — хотя я, в общем, и не особо рассчитывал.

— Увы, мой рогатый брат, увы, — дьявол снова рассмеялся, — искать ты будешь один. Но вот с советом я тебе всё же помогу. Правда, это будет не мой совет.

Я несколько натянуто выразил недоумение.

— Да, есть тут один, — дьявол ухмыльнулся. — Он местный, но несколько не согласен с проводимой здешними обитателями политикой. Бунтарь своего рода. Но личность, несомненно, интересная.

— Был бы очень обязан, — признаться, возможность предстоящей встречи меня не сильно воодушевляла, но я старался быть вежливым.

Дьявол в очередной раз махнул рукой, и мы неторопливо отправились по явно узкой для двоих тропинке, которая в итоге достаточно успешно вывела нас из усмехнувшегося на прощание оврага.

— А сам ты здесь, с каких дорог? — задавать этот вопрос мне было несколько неудобно, но почему-то и, правда, было крайне интересно.

— Я? — дьявол на секунду зажмурил глаза, будто пытаюсь остановить поток сухих слёз. — Я был одним из первых в свите Великого Пламени. Одним из первых вошёл под своды гневного огня. Вся моя жизнь была одним нескончаемым пожаром. Я шёл по дороге выжженных земель, иногда замечая следы. Я был герольдом тогда ещё юного и вечно страстного пламени. И в последней милости Великий огонь поставил меня своим эмиссаром в этих землях. Поставил до тех пор, пока моё место не займёт более достойный. Признаться сначала я подумал, что как раз ты и пришёл мне на смену. Но мне кажется из тебя плохой слуга, дьявол.

— Смею надеяться, — рассказ без сомнения был интересен, но я слышал байки и повеселее. — Долго ещё идти?

— Сложно сказать, — обладатель так поразившей мой несколько консервативный вкус шляпы рассеянно пожал плечами и, в свою очередь, обратился ко мне с вполне законным вопросом. — Как там сейчас? Что-то изменилось?

— Нет, — я в грустной иронии качнул головой, — ничего не изменилось, древний. Всё осталось по-прежнему. Также убивают, также лгут, также умирают ни за что. Также лезут на высокие горы и также падают с них. Также бегут за властью, богатством и наслаждениями, не замечая за этим пьяным бегом скорбных секунд. А потом секунды перестают замечать их.

— Да, — эмиссар огня согласно кивнул, — всё как прежде, дьявол. Всё как прежде.

Несколько минут мы провели в навалившемся молчании. Несмолкаемый шелест золото-багряной листвы стих, будто не желая оскорблять наших тяжелых мыслей. Сорвавшись с упругой ветви, мне прямо в руку опустился пьяно-жёлтый лист причудливой формы. Я хотел рассмотреть его поближе, но не сумел удержать в руках, а подбирать я не любил.

— Пришли, — скучающий голос моего временного проводника оторвал от бессмысленных раздумий. — Вот тот, кто тебе нужен.

Я недоумённо посмотрел в указанную им сторону. Несколько презрительных секунд я ничего не мог разглядеть в хороводе блистающей листвы. А потом, как будто сжалившись над моими бесплодными стараниями, откуда-то сверху спрыгнула уже довольно знакомая высокая изящная фигура. Быстрыми, странно незаметными движениями мой потенциальный спаситель приблизился к нам. И вот тут я увидел его кардинальное отличие от уже оказавших мне сомнительную радость встречи местных хозяев.

В его узких, резко-надменных глазах не было и следа той роковой болотной грязи. Вместо неё на меня пристально смотрели, будто два вспыхивающих угля. Вот только огонь этих растревоженных нашим появлением углей был не привычно оранжево-багровым, но яростно-зелёным. И эта грешная зелень хотела не просто мести, она хотела дикой и кровавой войны, хотела побед и смерти, хотела звона стали и криков разбуженных гроз. Всего того,

чего не могли ему дать эти лениво-скорбные земли.

— Привет, изгой, — эмиссар огня привычно кивнул. — Ещё не научился?

— Научусь, уж будь спокоен, — зелёные угли зло полыхнули. — И ты узнаешь об этом первым.

— Не сомневаюсь, — угрозы не произвели на моего спутника особого впечатления. — Ну а пока у тебя есть пара лишних мгновений, не соблаговолишь ли послушать этого дьявола. Так получилось, что он крайне жаждет твоего совета.

— И с чего бы это делать? — названный изгоем окинул меня не слишком дружелюбным взглядом.

— А с того, что ты вполне можешь не успеть, изгой, — эмиссар демонстративно завертел в руке развеселившийся кинжал, — и может быть уже сейчас.

Зелёный огонь немного притух, затаившись до новых, лучших времён, а его обладатель снова повернулся ко мне. Взгляд его так и не приобрёл дружелюбия, однако сейчас в нём отчётливо мерцал вялый энтузиазм сотрудничества.

— Говори, — слово это он откровенно выплюнул.

— Мне нужно уйти, — я решил не заострять внимания на явно негативном дебюте.

— Тебе не нужно было приходить, — зелёный огонь вновь начал разгораться. — Мне кажется, это был бы лучший выход.

— Вероятно, — здесь я спорить не мог, — но выход редко бывает один.

— Какие же вы все идиоты, — зеленоугольный явно решил начать с обличительной преамбулы. — И вы, и они, и я, скорее всего, тоже. Но никто не поймёт и никто не признается. И все идут, и мечтают, и хотят, чтобы перед ними плескалось влюблённое счастье. И может даже влюблённое в нас. А потом мы падаем и удивлённо смотрим глупыми, обиженными глазами, как это счастье забирает кто-то другой. И мы восклицаем, — он театрально взмахнул руками, — мы кричим и плачем. Мы просим отдать, ещё не понимая, что нас уже никто не слышит, — он хмуро посмотрел на меня. — Я это понял, и он, — последовал раздражённый кивок в сторону всё ещё вызывающую мысленную улыбку шляпы, — понял, и ты обязательно поймёшь, если успеешь. И это мой главный тебе совет. Ну, а выход, — изгой недобро оскалился, — выход прост. На этой земле делали лишь две вещи, — он начал загибать длинные пальцы, — сначала любили, а потом жгли. Ты умеешь любить, дьявол? Вряд ли. Ну, тогда выбора у тебя уже не остаётся. Жги! — он окинул меня ненавидящим взглядом. — Жги! И будь проклят.

Представитель местной оппозиции ещё секунду злобно смотрел в нас зелеными искрами, а потом одним плавным движением исчез в довольно поглотившей его листве. Я перевёл несколько озадаченный взгляд на продолжающего вертеть кинжал дьявола. Тот в свою очередь одарил меня довольным взором.

— А, что отличный совет, мой юный друг, — эмиссар огня вежливо наклонил голову в знак прощания. — Храни тебя Пламя, дьявол.

Он исчез почти также быстро, как и предыдущий оратор, а я всё ещё в некотором замешательстве подошёл к ближайшему, дрогнувшему от моих мыслей дереву. Моя левая, пульсирующая гневной болью рука крепко легла на его сжавшийся от прикосновения ствол. По всему телу пронеслась жадная, горячая волна, свергающая неуверенность и сомнения. Я криво улыбнулся. Сейчас будет жарко.

Я не заметил тот роковой момент, когда первая злая искра яростно вцепилась зубами в нежную кору дерева. Зато следующее мгновение осталось в моей памяти надолго. Да и как

кажется не только в моей.

Дерево загорелось подобно юному факелу. Загорелось не снаружи, но изнутри. Загорелось самой своей сутью, неувиденной слепыми глазами душой, несбыточными ни в одном сне мечтами. Оно горело так быстро, что не успевало ни заплакать, ни закричать. Обезумевший огонь бросился на соседнее дерево, а оттуда всё дальше и дальше, выжигая в обречённом лесу вечную, гневную рану.

Я поднял затуманенные болью глаза. Совсем недавно я уже ступал по так похожей дороге. Вот только тогда я создавал, а не разрушал. Я через силу усмехнулся. Тогда мне было гораздо тяжёлее. Моя, местами почти обуглившееся рука соскользнула с обваливающегося под натиском озверевшего пламени ствола. Я сделал первый, неожиданно лёгкий шаг по объятой бешеным танцем огня тропе. Казалось, прошли мгновения, а я уже видел выход. Он был широкий и долгожданный, и он вёл в те, с краю счастливые земли, где я, наконец, перестану быть чужим. Это ли был не повод для довольной улыбки? К сожалению, к этому моменту мне было слишком больно для того, чтобы я мог улыбаться. Словно скованный яростными цепями я занёс ногу для последнего шага.

Вдруг пьяной молнией перед глазами промелькнули два полных безумно-зелёного пламени глаза.

— Научился! Я научился!

Извивающийся в карнавале искр голос обжёт своей резкостью, будто случайный пожар. Я не стал оборачиваться. Я не успевал этого сделать. Что-то острое, злое, опьянённое жестоким азартом врезалось мне в затылок. Падал я уже на знакомой земле, не успевая ни подумать, ни загрузить.

Высокая башня с причудливым шпилем на макушке обеспокоенно приняла на себя порыв загулявшего ветра. И если я ожидал, что башня качнётся, то явно недооценивал местных строителей. Тем не менее, я несколько разочарованно перевёл свой взгляд вниз, на хмуρο сучающие камни. Впрочем, и на их не слишком изумляющем созерцании я не задержался надолго.

Мимо меня умиротворённой, позвякивающей походкой прошли пару оживлённо переговаривающихся дьяволов в тяжёлых, но довольно элегантных кольчугах. Обрывки их негромкого разговора остановились на полпути от моих ушей. Хотя этот аспект расстроил меня показательно мало.

Невольно подражая движениям только что прошедших воинов, я двинулся по периметру широкого, идеально квадратного двора, гордо возвышающегося надо мной замка. Мысли мои носились где-то слишком далеко и слишком весело, для того чтобы следить за каждым их конечно неосторожным шагом. Так что я предпочёл беспечно отпустить их в далёкую и почти забытую сегодня страну грёз.

— Рад видеть тебя, Кэй.

Возмущённые поспешностью возврата мысли на мгновение устроили бьющийся на осколкисереполах в моей голове, однако, слава огню, мгновения им для этого вполне хватило. Я развернулся.

Исполнитель моего совсем недавнего желания расслабленно стоял, облокотившись о крепкий торс одной из изысканно украшенных чудными барельефами колонн. На его тонких губах играла предвкушающая улыбка. Он чуть более лениво, чем это требовалось, оттолкнулся плечом от колонны и подошёл ко мне.

— Здорово, партнёр, — я почему-то не хотел смотреть ему в глаза. — Неужели и у тебя появилось достойное желание?

— Достойное, Кэй, — он не старался поймать мой взгляд, — хоть я и надеялся обойтись несколько меньшим.

— И чего же ты хочешь? — я невольно напрягся, ожидая просьбы-приказа стоящего напротив меня дьявола.

— Пойдём, Кэй, — он сделал приглашающий жест, — здесь как-то пусто для любой беседы. А для нашей ещё и слишком светло.

Я без особой скорби проследовал за владельцем явно несколько темноватого для меня желания. Впрочем, особой тревоги я не испытывал, хотя без сомнения предпочёл бы оказаться сейчас несколько в ином месте. Мы зашли в гостеприимно распахнутые двери замка и несколько минут методично отсчитывали потрескавшиеся ступеньки не самой короткой в моей жизни лестницы.

Наконец, идущий впереди меня дьявол распахнул очередную массивную дверь, и мы оказались на просторном балконе, который выходил в сторону огромного зала, забитого суетящимися дьяволами. Дьяволы накрывали длинные столы, приносили тяжёлые серебряные блюда и наполненные кувшины, а также активно наблюдали за работой других. Словом все готовились к большому празднику. Несколько минут я с интересом наблюдал на царящее внизу мельтешение, а потом перевёл вопросительный взгляд на своего, необычайно молчаливого сегодня спутника.

Тот, однако, не спешил поразить меня своей просьбой. Он в странном раздражении смотрел вниз, чуть покачивая низко опущенной головой. Когда он, наконец, оторвался от этого без сомнения увлекательного занятия, я уже несколько заскучал от предоставленного мне в эти минуты общества. Но беспокойный взгляд дьявола вернул мне уверенность в том, что благословенная скука долго не продлится.

— Сегодня буду пировать, Кэй, — мне показалось или его голос был уже заранее пьяным. — С тобой или без тебя.

Увидев, что особого энтузиазма у меня его слова не вызвали дьявол нервно ухмыльнулся.

— Поверни назад.

— Что? — сначала я искренне не понял.

— Поверни назад, Кэй-Сагор, — голос его приобрёл знакомую уверенность. — Сойди с этой дороги.

— Странная просьба, незнакомец, — я не спешил принимать решение, так как любое решение было роковым.

— Это не просьба, — его глаза давили, пытаюсь согнуть (пока слава огню, безуспешно), — это моё желание и твой долг. Исполни, Кэй.

Дьявол снова уставился в зал, а я крепче ухватился за толстый поручень. В голове печально зашумело. Неожиданно захотелось спрыгнуть вниз, прямо на гигантское блюдо с зажаренным ящером, которое несли четверо поварят. И похоронить этот порыв было отнюдь не легко.

Его желание и мой долг. Мой долг и его желание. Я так и так склонял эти, по сути, совсем не сложные слова, пытаюсь найти хоть какой-нибудь выход из предложенного завывающего в предвкушении капкана. И по предварительным, но весьма точным данным выхода не было.

— А может что-нибудь менее достойное, — на меня грешной волной накатывала тоска, — менее желанное?

— Исполни, Кэй! — плечи дьявола дрогнули. Только сейчас я понял, насколько он напряжён. И как тяжело ему было скрывать до сих пор это напряжение.

— Нет, — я презренным камнем устремился на самое дно самой загнивающей бездны.

— Ты отказываешься от своего слова? — тихий, злой голос вырезал на душе содрогнувшуюся рану. — От слова Хозяина Пути?

— Хозяина? — я угасающе улыбнулся. — Вряд ли. Не хозяина — раба. Раба Пути. Понимаешь? — я окинул его обречённым взглядом. — Иногда цепи слишком тяжелы, для того чтобы их сбросить. Иногда их легче нести.

— Проснись, Кэй! — дьявол грубо хлопнул меня по плечу. — Ты не раб, а я не дурак, для всей этой чуши. Ты исполнишь это желание! Так или иначе, — его рука резко схватила воротник старой куртки. Наверное, зря.

С устремлённым в глубины безумия стоном я бросил его вниз. Он падал неожиданно долго, словно стараясь зацепиться за испуганно разбегающийся воздух. Причем этим он дал мне лишь несколько прекрасно-лишних секунд. Их я потратил на то, чтобы грубыми, широкими стежками зашить треснувшую почти пополам душу. А потом я прыгнул следом.

Я аккуратно приземлился рядом с безуспешно пытающимся встать дьяволом. Кажется, у него было перебито колено. Несколько секунд я разрывался между желанием разбить ему второе и едва ли не большим желанием покинуть эти всё сильнее давящие стены. В итоге

секунды прошли, а я, так и остался растерянно стоять в окружении замерших в нелепых, неестественных позах поваров и служанок.

— Верно ли это, Кэй? — дьявол всё же встал, хотя было видно, боль причиняла ему опаляющий дискомфорт. — Ведь это не я только что упал на встревоженный мрамор. Ведь это честь твоя, Кэй. Ведь это было последнее, что ты не растерял на своей проклятой дороге. Последнее во что ты ещё верил, Кэй. И другие, другие ведь тоже верили, — он почти довольно рассмеялся. — Но, ты, наверное, прав. У рабов нет чести. Так, Кэй!? Отвечай мне! Или раб стал ещё и трусом!?

— Всегда есть что-то большее, — я медленно сел на мягкий, низкий стул, — всегда есть то, ради чего ты готов жертвовать всем остальным. Но иногда ты услышишь, как в тёмную ночь влюблённые листья зовут тебя на свой хмельной вальс и понимаешь, что готов пожертвовать и этим. А взамен появляется что-то новое — новая икона, новая вершина, новый тотем, в костёр которого ты готов бросать плачущие жертвы. А потом рассыплется и она. И будет ещё одна, часто лишняя. Ты следишь за моей мыслью, ценитель чести.

— Ты спутал вершину с колодцем, Кэй, — дьявол оскалился в презрительной усмешке. — И ты не заметил, как упал, лишь потому, что всё ещё летишь. А ветер гневно кричит тебе вслед, — его губы искривились в очередной атаке рассекающей боли. — А знаешь, что на дне, Кэй? — он словно действительно ждал от меня ответа. — Там грязь. Просто грязь, в которую ты зароешь свою гнилую душу.

— Заткнись, — мне почему-то стало прохладно. — Я уже был там, и не раз, — я хмуро смотрел в дышащего ненавистью дьявола, — и я скажу тебе, что там нет грязи. Там просто ещё одна дверь. Иногда ее, правда, совсем непросто открыть, но всегда где-то рядом валяется пусть ржавый, но ключ. А грязь, — мои глаза немного повеселели, — грязи везде полно, мой так и не назвавшийся, увы, не друг. И я сомневаюсь, что здесь её меньше.

Он снова упал. Не закричал, даже не застонал. Он молча лежал, до хрипа сжимая веки и положив дрожащие, неверные руки на раздробленное колено. Слёз из-под век не текло. Мы надолго застыли в обступившей нас тишине. Наконец я встал. В ответ, всё ещё лежащий дьявол открыл глаза. Его взгляд был пуст и тревожен.

— Мне пора, — я сделал какой-то неловкий шаг спиной назад, — мне ещё падать и падать.

— Только не разбей свою грешную голову, Кэй, — он улыбнулся (не мне), — а то, так ничего и не поймёшь. Так и будешь падать, думая, что впереди ещё одна дверь, когда впереди лишь туман, скрывающий пропасть.

— Прощай, — я хладнокровно развернулся к колышущемуся вдали проходу.

— До встречи, Кэй.

Я хотел пить. Ещё, наверное, немного сонного льда в сгорающее тело, но это потом, это может и подождать. А вот вода была нужна мне прямо сейчас. Или вино, или пусть даже яд, если его будет вдоволь.

Я открыл глаза. Затылок дробило на две примерно равные части. Одна из них корчилась от боли, а другая неистово завидовала первой. Казалось, я очнулся от векового кошмара и теперь мне надо бежать, догонять ускользящее время. Но сил хватило лишь на то, чтобы подарить неспешно бредущей тишине свой сдавленный стон.

Я сделал пару презрительно неудачных попыток подняться на ноги. Удалось мне это несложное, по сути, действие только с третьего раза, когда я совсем отчаявшись,

задействовал свой несколько лишённый энтузиазма Путь. Ноги неохотно упёрлись в мягкую землю, а наивный взгляд пробежался до горизонта в поисках столь желанного источника воды. И наивность вскоре сменилась печалью.

Я опустошенно брёл вперёд. Моя старая фляга была чрезмерно пуста. Жажда и боль, по очереди и вместе дирижировали моим, покорным им телом. Руку продолжал разрывать грозный, зовущий огонь. А в треснувшую душу залез тёмный скорбный призрак и теперь пытался разжечь свою длинную трубку углями моего плачущего сердца.

Неожиданно впереди спасительно затемнел низкий силуэт небрежно сложенных неровным кругом камней. Ещё пять-шесть поспешных минут и передо мной возник неведомым чудом выросший в этой глуши колодец. Дрожа от предвкушения, я заглянул в его чернеющий провал.

Если вода и была в этом, огнём забытом, колодце, то находилась она несколько глубже моего усталого взора. Не сомневаясь ни на миг, я перемахнул через край и устремился вниз, едва сдерживая своё оглушающее падение. Полёт мой, впрочем, был не долог. Не прошло и десяти секунд, а я уже стоял на самом дне, по щиколотки утонув в мягкой илистой грязи.

Свет не осмеливался проникать в благосклонно принявшие меня глубины и я, опустившись на безрадостно согнувшиеся колени, начал на ощупь искать желанные признаки драгоценной влаги. И приходилось с сожалением признать, что поиски, как минимум, затягивались. Воды я найти не мог. Только щедро покрывшая ладони грязь, сгучающе усмехалась мне из темноты.

Я обречённо прислонился к холодной стенке колодца. В голове мерным хохотом били дробящие волю колокола. Сверху на меня равнодушно смотрел осколок случайно заглянувшего в лицо света. Надо было вставать и либо продолжать безнадежные поиски, или выбираться назад и мечтать об озере прохладной воды.

На мгновение стало очень тихо. И в этой звенящей тишине я неожиданно, на самом краю слуха различил пьянящий шёпот воды. Словно трижды влюблённый я бросился на этот заставляющий кричать от радости шёпот, едва не затоптав его нежные ноты своими грубыми шагами. Уже через несколько секунд я припал иссушенными губами к тонкой струйке чистой, ледяной воды, жадно глотая исцеляющую влагу. Жизнь быстрым, стремительным бегом возвращалась в моё уже надевшее призрачный саван тело.

Не прошло и пяти минут, а я уже стоял возле спасительного колодца, стряхивая случайные капли с мокрых губ и цепляя на пояс наполненную флягу. Рука нервно дёрнулась в очередном припадке зовущей боли. Но теперь эта боль могла лишь вести, но не карать. Идти мне оставалось совсем немного. Немного лишь потому, что больше я уже пройти не смогу.

Невысокие каменные дома уже около получаса маячили перед моим несколько рассеянным взором. Небольшой городок, вырастающий в такт моим шагам, можно было охватить одним не самым долгим взглядом. У городка не было ни стены, ни отходящих от него дорог и ни какого бы то ни было оживления внутри. До меня не долетало ни одного утихающего звука, хотя я был уже довольно близко. Смущаемая шелестом моих шагов тишина не оставила меня и в тот момент, когда тень от первого, изрядно скосившегося дома широким плащом упала на мою голову.

Я вступил на узкую, петляющую между низкими, чернеющими провалами окон улицу. Под ногами захрипела сухая, мёртвая земля. Казалось, этот несчастливый городок был

покинут много лет назад. Покинут не из-за войны или болезни, а просто потому, что всем вдруг просто захотелось уйти, просто захотелось оставить за спиной эту погибшую землю. Но, вот только почему же я так желал идти по этим подрагивающим от дневной жары улицам.

— У тебя красивая походка, дьявол.

Я обернулся. В оконном проёме, небрежно облокотившись на него загоревшими руками, стояла в меру молодая дьяволица. Длинные волосы цвета ночного огня надменно ниспадали почти до самой земли. И судя по открывшемуся мне виду, волосы эти были единственной её одеждой. Так что на её лицо я посмотрел в последнюю очередь. Хотя и оно заслуживало гораздо более пристального внимания.

Это лицо было словно маской, прекрасной маской, скрывающей поток влюблённо-пьяного огня. Огонь заинтересованно наблюдал за мной сквозь прорези её широко распахнутых глаз без зрачков. Огонь ласково приветствовал меня через призывно раскрытый рот. Огонь снисходил с её ясно-алых щёк. Я понял, что подошёл очень близко к назначенной долгие годы назад цели, ибо на меня взирала очередная легенда, знаменующая близость Великого Пламени. Лукаво улыбаясь, на меня смотрела гетера огня.

— Давно к нам никто не приходил, — гетера вышла из приютившего её дома, лениво качая стройными бёдрами. — Да и тот, кто приходил, всегда проходил мимо, — она полуигриво-полусерьёзно смотрела на меня. — Может, удержишься, дьявол.

Моя рука невольно потянулась к её манящему телу. Не только тело прекрасной женщины, но и само пламя манило меня, обещая наслаждение и плоти, и души. Её изящная рука резко ударила меня по протянутой ладони, обжигая и отрезвляя.

— Это тело не для тебя, дьявол, — она надменно усмехнулась. — Сгоришь. Ведь он сгорит, верно, сестра?

Я обернулся вновь. Из соседнего дома чуть опьянённо выходила копия той, что стояла передо мной. Только волосы её были элегантно-кудрявы, и пламя её глаз горело чуть светлее, чуть нежнее, чем у первой.

— Верно, сестра, — кудрявая гетера остановилась в шаге от меня, — но, может быть даже не сразу, — она хитро улыбнулась, — может быть даже не до конца.

— Нет, сестра, — первая гетера с сомнением покачала головой, — он слишком устал, он слишком долго шёл и теперь его сил хватит лишь на то, чтобы сделать ещё пару желанных шагов. А потом он уже не вернётся.

— А ты знаешь куда идёшь, дьявол? — кудрявая внимательно посмотрела на меня.

— Знаю, огненноликая, — я медленно выходил из невольно транса. — А там где не знаю, мне подсказывают, — я поморщился от очередного приступа боли, — и иногда слишком усердно.

— Я взгляну, — жаркой ладонью гетера взяла мою задыхающуюся от боли руку и прижала её к своей щеке. — Я помню их, — она задумчиво улыбнулась, — один был такой вспыльчивый, страстный, а другой очень гордый, серьёзный. Это они подарили тебе эту дорогу?

— Они заплатили мне этой дорогой, — от прикосновения к горячей щеке боль в руке послушно утихла, затаившись до того момента, когда мы вновь останемся наедине, — и это вряд ли была чрезмерная плата.

— Но они шли за другим, — первая гетера дразняще облокотилась о моё плечо. — Они шли за тем, что им было позволено. А вот ты, — её ноготь оцарапал мне шею, — тебе вроде

не надо этих суетливых даров. Но почему ты думаешь, что тебе дадут больше, чем другим?

— Просто, ничего другого мне не нужно, пламенноокая, — я тяжело вздохнул. — Остальное я либо потерял, либо пропил.

— Ты, наверное, многопил, дьявол! — гетера расхохоталось, сквозь волнующий рот брызнуло весёлое пламя.

— Больше, чем любил, — я тоже улыбнулся.

— Так бывает, — стоящая сзади гетера продолжала царапать мою шею, — бывает, когда скучно любить тех, кого ты встречаешь. Мы знаем, дьявол.

— Клянусь углями и искрами! Я уже рядом!

Я резко оглянулся на этот пронзительный, какой-то гротескный голос. Ловко петляя между нависающими тенями домов, к нам быстрой, прыгающей походкой приближался маленький странный дьявол. Его вызывающие невольную улыбку шаги сопровождал оглушительный звон плеяды колокольчиков, которые были подвешены прямо к его длинным, раскиданным в стороны рогам. Из крупных, лопающихся ушей то и дело вырывались струи беспокойного огня. На его широком, радостном лице танцевала озорная улыбка.

— Приветствую, — он крепко схватил мою руку и потряс её в подкупающем рукопожатии.

— Это шут, дьявол, — кудрявая гетера ласково улыбнулась лопухому, — это тот, кто смеет спорить с огнём.

— Признаться, эти споры я часто проигрываю, — шут весело подмигнул и молниеносно пожал мне вторую руку, — но это лишь потому, что порой не знаю предмет спора.

— Ему нужно идти, шут, — гетера, наконец, отвлеклась от моей до крови расцарапанной шеи. — Он говорит, что знает куда идёт, но может быть, ты проводишь?

— Конечно, провожу, милая, — маленький шут призывно махнул мне рукой. — Идём, страждущий огня, я проведу тебя самой короткой дорогой.

— Бросай пить, дьявол, — кудрявая гетера обжигающе поцеловала мои губы. — Как знать, может тебе и не придётся скучать.

— Быстрее! Быстрее! Пока ещё не погасло Предвечное Пламя! — шут уже несся вперёд своей смешной походкой, и у меня явно не оставалось иного выбора, как последовать за звоном его весёлых колокольчиков.

Мне еле удалось догнать не в меру резвого шута. А тот, дождавшись момента, когда манящие очертания гетер огня скроются после первого же поворота, резко остановился и хитро посмотрел на меня.

— Ты ведь, наверное, знаешь, что не бывает самой короткой дороги, — он тряхнул своими звенящими рогами, — и что самой короткой становится та, на которой тебе повезло.

Я осторожно кивнул, не зная к чему приведут эти не самые обнадеживающие слова.

— Я хочу тебе кое-что показать, дьявол, — он неожиданно стал серьёзен. — Я хочу показать того, кто пришёл раньше тебя, и кто хотел того же, что и ты. И то, что в итоге он обрёл.

— Вряд ли мне это интересно, шут, — я не хотел сворачивать, даже на миг.

Похоже, мои слова были совсем не тем, что он желал услышать. Лицо его превратилось в маску сурового и жестокого мудреца, а когда я заглянул ему в глаза, то понял, что это не маска, а истинный облик. Истинный облик того, кто смеет спорить с огнём. Я запоздало взглянул на его Путь. Предо мной предстала хохочущая лавина гремящего пламени, сметающего любое посягательство на свои владения

— Я ведь не всегда проигрывал споры, дьявол, — колокольчики больше не звенели, — и я не всегда улыбаюсь. И ещё я никогда не прошу. Идём.

Это действительно мало походило на просьбу и, не желая ссориться с тем, кто предпочитал появляться в облике шута, я покорно отправился за моим, вновь весело запрыгавшим проводником.

Слава огню, дорога наша не продлилась долго. Уже минут через десять мы вышли на маленькую площадь, со всех сторон окружённую хмурыми ликами пустоглазых домов. Лишь второй, более внимательный взгляд помог мне найти на этой, покрытой серой камнями площади флегматичного вида дьявола.

Среднего роста, в широком, явно тёплом плаще, с неумоимо лысеющей головой он производил достаточно посредственное впечатление. В руках у дьявола была длинная, потрескавшаяся метла, которая мерно опускалась на равнодушные камни. Казалось, он полностью сосредоточен на своём нехитром занятии и наше звонкое появление его ничуть не встревожило. Впрочем, я допускал, что это и было именно так.

— Привет, Собиратель, — шут, приплясывая, подбежал к вяло воззрившемуся на него дьяволу. — Как дела?

— Мои дела неизменны, шут, — обладатель метлы, тут же потерял интерес к разговору, — и останутся неизменны.

— Твои, да, — шут искусно подпрыгнул, вновь оказываясь перед лицом уже отвернувшегося дьявола, — но у него, — он сделал картинный жест в мою сторону, — они ещё вполне могут поменяться. И может быть даже благодаря тебе.

Дьявол одарил меня лишённым энтузиазма взглядом. Но, прошла томящая секунда, и в его избавленных от определённого цвета глазах проявился неожиданный для него самого интерес. А потом этот едва зародившийся интерес перерос во вполне очевидный азарт. Отбросив метлу, он неровной, шаркающей походкой подошёл ко мне. Довольный успехом шут безмятежно попрыгал за ним.

— Непростая была дорога, верно, — дьявол задумчиво посмотрел на меня.

— Верно, — я согласно кивнул. Дорога действительно оказалась не из лёгких.

— И назад ты уже не пойдёшь, — он не спрашивал и я не стал отвечать. — Но у тебя есть право узнать, что ждёт тебя впереди. И я покажу тебе, по крайней мере, одну из этих дорог, — он немного помолчал. — Я был Верховным Магистром Ордена Шёпота. Не вспоминай, — он заметил моё озадаченное лицо, — бесполезно. Это было слишком давно и слишком недолго для памяти. Мы мало говорили, мы слушали. Мы могли услышать, что шепчет листва в нескольких километрах от нас, находясь при этом возле гремящего водопада. Стоит ли говорить, что я был лучшим в своём Ордене. У меня было всё — власть, деньги, любые радости души и жизни. Но в один проклятый день я захотел большего. И я вступил на Дорогу к Предвечному Пламени. Не буду утомлять тебя подробностями моих

странствий, тем более, что в общих чертах они тебе скорее всего известны, — он понимающе усмехнулся, — скажу лишь, что в итоге я пришёл. Пришёл туда, куда сейчас стремишься и ты. Сильный, смелый, гордый. Кто я теперь!? — его глаза внезапно окрасила краска злого безумия. — Кто!? Ты не спросишь, но я отвечу. Теперь меня зовут Собиратель пепла. Пепел — вот, что осталось от моей великой мечты. И теперь каждый день я мету этот пепел по кругу. Каждый день я вспоминаю, что я потерял, и что я в итоге обрёл. Но, — он пару раз глубоко вздохнул, — но, ты иди. Быть может, скоро я начну мести и твой пепел. Но даже если это будет так, помни это будет пепел великой мечты.

— Прощай, — я развернулся и пошёл в зовущем меня направлении, не дожидаясь на этот раз разрешения шута. Сказать, что эта встреча не произвела на меня никакого впечатления, было бы крайне не верно, но если мой звенящий спутник хотел меня испугать, то эта затея уверенно провалилась. Дорога у каждого своя. Это я знал твёрдо, ещё с тех времён, когда был учеником Ордена. И то, что не удалось одному, всегда может получиться у другого. И я был как раз именно этим другим.

— А ты решительный, — шут с некоторым одобрением хлопнул меня по плечу. — Пламя любит таких, — добавил он уже с большей серьёзностью, — вот только любит оно их совсем не долго.

— А мне долго не надо, — я ускорил шаг, — я ещё и быстрый — возьму и убегу.

— Не быстрее искр, — шут чуть угрожающе покачал звенящей головой.

— Вот и проверим, — я уже почти бежал.

— Стой!

Стальная ладонь схватила меня за ускользящую руку, заставив раздражённо остановиться. Шут, заговорщицки ухмыляясь, смотрел куда-то мимо меня. Он едва заметно кивнул, словно приняв какое-то решение, и звонко отыграл лихой мотив своими колокольчиками.

— Странно, но ты мне понравился, дьявол, — шут подозрительно огляделся по сторонам, будто опасаясь санкции за крамольные слова, — и я думаю поспорить с огнем ещё разок. Ведь ты знаешь лишь одну дорогу. И на этой дороге тебя уже ждут. Но я покажу тебе другую. Ты зайдёшь по ту сторону огня. Ты окажешься не пред его грозным ликом, но за его плечами. Там мало света и часто бродит скорбь, но там лежат пути, неведомые даже Великому Пламени, ибо оно редко оборачивает свой мудрый взор. И я снова не прошу, дьявол. Идём.

Что ж в этот раз уговаривать меня было не нужно. Своевременное предложение шута открывало для меня весьма достойные перспективы, и вскоре мы оказались в глубине одного невзрачного одноэтажного дома. Шут остановился перед разбитой винтовой лестницей, резко уходящей вниз.

— Тебе туда, дьявол, — голос его был глух и сосредоточен. — В конце лестницы дверь, она всегда открыта. Но, помни, открыта она только с одной стороны.

Я молча кивнул и начал осторожно спускаться по постепенно тонушим в темноте ступеням. Несмотря на готовность к худшему, спуск мой не занял более минуты. Из густого, бархатного мрака передо мной на долю мгновения вынырнула ветхая, покрытая копотью дверь. Я глубоко вздохнул и взялся за скользкую ручку. Неожиданно показалось, что за мной кто-то пристально наблюдает. Я не обернулся. Я знал, что никого не увижу.

Узкий горный серпантин неловко подрагивал под ногами. Очередной несчастливый

камень, отлетевший от моей беспечной ноги, обречённо сорвался в алчно темнеющую пропасть. Кто-то (а по ощущениям что-то), закричал над головой. Крик был печальный, больной и в тоже время непримиримо злой, без надежды и без прощения. Этот крик эхом отразился от томящего хаоса, грубыми тенями нависающих скал, и впечатался прямо мне в сердце. Я вновь оступись и, чтобы не низвергнуться в жадную бездну, пришлось опять выравнивать свой Путь.

Уже третий час я пробирался по заброшенным каменным тропам. Шут не обманул, здесь действительно было темно и скорбно. Единственным плюсом был тот немаловажный с моей точки зрения факт, что боль в руке несколько умерила свои титанические амбиции. К тому же опасный серпантин уже подходил к концу, широким жестом выводя меня на тёмную, безбрежную равнину.

Равнина оказалась покрыта щедрой сетью мелких огоньков. Это были костры. Их пьяное, то взвивающееся, то затухающее пламя мерцало в глазах подобно грешным мыслям, которые мы держим на самом дне нашей души. Они никогда не поднимаются наверх, терпеливо ожидая, когда мы сами спустимся к ним. И ожидание это всегда бывает вознаграждено.

Один из костров печально подрагивал совсем рядом со мной. В его багровеющем свете мелькали неестественные, нереальные фигуры, то ли танцующие вокруг подаренного им огня, то ли просто мечтающие согреться в его жестоких объятиях. Я хотел пройти мимо, но через минуту понял, что двигаюсь прямо по направлению к этому костру. Я резко свернул, но костёр вновь оказался передо мной. Неожиданно в круге света отчетливо проступила тёмная, когтистая рука, которая настойчиво манила меня к себе.

У обладателя этой руки был странный, какой-то задымлённый Путь, который почему-то никак не мог закрепиться в моей памяти. Я забывал его через краткую долю мгновения, в тот самый миг, когда был твёрдо уверен, что на этот раз я его запомнил абсолютно точно. Наверное, именно в этот момент я понял, наконец, как устал. Как устал идти. Идти, не останавливаясь и не оборачиваясь. Мне показалось, что на голове поседело ещё несколько волос. Я даже дотронулся до них рукой. Именно до тех, про которые подумал. Так прошло несколько минут. Я отрешённо стоял, глупо поглаживая свою голову, а выросшая из темноты рука продолжала манить в свои, единственно для меня возможные пределы.

Я не стал более безрезультатно пробовать пройти иной дорогой и, подчёркнуто не торопясь, подошёл к беспокойно ожидающему меня костру. Я вошёл в подрагивающий круг света и равнодушно прошёлся взглядом по местным обитателям, неистово при этом стараясь не развернуться и не броситься назад, подобно ускользающим от злых ветров листьям.

Я не считал их глаз, не слушал их шепчущих шагов и не замечал биения их гниющих сердец. И в этом, наверное, было моё единственное спасение. Вокруг костра сидели, метались и вспоминали те, от кого отвернулось Великое Пламя. Те, кто не были достойны, видеть его светлый лик и были вынуждены довольствоваться лишь жалкими искрами, случайно залетевшими в этот забытый огнём край. И сегодня я пришёл к этому костру, лишь потому, что был подобен им. Вот только не пламя отвернуло от меня свой взор, но я отвёл его от пламени.

— Садись, брат. Согрей остатки своей души.

Я обратил свой взгляд на говорившего. Вероятно, именно его руки совсем недавно манили мои шаги и мысли. И вероятно когда-то он был дьяволом. Вот только по всему выходило, что было это очень давно. Он был неестественно огромен, будто каждый месяц на

него беспорядочно набрасывали очередной кусок плесневеющей плоти. За уродливыми наростами на голове, почти невозможно было разглядеть обломанные рога. Наполовину заросшие глаза произвольно слезились, от чего его страшное лицо приобретало тоскливую нотку печали.

Я понимал, что нужно уходить и чем быстрее, тем лучше, но вместо этого разумного шага я послушно присел рядом с огнём, протягивая к его ленивым лепесткам неожиданно заледеневшие руки.

— Вот и всё, брат, — мой радушный хозяин опустил свою тяжёлую ладонь мне на затылок. — Теперь ты дома.

— Мой дом, далеко, брат, — лишь привычная ярость боли в левой руке смогла отвлечь меня от его гипнотического голоса. — И я не ищу дома.

— Тогда зачем ты пришёл? — его ладонь оставила мой возрадовавшийся этому факту затылок. — И зачем тебе наши драгоценные искры? Ведь их тебе отдали те, кто считал тебя братом. Тебе отдали всё.

Вокруг костра начал подниматься возмущённый гул. Злой, визгливый он набрасывался на меня разъяренным бураном, заставляя в ужасе склонять голову. Однако я уже давно привык к подобным звукам. Я поднял глаза.

Костёр угасал. И в последних жалких проблесках умирающего огня, я увидел ненавидящие меня лица. Лица тех, для кого это огонь был последним в жизни приютом, для кого он был тем самым домом, от которого я отказался. И я оказался той самой каплей, для которой было отдано последнее тепло этого дома. Тепло, которым я пренебрёг.

Повинуясь внезапному порыву, я в быстром движении положил левую руку на стремительно истлевающие угли. А через мгновение над этой забытой землёй взметнулись колосья Истинного Пламени. На секунду невиданный в этих потерянных местах огонь заревел оглушающим пожаром, а после удовлетворенно превратился в дарящий тепло и свет костёр. Он был почти как прежний, но вот только изменились лица тех, кто в немом изумлении смотрел на него. Пропала таящаяся у самого края злость, очистился навечно тревожный взгляд, а шепчущие неведомые литании губы медленно переставали болезненно дрожать.

Глядя на эти лица, я почти забыл про корчащуюся от боли руку. А когда вспомнил, то эта боль показалась мне не такой уж и большой платой. Они не стали счастливы, это было уже, увы, невозможно, но в их истерзанных душах поселились первые ростки давно ушедшей из этих земель надежды. Не все они вырастут, не все смогут занять принадлежащее им по праву место, но даже если одно крохотное семя даст всходы, разве это не будет лучшим, что я сделал в своей жизни. Разве не стоит это самой мучительной боли.

— Ты согрел нас, брат.

Огромная рука, с крупными, разбитыми когтями как-то по-детски лежала на страшном лице. Через чуть приоткрытые пальцы слезящийся глаз заворожено наблюдал за весёлым танцем рождённого мной огня. На несколько пьяных от света минут наступила умиротворённая тишина. На несколько объятых щедрым пламенем минут огонь развернул свой желанный лик. Увы, он не мог задержать его надолго, но я знал, что для сидящих вокруг костра эти минуты были равны столетиям. Время прошло и костёр вновь стал полон тусклого равнодушия, но в посеревших сердцах всё ещё горело прежнее Истинное Пламя. И его срок был неизмеримо дольше.

— Ты согрел нас, — повторил гигант, убирая руку с лица, — но ты ведь пришёл не за

этим. Верно, брат?

— Верно, — сейчас мне было больно даже говорить, но говорить было необходимо, — меня ждёт Предвечное Пламя.

— Ждёт ли? — усмешка тронула обезображенные губы.

— Не важно, — боль никак не проходила, — ведь главное не то, что ждёт, а то, что дождётся.

— Ты близок, — шальная искра обожгла моему собеседнику щеку, но тот только улыбнулся, принимая это как ласку.

— Последний шаг всегда тяжелее весёлого бега первых дней, — я начинал сомневаться, что эта разрывающая боль когда-нибудь утихнет.

— Значит, их надо сделать как можно быстрее, — великан вдруг быстро, но неожиданно мягко взял мою руку. — Отдай мне, брат, — он улыбнулся, — искрой больше, искрой меньше.

Он до хруста костей сжал мою ладонь. Медленно, но неотвратно боль начала стихать. Через несколько минут она вернулась к своему обычному состоянию сжигающего пожара, выпад которого я уже давно научился терпеть. Отвергнутый светлым огнём дьявол взял мои страдания себе. Взял навсегда. Но ни одного мускула не дрогнуло на его страшном лице. Вот только в глазах прибавилось гибнущих слёз.

— Иди, брат, — он отвернулся и безмятежно уставился в костёр. Не в тот, что рассеянно плескался перед ним, но в тот, который пару аккордов назад, сладостно сжигал его лишённую радости душу.

Наверное, более мудрого совета мне не дал бы никто. Не прощаясь, я встал и пошёл по мерцающей огнями равнине. Я миновал сотни костров и каждый из них манил последним теплом. Но ни один из них больше не встал у меня на дороге. Костры оставались за спиной в прикрывающей их дырявым покрывалом темноте. Я покидал пределы тех, кто был забыт светлым, непогрешимым огнём.

Этот лес был, наверное, первым, что сожгло на своём гневном пути Великое Пламя. Обугленные остовы деревьев, хрустящая под ногами земля и тишина скучающей ночи. Вот и все детали представшего передо мной пейзажа. Носком сапога я отшвырнул случайно добравшуюся до этих дней палку. Она недоумённо отлетела в сторону, подняв передо мной туман редкого пепла. Я невольно усмехнулся. Даже этот взметнувшийся пепел выглядел сейчас неуместно живым.

Через полчаса оглушающей мёртвый лес ходьбы я остановился и понял, что не могу больше идти в этой ослепляющей тишине. Безумно захотелось хоть как-то разнообразить местный колорит. И я подошёл к решению данной проблемы самым тривиальным способом. Я запел.

Это была известная половине Ада песня, которую можно было услышать в любом кабаке от Пурпурных холмов, до Рубиновой пустыни. Признаться эта нехитрые, а местами уверенно грешащие рифмой вирши, подняли моё давно угасшее настроение до вполне приемлемых границ. Куплетов в выбранной мной песне было предостаточно, и я с истинным удовольствием исполнял их своим довольно среднего качества голосом. Я пел всё громче и громче, скатываясь на банальный крик. Мне пришлось даже остановиться, пытаюсь вытянуть одну развесёлую ноту.

— Тише.

Песня оборвалась. Этот тяжёлый, оскаленно шепчущий голос мог оборвать любую песню. Я несколько нервно повернулся в сторону, с которой раздалось это предрекающее печали замечание. И увиденное мне классически не понравилось.

Из-за маленькой горки поваленных в кучу чёрных стволов щемяще медленно выходило крупное, покрытое седой, поблёскивающей шерстью существо. Из приоткрытой пасти небрежно выглядывали кривые клыки, которые были длиннее большинства виденных мною кинжалов. Странные изогнутые глаза были наполнены рваным беспокойством. Существо двигалось абсолютно бесшумно, не отрывая от меня раздражённого взгляда.

Его Путь чем-то походил на Пути Мёртвых князей. Столь же неброский, суровый и безмерно печальный. Вот только в нём не было той, закрывающей двери апатии, той утомлённым временем скуки. А ещё он был удивительно красивый. Красивый отсутствием света, красивый, словно покорная влюблённым ночь.

— Ночь... — его голос плавно отразил мои мысли, — ночью нельзя кричать. Ночь всегда слишком коротка. А ведь каждый крик делает её ещё короче.

— Сдаётся мне, эта ночь ещё не была оскорблена слепящими лучами, — я невольно усмехнулся,

— Но разве от этого она стала менее желанна? — обнажённые сабли клыков были уже в нескольких метрах от меня. — Разве бархат её стал от этого менее мягок, разве слышим мы её встревоженный шёпот?

— Давай по делу, — я заметил, что начал быстро уставать от разговоров. — Я пройду?

— Ты заснёшь, — глаза любителя ночи отрешённо улыбнулись, — это слишком тёмная тропа.

— Я не сплю по ночам, — настала моя очередь для равнодушной улыбки, — а к тёмным тропам я давно привык.

— Как и я, — лохматый философ никак не уходил с дороги. — Вот только ты не ходил по тёмным тропам.

Разговор явно затягивался, приобретая несколько угрожающие черты. Седошкурый визави пронзительно смотрел сквозь меня, оставляя сонмы гипотез о его дальнейшем плане действий. И как ни обидно, но первым в этот раз я атаковать не хотел. Что-то (наверное, всё же остатки мозгов) мне подсказывало, что здесь все мои прежние заслуги окажутся смешны и нелепы. Что здесь никто не будет лить кровь и разрывать душу. Просто на глаза ляжет чёрная молчаливая повязка, а тяжёлая, мерцающая сединой лапа лениво толкнёт меня в хоровод тёмных троп. Троп, по которым я ещё не ходил.

— Скоро рассвет, — взгляд изогнутых глаз вновь обратился ко мне. — Не у меня — у тебя. Осталось лишь успеть его увидеть.

— Выходит, мне стоит поторопиться, — я сделал пару коротких шагов и оказался вплотную к моему, бредущему тёмными тропами собеседнику.

— Ночью нельзя спешить, — количество ночных табу медленно, но верно увеличивалось, — слишком легко упасть.

— Так проводи, бессонный, — я спокойно и понимающе посмотрел в навеки оскаленную морду, — а то я громко падаю.

Он долго и задумчиво молчал, размышляя о многом, но только не о моей просьбе. Вдруг его крупная голова взметнулась вверх, пасть широко раскрылась, словно готовясь издать раздирающий воздух вой, но вместо этого лишь бесшумно разрезала блеснувшими клыками антрацитовый платок тьмы.

— Не отставай, — через миг его меланхоличный силуэт был уже почти не различим в ночной тишине, — и не оборачивайся на тёмной тропе.

Я не оборачивался. И признаться, делать мне это было не слишком обременительно. Ибо я прекрасно знал, что увижу позади. Там будет вечная ночь, тихая и часто ласковая, но когда её ласки наскучат, никто не приведёт тебе новую любовницу. А старая может и разозлиться. И тогда тебе останется лишь уснуть. И видит пламя, уснуть навсегда.

— Ты всегда один?

Седая голова хмуро повернулось в мою сторону, привлечённая неожиданным вопросом.

— Ночь любит одиноких, — голос был печален, — и любовь свою она не делит.

— И ты никогда не хотел встретить рассвет?

Вероятно, мой вопрос оказался несколько неуместным. Бродяга тёмных троп жутко, лающе расхохотался. Его вспыхнувшие серебряным пожаром глаза оказались в одном мгновении от моих. Завывающий ледяной поток грозового дыхания гневно хлынул мне в лицо. Зазубренный клык рассек кожу на виске. И окружившая меня ночь почему-то показалась ещё тише.

Наверное, я должен был испуганно вздрогнуть и тысячу раз пожалеть о собственных неловких словах, но вместо этого изнутри кричащий волной поднялось накопившееся за последние дни раздражение. Все эти дни меня били, оскорбляли, надо мной смеялись и водили за руку словно ребёнка. За эти дни я едва стал какой-то серой в своей покорности куклой. Но вот сейчас, на самой тёмной из хоженных миром троп, перед оскаленной пастью неведомого зверя вновь спокойно стоял Хозяин Пути.

Я ударил. Словно из разорванной раны с его Пути на меня хлынул шторм нерождённой темноты. Он ослепил мне глаза и смутил только проснувшуюся волю. Но он всё же опоздал. Я уже крепко держал рвущийся в ночь Путь. Медленно, осторожно я собирал капли суетливо разбросанной силы, готовясь сделать один смертельный выпад. Я знал, что второго мне сделать уже не дадут.

Внезапно темнота слетела с моего уже смирившегося взора. Седой и одинокий задумчиво покачивался на мохнатых лапах, устремляя на меня встревожено-печальный взгляд. Так смотрят на равного. Так смотрит тот, кто желает этого равенства. Моя гордость была удовлетворена в полной мере. Я отпустил вновь нырнувший во тьму Путь.

— Я встречал плеяды рассветов, — голос зверя был так же спокоен, как и до столь неожиданного припадка, — но все они проходили мимо. А догнать их я уже не успевал.

— А может, стоило бросить ему в спину камень или проклятие, — я уже забыл про нашу маленькую размолвку, — вдруг бы обернулся.

— Они не долетят, — седой голос неожиданно дрогнул, — он их даже не услышит. Он часто глух и ещё чаще слеп, — зверь усмехнулся. — Вот почему мне желанна лишь ночь. Ночь слышит всё. Ночь смотрит на каждого. И ночью можно не врать. Ведь когда не видно грешных слов, мы верим даже правде.

Больше мы не разговаривали. Мои широкие, грубые шаги уже почти час отбивали атональный ритм в такт неслышной поступи моего спутника. Я поднял голову. Сверху мне улыбнулась ночь. Улыбнулась на мгновение, словно желая показать, что рада даже этим глухим, пронзающим её мысли звукам. Я понимал, что это была лишь вежливость. Истинная радость наступит лишь в тот момент, когда я уйду.

И этот момент неуклонно приближался. Странный, мятежный блеск тревожил чёрное ложе нашей молчаливой тропы. Это был блеск молодого огня, только восходящего к своему

пылающему престолу. Это был предел владений ленно-восторженной ночи. Наступал рассвет.

Мы остановились у низкого, наполовину разломанного забора из обломков обгоревших брёвен. Мне оставалось просто перешагнуть эту угрюмо смотрящую вниз преграду, просто сбросить с плеч тёмный, прохладный плащ. Но сделать это было почему-то очень нелегко. Почему-то совсем не хотелось покидать эти тихие, пепельные земли. Почему-то не хотелось слышать столь желанный рёв и грохот Великого огня.

— Как тихо, — я закрыл и без того объятые тьмой глаза, — только на краю понимаешь.

— Всегда понимаешь слишком поздно, — седой отшельник не смотрел вперёд, — в тот миг, когда уже не свернёшь.

— А может, так вернее, — моя душа неотвратимо прощалась с тишиной. — Ведь если бы мы понимали сразу, разве не застывали бы в эту же секунду наши мечты. А что может быть более скорбным, чем застывшая в безвременье мечта?

За спиной еле слышно вздохнула ночь. Мы коротко переглянулись. Губы каждого сложились в грустную улыбку, но мы уже не видели этих улыбок. Пьяный свет ударил мне в глаза. Руку обожгло алчущей реванша болью. Я шагнул в рассвет.

Свет ослеплял и весело толкал в грудь и спину. Тревожные мысли улетели и обещали вернуться лишь на следующем ветре. Дорога была ровной и прямой, а шаги легки и умиротворённы. И только дышать было как-то тяжело, как-то неверно вырывался из меня очередной, склонивший голову вздох.

Впереди неспешно выростало что-то блистающее, надменно смотрящее над моей головой. Через несколько плавных минут это стало похоже на сияющий венцом огня дворец. Мне сложно было понять, из чего сделаны его такие хрупкие с виду стены, и какой неизмеримой высоты колонны смеют поддерживать обжигающий глаза купол. Мне сложно было подойти к умиряющим любую гордость вратам, но я не мог позволить себе обойти их.

Я стоял в нескольких метрах от золотого отблеска извилистых символов, когда чуть сбоку раздался знакомый перезвон. Я в некотором замешательстве обернулся. Забавно подпрыгивая, ко мне изо всех сил спешил отправивший меня по ту сторону огня шут. И судя по довольному лицу, он всё ещё выигрывал свой новый спор.

— А ты и, правда, быстрый, — он сделал колесо и остановился в шаге от меня, упёршись мне в грудь твердым, как камень пальцем. — Я ждал тебе не сейчас и не здесь. Если вообще ждал.

— Открывай, — я позволил себе нотку нетерпения, — раз уж дождался.

— Открыто!

Шут в невероятном пируэте прыгнул прямо в играющую с огнём поверхность. К некоторому моему удивлению несокрушимые ворота действительно распахнулись под яростным натиском его комичного тела. Впрочем, пейзаж перед моими глазами изменился крайне мало. Всё тот же блеск, всё то же пламя, всё та же боль в уже, наверное, навсегда искалеченной руке. И всё же, я увидел, как из-под моих сапог бросилась вслед за уносящимся шутом золотая нить подаренного мне пути.

Ворота захлопнулись за моей напряжённой спиной. Я стоял в центре какой-то безбрежной арены, стараясь заглянуть за то улыбающийся, то отворачивающийся поворот. Рядом, качая головой и напевая какой-то малознакомый мотив, стоял мой звоннорогий

приятель. Он явно ждал от меня просьб и вопросов. И как ни печально, ждать ему выпало не долго.

— Здесь тысячи дорог, — я сделал короткий шаг, тут же оказываясь в километрах от выбранного вначале пути.

— Больше, — шут остался где-то за спиной. — Нам не сосчитать.

— Но нам ведь и не нужен этот счёт, — я снова шагнул и снова стал чуть дальше и чуть светлее. — Ведь из этих тысяч нам нужна лишь одна. А впрочем, почему нам? — я недоумённо пожал плечами. — Мне!

— Так бери её, дьявол, — шут обидно рассмеялся. — Чего же ты ждёшь?

— Я уже взял её, — в отличие от него я не улыбался, — очень крепко и очень давно. И как же она истончилась за эти годы и километры. Теперь её слишком легко порвать в неосторожном рывке. Теперь вернее выпустить и бежать за её исчезающей тенью.

— Смотри, дьявол, — колокольчики угрожающе зазвенели, — не успеешь, плакать будешь.

— Успею, — я сел на вспыхнувший пол. — А не успею — пойду по следам. Ведь дороги никогда не исчезают бесследно.

— Дороги не исчезают, — шею неожиданно-сладко обожгло, — но исчезаешь ты.

Я оглянулся. Надо мной, опьянённо облизывая пылающие губы, возвышалась гетера огня. Это была одна из тех, кто уже одарил меня честью разговора. Та, что подарила мне на прощание едва не оставивший ожог поцелуй. Сейчас она немного грустно смотрела на меня, словно невольно огорчаясь нашей новой встрече.

— Не торопи, — я хмуро поднялся, — ни я, ни время, в этом не нуждаемся.

— Главное, помни, — она неожиданно прильнула ко мне всем своим пламенеющим телом, — если что-то не получается, просто попробуй нежнее.

Через мгновение я должен был стореть, но гетера легко отбросила мою послушную оболочку в сторону, чуть задержав бьющийся о стенки прелестного костра разум. Но, наконец, ко мне вернулся и он. Её изящный силуэт исчезал в сияющем огне, а я вновь смотрел туда, где расходился неисчислимый сонм дорог, среди которых скрывалась та единственная, по которой я когда-то шёл и должен был пойти вновь.

Она должна, она обязана была подсказать мне этот выбор. У меня не хватало ни глаз, ни секунд, чтобы сделать это самому. Я бросил полный отчаянного вопроса взгляд на стоящего в упрямом отдалении шута, но тот лишь молча покачал головой. Вряд ли он не желал мне помогать. Скорее всего, просто не знал как.

— Нежнее...

Не знаю, откуда донёсся этот чарующий шёпот, и не стал ли он отражением моей собственной памяти, но я крайне вовремя поймал его шутливо воспаряющий край. Перед глазами возник пленительный образ Шалер. Огненноволосая княгиня волнующе улыбалась, оттеняя своим совершенным ликом все окружавшие меня сомнения. Я протянул руку в попытке задержать её призрачный взор.

Неожиданно сотканный из желаний и мыслей портрет дрогнул, и сквозь очертания Шалер медленно и неотвратимо начал проступать другой силуэт. Я с печальной тревогой узнавал надменные брови, бледные самоуверенные губы, плавное серебро волос. Золото и лёд боролись в чуть ироничном взгляде Элати. Снежные крылья были сложены и покойны.

Я вновь протянул неверную руку, и на этот раз прекрасный образ не рассыпался, покорно смиряясь с натиском грубой плоти. Наши руки будто слились и уже не я, но она

увлекала мою ладонь в водоворот зовущих дорог. Моя рука опустилась, будто в густую воду, едва не застывая от бьющих в неё со всех сторон потоков. И я хотел подчиниться каждому из них, хотел бежать по любому из летящих сквозь меня путей. Но только я готовился сорваться в стремительном прыжке, как прохладная длань сжимала мою разгорячённую руку, а чистый и даже в этот миг неизмеримо гордый голос шептал что-то о воле и терпении.

Я не успел заметить тот проклято-желанный миг, когда в мою ладонь воткнулась раскалённая игла. Я не успел закричать, ибо радость на этот странный раз оказалась сильнее боли. Я успел лишь увидеть, как Элати величественно взмахнула светлыми крыльями и, одарив меня на прощание грустной улыбкой, воспарила чуть дальше моего опалённого разума.

— Ну, вот, — звон колокольчиков прозвучал на этот раз совсем рядом, — а ты боялся, — беззаботный смех ворвался в окружившее меня пламя, отесняя его к недалёким пределам. — Вот теперь уже не потеряешь.

— Теперь уже не дадут потерять, — я нетерпеливо потрянул головой. — Мне пора, шут.

— Иди быстро, — его голос, вновь ставший неприятно серьёзным, начал медленно удаляться, — мчись, беги. Не оставь себе даже шанса на поворот. Не оставь себе глупых грёз и жалких сомнений. Предвечное Пламя уже смотрит тебе в глаза! — он кричал, но я слышал лишь далёкий штурм. — Беги! Ждать не будет никто!

И я побежал. Огонь хватал меня за плечи, бил по ногам и рвал лицо искрами когтей. Но это было уже бесполезно. Я уже не мог упасть. Мне уже просто было некуда падать. Дорога была не только под ногами. Она была везде — по бокам, сверху, позади. И только впереди оставался ещё клочок свободного пространства, который и дарил мне возможность сделать очередной шаг.

Пламя ревело, пламя звало и хохотало над моей медлительностью. Но я был уже рядом, уже в шагах, в секундах от того порога, переступив который я смогу забыть обо всём. Смогу начать заново, начать навечно. Смогу сгореть, простить и рассмеяться. Мне оставались мгновения. А может быть даже одно.

— Ох, еле догнал! Ну и далеко же ты забрался, Кэй-Сагор.

Ну почему!? Почему из всех полчищ ненавистных мне голосов я услышал именно этот? Именно этот довольный, саркастический и дробящий в пыль мои мечты не голос, скрежет костей. И почему же этот, за краткую долю секунды проклятый тысячи раз голос не стал единственным, что выпало на мой путь? Нет, он предпочёл явиться весь.

Он стоял прямо передо мной, закрывая дерзким, широким оскалом, чуть тоскливо выглядывающую из-за его расслабленных плеч дорогу. Одна его рука уютно лежала на эфесе, заткнутой за элегантный пояс сабли, ярость которой не могли выдержать ни одни ножны. А с другой руки мне в жестоком веселье подмигивал знакомый, чуть задумчивый глаз. Мелькнула запоздалая мысль, что слишком уж часто мой путь пересекают дороги мёртвых.

— Куда же ты собрался, приятель? — его сабля с безумным криком прочертила в воздухе извилистую фигуру. — Разве ты не знал, что разрешения на такие прогулки выдаю только я? А, вернее не выдаю.

— Да как-то забыл, — бешено звенящее сердце, уныло замедляло свой весёлый бег. — Увлёкся, наверное.

— Ну, да ладно, — сабля всё ускоряла свой гипнотический танец, — пойдём, обсудим.

Взревевший клинок, рассекаяще опустился на вскрикнувшее полотно дороги. Оскорблённый огонь хлынул в стороны, обжигая горячими брызгами, лицо и душу. Что-то

тёмное, скорбное, уставшее потянулось ко мне влажными ладонями. Стальные щупальца оплели мои ноги, затягивая в холодно раскрывший пасть капкан. Я хотел схватить на прощание горсть уносящегося пламени, но не успел. Опять не успел.

Было как-то скучно. Ни страха, ни злости, ни разочарования я не ощущал. Только скуку. Всё надоело. И уже сама от себя уставшая боль, и долгая, слишком долгая дорога, и высокие, крепкие стены, которые мне надо было перелетать и проламывать. Но больше всего мне надоела эта грязная усмешка на усеянной острыми зубами пасти. И это притом, что видел я её чуть больше минуты.

— И что же ты хотел обсудить, пятирогий? — я хмуро посмотрел куда-то в сторону. — Ведь мы оба уже давно продумали каждое слово. Я знаю вопросы, ты знаешь ответы.

— Что ж, — ухмылка никак не слезала с одноглазого лица, — я постараюсь тебя удивить.

— Старайся, — я равнодушно посмотрел на своего маложеланного собеседника и невольно вздрогнул. Как оказалось, старания его не пропали даром.

Возле антрацитовых сапог с похоронным звоном в камень вонзились два клинка. Два моих верных меча, по воле огня ставшие герольдами смерти. Они порывисто звали, они просили вновь обогреть ясную сталь, вновь напоить их хороводом прощальных стонов и пьянящих побед. Они желали вновь обрекать и казнить. И делать они это желали лишь со мной.

— Бери! — злой, властный голос тревожно резанул слух. — Возьми их и снова иди, сражайся, люби, играй, надейся. Влюбляйся и убивай, плачь и смейся. Живи! Просто живи, а потом умри так, чтобы никто не сказал, что ты был не прав. Бери, пока я ещё предлагаю. Пока ты мне ещё интересен. Бери!

Я встал. Лёгкий грохот выстлал утраченный путь моих падших в пропасть мыслей. Рука нервно припала к груди, словно стараясь защитить замершее сердце. Пьяный туман опустился на плечи, заставляя встряхнуть оледеневшими волосами. Во рту появился горький привкус жестокой меланхолии. В глазах блеснула не слеза, но её далёкое отражение.

Медленно, будто боясь оступиться, я подошёл к рвущимся в руки мечам. Я с болью посмотрел в карикатурное лицо, почти нависшее надо мной. Пятирогая голова подталкивая кивнула, обнажая при этом острые зубы. Обманутой, неверной рукой я потянулся к одному из мечей. Ладонь уверенно легла на рукоять, содрогаясь от холода эфеса.

Я вздохнул. Меч на мгновение взвился над моей головой, а потом на алчную половину своей длины вошёл в грудь недоумённо дёрнувшегося отблеска смерти. Его улыбка угасла, на лице появились суровые морщины.

Я отвернулся, решив не досматривать этот сюжет. Я и так знал, что сейчас происходит за моей спиной. Вот, он твёрдой рукой, с хрустом вырывает меч из своей хрипящей груди. Вот яростно отшвыривает изумлённый клинок. Вот без улыбки и иронии смотрит мне в спину. Вот с его губ слетают слова...

— Дурак! — голос разрывался от гнева. — Неужели ты думал...

— Конечно, нет, — я посмел предвосхитить его предрекаемый вопрос, — просто мне показалось, что так ты меня лучше поймёшь.

— Да, я хорошо понял тебя, — он как-то сожалеюще рассмеялся. — Но, что теперь, Кэй? Что дальше, дьявол?

— Дальше? — я равнодушно пожал плечами. — А дальше всё то же самое. Я ведь уже

всё рано не остановлюсь. И мне, в сущности, наплевать на твои рассеянные хмельным ветром запреты.

— Но, мы ведь можем закончить всё прямо сейчас, — белоснежный клинок с раздражённым скрежетом вырезал на полу затейливый цветок. — Разве не страшно? А, Кэй?

— Страшно, — я сделал пару первых шагов, — очень страшно. Но, я всегда думал, что умирать надо на ходу, в пыли ещё не пройденных дорог.

— Да неужели ты не понимаешь, идиот, что всё это бесполезно! — пятирогий неожиданно оказался возле меня. — Никогда! Никогда тебе не уйти туда, где я не смогу закрыть твои глаза! Никогда!

— Тогда, зачем ты так кричишь? — мне снова становилось скучно. — И почему так суетливо мелькает твой клинок?

— Потому что всегда есть шанс, — он схватил меня за плечо, — а я не люблю такие шансы.

— Всегда и никогда? — я рывком высвободил мгновенное занывшее плечо. — И кто из нас дурак?

— А, может, поспорим? — теперь я уже остановился без посторонней помощи. — Проверим — всегда или никогда.

— Ну, если я выиграю, тогда всё понятно, — я немного безумно ухмыльнулся. — А если, не дай пламя, проиграю?

— Тогда я приду за тобой, — сейчас взгляд пятирогого был острее его сабли, — второй и последний раз.

— Приемлемо, — думал я недолго. — Прощай.

— Прощай, — его ответ прилетел ко мне ледяным эхом. — Так или иначе.

Я не знаю, откуда здесь взялся ветер, но его гремящая песня шальными колоколами била в моей голове, в сияющем полете врезаась в хохот, вновь принявшего меня в свои светлый покой пламени. Я не помню, как мерцающая в переливах опаленной темноты дорога вновь вывела меня к, казалось, навсегда потерянной мечте. Я не улыбаюсь лишь потому, что эта улыбка была бы лишней.

Я иду в такт танцу Предвечного огня, уже не обращая и доли внимания на пожары души и плоти. Я алчно и неотвратно приближаюсь к краю выбранного пути. К последнему краю, после которого мне останется сделать лишь один шаг. В густом от искр и надежд воздухе призывно бьют аккорды предрешённого финала. Да, этот шаг будет последним. Так или иначе.

Я стою над Великой бездной, имя которой — Вечность. Лишь рёв огня и стоны сгорающего сердца остаются свидетелями этих внезапно опустевших мгновений. Я кричу — громко, безумно. Из глаз льются огненные слёзы, с губ срываются неведомые и мне самому вирши. Я делаю последний шаг.

Я лечу, опьянённо дрожа и захлёбываясь восторженным криком от явившейся ко мне бесконечности дорог. Я поднимаю свои, возможно впервые по настоящему счастливые глаза навстречу восставшей передо мной Вечности. Я смеюсь. А она лениво бросает на меня недоумённо-небрежный взор, снисходительно усмехается и начинает новый отчёт.

Больше книг на сайте - Knigoed.net